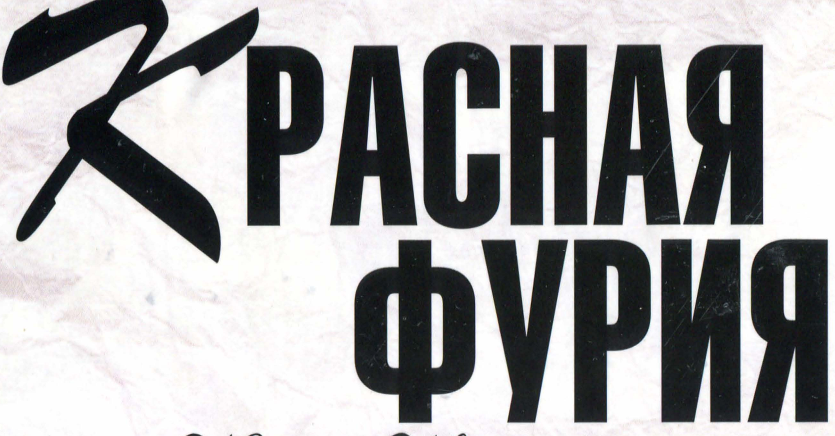

Красная фурия

или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам

Исторический триллер

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

Исторический триллер

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

КРАСНАЯ ФУРИЯ,
или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам

АЛГОРИТМ
Москва, 2008

УДК 82-94
ББК 63.3(2)-8
Г 79

Грейгъ О. И.

Г 79 Красная фурия, или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам / Ольга Грейгъ. — М.: Алгоритм, 2008. — 384 с. — (Исторический триллер).

ISBN 978-5-9265-0567-9

Несмотря на множество книг, написанных о Надежде Константиновне Крупской, ни одна из них не раскрывает ее реальный образ. Искажены ее биография, ее родословная, ее внутренняя сущность, ее вклад в дело создания хомо советикус. Вовлеченная в заговор международных сил, поставивших своей целью разрушение Российской империи, она становится одной из центральных фигур дьявольской игры. Пережившая насилие в юном возрасте, а затем шантаж, Крупская со временем сама становится мстительной фурией революции.

Уникальность мозга этой гениальной женщины была воистину всесокрушающей силой, уничтожающей и карающей всех и вся. Она обыграла практически всех соратников по Компартии, но осталась для потомков в тени, словно бы непричастной ко всем чудовищным преступлениям, совершенным во имя революции.

Автор нашла для повествования парадоксальный ход: цитатами из советских источников она подтверждает многое из вышесказанного и тем самым... уличает советских авторов во лжи. Книга поможет лучше разобраться в том, что происходило в конце XIX — начале XX века, ибо эту ТАЙНУ не открывал еще никто!

УДК 82-94
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9265-0567-9

ОТ АВТОРА

Эта услышанная мной история была столь загадочной, столь невероятной, что хотелось сразу же отмахнуться от нее, забыть, чтоб не тягчить сердце размышлениями. Но что-то никак не отпускало; желание узнать истину, скрывающуюся под слоем измышлений и лжи многотомной советской истории, в конце концов подтолкнуло к тому, чтобы попытаться донести сей рассказ до пытливых и любопытствующих читателей. Я передам все, что услышала, чему верю и в то же время не верю. И наверняка найдутся те, кто действительно ЗНАЕТ, кто ЗАГОВОРИТ и кто ОТКРОЕТ нам всю правду...

Размыслив, что одного пересказа будет мало, а официальных доказательств практически не существует, я решилась на неоднозначный ход. Дело в том, что все мы, вышедшие из советского общества, знаем такое правило игры: писать работы, ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма и труды дозволенных для прочтения писателей. Ни шагу вперед, ни шагу назад, личное мнение никого не интересовало! Мы читали только одни и те же дозволенные книжки, учились по одним и тем же для нас разработанным учебникам, испещренным многочисленными ссылками на «правильных» классиков; писали сочинения в школе, курсовые (дипломные) работы в вузах, кандидатские (докторские) диссертации, или даже книги, — мы обязаны были делать ссылки! — иначе советский Агитпроп и коммунистическая

партия могли заклеймить нас как несознательных членов советского общества и даже как пособников врагов социализма. Эта тенденция столь сильна, что не отпускает даже и современных авторов публицистических трудов, которые, стремясь что-то сказать, в то же время буквально «спихивают» свои слова, мысли, фразы на предшественников, успевших опубликоваться. Все для того, чтобы в случае изобличений в неучености, в глупости иметь возможность сказать: при чем тут я? — все это уже сказали до меня, с них и спрос... Этот замкнутый и бесконечный процесс умышленного убиения внутренней, личной свободы мышления заставляет большинство авторов идти все время одной и той же проторенной дорогой, не ставя под сомнения слова тех, кто писал прежде. Но в том-то и весь парадокс: как только вы дозволяете себе сомнения, ложь — публичная и печатная — выпячивается и становится очевидной.

Исходя из распространенных и обязательных в СССР требований ссылаться на других, — данная книга будет во многом построена на цитатах: но НЕ для сохранения традиций, а для того, чтобы показать, каковы на самом деле были ТЕ традиции, оболванивавшие, дегенерировавшие каждого человека, появившегося на свет при социализме. И этот парадоксальный ход покажет: чаще там, где советский писатель сказал «да», стоит... твердое «нет», там, где он пишет: «было так», обознается: «я лгу»...

Помните, нам рассказывали в советской школе, как большевики писали тайные письма чернилами из молока и лимонного сока? И нужно было нагреть такое письмо, чтобы прочесть то, что было между строк. Ваши сомнения могут стать катализатором, открывающим настоящие тексты необъятной советской фальш-истории. Давайте перечтем некоторые ее страницы вместе.

ЧАСТЬ 1

Крупская (Ульянова) Надежда Константиновна (14(26).2.1869, Петербург — 27.2.1939, Москва), участница революционного движения, советский государственный и партийный деятель, один из создателей советской системы народного образования, доктор педагогических наук (1936), почетный член АН СССР (1931). Член Коммунистической партии с 1898.

Родилась в семье демократически настроенного офицера. Будучи слушательницей Высших женских курсов в Петербурге, с 1890 входила в марксистские студенческие кружки. В 1891–1896 преподавала в вечерне-воскресной школе за Невской заставой, вела революционную пропаганду среди рабочих.

В 1894 встретилась с В.И. Лениным.

В 1895 участвовала в организации и работе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В августе 1896 арестована. В 1898 приговорена к ссылке на 3 года в Уфимскую губернию, которая по ее просьбе была заменена на с. Шушенское Енисейской губернии, где отбывал ссылку Ленин; здесь ***Крупская*** стала его женой.

В 1900 заканчивала срок ссылки в Уфе; вела занятия в рабочем кружке, готовила будущих корреспондентов «Искры».

После освобождения приехала (1901) к Ленину в Мюнхен; работала секретарем редакции газеты «Искра», с декабря 1904 — газеты «Вперед», с мая 1905 секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП.

В ноябре 1905 вместе с Лениным вернулась в Россию; сначала в Петербурге, а с конца 1906 в Куоккала (Финлян-

дия) работала секретарем ЦК партии. В конце 1907 Ленин и ***Крупская*** вновь эмигрировали; в Женеве ***Крупская*** была секретарем газеты «Пролетарий», затем газеты «Социал-демократ».

В 1911 преподаватель партийной школы в Лонжюмо.

С 1912 в Кракове помогала Ленину поддерживать связи с «Правдой» и большевистской фракцией 4-й Государственной думы.

В конце 1913 — начале 1914 участвовала в организации издания легального большевистского журнала «Работница».

Делегат II–IV съездов РСДРП, участница партийных конференций (в т.ч. (Пражской) 6-й) и ответственных партийных собраний (в т.ч. Совещания 22 большевиков), проходивших до 1917.

3(16) апреля 1917 вместе с Лениным вернулась в Россию.

Делегат 7-й Апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б).

Участвовала в создании социалистических союзов молодежи.

Принимала активное участие в Октябрьской революции 1917; через ***Крупскую*** Ленин передавал руководящие письма в ЦК и Петербургский комитет партии, в ВРК; являясь членом Выборгского райкома РСДРП(б), работала в нем в дни Октябрьского вооруженного восстания. По словам М.Н. Покровского, ***Крупская*** до Октябрьской революции 1917, являясь ближайшим сотрудником Ленина, «...делала то самое, что делают теперь настоящие хорошие «замы», — разгружала Ленина от всей текущей работы, сберегая его время для таких крупных вещей, как «Что делать?»». (Воспоминания о Н.К. Крупской, 1966, с. 16).

После установления Советской власти ***Крупская*** — член коллегии Наркомпроса РСФСР; вместе с А.В. Луначарским и М.Н. Покровским подготавливала первые декреты по народному образованию, один из организаторов политико-просветительской работы.

В 1918 избрана действительным членом Социалистической академии общественных наук.

В 1919 на пароходе «Красная звезда» участвовала в агитпоходе по только что освобожденным от белогвардейцев районам Поволжья.

С ноября 1920 председатель Главполитпросвета при Наркомпросе. С 1921 председатель научно-методической секции Государственного ученого совета (ГУСа) Наркомпроса.

Преподавала в Академии коммунистического воспитания. Была организатором ряда добровольных обществ: «Долой неграмотность», «Друг детей», председателем общества педагогов-марксистов.

С 1929 заместитель наркома просвещения РСФСР.

Внесла крупный вклад в разработку важнейших проблем марксистской педагогики — определение целей и задач коммунистического воспитания; связь школы с практикой социалистического строительства; трудовое и политехническое воспитание; определение содержания образования; вопросы возрастной педагогики; основы организационных форм детского коммунистического движения, воспитание коллективизма и т.п.

Большое значение ***Крупская*** придавала борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, работе детдомов, дошкольному воспитанию.

Редактировала журналы «Народное просвещение», «Народный учитель», «На путях к новой школе», «О наших детях», «Помощь самообразованию», «Красный библиотекарь», «Школа взрослых», «Коммунистическое просвещение», «Изба-читальня» и др.

Делегат VII–XVII партийных съездов. С 1924 чл. ЦКК, с 1927 член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР всех созывов, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР 1-го созыва. Участница всех съездов ВЛКСМ (кроме III).

Активный деятель международного Коммунистического движения, делегат II, IV, VI, VII конгрессов Коминтерна.

Крупская — видный публицист, оратор. Выступала на многочисленных партийных, комсомольских, профсоюзных съездах и конференциях, собраниях рабочих, крестьян, учителей.

Автор многих работ о Ленине и партии, по вопросам народного образования и коммунистического воспитания. Воспоминания ***Крупской*** о Ленине являются ценнейшим историческим источником, освещающим жизнь и деятельность Ленина и многие важные события в истории Коммунистической партии.

Награждена орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

Соч.: *Воспоминания о Ленине, М., 1957; о Ленине. Сб. ст., /2 изд., М., 1965/; Ленин и партия, М., 1963; Педагогические соч., т. 1–11, М., 1957–1963.* (Большая Советская Энциклопедия. В 30-ти томах. Т. 13, М., 1973, с. 499–500.)

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Начнем наше повествование с того, что некий мальчик Костя вместе с братом Сашей приехали из Казанской губернии в Санкт-Петербург, где стали кадетами Константиновского кадетского корпуса. Их отец ***Игнатий Каликстович Крупский*** происходил из польских дворян Виленской губернии, был кадровым офицером Русской армии, и, потеряв все свое имущество в войну 1812 года, после возвращения из заграничного похода переселился в Казанскую губернию. Известно, что в Российской Империи **существовал порядок**: если имущество дворянина оказалось уничтоженным или утерянным ввиду боевых действий или войны, то оно возмещалось Империей, причем в равноценных пропорциях. Помимо этого, офицерам, участникам войны 1812 года выплачивалась единовременная безвозмездная ссуда в размере 75 % годового дохода от имения до его утери. Сведения о состоянии имущества и доходов дворян ежегодно подтверждались в правительстве императора, исходя из дворянских губернских книг. А потому точно высчитать 75 % не составляло труда. Тогда в Российской Империи еще не было негативного влияния и засилья инородцев, и ни один подданный в мыслях не допускал того, чтобы каким-то образом ввести в заблуждение правительство Государя о своем имуществе и доходах. Масштабная фальсификация в России началась с приходом в 1917 году новой власти.

Там, в Казанской губернии, родились братья Александр и Константин Крупские. Спустя 8 лет после рождения Кон-

стантина (29 мая 1838 г.) их отец выходит в отставку в чине майора, но вскоре умирает. После чего, в 1847 г., мальчики оказались в Константиновском кадетском корпусе.

Здесь Костя познакомился с поляком (по другим сведениям, польским евреем) Ярославом Домбровским из Виленской губернии. С тем самым Домбровским, который годы спустя будет сражаться в Сицилии вместе с еще одним революционером Гарибальди, где и погибнет. Еще учась в кадетском корпусе он, как многие неуравновешенные люди с мятущейся душой, искал выход своей неуемной разрушительной энергии, — и нашел его в связях с себе подобными. Юноша стал приносить провокационную литературу, знакомить с ее содержанием своих товарищей, в том числе и друга Костю. Нет сомнений, что Ярослав знакомил Константина Крупского со своими приятелями, числившимися в рядах членов I Интернационала, — по сути дела, сдав товарища, предав его рукам организации-секты, раскинувшейся по всему миру. Возможно, сам Крупский даже не подозревал, что его имя (как и имена множества и множества молодых людей, которые волей случая сводили знакомство с так называемыми *революционерами*) будет зарегистрировано в картотеке резидентуры масонского Ордена <…> и какую роль сей факт сыграет в судьбе не только его будущей дочери, но и всей Российской Империи…

Еще одним настырным опекуном в период взросления Константина Игнатьевича стремился стать Андрей Потебня, будущий член русской секции I Интернационала. И этот погибнет, сражаясь на стороне восставших поляков в 1863 г. Если поверить советским писательницам Людмиле Ивановне Кунецкой и Кларе Александровне Маштаковой, выпустивших в серии «ЖЗЛ» труд «Крупская», особое сочувствие у Кости отчего-то вызывал «особенно остро переживавший свою бедность Михаил Бейдеман. Позднее Константину Игнатьевичу казалось, что Михаил предчувствовал свою судьбу — быть заживо погребенным в страшных казематах Петропавловской крепости, куда его заточили без имени и срока» (М., «Молодая гвардия», 1985 г., с. 6). Однако — и

это хорошо известно историкам! — ни бедных, ни богатых еврейских мальчиков в военные учебные заведения Российской Империи **не** принимали (правда, были единичные случаи, когда туда попадали дети русских дворянин, женившихся на еврейках, тщательно скрывавших свою принадлежность. Такое уж было время...). Но этого соавторы не указывают, так что непонятно «*а был ли мальчик?*»; как не говорят ни слова, за какие такие неведомые заслуги трагический еврейский мальчик М. Бейдеман посажен «без имени и срока» в «страшные казематы». Однако М. Гернет в т. 3 книги «История царской тюрьмы», изданной в Москве в 1961 г., указывает, что Михаил Степанович Бейдеман *(1840–1887)* — под своим именем! — с 1861 по 1881 г. пребывал в Алексеевском равелине, поступил туда 29.08.1861, а 4.07.1881 г. переведен в Казанскую психиатрическую лечебницу. Любопытно, что в «страшных казематах» с 1870 по 1884 г.г. содержалось... аж 26 узников. Причем, «к началу 70-х годов лишь один Бейдеман был узником Алексеевского равелина» (с. 189 указанного источника); там же через какое-то время окажутся и другие *несчастные*: Сергей Нечаев, Арончик Айзик, Мартын Ланганс, Михаил Тригни, Меер Геллис, Савелий Златопольский, Леон Мирский и др. Но это так, к слову, речь о царских тюрьмах еще впереди...

В 1856 г. после выпуска из кадетского корпуса один из братьев Крупских — Константин — рекомендован в Михайловское артиллерийское училище, куда и был принят без экзаменов. Окончил его в 1857 г. и, получив чин подпоручика, назначен в Смоленский пехотный полк, расквартированный в небольшом польском городке Кельце, куда и прибыл в 1858-м после болезни и излечения. В Польше уже два года как служил и брат Александр Игнатьевич Крупский.

По прибытии к месту службы Константин заметил, что к нему в знакомые набиваются люди, называя имена его товарищей отроческих лет: Я. Домбровского, А. Потебни. Шла дешевая вербовка офицера Русской армии мелкими легионерами масонского Ордена, затеявшими свержение императорского Дома Романовых и преступный захват власти. Как

русский офицер (понятия ***честь*** и ***честность*** были неотъемлемы самому званию ***русского офицера***), К. Крупский доложил командованию о визитах подозрительных лиц, а оно, в свою очередь, — контрразведке Империи. Новые знакомцы действительно оказались агентами I Интернационала.

Как известно, в эти годы в Польше назревало восстание, и поручик Константин Крупский (этот чин он получил в мае 1859 г.) в ноябре 1862-го написал рапорт о переводе на родину, в Казанскую губернию. Подобный совет дал командир Смоленского полка полковник К.О. Ченгеры. У полковника имелся секретный циркуляр III отделения МВД Империи, где указывалось, что в связи с возможным восстанием в Польше необходимо лиц польской и литвинской (литовской) национальности и лиц, имеющих подозрение на еврейское происхождение, перевести в иное место службы, возможно, в центральные регионы Империи. Зная, что К. Крупский — из польских дворян (как указано в большинстве источников, написанных в XX веке, однако в ходе аналитических рассуждений приходишь к выводу, что скорее всего, его род происходил из литвинов), полковник и предложил написать рапорт о переводе. Что и было сделано «с истинным почтением и совершеннейшей преданностью»; однако переезд не состоялся.

Начало восстания в Литве и Польше в 1863 году ознаменовалось тем, что в Варшаве при ночном нападении на казармы было перебито много спящих русских солдат. Не станем подробно освещать эту тему так называемой «революционно-освободительной» борьбы, но для полноты требуемой нам картины приведем цитату из любопытной книги С. Куняева «Шляхта и мы»: «Удельный вес дворянства в Польше был чудовищно несоразмерен с числом холопов. В России лишь каждый 200-й житель ее европейской части был дворянином, а в Польше шляхтичем считался каждый 10-й! Ну где было польскому простонародью прокормить такое количество знати? Потому шляхетское сословье все время жаждало получить под свое господство украинское и белорусское «быдло». А тут еще русский «царь-освободитель» собрался дать волю холопам в Польше! Да еще с

землей и самоуправлением! И шляхта восстала. Но поздно. Через год после начала восстания, 19 февраля 1864 г., земля, находившаяся в пользовании польских крестьян, стала их собственностью без всякого выкупа (не то, что в России); у мятежной шляхты российская власть изъяла 1600 имений, и эта земля была также передана крестьянству. Разбитые и убежавшие в очередной раз в эмиграцию шляхтичи-повстанцы обвинили Александра II в насаждении в Польше «коммунистических принципов»! (М., 2002, с. 56–57.)

Однако в русском обществе, тут же **забыв** о множестве подло зарезанных ночью в казармах своих соотечественниках-солдатах... под влиянием переполошившихся подражателей, очарованных психопатов, громителей, участливых искусителей, инородных да иностранных визитеров... взахлеб стали сочувствовать «восставшим», пополняя ряды полонофилов. Бродящее месиво в польском политическом чане уже ранее дало повод русскому поэту-пророку Александру Сергеевичу Пушкину бросить упрек своим соотечественникам:

Когда ж Варшавы бунт раздавленный лежал
Во прахе, пламени и в дыме,
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

(«Ты просвещением свой разум осветил...»)

Но об этом говорят в народе: *с кем поведешься, от того и наберешься*... Нет во всем мире ничего податливей и пластичней, чем человеческое сознание, нет материала мягче, чем сам человек, повсечасно искушаемый сатаной...

В годы службы в Кельце Константин Игнатьевич, нанося визит местному помещику Русакову (во всех советских источниках его назовут Русанов; предполагается, что настоящая фамилия Русакова будет умышленно изменена), познакомился со своей будущей женой ***Елизаветой Васильевной Тистровой.***

Она была дочерью дворянина, подполковника корпуса горных инженеров Василия Ивановича Тистрова. Можно предположить, что Тистровы получили свою фамилию от наименования одного из урочищ в Малороссии, в Черниговской губернии. Также как и — от небольшого искусственного пруда под названием Тистра, некогда существовавшего в Санкт-Петербурге. Возможно также, что Тистровы происходят из обрусевших немцев.

В 9-летнем возрасте Лиза вместе с сестрой Ольгой была определена в Павловский военно-сиротский институт благородных девиц, находившийся в Санкт-Петербурге, где и проучилась восемь лет. Здесь дворянские девочки, оставшиеся сиротами, получали уникальные знания, как и во всех учебных заведениях Российской Империи. И, как полагалось, их обучали также домоводству и рукоделию. На протяжении существования в дальнейшем советской власти ни одна школа **не** даст подобного уровня знаний, которые давались в Российской Империи на рубеже XIX—XX веков. К тому же издавна повелось так, что подданный Российской Империи, в каких бы трудных условиях жизни ни оказался, мог полностью обслуживать себя сам (!), начиная от приготовления еды, чистки и шитья одежды и заканчивая получением заработка за счет профессии (знания ремесел). Дворяне именно Российской Империи доказали свою принадлежность к *уникальному сословию* хотя бы через способность выжить после так называемой революции, — берясь за самую тяжелую и «грязную» работу, становясь прачками, швеями, официантками, поварами, водителями... Хотя все сословия, и в особенности дворянское, были едко и цинично высмеяны впоследствии советскими актерами и писателями, представившими российских подданных в образе советских дегенератов, — и внешне, и по мышлению. Впрочем, высмеиваются и по сей день, когда на экране в ролях дворянских отпрысков, а тем паче великих Княжон и великих Князей предстают постсоветские актрисы, словно только что взятые с Рублевского шоссе, и слащавые юноши с повадками педерастов...

Елизавета Васильевна окончила институт благородных девиц в 1858 г. и получила аттестат домашней учительницы. Несколько лет служила в Санкт-Петербурге учительницей изящных искусств в графском доме, а затем стала директором небольшой частной школы. Впрочем, работала Елизавета Васильевна не столько для заработка, сколько для созидания и процветания государства Русского и общества, как поступали все подданные, — это подразумевалось самим нравственным миром, нравственным духом общества, на которых зиждилось могущество Российской Империи.

Следует уяснить, что дети офицеров никогда **не** работали ради заработка на хлеб насущный, — подобная трактовка появилась только с приходом к власти большевиков. Итак, каждый офицер Русской армии по окончании полной выслуги лет **получал** имение: офицер до подполковника (капитана 2 ранга) — надел земли в размере 4–5 десятин (почти 5 гектаров); полковник — ровно 5 десятин; генерал (адмирал) — 10 десятин. Обычно за несколько лет до окончания службы офицер на выделенные государством ссуды строил себе имение, — дом общей площадью 120–140 кв.м.; как правило, дом представлял собой одно-, редко двухэтажное строение. Уточним: потомственный офицер получал имение в наследство. Право на постройку имения получали также офицеры, которые потеряли имущество (родовое имение) во время войны, вследствие пожара, наводнения, другого стихийного бедствия, — им выдавалась безвозмездная ссуда для построения дома в соответствии с воинским статусом.

И так как рядом с полученным наделом практически всегда размещалась деревня, то ее жители-крестьяне, как работные люди, находились в распоряжении отставного офицера, ведущего в дальнейшем помещичью службу. *Помещики — это хозяева земли Русской, они ответственны за процветание и самой земли, и крестьян, живущих на ней и ее возделывающих.* Так что **не** были помещики иждивенцами, «сидящими на шеях у несчастных и темных крестьян», и **не** «забивали они девок до полусмерти, принуждая сожительствовать», **не** «зашивали строптивых в мешок», **не** «сыпа-

ли на мешок тот зерна и кликали индюков, чтобы те заклевали насмерть», как **не** чинили иных античеловеческих пакостей — подобный бред (как нам подают до сих пор!) мог прийти в голову только фантазерам с нездоровой психикой; здравомыслящее общество **не** занималось уничтожением, моральным и психическим разложением себе подобных, как это практиковалось после кровавого переворота 1917 года (в кавычках взяты слова из обычных советских источников).

Помимо всего прочего, офицер мог при своем жалованье — даже без дохода с имения — купить квартиру в любом губернском или уездном городе площадью не менее 100 кв.м. В случае его смерти все это становилось собственностью его детей, в соответствии с завещанием. (Зато при советской власти придумали формулировку «*по смерти кормильца*», выдавая под это скудную подачку; и это подлое «*кормилец*» подразумевало дающего корм скотине, всего лишь еду, но никак не ответственного за духовное, нравственное, физическое воспитание и материальное благосостояние своих чад...) Что касается детей офицера Русской армии, оставшихся сиротами, то они **могли рассчитывать** на бесплатный пансион, вплоть до совершеннолетия (так и было в случае с дочерьми подполковника Тистрова). А имение офицера — опять же в соответствии с завещанием — передавалось в равных долях детям. Так что каждая из дочерей Тистрова вправе была заложить свою часть имения (сдать в аренду или продать) или же на своей территории возвести хозяйственные постройки, создать ферму, мызу, предприятие, открыть производство, что, несомненно, при умелом хозяйствовании приносило бы хороший доход.

Говорить о том, что дети русских офицеров, оставшиеся сиротами, могли быть выброшенными обществом и Имперской властью, как говорят сейчас, на улицу, — НЕМЫСЛИМО.

Если припомните, то в Русской армии со времен Петра I был создан дом для офицеров, получивших увечья в боях (при Павле I он стал называться Инвалидный дом). Существовало неписаное правило, что все состоятельные офицеры,

генералы и адмиралы Русской Империи, имевшие доходные поместья, свою зарплату перечисляли в Инвалидный дом. Дело чести! Этот Инвалидный дом мог финансировать содержание неимущих детей русских офицеров (если они таковыми по каким-либо причинам могли стать). Поэтому большевистские выдумки по поводу нищеты и русского офицерского корпуса, и всего общества в целом — умышленная клевета. Как клевета, что «родители Надежды Константиновны хотя и были дворяне по происхождению, но не было у них ни кола ни двора, и когда они поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды», — писалось это при советской власти, тиражируется и сейчас; к примеру, в книге Б. Соколова «Любовь вождя. Крупская и Арманд» (М., 2004). Там же на с. 7 автор, профессор Борис Вадимович Соколов подмечает: «В послужном списке Константина Игнатьевича так и отмечалось: «Родового и благоприобретенного недвижимого имущества и имений за ним, его родителями и женой не значится». Понятное дело, «родового имущества» не было, имение в Отечественную войну 1812 г. утеряно, но взамен получено иное, — в Казанской губернии. Так куда делось это имение отца, отчего подается, не подвергаясь сомнению, привычная фраза-клише из советской истории? Для чего переписываются советские фальшивки, на какого читателя рассчитывают? Впрочем, на этих и подобных клише воспитается еще не одно поколение УТЕРЯННОЙ РУСИ...

К слову сказать, советские авторы умышленно теряли не только величие Русской Империи, но и конкретных людей, имеющих непосредственное отношение даже к этой частной истории. Например, тщательно избегалось упоминание о том, *кто и откуда были матери* этих рано осиротевших детей — Саши и Кости Крупских и Лизы и Оли Тистровых.

Итак, уже указывалось, что дети русских офицеров не могли быть брошены на произвол судьбы. В ту эпоху существовала такая практика: опекать детей погибшего (умершего) сослуживца-товарища, ненавязчиво вести по жизни. С такими детьми поддерживались связи, пристраивали в

приличные дома, давали рекомендательные письма. Часто это затрагивало и такую трепетную область, как создание семьи. Нельзя назвать сводничеством то, что при определенных обстоятельствах молодых людей представляли друг другу знавшие их отцов былые сослуживцы, сохранившие добрую память по своим товарищам. Это являлось нормой здорового общества. Так на одном из светских вечеров познакомились Константин Крупский и Елизавета Тистрова; и произошло это во время учебы обоих в Санкт-Петербурге. Это было в доме родного брата Василия Ивановича Тистрова, — Петра Ивановича, проживавшего в Санкт-Петербурге и искренне заинтересованного в благополучной судьбе племянниц-сирот Лизы и Оли. Знакомство ни к чему не обязывало, но молодые люди знали о существовании друг друга и могли со временем явить собой неплохую пару: оба из семей военных, оба сироты. Однако знать друг о друге в таком положении, когда нет самых-самых близких — это некая особая ответственность. И когда их связало… несколько почтовых поздравлений с днем ли ангела, с Пасхой или с Рождеством, — они мысленно могли уже думать друг о друге как о женихе и невесте.

По прошествии нескольких лет Елизавета Васильевна решается предпринять путешествие из Петербурга в польский городок Кельц, куда ее пригласил приехать поручик Крупский. Она получает рекомендательные письма к виленской помещице Русаковой, у которой останавливается как гостья (а **не** работает там гувернантской и не учит троих детей богатого местного «зверья»; «Какое это было зверье — помещики», — устами Лизы Тистровой воскликнут дегенерированные советской идеологией агитпроповцы).

Пробыв в гостях чуть более месяца, Елизавета Васильевна возвращается в Санкт-Петербург, чтобы и дальше вести дела своей частной школы. Возможно, будущее молодых людей уже предрешено; в 1867 г. в северной столице открылась Военно-юридическая академия, куда в числе первых подает рапорт и Константин и поступает вместе со старшим братом Александром. Елизавета живет у своих родственни-

ков в центре города на Офицерской улице, что возле Мойки. Рядом находится академия, где учится ее возлюбленный. В этот же год состоялось их обручение, а еще через год — венчание. И 14 февраля 1869 года у них родилась дочь, названная живительным именем Надежда.

Глава 2

В 1869 г. Константин Игнатьевич закончил Военно-юридическую академию и получил диплом 2-го разряда. Советская литература подает нам это **как** месть начальника академии, «убежденного реакционера и монархиста» за связь К. Крупского с мифическими «передовыми русскими офицерами и членами народнической организации «Земля и воля», — вот, мол, и получите диплом 2-го разряда, что будто бы «автоматически лишало возможности быть военным прокурором». Не будем даже делать ссылки на авторов, поскольку заложенная единожды в 20-е годы XX века ложь плавно перетекает в исторические, публицистические, художественные и малохудожественные лживые книги XXI века... Константин Игнатьевич получил серебряную медаль (тогда как диплом 1-го разряда — это золотая медаль отличнику; были дипломы и 3-го разряда), так что «автоматически лишить возможности быть прокурором» его могли только советские писатели, заново создававшие историю великой Руси, приводя ее в соответствие со своими порочными и грязными измышлениями.

Советские «летописцы», пороча отца Надежды Крупской, обязательно делали яркий акцент на его любви к... евреям. В 1870 г. он вместе с семьей переезжает в знакомые места, в Польшу, получив назначение начальником юридической службы уезда в Гроеце. К слову сказать, будь он замечен в связях с революционерами, — подобного ответственного поста ему б **не** видать. Здравомыслящий русский офицер, каковым и был Константин Крупский, **не** собирался становиться «неблагонадежным», водя знакомства с пси-

хопатами, желающими переустройства мира в пользу заокеанского масонства, **не** думал лишать своих детей привычного и устойчивого быта и надежного будущего. Измышления красных агитпроповцев — и то, что Константин Игнатьевич в 1872 года получил постановление конференции I Интернационала о статистической переписи сельскохозяйственных рабочих, за что был уволен и осужден Варшавской судебной палатой аж по 22 пунктам, в том числе за «знание польского языка, умение танцевать мазурку» и другой бред сивой большевистской кобылы. Однако подобное постановление I Интернационала о сельскохозяйственной переписи имело место, и проводилось оно одновременно и тайно агентами этой преступной организации **не** для «вскрытия системы эксплуатационного наемного труда в сельском хозяйстве», а, чтобы систематизировав и проанализировав, **разрушить** уникальную систему землепользования, землевладения и земледелия в Российской Империи. И это очень любопытная тема, требующая особого исследования. (Интерес коммунистов к теме российского сельскохозяйственного устройства можно отследить в трудах К. Маркса, Г. Плеханова, В. Ленина, др.)

Что же касается любви к инородцам, как чаще называли евреев в Российской Империи, то вот несколько примеров из книг о Надежде Крупской. Константин Игнатьевич в Гроеце «запрещал всякие издевательства над евреями» (Л. Кунецкая, К. Маштакова), потому что там «делались всякие безобразия — евреев вытаскивали на площадь и под барабанный бой стригли им пейсы» (Б. Соколов); он своими деяниями «заслужил ненависть жандармерии и русского чиновничества и любовь населения — особенно поляков и еврейской бедноты» (Б. Соколов). Коли чинились такие «безобразия», что евреям стригли пейсы на площадях, то отчего ж не сказать, почему это происходило в пережившей восстание Польше и что таким вот образом наказывали бунтарей (а не сажали в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа, как это делали через десятилетия последователи этих самых «обстриженных», когда сажали, ссылали и расстреливали мил-

лионы русских и других народов бывшей Российской Империи)?!

«Крупские переехали в Варшаву и поселились в квартале бедноты. «Когда мне было пять лет, мы жили в Варшаве и очень бедствовали, жили в чужих квартирах, — вспоминала Надежда Константиновна. — Я помню сценку. Какая-то черная лестница, по которой мы поднимаемся с мамой, чтобы посмотреть новую квартиру, куда мы должны были перебраться в тот же день. Но когда мать открыла дверь, оказалось, что старые жильцы еще не выехали. Это были портные; в большой комнате они сидели на столах, поджавши ноги, что-то шили, и рядом с одним из них лежали большие ножницы». Во дворах бегали ребятишки разных национальностей. «...Я играла во дворе с ребятами — польскими, еврейскими, татарскими...» (Л. Кунецкая, К. Машткова, с. 11); «Я рано выучилась ненавидеть национальный гнет, рано поняла, что евреи, поляки и другие народности ничуть не хуже русских... Еврейский мальчик был постарше меня года на три, он очень хорошо обращался со мной, я его очень любила, он угощал меня хлебом со смальцем... Когда я стала постарше и слышала, как обижают детей евреев, не пускают их в общественные сады, не пускают учиться... я очень возмущалась» (Б. Соколов, с. 14–15.)

Подобное описание посещения еврейской портняжной мастерской, которую родители Нади собирались снять как квартиру, — очередная ложь из «биографии». А «ненависть к национальному гнету» и описание интернациональных игр во дворе — это из серии советской пропаганды о «мерзком царизме» и «дружбе народов», — самые модные, культивируемые темы после 1917 года. Не исключено, что Надежда в зрелом возрасте (в 20-е годы XX века) занималась подобными измышлениями-воспоминаниями, однако анализ сего проведем позже. Пока же о причинах возникновения этой лжи говорить рано. Только кратко укажем, как «революционизировался» честный русский офицер К. Крупский. Можно заметить, что в автобиографической книжице «Моя жизнь», вышедшей в 1925 г., Надежда Крупская, не желая предавать

память отца, полностью чернить его имя, осторожно писала: «Отец всегда очень много читал, не верил в Бога (ложь. — *Авт.*), был знаком с социалистическим движением Запада. В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы) (в этом ее когда-то убедили «товарищи», но к тому времени Крупская, имея архивные материалы Российской Империи, уже знала, что это подлая ложь, опираясь на которую ее саму в юности завербовали. — *Авт.*), насколько сам отец принимал участие в революционном движении, я судить не могу. Он умер, когда мне было 14 лет...» С годами большевистские агитпроповцы сделали ее отца революционером, потерявшим право жить в столицах из-за своих убеждений и даже чуть ли не соучастником... народовольцев-психопатов, — польского еврея Аппельбаума, имевшего фальшивый паспорт на имя Гриневицкого, и иже с ним террористов, убивших бомбой императора Александра II.

В 1874-м давняя приятельница семьи Крупских виленская помещица Русакова пригласила на лето в гости Елизавету Васильевну с дочерью. Константин Васильевич пробыл с ними в имении недолго и выехал в Углич, где располагалась писчебумажная фабрика братьев Варгуниных, которым он, как юрист, давал частные консультации по торговым и финансовым сделкам и проводил ревизию сделок относительно юридического соответствия существующему законодательству. Эти изумительные по природной красоте места до 1917 года считались одним из *священных* мест Российской Империи. Здесь, как известно, был зарезан младший царский брат 9-летний царевич Димитрий. По завещанию отца Иоанна Грозного, получив в удел город Углич, царевич жил там под надзором матери и дядей из рода Нагих до 1591 г., когда вся Россия узнала о его жалостной кончине. Весть, облетевшая центр и все окраины, гласила, что сын дьяка Битяговского, управляющего хозяйством Углицкого двора и подкупленного Борисом, Данило с двоюродным братом Качаловым 15 мая средь бела дня зарезали игравшего во дворе со своими сверстниками царевича; пономарь соборной церкви, видевший сие кровавое злодейство, уда-

рил тревогу; народ сбежался, умертвил обоих Битяговских, Качалова и других подозреваемых людей. Убийство царственного отрока (отроков) и наглость лезущих во власть самозванцев еще не раз всколыхнут православный мир…

С началом зимы Константин Игнатьевич привез в эти священные места жену и дочь, прогостивших полгода в имении Русаковых. Надюша в подобных путешествиях познавала родной край, историю страны, развивалась духовно и нравственно, так что ей вовсе не нужно было, как описал советский агитпроп, «играть с ребятишками рабочих, часами сортировать утиль вместе с девочками-подростками», для того, чтобы пламенно озвучить через 50 лет: «В шесть лет я уже научилась ненавидеть фабрикантов». Штамп о «*ненависти*» прочно войдет в литературу и публицистику 20–40-х гг. и достигнет пика в 40-е, когда станет неотъемлемой частью не только сознания, но и генной цепочки каждого появляющегося на свет так называемого *советского* человека. ***И если власть императора России держалась на Любви и Созидании, то власть революционеров-большевиков — на ненависти и лжи.***

Мать Наденьки была интересной личностью, не только образованной, но и творческой. Еще в 1874 г. в Варшаве была издана ее книжечка для детей, которая называлась «Детский день. Подарок детям с 12 картинками». И в этом Агитпроп нашел повод для агитации и пропаганды гнусных идей: «В книге, которая хотя и отличалась некоторой наивностью, много внимания уделялось трудовому воспитанию ребенка и в отличие от всех детских книг того времени ни слова не говорилось о Боге» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 12). Время обезличенного «трудового воспитания» ребенка настанет в 20-е годы XX века. Зато вот это «отличие от всех (!) книг того времени» позволяет намекнуть о революционной позиции матери Елизаветы Крупской, — мол, *мы* прокаженные (но верим, что самые правильные в мире), так и *вы* будьте заклеймены! — и из этих цепких лап никуда не деться, ведь С ТОГО СВЕТА отпор дать невозможно…

Любопытный намек дает потомкам сама Наденька, намек, похожий на ребус, да ведь она сама — **женщина-ребус**, поставившая нам всем сверхзагадки. Вот она пишет в книжице «Моя жизнь», что, будучи в гостях в имении Русаковых, она «скандалила, не хотела ни здороваться, ни прощаться, ни благодарить за обед, так что мама была радарадешенька, когда за нами приехал отец и мы уехали», — и при этом такое поведение 5-летней девочки ставит в пример подрастающему поколению, как *образец настоящей революционной морали*. А в чем же намек? Да в том, что здравомыслящий поймет, — **не** могла ТАК себя вести девочка из благополучной семьи, **не** приняты были в дворянских семьях подобные вольности в воспитании и поведении! Но в чем тогда разгадка этого ребуса? Да в том, что: ТАК поступают дебилы, которыми вы все — большевистские девочки и мальчики — скоро станете!

Закончив с делами на писчебумажной фабрике в Угличе, Константин Игнатьевич отправляется в Киев, куда берет и семью. И вновь — длительное путешествие, на сей раз с заездом в Новгородскую губернию, где пост военного прокурора занимает Александр Игнатьевич Крупский, старший брат ее отца. Да, если б папенька Нади был таким ярым помощником революционеров, водил дружбу с представителями I Интернационала и в эти годы находился под следствием, как рассказывают нам агитпроповцы, то его брат НИКОГДА бы **не** получил столь ответственный и значимый пост уездного военного прокурора! ...Новгород и Киев впечатлили утонченную детскую душу. В Киеве на Крещатике располагалась школа, в которую пошла учиться Надюша. А через какое-то время они переезжают в Санкт-Петербург, чтобы девочка могла учиться в одной из лучших гимназий Империи — Екатерининской (которую патронировали Императрицы!). Здесь девочка знакомится с семьей еще одних своих родственников, на сей раз по линии матери, — Николая Петровича Тистрова, двоюродного брата Елизаветы Васильевны, у которого подрастает дочь Леля. В сфере ин-

тересов Николая Петровича была словесность; он и подготовил Надю к сдаче экзаменов во второй класс гимназии.

В 1880 г. Константин Игнатьевич получил приглашение проверить договора и отчеты о сделках на писчебумажной фабрике помещиц Косяковских, проживавших в Псковской губернии. Так что летние каникулы Надюша провела в чудесном имении. И позже, вспоминая о тех сказочных днях, когда 11-летней девочкой она взахлеб слушала соловьиные трели, любовалась луговым раздольем, вдыхала аромат садовых цветов, «спала в шикарной комнате на шикарной постели» с открытым настежь в звездный мир окном, она припомнит и выделит свою встречу с 18-летней местной учительницей Александрой Тимофеевной Яворской, «Тимофейкой», обучавшей крестьянских детищек. И вновь **мини-ребус**: в «темной и забитой России», — как объявят впоследствии большевики, — где «потребовалась большевистская программа ликвидации неграмотности», практически в каждом имении **имелись** школы для крестьянских детей. А сама Крупская решила раз и навсегда стать народной учительницей... Тем более, что у девушки-народоволки А. Яворской «во время обыска полиция нашла запрещенную литературу и портрет царя, на котором было записано решение какой-то задачи», вследствие чего та «два года провела в Псковской тюрьме, в камере без окна». Но откроем уже упоминаемый источник — М. Гернет «История царской тюрьмы», где на с. 366–368 говорится о состоянии провинциальных мест лишения свободы и, в частности, тюрем губернского города Пскова в период с 1870 по 1900 г. В городе имелись: арестный дом, городской тюремный замок и временная каторжная тюрьма. Арестный дом представлял собой пять камер в подвальном этаже, одна из них отводилась для женщин; во всех были небольшие окна (можно рассматривать ноги и подол платьев прохожих). Кухня была домашняя, за обеды отвечала жена смотрителя этого дома. Тюремный замок г. Пскова располагался в центре города и был рассчитан на 161 человека, имел общие и одиночные камеры, все с окнами. Здесь же, в четырех башнях замка находились кухня,

баня, прачечная, пекарня, мастерская. В случае надобности «заболевавших арестантов переправляли в земскую больницу. Занятия трудом в замке не были организованы, и заключенные отпускались на работы к частным лицам вне тюрьмы». Третьей тюрьмой в Пскове была временная каторжная тюрьма, расположенная за городом и где также имелись мастерские, столовая, пекарня. Впрочем, находиться в этом последнем заведении «Тимофейка» не могла, так как к каторге ее не приговаривали, да и не проводят во временных тюрьмах два года, впрочем, как и в арестантских домах. За такую провинность как нахождение запрещенной литературы и исписанного портрета императора дать наказание в два года в Российской Империи НЕ МОГЛИ! — для такого наказания нужны были более веские причины. Так что никакой Тимофейки-народоволки в жизни Наденьки Крупской **не было**, а была лишь юная девушка, народная учительница, которой впоследствии сотворили большевистскую легенду. И таких народных учителей в России было множество, потому что так называли тех, кто работает в сельских школах (!), имеющихся практически во всех крупных селах необъятной страны (!!!), не говоря о городах — больших и малых; правда, некоторые добродушные и наивные учителя все же попадали в сети провокаторов и, шантажируемые, начинали исполнять приказы злоумышленников.

Но фальшивая история, раз начавшись, не могла прекратиться. «Исследователи» жизни будущей «жены вождя всех униженных и оскорбленных» **придумали**, что вернувшись из Псковской губернии, где в имении Косяковских Надя провела чудесное лето, она возвращается не в привилегированную гимназию, а... в Литейную, расположенную на углу Бассейной улицы и Литейного проспекта, где занималась и некая Маша Юрковская, в будущем артистка Художественного театра Андреева; «Через много лет Надежда Константиновна и Мария Федоровна удивлялись, что не познакомились еще в гимназии» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 14). Впрочем, чему удивляться, — Наденька никогда **не** училась в Литейной гимназии. Хотя бы потому, что учи-

лись здесь в основном дети рабочих с Обуховского металлургического завода. *В царской России существовала столь уникальная система просвещения, что каждая отрасль российского хозяйства позволяла иметь гимназии.* Например, гимназии кожевенников, скорняков, железнодорожников, коннозаводчиков, скобяной торговли и т.д. В царской России имелись сословные учебные заведения; подведомственные учебные заведения, т.е. находящиеся в ведении всех и каждого министерства; учебные заведения в ведении Синода, к примеру, архиерейские школы; учебные учреждения Императрицы Марии и т.д. и т.п. (более подробно поговорим об этом позже...) — что свидетельствует об индивидуальном подходе к просвещению каждого члена общества. ***Где, в каком государстве мира на сей день можно найти подобную просветительскую систему индивидуального обучения?!*** А нам почти весь XX век говорили: *безграмотная Россия, забитая Россия*... забитая кем?!

И так как нам предстоит тщательное знакомство с каждым человеком из окружения Н. Крупской, то присмотримся к вышеназванной «подруге».

Маша Юрковская (по мужу Желябужская, сценический псевдоним Андреева); определенный интерес представляет та краткая информация, которая имеется в академических изданиях, таких, как Энциклопедический словарь, изданный в 1953–1955 гг. и БСЭ, изданная в 70-е гг. XX столетия. В первом источнике, к примеру, говорится, что родилась ***Андреева Мария Федоровна*** в 1872 году; член КПСС с 1904 г.; играла на сцене Общества искусства и литературы с 1894 г.; в Московском художественном театре и в др. Была одним из организаторов Большого драмтеатра в Петрограде (1919). В 1931–1948 — директор Московского дома ученых. Награждена орденом Ленина.

Второй источник дает более полную информацию и указывает, что Мария Федоровна Андреева 1868 года рождения (не то, что в прижизненном издании, где она моложе на 4 года!) в Петербурге, умерла 8.12.1953 г.; член КПСС с 1904 г.; подруга и соратница М. Горького. Начала сцени-

ческую деятельность в 1894 г.; в 1898–1905 актриса МХАТ. В 1905 г. — издатель большевистской газеты «Новая жизнь». В 1918–1921 гг. — комиссар театров и зрелищ Петрограда. В 1931–1944 гг. — директор Московского дома ученых. Награждена орденом Ленина.

Для достоверности заглянем еще и в «Театральную энциклопедию» (М., 1961, т. 1, с. 206); там уточняем, что родилась Андреева (наст. Мария Федоровна Юрковская; фамилия Желябужская в этом источнике «утеряна») все-таки в 1868 году. «Будучи другом А.М. Горького, находясь в эмиграции, свыше 6 лет была его секретарем, переводчиком и ближайшим помощником», — любопытно... В 1913 г. вернулась в Россию. Но поразительно то, что составители энциклопедии постарались уменьшить ее «послереволюционную» роль, указав, что в 1919–1921 гг. она была заместителем комиссара просвещения по художественным делам в Петрограде.

Правда, ни в первом, ни во втором, ни в третьем источниках **не** указывается, что комиссарша должна была — по должности положено! — способствовать убийству исконно русских актеров и уничтожению русского сценического искусства в пользу таких, как «режиссер-новатор» Всеволод Эмильевич Мейерхольд (кстати, играла с ним в спектаклях еще во МХАТе, где тот служил актером с 1898 по 1902 г.). Мейерхольд в свое время осуществил: постановку «лирической драмы» «Балаганчик» «революционного романтика» А. Блока об исканиях психопатов; постановку в 1920 году пьесы Э. Верхарна «Зори», — ее как «псевдореволюционную, рассматриваемую постановщиком как «манифест» «Театрального Октября» разоблачала Н. Крупская, выступив со статьей в газете «Правда»; пьес М. Горького с характерными названиями «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Мещане», «На дне». А еще — таких «сверхзначимых» для развития театрального искусства постановок, как «Действо о III Интернационале» (1 мая 1919 г.), «Гибель Коммуны» (18 марта 1920 г.), «Мистерия освобожденного труда» (1 мая 1920 г.), «Блокада России» (20 июня 1920 г.), «К мировой Коммуне» — «массовая постановка в честь второго конгрес-

са III Интернационала» (19 июля 1920 г.) и другие. Эти массовые празднества и инсценировки к ним проходили в Петрограде в бытность М.Ф. Андреевой комиссаром театров и зрелищ.

Но вся приведенная информация, как говорится, так, для размышления... Ведь это театрализованное убожество и *театроубиение* начнется в 20-х годах XX века; а пока нас интересует конец века XIX...

Согласно большевистской версии, отчего-то не училось милой Наденьке и в Литейной гимназии! И опять через год отец перевел ее, на сей раз в частную гимназию Оболенской, где преподавание велось «типичными шестидесятниками». Директором которой был «колоритный» Александр Яковлевич Герд, он же читал гимназистам лекции наряду со своими единоверцами и, конечно же, как они всегда представляются в литературе определенного рода (в первую очередь, во всей советской литературе), «выдающимися педагогами» Я.И. Ковалевским, Е.Ф. Литвиновым, А.Я. Билибиным, А.О. Пуликовским, Н.Е. Смирновым. Однако отчего-то столь выдающихся деятелей **нет** в классической 4-томной «Педагогической энциклопедии», изданной в Москве в 1964–1968 гг. Правда, там же (т.1, раздел 527) находим, что ***Александр Яковлевич Герд*** *(5.4.1841—13(25).12.1888)* в 1863 году окончил Санкт-Петербургский университет экстерном, т.к. был исключен из числа студентов (!) за участие в революционно-демократической организации. Преподавательскую практику получил, работая в воскресных школах. «Был директором исправительной колонии для малолетних преступников (около Петербурга)»; только вот незадача — подобный термин, наряду с «воспитательными» и «трудовыми» «колониями» **появился** уже при советской власти (!); к примеру, «в период 1920–1923 гг. стали возникать детские колонии и коммуны: *колония имени М. Горького, коммуна имени Ф.Э. Дзержинского* и т.д.» (т. 1, раздел 683). А в царской России для содержания неблагополучных несовершеннолетних **имелись** воспитательные дома и исправительные приюты! Малолетних преступников могли также «до осо-

бого распоряжения» направить в монастырь. Но, к примеру, за уголовные преступления (убийство), за которые закон угрожал смертной казнью, каторжными работами и ссылкой, — подростки 14 лет могли быть направлены в особые отделения при тюрьмах или арестных домах на срок от 2 до 5 лет; при этом суд всегда учитывал, «действовали ли они при совершении преступления с разумением или без разумения» (Уложения о наказаниях); не достигшие 10-летнего возраста за уголовные преступления вообще **не** привлекались; одним из видов наказания было... отдать родственникам на исправление.

Но вернемся к А.Я. Герду, который с 1877 г. руководил женской гимназией (имя Оболенских в тексте упоминаемого источника — Педагогической энциклопедии — отсутствует), и к «передовым талантливым педагогам». Ничего удивительного, что подобная компания прикрылась известным именем князей Оболенских, — некоторые ветви этого рода были известны с начала XIX века как семьи декабристов, педерастов и психопатов. Заслуги определенной части этой семейки были учтены Советами. Вспомните хотя бы Валериана Валериановича Оболенского, ставшего Н. Осинским *(1887–1938)*, который дослужился до заместителя председателя ВСНХ и члена ЦК партии — при новой власти, которую так приближал и жаждал установить. Но как справедливая расплата за предательство интересов державы — репрессирован властями и расстрелян.

Школа Оболенских находилась на контроле в III Отделении МВД Империи и по представлению оного деятельность частной школы Оболенских неоднократно приостанавливалась решениями Министерства просвещения Империи за... содомию и привлечение к преподавательской деятельности лиц, не имеющих педагогического образования и имеющих психические отклонения. Да, слишком либерально относились в царской России к подобным проявлениям...

Так что **не** училась Наденька Крупская в этом «иудейском пансионе» (как его называли современники); впрочем, как и **не** преподавала здесь же после окончания оной в 1887 г., где якобы для девиц имелся пансион М.Г. Герстфельд.

Все эти годы Надежда Константиновна **получала** прекрасное образование в Екатерининской гимназии, патронируемой самой Императрицей! И только преданная служба честнейшего офицера Русской армии Константина Игнатьевича Крупского могла служить порукой блестящего будущего его дочери. И **не было** случая, чтобы гимназисты, добившись столь великого почета — учиться в заведении, находившимся под патронажем Императриц, уходили в другие гимназии и школы...

Глава 3

В период взросления Надя очень тянулась к отцу; впрочем, это характерно почти для всех девочек-подростков. Константин Игнатьевич старался укрепить в дочери ту внутреннюю силу, которая дана была ей великой матушкой-природой от предков. Чтобы при степенном течении дней и лет, без вмешательства черных сил, нарушающих уклад жизни, могла бы его дочь исполнить свою предназначенную ей высшей силой роль — роль русской женщины, женщины-матери, хранительницы очага и равновесия в обществе.

Уже много лет подряд их крепкая и дружная семья наведывалась в Москву, чтобы по традиции посетить Новодевичье кладбище, **где** покоилась бабушка Нади по линии матери. Разговоры об этой неординарной женщине довольно часто возникали в их доме; ведь это не только в силу того, что Константин Игнатьевич был прекрасным человеком и блестящим офицером, так удачно складывался жизненный и ученический путь Надежды. А впереди предстояла еще учеба и на Бестужевских высших женских курсах, и... *только приоткроем завесу*: для того, чтобы стать слушательницей этого уникального заведения, необходимо было иметь протеже как минимум главной фрейлины (статс-дамы) Императрицы или одного из великих Князей; разумеется, высшей ступенью оказанного доверия являлось бы доверие Государя императора.

В одну из таких поездок, — а они предпринимались обычно так, что семья была у Новодевичьего монастыря в день именин Нади, по странному стечению обстоятельств рожденной в… день рождения ее бабушки, — Константин Игнатьевич захворал. Родным пришлось задержаться в первопрестольной и с горечью наблюдать, как отец буквально угасал на глазах. Он скончался 25 февраля 1883 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Зять упокоился рядом с прахом женщины, подарившей ему прекрасную спутницу; Елизавета Васильевна безутешно оплакивала эту потерю. Теперь имелось больше причин навещать эти утолительно-тишайшие в предвечной скорби места… Пройдет не более 40 лет, и склеп, к коему приходили Крупские, **будет** переделан дорвавшимися до власти богоборцами, опознавательные вензеля и надписи счищены, останутся лишь почти обезличенные фамилии… Да и тленные кости несчастного Константина Игнатьевича перевернутся, когда его дочь молча согласится с чудовищной версией, что «кто-то собрал деньги для оплаты места на кладбище, кто-то заплатил за отпевание, кто-то принес цветы», и под этими «кто-то» подразумевались, конечно же, революционеры…

Да, эти «кто-то» были, но появились они… сразу же после ухода отца из жизни (и имели к его смерти непосредственное отношение). Эти «кто-то» обкладывали интересующих их людей, как охотники обкладывают дичь. Эта **тактика** претворялась и в годы советской власти, когда детей, особенно детей-сирот, растили и выводили в люди для «своих партийных нужд», для дальнейшего продвижения к своей конечной цели (действо за действом, — то мелкими шажками, то гигантскими прыжками) для завоевания мирового господства…

«Однажды, когда, вернувшись из гимназии, Надя села за уроки, в квартиру позвонили. Открыв дверь, она увидела незнакомого пожилого господина. «Я хотел бы видеть Константина Игнатьевича Крупского». Надя побледнела. «Папа умер». — «Простите меня, разрешите войти, я хорошо знал

вашего батюшку и хотел бы поговорить с вами или с Елизаветой Васильевной». Войдя в комнату, незнакомец огляделся и стал расспрашивать Надю об отце, о том, на какие средства они живут. Она с трудом поддерживала беседу. «Мама вам лучше все расскажет, зайдите, пожалуйста, когда она вернется», — но незнакомец не уходил. Он предложил ей хороший урок. «Это займет у вас немного времени, а плату получите хорошую». Надя с радостью согласилась. И урок оказался действительно прекрасным — в милой интеллигентной семье... Позднее Крупская узнала, что к ним приходил Николай Исаакович Утин, один из руководителей русской секции I Интернационала» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 18).

«Уроки были занятием «не из сладких. Родители побогаче смотрели на учительницу свысока, вмешивались в занятия». Лишь на одном уроке, который был ее первым частным уроком, этого не было. Его ей помог получить Н.И. Утин — человек, ранее связанный с организацией «Земля и воля», один из основателей русской секции I Интернационала. Он хорошо знал К.И. Крупского, с большим вниманием отнесся к его дочери и постарался помочь ей» («Надежда Константиновна Крупская. Биография». М., 1978, с.10; в авторском коллективе: Г.Д. Обичкин, В.С. Дридзо, С.У. Манбекова и др.).

Обратимся к академическим советским источникам.

«***Утин, Николай Исаакович*** *(1845–1883)*, революционный демократ, член руководящего органа «Земли и воли» 60-х гг. В 1863 эмигрировал, возглавлял группу русских революционных эмигрантов, на страницах журнала «Народное дело» вел борьбу против Бакунина и его сторонников в России. Организатор русской секции I Интернационала. В конце 70-х гг. отошел от активной политической деятельности и в 1880 вернулся в Россию» («Энциклопедический словарь», М, 1955, т. 3, с. 486).

«***Утин Николай Исаакович*** *(27.7.(8.8.)1841–19.11.(1.12). 1883, Петербург)*, русский революционер. Родился в семье купца-миллионера. С 1858 учился на историко-филологи-

ческом ф-те Петербургского университета. Осенью 1861 за участие в студенческих волнениях арестован и исключен из университета. В 1862 сдал экзамен за университетский курс. В марте 1862 вступил в общество «Земля и воля», с ноября член его ЦК. В мае 1863 эмигрировал, возглавил молодую эмиграцию». В августе 1863 в Лондоне сблизился с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, занимался транспортировкой их изданий в Россию. Вскоре в силу политических, идеологических и отчасти личных разногласий, разошелся с Герценом и в конце 1864 — начале 1865 на съезде русских эмигрантов в Женеве выступил его противником. В 1867 в Швейцарии вступил в I Интернационал. В 1868–1870 гг. член редколлегии газеты «Народное дело», один из организаторов Русской секции 1-го Интернационала. В 1870–1871 гг. участвовал в редактировании газеты «Эгалите» — органа Женевской секции Интернационала, был делегатом Лондонской конференции Интернационала (1871). С середины 1870-х гг. отошел от политической деятельности, подал прошение о помиловании (1877). В январе 1878 вернулся в Россию, работал инженером на Урале» (БСЭ, т. 27, с. 138).

Любопытно, что опять мы встречаем разбежку в 4 года в дате рождения; и в 2 года при упоминании о возвращении его в Россию. Однако узнаем некоторые иные подробности: Утин — из семьи купца-миллионера, чьи денежки шли на дело разрушения уклада страны, в которой вырос сей недостойный сын. Фразу «сблизился с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым» следует понимать буквально; связь этой гомосексуальной пары уже описана в современной публицистической литературе. Когда же троица не смогла разобраться в чувствах и связях, Н.И. Утин разошелся с «товарищами» и, гневаясь и ревнуя, публично на съезде выступил против недавнего партнера А.И. Герцена. (Подобных примеров потом будет масса: сначала оне-с «дружат», соревнуются в идее, как свергнуть монархию, а после на подобных сходках по городам Европы «обличают» друг друга. Позже, уже при Советах это воплотится в иной схеме: льстим и любим при жизни, ненавидим и разоблачаем после смерти.)

Вот еще: краткая информация из брошюры А. Смирнова «Первый Интернационал», (Минск, 1964 г., с. 90–91): «Николай Утин — сын миллионера — являлся одним из руководителей студенческого движения в столичном университете... участвовал в создании тайного общества «Земля и воля», являлся... организатором и руководителем ее нелегальной типографии в м. Мариенгауз, Витебской губернии. Утин был также представителем землевольцев в переговорах с польскими повстанцами, принимал участие в организации снабжения их оружием и боеприпасами, вел пропаганду в поддержку повстанцев, организовывал побеги пленных и т.д. За эти действия он был заочно приговорен к смертной казни» (обратите внимание на «польский» аспект!).

И коль выше упоминалось о некоем движении ***«Молодая эмиграция»***, то давайте откроем БСЭ, т. 16, с. 473, чтобы узнать, кто же такие молодые «русские» революционеры середины XIX века. Кроме Николая Исааковича в лидерах числятся А.А. Серно-Соловьевич и П.И. Якоби. К слову сказать, Серно-Соловьевич, член ЦК «Земля и воля», находясь в эмиграции, установил контакт со швейцарскими секциями Интернационала и стал одним из руководителей стачки женевских строителей. Один еврей — Утин — подогревает польский «раздрай», второй — Серно — раскачивает швейцарцев! «В 1862–1864 гг. «Молодая эмиграция», сплотившись вокруг редакции «Колокола», действовала как заграничный отдел «Земли и воли»: поддерживала связи с ЦК, транспортировала в Россию издания Вольной русской типографии, оказывала помощь партии «красных» в польском восстании 1863–1864 гг. ...После самороспуска «Земли и воли» в России и поражения польского восстания 1863–1864 гг. лидеры «Молодой эмиграции» выдвинули проект создания революционного центра за границей и превращения «Колокола» в общеэмигрантский орган». Однако проект встретил решительный протест со стороны А.И. Герцена. «Молодая эмиграция» сложилась в основном в 1862–1864 гг. из лиц, скрывшихся от ареста (Н.И. Жуковский, Н.И. Утин, М.С. Гулевич и др.), отказавшихся явиться на суд правительст-

ва (А.А. Серно-Соловьевич, В.И. Касаткин, А.А. Черкесов и др.), бежавших из тюрьмы и ссылки (И.И. Кельсиев, Е.К. Гижицкий и др.), скомпрометированных прежней зарубежной деятельностью (гарибальдиец Л.И. Мечников), оказавшихся за границей по делам революционных организаций (А.А. Слепцов). К «Молодой эмиграции» примыкали также участники революционного движения, приехавшие за границу для продолжения образования...». **Лихо!** Одни совершали преступления и скрывались от ареста, другие так запросто отказывались явиться на суд (мол, плевать мы хотели на мягкотелость вашей царской судебной системы, которую мы всему миру подадим как чудовищные зверства!), третьи просто уходили из тюрьмы, когда им надоедало читать научную и, между прочим, свою марксистскую литературу, имевшуюся во многих тюремных библиотеках (!!!) и — получив от сотоварищей деньги и поддельные паспорта (обычно с русскими фамилиями), выезжали *за границу для продолжения образования* революционному делу...

Ну что ж, вернемся к этой теме чуть погодя, а пока познакомимся с еще одним Утиным, братом Николая Исааковича, «раскаявшегося» впоследствии и прощенного-таки либеральной царской Россией.

В июле 1874 г. особое присутствие Сената рассматривало один из первых процессов пропагандистов-народников в числе 12 человек, вошедший в советскую историю как «процесс долгушинцев». Дело слушалось при открытых дверях, а в печати были даны стенографические отчеты. «Долгушинцы» воспитывали пропагандистов, которые шли в народ «образумить» его; писали гнусные прокламации, призывая к восстанию и называя помещиков и чиновников врагами всего народа; правда, «прокламации среди крестьянства были распространены в очень небольшом количестве, и обвинительный акт не без скрытого удовольствия подчеркивал оценку крестьянами этих прокламаций как годных лишь для курева. Отмечалась в обвинительном акте и готовность крестьян задержать распространителей прокламаций. Судебное заседание прошло без особых инцидентов.

...В числе защитников были выдающиеся петербургские адвокаты: Спасович, Утин, Куперник и др.» (М. Гернет, с. 68). Правда, в отличие от своего братца, «выдающийся адвокат» Евгений Исаакович Утин *(1843–1894)* и иже с ним в анналы советской истории не вошел, в энциклопедиях не значится, как бы того кому-нибудь ни хотелось, — ну **не** было таких *значимых* фигур; в числе выдающихся в Санкт-Петербурге того времени фигурировали русские люди, на худой конец иноземцы из обрусевших немцев.

Так для чего в 1883 г., представившись давним знакомым отца, но которого Надя никогда **не** видела, приходил к ней колоритный, с хорошо запоминающейся внешностью еврей из купцов-миллионеров 38 (или 42?) лет Николай Исаакович? И почему не представился ни ей, ни матери, кто он такой (привычно солгал, назвался чужим, вымышленным именем?!), так что ей пришлось много позже (после революции?!) узнать его настоящее имя. Для чего он предлагал 14-летней девочке давать дорогие уроки каким-то его знакомым? Вот ведь незадача: в 1877 г. Н.И. Утин подал прошение-раскаяние в своих небогоугодных делах, и, вернувшись в Россию в январе 1878 г., к году 1883-му уж числился прощенным Государем императором, да и к тому же... «работал инженером на Урале». Или нет?! Или по-прежнему занимался преступными революционными делишками? Вот опять же — благополучно скончался все в том же 1883 г., в ноябре месяце.

С его именем у Надюши связаны не самые светлые воспоминания; это он сопровождал их с матерью летом 1883 г. в Польшу, к дальним родственникам ее отца Константина Игнатьевича, доехав с ними до границы. Известие, что у них в Польше проживают родственники, о которых муж не упоминал, сначала смутило Елизавету Васильевну, а после обрадовало. И она поверила в слова незнакомца, что Игнатий Каликстович Крупский наверняка рассказывал своим детям и об утерянном в Виленском крае родовом дворянском гнезде, и о родственниках в соседнем крае Польском. И были

бы родственные встречи, если б не ранняя смерть родителей, оставившая сиротами Сашу и Костю. И даже если он и вспомнил впоследствии о сих людях, то сам служа в Польше в смутные годы, не захотел упоминать о них и разыскивать, чтобы не вызвать ненужных подозрений, — хотя бы по той причине, что те имели фамилию *...гиньских*. А, как известно, из этого рода происходил граф ...гиньский, участник польского восстания во главе с Тадеушем Костюшкой. Так что на этом пышно разветвленном семейном древе могли оказаться и другие неблагонадежные бунтарские веточки...

События развивались споро. В первые летние дни мать и дочь Крупские уже выехали из Санкт-Петербурга; с собой они имели письма от Бронислава ...гиньского с любезным приглашением погостить в его богатом имении. Из писем также стало ясно, что он изредка бывает в Санкт-Петербурге, знаком и ведет активную переписку с известными педагогами из Петербурга, Москвы и Варшавы и будет рад позаниматься со способной девочкой, являющейся ему хоть и дальней, но родственницей; тем более что двое его взрослых сыновей давно уж оставили родные пенаты, предпочитая не появляться на родительские очи, что очень огорчает их отца. Он также кратко указал, что вот уж несколько лет как их мать, будучи тяжелобольной женщиной, вскоре после серьезной операции совсем занедужила и отошла в мир иной...

Надюша любила путешествовать; в дороге она с теплотой вспоминала семейные переезды, папины рассказы об истории живописных мест, где они проезжали, свои пересказы прочитанных книг, неспешные беседы отца и матери во время прогулок, когда она шла позади чуть отстав, а еще отчего-то в запахах и красках припоминалось недавнее лето, когда она гостила в Псковской губернии, в поместье добрейших помещиц Косяковских. Душа девочки-подростка трепещет в ожидании, она как бутон, в который поступают первые живительные капли, гарантирующие скорый расцвет; детская округлость щек, знакомая серьезность красиво очерченных губ, длинная русая коса через плечо, чистый взгляд безмятежных глаз, — больше ТАКОГО взгляда вы на ее фотографиях **не** увидите.

Она, как и многие ее сверстницы, начинала по-новому влюбляться в литературных героев; раз за разом перечитывать волнительные пушкинские строки письма Татьяны Лариной к безразличному красавцу Онегину; размышлять и пленяться образом дерзновенно-ранимой Лизы из «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева...

У Бронислава ...гиньского оказалась великолепная библиотека, и Надюшу вскоре можно было увидеть сидящей в тенистой аллее с книгой в руках. Она свободно читала на русском и французском (старательно осиливая и польские книги) самых популярных авторов того времени. У нее появился круг общения, дядя дозволил дочерям шляхтичей-соседей навещать их; шумные игры в саду и звонкие детские голоса веселили сердце и Елизаветы Васильевны, недавно потерявшей мужа, и обходительного пана Бронислава, сочувствовавшего ей вовремя и умело высказанными фразами. В разговорах он показывал свою эрудицию, свободно переходил от темы к теме, мог осторожно пересказать о европейском вольнодумстве, посетовать на народовольцев и социалистов, и тут же перейти к войне 1812 года, отругать Наполеона, обещавшего дать полякам волю и процветание, а давшего разорение, при этом упоминал он Надиного дедушку Игнатия Каликстовича, дошедшего с войсками до Парижа, и словно невзначай, упоминал и Константина Игнатьевича. Имя отца Наденьке слышать было очень приятно, ей казалось, что этот человек, возникший из ниоткуда, обязательно бы полюбил ее папеньку, и тогда бы все они встречались чаще.

Много лет спустя Надя припомнит любопытный разговор, возникший за ужином незадолго до отъезда матери в Санкт-Петербург. Пан Бронислав, когда мать хотела отослать девочку спать, попросил разрешить той остаться. Он сказал, что подобные разговоры полезны для умственного и нравственного развития неокрепших душ юных дев, чтобы в будущем избегать некоторых ошибок. Уже сама эта формулировка была интригующей, Наденька смутилась, поджав губки, но Елизавета Васильевна оставалась спокойной, лишь

улыбчивые морщинки пробежали в уголках век. Они опять затеяли разговор об императоре Наполеоне, вновь звучали знакомые названия и имена; однако разговор шел не о баталиях, а о чувствах, и Надя затаила дыхание.

— Он увидел ее, возвращаясь в Варшаву, почти девочку, на последней почтовой станции. Это она сказала кому-то по-французски, так громко, что он услышал: «Мсье, помогите мне выбраться отсюда и дайте мне на мгновение увидеть его!» Вот только что он ехал по обледенелой дороге, и был зол и остановился сменить лошадей. А она стояла с родительницей, и ее русые волосы разметало ветром. Вы понимаете, она приехала увидеть освободителя! Он понял ее восторг и протянул ей букетик.

— У победителей всегда много поклонниц, пан Бронислав.

— Да, но эта не была одной из них. Ее вскоре нашел Дюрок по приказу Наполеона, и, думаю, вы помните ее имя — Мария Валевская, жена графа Анастасия Колонна Валевича-Валевского, урожденная Лачинская. Происходила из старинной, но обедневшей шляхетской семьи, ее отец умер, когда девочка была еще маленькой.

— Конечно же, я знаю эту историю. Скажите, неужели ненависть к русским здесь так… сильна, что надо было придумывать, будто бы эта молодая женщина не захотела выйти за богатого русского дворянина, а пошла за 70-летнего польского графа, внук которого был на 9 лет старше самой Марии…

Пан ...гиньский засмеялся, а за ним заулыбалась и Надя.

— Не знаю, не знаю… Но она действительно была патриоткой.

— Выйти в 15 лет замуж за 70-летнего соотечественника, да еще и очень-очень состоятельного, но не выйти по любви, в этом, по-вашему, и заключался ее патриотизм?

— Нет, конечно; уже после рождения сына она поняла, что ей предначертано нечто большее. Она поверила, как все поляки, что в руках Наполеона судьба Отчизны, вот и поехала навстречу, чтобы первой приветствовать его. …тогда

все в это верили. И первый вельможа Польши Понятовский, узнав о той встрече, сказал: «Кто знает, быть может, небо изберет вас спасительницей Отечества!» Они встретились с Наполеоном на балу в Варшаве, а потом он забросал ее письмами. Но Мария была неприступна. И тогда ей вручили письмо, подписанное видными представителями нации, членами временного правительства, которое гласило...

Пан ...гиньский поднялся из-за стола и подошел к секретеру, взял небольшую книжку, ловко раскрыл на нужной странице и прежде чем прочесть, подмигнул Надюше, спросив:

— Интересно?

Та чуть кивнула и опустила взгляд вниз, на руки, лежащие на коленях. Елизавета Васильевна с легкой иронией следила за движениями собеседника.

— «Мадам, — я цитирую, — маленькие причины вызывают иногда большие последствия. Женщины во все времена имели большое влияние на мировую политику. История самых отдаленных эпох, как и история нашего времени, подтверждает эту истину. Пока страсть владеет мужчинами, вы, женщины, будете одной из самых страшных сил. Будь Вы мужчиной, Вы отдали бы жизнь благородному и справедливому делу защиты Отечества. Как женщина Вы не можете защитить ее физически, Ваша природа не позволяет этого. Но зато существуют иные жертвы, которые Вы вполне можете принести, и Вы должны взять их на себя, какими бы тяжким они для Вас ни были. Вы думаете, Эсфирь отдалась Ксерксу из любви? Ужас, который он ей внушал, поверг ее в обморок, это доказывает, что нежность была ни при чем в этом союзе. Эсфирь пожертвовала собой, чтобы спасти свой народ, и ей досталась слава этого спасения. Да сможем же и мы сказать то же о Вашей славе и о Вашем счастье! Разве Вы не дочь, не сестра, не супруга тех ревностных сынов Польши, которые соединяются в единый национальный союз, сила которого может быть увеличена только числом и согласием входящих в него членов? Выслушайте же, мадам, что сказал один знаменитый человек, святой и благочестивый служитель церкви Фенелон: «Мужчины,

имеющие власть, не смогут провести своими постановлениями ничего действенного в жизнь, если женщины не помогают им в этом». Внемлите же голосу, к которому присоединяется и наш голос, чтобы принести счастье 20 миллионам человек».

— А как же ее муж? Он тоже подписал это…

— Ее муж был не на ее стороне. Он сказал своей юной супруге: «Мадам, необходимо всем поступиться перед лицом обстоятельств, имеющих такое огромное и такое важное значение для нации».

— И она уступила, а после влюбилась в искусителя. Так что он не испугал ее, как Ксеркс в свое время Эсфирь.

— Ошибаетесь, в письмах сыну она после писала, что долго сопротивлялась и упала в обморок, как библейская героиня. Правда, в воспоминаниях Наполеона есть упоминание, что она не очень-то сопротивлялась.

Елизавета Васильевна посмотрела на дочь; подобный разговор был явно не для ушей девочки. И следовало его завершать; она даже не понимала, откуда взялась в ней колкость.

— И, по-вашему, это мудрое решение? Когда добропорядочные мужчины, вершащие власть, отправляют свою соотечественницу на поругание? Разве можно представить, чтобы подобный шаг совершили русские? Да они прежде расстанутся с жизнью. Знаете, пан Бронислав, Польша перестала быть собой, когда вашему королю подсунули Эстер, а она привела за собой миллионы собратьев. Вы же наверняка знаете, что за эту связь его все звали Мордехай Второй. Не так давно это было, XVI или XVII век, а не думаете ли вы, что с того времени польская нация изменилась, что поляки стали вести себя как…

— Ну, — явно успокаивая, протянул пан Бронислав, — не все, не все такие… Впрочем, я сам еврей, и не скрываю этого. Мою мать звали Сара Иосифовна, вот такая коллизия… nie ma… niepowodzenie…

— Извините, вы не говорили, — смутилась Елизавета Васильевна и Надя подумала тогда, что если бы мать знала это обстоятельство, то вряд ли они приехали в этот гостеприимный дом.

А через несколько дней ее родительница покинула имение и выехала в Санкт-Петербург, чтобы привести в порядок дела о наследстве. Тот разговор был забыт, после него упоминались иные, более веселые истории, так что не было никакого повода беспокоиться за дочь, которая оставалась в гостях. До окончания каникул было еще больше половины лета, и пан Бронислав, сославшись на некие дела в Санкт-Петербурге, пообещал приехать с девочкой в северную столицу в канун сентября.

А после свершилось то, что свершилось. То, что перевернуло не только ее душу, ее формирующееся тело, ее женскую физиологию, психику и мышление, — но и ТО, что в конечном итоге перевернуло всю великую царскую Россию и ее народы...

Бронислав ...гиньский был ненавязчив, заботлив и мил, казалось, в свои 58 лет он отдавал своей племяннице тепло истосковавшейся по родственному общению души. Однажды в обычном житейском разговоре он коснулся воспоминаний о своих родителях. Наденька, слушая его, полюбопытствовала, решившись, наконец, уточнить для себя:

— Пан Бронислав, вы сказали, вашу маму звали Сара Иосифовна... так она правда не полячка?

Немного подумав, он ответил, что род его матери действительно происходит от широко известной в истории Польши Эстер и ее мужа царя Польши, неуважительно прозванного Мордехаем. И что то, о чем они недавно беседовали с Елизаветой Васильевной, и что сама она слышала за ужином, во многом соответствует действительности. Добавив при этом, что гордится предполагаемым родством со столь значимыми фигурами, навсегда оставившими свой след в мировой Истории. Наденька, в свою очередь, поделилась с дядей, что в их семье также ходит предание о том, что у кого-то из их рода текла в венах капля царской крови; правда, добавила, что говорилось об этом с долей шутки и упоминалось при ней нечасто...

Благосклонно выслушав ее, пан Бронислав отослал девочку отдыхать, потому как они слишком засиделись. И уже

сладко засыпая в мягчайшей постели, Наденька почувствовала, как к ее лицу прикоснулся дядя. С трудом пытаясь раскрыть слипшиеся веки, она слушала и слушала его теплое дыхание с запахом мятных пастилок, его мягкие слова с характерным убаюкивающим сипящим акцентом, пока до ее сознания не донеслась отчетливая фраза:

— Мы должны объединить нашу царскую кровь.

О, искусник тайнобрачия! — этот полуполяк, этот покровитель смиренных детских всхлипов прошел великолепную школу искушения, не единожды побывав в святая святых — в тайных секретных школах организации, условно именуемой нами Орденом. Но то, что там обучают не только мужчин, но и женщин, предстоит узнать и самой Надежде Константиновне...

Процесс, которому она вначале не придала в силу возраста нужное значение, уже наложил на психическое и психофизическое развитие девочки свою печать. Ее совлечение в тайную бездну безрадостного познания когда-нибудь, через много-много лет обретет для нее понятие *предумышленности* всего, что происходило с их семьей на протяжении последних месяцев 1883 года и с ней самой тем ошеломительным летом.

Боль еще не единожды пронзит ее тельце; и посрамление, и непротивление, и всеведение, и даже подспудное желание продления постыдного, и ненавистность самое себя, и жалость к «дяде», — все чувства разом захлестнут ее душу, изменив внутренний мир. Порочный круг еще не был сомкнут, пока в один из августовских дней второй половины месяца в имение Бронислава ...гиньского не пожаловала привезенная откуда-то дядюшкой акушерка. Преждевременная и нежелательная беременность была прервана. Однако после этой экзекуции Надя **не** сможет больше иметь детей...

Интимная близость с человеком, назвавшимся дядей по отцу, не приносила 15-летней девочке удовлетворения; она не получала оргазм, как и не представляла, что нечто подобное должно знаменовать интимные отношения людей любящих. Однако ей дано было освоить некоторые изощренные формы и виды *половой жизни*.

Детская душа ранима, но и отходчива. Безусловно, Елизавета Васильевна поняла, что с ее дочерью произошло что-то ужасное, непоправимое. Но Бронислав ...гиньский явился в их дом не один; разговор был долгий и угнетающий. Е.В. Крупской дали понять, что если она не станет молчать, то на свет выйдет «правда» о ее муже, якобы занесенном в списки членов тайной организации русских офицеров, когда он служил поручиком Смоленского пехотного полка, входившего в состав 7-й пехотной дивизии в городе Кельце. Назывались имена революционеров, с которыми он водил дружбу еще с гимназических времен, и деяния, в которых он будто бы участвовал. Кроме всего прочего, матери дали понять, что о неблаговидном поведении дочери станет известно в обществе. А тогда девочка не сможет учиться в престижной гимназии, им вообще придется уехать из столицы, но и в любом другом месте их обязательно найдут тайные люди, имеющие везде свою карающую руку...

Фанатики добились своего: молчание было гарантировано в обмен на обещание исчезнуть из жизни Крупских как можно скорее и навсегда. Несколько последующих лет Надя училась, как всегда, прилежно, но в отличие от сверстниц, не проявляла особого интереса к представителям противоположного пола. С возрастом углублялось ее чувство вины за произошедшее; единовременный шок и длительный стресс начинал подтачивать ее организм. К тому же ей, взрослеющей, казалось, что с ней что-то не так...

В 1887 г. Надежда блестяще закончила гимназию; «...на окончательных экзаменах показала во всех предметах успехи отличные. В среднем выводе имеет 5. Из необязательных предметов занималась французским языком с успехами отличными. Получает аттестат об окончании полного гимназического курса и золотую медаль» — так записано в решении педагогического совета. Впрочем, удивляться нечему, девушка обладала прекрасной эрудицией и недюжинными знаниями.

И коль нашей героине впоследствии придется вплотную заняться образованием, причем доселе немыслимым, — общенародным и оболванивающе-единообразным, — то попробуем, не вдаваясь в нюансы и подробности, сравнить, от чего же придется отказаться и на какие пойти жертвы ради установления власти *троцких-лениных-сталиных* и иже с ними.

Прежде всего нас интересуют **женские гимназии**, т.е. средние общеобразовательные учебные заведения, которые в Российской Империи делились на принадлежащие Ведомству учреждений Императрицы Марии (Мариинские), гимназии Министерства народного просвещения и частные гимназии. Кроме Санкт-Петербурга имелись в Киеве, Вильно, Минске, Вышнем Волочке и других городах Империи. «Открывались на средства Ведомства учреждений императрицы Марии. В них принимались девочки всех сословий и вероисповеданий, достигшие 8 лет (а как же **миф** о безграмотной России и забитой русской женщине, о невозможности учиться лицам неких «низших» сословий?! — *Авт.*). ...Утвержденный в 1862 Устав женских училищ для приходящих девиц действовал до закрытия Мариинских гимназий (1918). ...В 1879 была утверждена единая и обязательная для всех Мариинских ж. г. программа обучения. Перестройка учебного курса велась в направлении приближения его к курсу обучения в институтах благородных девиц, приспособленного к «особенностям женской природы» и «назначению женщин» (**идеальное** обучение для представительниц прекрасной половины человечества, что понятно даже по этому куцему тексту из советского источника! — *Авт.*). Принятая в 1905 «Нормальная учебная табель» окончательно уравняла учебный курс гимназий с институтскими курсами» («Педагогическая энциклопедия», М., 1965, т. 2, раздел 14–15).

Среди предметов, которые изучались девушками, были: Закон Божий, словесность, чистописание, история, география, естествознание, арифметика и геометрия, начальная педагогика, французский, немецкий и другие языки, пение,

рисование, танцы, «женские хозяйственные рукоделия» и другие предметы. «Положение предусматривало выдачу окончившим 7 классов аттестата на звание учительницы начальной школы, окончившим 8 классов — домашней учительницы, а получившим при этом медаль (золотую или серебряную. — *Авт.*) — домашней наставницы. Окончание 8-го класса открывало доступ на Высшие женские курсы без экзамена» (там же, раздел 15).

Наденька Крупская закончила Екатерининскую гимназию в 1887 г. с золотой медалью, став *домашней наставницей* и получив право поступления на Высшие женские курсы без экзамена. Однако следует оговориться: туда принимались **только** после тщательной проверки Святейшим Синодом. Так что рекомендация высокопоставленных лиц играла немаловажное значение.

И еще такой нюанс, чтобы уже окончательно закрыть вопрос о некоей частной гимназии Оболенской, где работали «передовые» и «выдающиеся» педагоги под руководством недоучки-революционера А.Я. Герда и где якобы училась, а после завершения в 1887-м еще и два года работала Н.К. Крупская (как пишут советские агитпроповцы и их последователи). «С 1872 в России стали открываться частные Женские гимназии. ...В 80-х гг. некоторые частные Женские гимназии были преобразованы в министерские, а остальные пришли в упадок из-за отсутствия учащихся. Это в значительной степени объяснялось тем, что диплом об окончании Ж. г. давали только казенные гимназии и учащиеся частных гимназий должны были сдавать экзамены при казенных» (там же, раздел 16). Вот так просто все объясняется... ведь как ни старайся, а ВСЕ ИЗ ИСТОРИИ вымарать не удастся!

Итак, кроме разнообразных женских гимназий имелись в России женские училища и институты разных типов. При этом **женские училища** делились на находящиеся в ведении Ведомства учреждений Императрицы Марии (Мариинские), училища Министерства народного просвещения и училища, находившиеся в ведении Святейшего Синода (епархи-

альные). Даже исходя из советской трактовки, указывающей, что Мариинские училища «предназначались для девочек из низших слоев населения», мы можем уяснить, что если в этих, находившихся под патронажем Императрицы учебных заведениях обучались дети купцов, мещан или крестьян, то они получали знания по Закону Божьему, словесности, чистописанию, арифметике, географии, истории России, естествоведению, пению, черчению, рисованию, рукоделию и др. (там же, раздел 17).

Женские училища, находящиеся в ведении Министерства народного просвещения, «делились на училища с 6-годичным курсом обучения (1-й разряд) и с 3-годичным сроком обучения (2-й разряд). Цель училищ (согласно положению) — «сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства». В училищах 1-го разряда в качестве обязательных предметов преподавались: Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, физика, география, естественная история, история (особенно русская), чистописание, рисование, рукоделие. Необязательными предметами были: современные иностранные языки, танцы, музыка, пение... В 1870 г. Женские училища Министерства народного просвещения были переименованы в гимназии и прогимназии» (там же). Да, к слову сказать, следует пояснить, что под «естественной историей» подразумевалось преподавание ботаники, зоологии, морфологии и анатомии.

Надежда Константиновна, завершив гимназическое образование, получила звание *домашнего наставника*. В России «для Домашнего наставника и домашнего учителя обязательным было христианское вероисповедание, «добрые» нравственные качества и русское подданство. ...Домашние наставники, домашние учителя считались состоящими на службе по ведомству Министерства народного просвещения. Домашние наставники, домашние учителя, проработавшие более 25 лет, имели право на получение от государства пожизненного пособия. Привлечение в качестве До-

машнего наставника, домашнего учителя лиц, не имевших соответствующих документов, категорически запрещалось» (там же, раздел 779).

Но, как мы знаем, окончание 8-го дополнительного класса гимназии открывало доступ на Высшие женские курсы без экзамена. Правда, в советских источниках **не** указано, что для обучения на Высших женских курсах, к примеру, тех же Бестужевских (где, как мы знаем, училась Надежда Крупская), требовались решение учебной части и попечительского совета гимназии (пансиона), а также рекомендация предводителя уездного дворянства, рекомендательные письма уважаемых людей и почетных граждан. После чего эти документы рассматривались специальной комиссией Святейшего Синода. Затем, после принятого положительного решения, ***Константин Петрович Победоносцев (1827–1907)*** — обер-прокурор Святейшего Синода (с 1880 по 1905 г.), действительный тайный советник, доктор права, профессор — рекомендовал великому князю (великой княгине) или лично Государю императору на зачисление выпускника (-цу) на Высшие женские курсы и в Институты благородных девиц, находившиеся в ведении государя императора, императрицы, великих князей и великих княгинь. Как правило, эти учебные заведения располагались в первопрестольной и в северной столицах, и в Киеве. В учебные заведения, которые имелись в губернских городах, зачисление проходило практически в том же порядке, но окончательное решение принималось соответствующим наместником Синода и генерал-губернатором.

Рассматривались все кандидаты тщательно и щепетильно. Учиться в этих заведениях было и почетно, и престижно.

Но что же такое в имперской России **Институты благородных девиц** и кто мог там учиться? Откроем «Педагогическую энциклопедию» т. 2, раздел 249–250, и узнаем, что это «...привилегированные учебно-воспитательные заведения... предназначенные для дочерей дворян. Первый Институт благородных девиц был открыт в 1764 г. по инициативе И.И. Бецкого в Петербурге при Воскресенско-Смольном женском монастыре под названием «Воспитательное

общество благородных девиц» (впоследствии переименован в Смольный институт. — *Авт.*). В 1765 г. при институте было открыто т. н. мещанское отделение для девочек не дворянок (!!! — *Авт.*)... В 1-й половине XIX в. институты благородных девиц были учреждены в Москве, Харькове, Одессе, Казани, Оренбурге, Киеве, Тифлисе, Иркутске, Астрахани, Керчи, Нижнем Новгороде, Новочеркасске, Тамбове, Саратове, Белостоке». Каково?! В каждом крупном городе были привилегированные институты для девушек, дающие им поистине университетские знания.

По завершении гимназии с золотой медалью Надежда Константиновна Крупская поступила на Бестужевские женские курсы. Было это в 1887 году.

Откроем книжку советских биографов «жены красного вождя» Клары Маштаковой и Людмилы Кунецкой «Крупская», читаем: «В 1889 году в Петербурге открылись Бестужевские женские курсы. Осенью Надежда Константиновна поступает на математическое отделение и одновременно слушает лекции на филологическом факультете» (с. 21).

Откроем книжку «доктора филологических наук, профессора кафедры социальной антропологии Московского государственного социального университета, автора более 20 книг и 500 научных статей» (так указано на первых страницах) Бориса Вадимовича Соколова «Любовь вождя», читаем: «Осенью 1889 года Надя поступила на только что открывшиеся в Петербурге Бестужевские высшие женские курсы на математическое отделение. Но любовь к русскому языку тоже сохранилась: Крупская посещает лекции на филологическом факультете» (с. 23).

Ну что ж, просветимся: «**Бестужевские курсы**, женское высшее учебное заведение, основанное в Петербурге в 1878 (почувствуйте разницу в годах! — *Авт.*); получили название по фамилии профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина» (БСЭ, т. 3, с. 274). И во имя памяти этого великого человека (не путать с так наз. «революционером и декабристом» Михаилом Павловичем Бестуже-

вым-Рюминым), приведем такие сведения: «***Бестужев-Рюмин Константин Николаевич*** *(14(26).5.1829, дер. Кудряшки Нижегородской губ., — 2(14).1.1897, Петербург)*, русский историк. Родился в дворянской семье. Окончил юридический факультет Московского университета (1851). С 1865 профессор кафедры русской истории Петербургского университета, с 1890 академик. В 1878–1882 гг. возглавлял Высшие женские курсы в Петербурге (Бестужевские). Член Археографической Комиссии, Русского географического общества и др. научных обществ. Активный деятель Петербургского славянского комитета. Вел большую публикаторскую (издание источников) и научно-общественную деятельность. *В своих работах выдвигал на первый план требование установления конкретных исторических фактов, основываясь на документальных источниках, но при объяснении исторических событий считал возможным исходить из художественно-психологических мотивов.*» (БСЭ, т. 3, с. 274; курсив мой. — *Авт.*); удивительная, тонко схваченная мысль, подпитывающая всякое желание при написании публицистических трудов опираться не только на документальные источники (ведь могут быть и сфабрикованы!), но и на психологические мотивы, изъясняясь художественным языком. Именно **этот принцип** я и старалась положить в основу всей данной книги.

Даже советские деятели не могли не признать, что «Бестужевские курсы были по существу первым женским университетом в России»; Высшие женские курсы имели по 2 факультета: физико-математический и историко-филологический (см. БСЭ, т. 5, с. 559–560; однако и тут ошибка! — 2 факультета назывались: физико-математический и словесно-исторический. Так что Надежда слушала лекции не по русскому языку, как нам подают разные авторы, а по *русской словесности*, — и этот нюанс очень важен...). И именно в таком престижном заведении постигала науки Надежда Константиновна, пытливая девушка, отдающаяся всей душой наукам.

Но вернемся к упоминаемым выше источникам и общепринятой, пропагандируемой и поныне версии.

«Здесь (имеется в виду на курсах. — *Авт.*) она встретила старую знакомую Ольгу Витмер... Она привела Крупскую в кружок студентов-технологов, которым руководил Михаил Иванович Бруснев... Бруснев был образованнейшим марксистом того времени. Его группа уже имела под своим влиянием 20 рабочих кружков Петербурга. Надежда Константиновна трудно сходилась с людьми — мешала природная застенчивость... Занятия в кружке увлекли Крупскую, и она оставила Бестужевские высшие курсы, решив, что кружок ей даст больше необходимых знаний (это откровенная, нечистоплотная ложь, так что больше к этой теме возвращаться не будем. — *Авт.*). ...В марксистском кружке, где занималась Крупская, изучали «Капитал»... Как-то ей в руки попалась рукописная тетрадь «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса... А чтобы прочесть «Анти-Дюринг», Надежда Константиновна досконально изучила немецкий язык и не пожалела о потраченном на это времени». Это писали Клара Александровна и Людмила Ивановна (с. 21–23). О том, что Крупская в разные годы и при разных обстоятельствах (то на досуге, то находясь в тюрьме, то в ссылке, то за границей и т.д.) вновь и вновь «учила» то немецкий, то английский, то польский, можно встретить в совершенно разных источниках.

«На курсах она встретила старую подругу Ольгу Витмер. Та и привела Надежду в кружок студентов-технологов Михаила Ивановича Бруснева, одного из первых русских марксистов. Здесь Крупская познакомилась с «Капиталом» Маркса, рукописной копией работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». А чтобы одолеть «Анти-Дюринг» того же автора, Надя самостоятельно изучила немецкий». А это из книги Бориса Вадимовича (с. 23).

Кстати, учащимся советских школ (а товарищи вышеназванные авторы прошли школьное обучение при советской власти) учителя в старших классах, вплоть до 70-х гг. XX столетия, демонстрировали размещенную в школьных учебниках фотографию *аттестата зрелости* Владимира Ильича Ульянова (Ленина), закончившего с золотой медалью Сим-

бирскую гимназию. Подобный фотодокумент зачастую вывешивался еще и в школьном мини-музее или на настенном стенде. В аттестате, приводимом как пример, к которому должны стремиться все советские ученики, стоят «5» по Закону Божьему, немецкому, французскому, английскому языкам и латыни, а по логике — отметка «4». Юный Вова Ульянов по окончании гимназии, которой руководил друг его отца Ф. Керенский, свободно владел тремя этими языками.

Так что откровенная фальш агитпроповских текстов состоит в том, что по завершении гимназии в Российской Империи каждый (!) должен был свободно владеть немецким, французским и английским языками, а также уметь читать по латыни! Иначе аттестата зрелости, т.е. документа об окончании гимназии не видать! При этом «**аттестат зрелости** — документ об окончании средней общеобразовательной школы. В России был введен в 1872 в классических гимназиях. ...давал право на поступление в университет. В СССР введен с 21 июня 1944 постановлением СНК СССР... Выдавался до 1962, когда был введен аттестат о среднем образовании» (ПЭ, т. 1, раздел 149). Ну а «царский» аттестат зрелости по сравнению с советским аттестатом о среднем образовании, как говорят, *небо и земля*...

Для того чтобы завершить тему о знании иностранных языков учениками школ Российской Империи, обратимся к свидетельству «отца русской революции» Лейбы Давидовича Троцкого. В его книге, написанной за рубежом в конце 20-х гг. XX века, а потому достаточно правдивой в некоторых отдельных деталях, есть такие слова: «Прибывшая из деревни сестра доставила мне, по моей просьбе, четыре Евангелия на иностранных языках. Опираясь на школьное знакомство с немецким и французским языком, я, стих за стихом, читал Евангелие также и по-английски и по-итальянски» (Л. Троцкий. Моя жизнь. М., 1991, с. 125–126). Во время чтения евангелических стихов недавний выпускник захолустного реального училища (даже не гимназии!) 18 лет от роду находился в одесской тюрьме.

...Несколько последних лет прошли относительно спокойно, если не считать внутреннего трепета юной Надеж-

ды; она не верила, что темные люди оставили ее с матерью в покое. И не ошиблась.

После поступления Наденьки на Бестужевские курсы, к ней подослали Ольгу Витмер (в некоторых современных источниках фигурирует как лесбиянка); путем шантажа та вытребовала, чтобы курсистка явилась на встречу с М.И. Брусневым. Их первая встреча произошла «в маленькой комнатке, которую Бруснев снимал с еще одним товарищем-технологом» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 22). Затравленная обреченность владела чувствами Надежды Константиновны в первое время контактов с так наз. революционерами, — отсюда и правдивые замечания, что Крупская «трудно сходилась с людьми» и что во время большевистских «вечеринок она всегда молчала».

В революционном движении Бруснев с 17 лет, — после совращения его более опытными в «деле революции» товарищами. А в то время, в конце 80-х, был он студентом Санкт-Петербургского технологического университета.

Фотографии Михаила Ивановича Бруснева *(1864–1937)* дают довольно яркое представление об этом человеке: пухленькое лицо с детским выражением, вздернутый нос, мягкие губы, реденькая клочковатая, неаккуратная бородка. Чаще всего так выглядят дегенераты и гомосексуалисты. Впрочем, разумный человек по доброй воле никогда бы не связался с извращенцами, жаждущими мировых потрясений; а все потому, как утверждает известный писатель, профессор Георгий Климов, что у них непорядок сначала в штанах, а от этого и в голове. Такое определение «революционирующих» можно встретить в работах ученых в области психиатрии и высшей социологии. Так что вам нетрудно будет догадаться, кто входил в группу этого 23-летнего «образованнейшего марксиста того времени». Да еще если учесть, что, как утверждают советские авторы, «его группа уже имела под своим влиянием 20 рабочих кружков Петербурга», то представьте, сколько нечисти было объединено, совращено и завербовано.

Надежду Константиновну Крупскую постепенно окружали, смыкая плотное кольцо, «русские» революционеры.

Глава 5

В год зачисления Надежды Крупской на Бестужевские высшие женские курсы поздравить слушательниц с этим событием прибыли две четы великих князей. То было великолепное и в то же время трогательное зрелище; девушки бросали смущенные взгляды, их щеки вспыхивали нежным румянцем, когда доходила очередь представляться, назвав при этом свой титул и фамилии родителей. Оба великих князя были весьма приветливы и учтивы с юными созданиями.

Когда очередь дошла до Наденьки, она сделала книксен и широко распахнув голубые глаза, представилась, отчего-то сфокусировав взгляд на великом князе Сергее Александровиче.

— Дочь офицера русской армии дворянина Константина Крупского.

Великий князь коснулся ее ладошки и своим красивым сочным баритоном произнес:

— А вы, мадмуазель, очевидно, по линии матушки своей имеете сановную кровь... Ну что ж, несомненно, это так. Как ты думаешь, братец? — повернулся он к августейшему брату.

Великий князь Павел Александрович отреагировал словами:

— Серж, я думаю, подробной информацией обладает наш Синод и его высокопревосходительство Константин Петрович Победоносцев.

Он дал понять, что при желании его брат может еще раз взглянуть на документы, представленные при зачислении сей особы (как и всех остальных слушательниц), каждый из которых тщательно проверялся. Тот только улыбнулся в усы.

Слова великого князя Сергея Александровича прозвучали как комплимент, и Надежда не придала им ровным счетом никакого значения. Ее поразили не так слова, как

царственная стать, мужское обаяние и приятный, звучный голос. Однако пройдет еще много времени, и комплимент сей разразится ярким и светлым, но коротким романом на стыке XIX и XX веков.

— Ну-с, девицы ясные, — прозвучал в другом конце гулкой залы тот же приятный баритон, — удачи-с. А мы вас с братцем не забудем-с.

И великие князья вместе с женами, приятно шуршащими подолами по гладчайшему полу, покинули девичье собрание.

«***Сергей Александрович Романов*** *(29. 4(11.5). 1857, Царское село, ныне г. Пушкин, — 4.(17).2.1905, Москва)*, русский великий князь, четвертый сын императора Александра II. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1887–1891 гг. командир лейб-гвардии Преображенского полка; с 1891 г. московский генерал-губернатор, одновременно с 1896 командующий войсками Московского военного округа. Реакционер, антисемит, религиозный фанатик. Был женат на сестре императрицы, оказывал большое влияние на Николая II в вопросах внутренней политики. Деятельность Сергея Александровича в Москве была ознаменована кровавой катастрофой во время коронации 1896, ...массовыми арестами революционеров, гонениями... высылкой евреев» (БСЭ, т. 23, с. 289).

Познакомившись с характеристикой, которую дают этому человеку советские историки, начинаешь понимать, почему так негативно отзывался обо всех русских императорах и великих князьях и писатель В.П. Обнинский (*1867–1916 гг.*; печатался также под псевдонимами В. Об-ский и Турлик), опубликовавший в 1912 году свою книгу-пасквиль «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II»; вышла в Берлине тиражом в 500 экз. Автор, выходец из русских евреев, воссоздал атмосферу царского двора такой, какой ее хотели видеть его единомышленники. Без всякой натяжки его можно назвать соавтором будущих советских учебников истории царской

России. А доживи он до времен советской власти, глядишь, и был бы принят в Академию советских наук.

Чем же провинился русский великий князь Сергей Александрович Романов, отчего вызвал ненависть «всей передовой России» в лице ее «славных представителей» писателя Обского-Турлика и товарища Ульянова-Ленина, поминавшего его гневными словами в своих «гениальных» работах? Ответ уже дан самими советскими историками в БСЭ: *антисемит, выселял евреев*, гнал революционеров в шею, подальше от столиц. Да к тому же еще и оказывал в этом вопросе большое влияние на Николая II, обращая его внимание на то, как антирусские силы нагнетают ситуацию в стране. И ведь правильно делал великий князь! Так как же было это вытерпеть? Вот и не вытерпели, не простили, — сплели заговор, заманили; и 4 февраля 1905 года Сергей Александрович был убит И.П. Каляевым в Кремле.

И даже мертвый он потянет за собой шлейф грязной лжи, — такими методами *советские* историки и писатели приучали людей русских презирать и ненавидеть своих правителей; да разве ж только их... До сих пор — а уж скоро столетие пройдет! — чураемся и избегаем разговоров о тех подлостях, что свершены были против русского и других народов Империи...

Родившийся в семье самодержца Российского Александра II и его супруги Императрицы Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии Гессен-Дармштадской, а по-русски Марии Александровны, августейший ребенок, нареченный Сергеем, прожил удивительную жизнь, закончившуюся фатально. Его жизнь заслуживает особого изучения и повествования; тем более что нигде — ни в советской, ни в зарубежной историографии — подробно **не** освещены судьбы великих князей Романовых. Слишком это невыгодная тема для определенных сил, вершащих мировые судьбы. ***Иначе станет воочию видна и понятна роль этих сил в уничтожении одной из самых уникальных в истории мировой культуры цивилизации, именуемой Российская Импе-***

рия. Но она исчезла, как в свое время исчезли Египет, Древняя Греция, Древний Рим; как еще прежде — много-много ранее — исчезло *Русское государство валдаев*, появившееся за 60 000 лет до рождения Иисуса Христа и просуществовавшее более 40 000 лет. Но вот нашлись же силы и — переписали всю историю мировых цивилизаций... под себя...

Коль в последующем в советских школах **не** учили гордиться ни русской историей, ни русской страной, приобретая поверхностные знания в разных науках, щедро сдобренных идеологическим пометом, то во времена царствования Романовых все было как раз наоборот: ученики получали глубокие и разносторонние знания. Независимо от того, учились ли они в училищах, гимназиях, институтах, университетах или просто слушали публичные лекции.

При этом ставшие популярными с середины XIX в. публичные лекции проводили многие поистине выдающиеся ученые русской науки в разных отраслях знаний. Большевики впоследствии, переняв идею, превратят обязательные публичные лекции агитпроповцев в пародию; их уровень несоответствия оригиналу столь разителен, как разительна неимоверная пропасть, к примеру, между талантливым ученым, основоположником русской физиологии и научной психологии Иваном Михайловичем Сеченовым и косноязычным большевиком-психопатом Кальмансоном, приехавшим в колхоз читать лекцию о засилье буржуев...

Надежда Константиновна Крупская считала, что ей невероятно повезло, ведь в годы ее учебы на Бестужевских курсах там в числе иных светил читал лекции и И.М. Сеченов, работавший одновременно на кафедре физиологии Санкт-Петербургского университета. Он — «любимый профессор» на Бестужевских курсах, этого университета для женщин. «Что это был университет, — говорит Сеченов в своих «Записках», — доказательством служит систематичность 4-летнего курса, читавшегося профессорами, доцентами университета и даже некоторыми академиками. Я читал на курсах то же самое и в том же объеме, что и в университете, и, экзаменуя ежегодно и там и здесь из прочитан-

ного, находил в результате, что один год экзаменуются лучшие студенты, а другой — студентки. Помню, даже что за все мое более чем сорокалетнее профессорство самый лучший экзамен держала у меня студентка, а не студент... Да, это была заря высшего женского образования в России, и студентки учились прямо-таки с увлечением...» (К.Х. Кекчеев, «Сеченов», ЖЗЛ, М., 1933, с. 87).

О лекторском даровании этого человека упоминали многие, подчеркивая, как удивительно сочетались в нем изящество сеченовского языка и особенная убедительность сеченовской логики. Вот небольшой абзац из упомянутой книги Кекчеева: «И. М. никогда во время лекции не напрягал своего голоса, он говорил так же спокойно, как и во время обычного разговора, а между тем голос разносился и наполнял всю большую аудиторию. С этой красотой дикции хорошо сочеталась и особенность речи. Он был вообще мастером речи. Он знал отлично три иностранных языка: говорил по-немецки и по-французски с безукоризненным произношением. Что же касается его русского языка, то многие места из его популярных статей и речей заслуживают того, чтобы быть внесенными в хрестоматии наряду с отрывками наших лучших писателей и беллетристов. Он дал образцы исключительного изящества русского научного языка. Язык Сеченова отличается образностью и какой-то особенно сильной меткостью, хочется сказать, каким-то здоровьем: в нем чувствуется что-то от деревни, ее полей и лесов. Кое-какие старомодные обороты, как, например, «по колику, по толику», «на сей конец» и др. придавали какой-то особенный привкус его мастерской русской речи» (там же, с. 100). Так ностальгично в 30-е годы XX века вспоминает бывший студент И.М. Сеченова — этого замечательного ученого, которого советская власть по своим причинам решила ввести *в пантеон советской славы*, перекроив жизнь и деятельность на свой лживый лад. «Сеченов был не только блестящим исследователем, глубоким мыслителем, но и талантливым преподавателем и популяризатором науки. Поэтому на его публичных лекциях всегда было много слушателей» (БМЭ, т. 30, раздел 48).

...А со временем и женщина, восхищавшаяся наряду с другими слушательницами и «исключительным изяществом русского научного языка» любимого профессора, и «мастерской русской речью», приложит неимоверные старания, чтобы **уничтожить** здоровье и красоту русской словесности, русского письменного языка, русского мышления. Но откуда такая ненависть? — на этот вопрос попытаемся ответить всей этой книгой.

Итак, пока сатанинский маховик набирал ход, огромная страна развивалась и просвещалась.

И коль этот человек непосредственно связан с главной героиней книги, и коль главная героиня книги имела непосредственное отношение (когда прямое, когда косвенное) к уничтожению РУССКОГО: просвещения как познания окружающего мира; словесности как образа мышления; образования; языка и литературы; науки; медицины и т.д. и т.д. — то приведем краткие сведения из биографии профессора, выбрав для этого два основных советских источника: БСЭ (т. 23, с. 325–326) и БМЭ — Большую медицинскую энциклопедию (М., 1963 г., т. 30, разделы 43–48). Авось отыщем рациональные зерна, просеяв тексты советских составителей.

Сеченов Иван Михайлович *(1.(13).8.1829–2.(15).11. 1905)* — великий русский ученый, основоположник русской физиологии и научной психологии... Родился в мелкопоместной дворянской семье в селе Теплый Стан Курмыжского уезда (ныне село Сеченово Ульяновской (затем Горьковской) области). Закончил Петербургское военно-инженерное училище (1848); увлекался физикой и неорганической химией. В 1856 — закончил медицинский факультет Московского университета; отдавал предпочтение физиологии и сравнительной анатомии.

Продолжал обучение в Берлине; вел исследования на тему о влиянии острого отравления алкаголем на организм человека, на основе которых написал свою докторскую диссертацию. Успешно защитил в 1860-м в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге.

В начале 1857 г. переехал в Лейпциг, весной — в Вену, где вместе с С.П. Боткиным и другими русскими врачами прослушал курс лекций К. Людвига. Здесь же, в лаборатории сконструировал новый прибор для анализа газов в крови (назван «насос Сеченова»); эта модель легла в основу всех дальнейших приборов этого типа.

Сразу после защиты диссертации занял кафедру физиологии в той же Медико-хирургической академии. Где прочел курс лекций «О животном электричестве», за что и был удостоен Демидовской премии Российской академии наук (1863). «С восторгом и воодушевлением были встречены его лекции студентами». В 1863 г. написал свою знаменитую книгу «Рефлексы головного мозга» (рабочее название: «Попытка ввести физиологические основы в психологические процессы»). Работая в Медико-хирургической академии (1860–1870 гг.), основал там физиологическую лабораторию, написал учебник «Физиология нервной системы», перевел учебник Германа «Основы физиологии» и учебник физиологической химии Кюне.

С 1871 по 1876 гг. заведовал кафедрой физиологии Новороссийского университета (Одесса); в 1876–1888 гг. был профессором физиологии Санкт-Петербургского университета, читал лекции на Бестужевских курсах. Как раз в эти два года — 1887-й и 1888-й — его и лицезрела Надежда Крупская, познавая из уст профессора основы анатомии, физиологии, психологии и антропологии человека.

Иван Михайлович Сеченов осенью 1889 г. вернулся в Московский университет в качестве приват-доцента. Он читал курс лекций для студентов и лекции для врачей «по центральной нервной системе» (изданы в 1891 г. под названием «Физиология нервных центров»; «последняя часть этого труда посвящена вопросам экспериментальной психологии»). В 1891-м возглавит кафедру физиологии; проработает там, на кафедре и в ее лабораториях, десять лет — по 1901-й. Незадолго до смерти, в 1904-м будет избран действительным членом Российской Академии наук (член-корреспондент еще с 1869 г.). Выйдя с 1901 г. в отставку, про-

должает экспериментаторскую деятельность, читает публичные лекции.

Сфера интересов ученого обширна (даже учился стеклодувному мастерству в Германии), но превыше всего — психофизиология, исследования в области физиологии нервной системы, научная психология. «Широта научных интересов и масштабы проделанных им исследований колоссальны. Нет почти ни одного отдела (! — *Авт.*) физиологии, в которой неутомимый исследователь не добился бы новых больших результатов и не вовлек бы в круг своих интересов молодых ученых» (БМЭ более благосклонна к русскому ученому и его наследию, в тексте можно почувствовать дань уважения уникальному исследователю). В БМЭ сказано, что И.М. Сеченов выяснил причину катастрофы при полете первых аэронавтов на аэростате «Зенит»; и эти его работы — **первая** попытка изучения физиологии человека в полете. Потому Сеченова следует считать основоположником авиационной медицины.

И такие светила в разных областях человеческих знаний имелись в Российской Империи, пока в 1917 году не было уничтожено государство, наука и отправлены за два десятилетия НА ТОТ СВЕТ 60 миллионов только русских людей, — сила, цвет и гордость нации.

Надежде Константиновне Крупской еще придется встретиться с Иваном Михайловичем Сеченовым при весьма необычных обстоятельствах; он выполнит ее просьбу, поставит диагноз, который разбудит в ней неуемную ярость к обидчикам. Она же в 20-е годы XX в. спасет от неминуемой гибели его жену Марию Александровну *(1839–1929 гг.)*. А трудами выдающегося русского ученого воспользуются, — о чем он неоднократно предупреждал и чего пытался избежать, — недруги русской науки, Русского государства и русского Православия…

Они встретятся с И.М. Сеченовым, этим светилом русского ученого мира в 90-х годах XIX века, и причиной настойчивых просьб принять ее станут отношения юной жен-

щины Надежды Константиновны и великого князя Сергея Александровича, воплотившего в себе ее мечты о настоящем мужском начале, о гармонии взаимоотношений здоровых, в соответствии с божественной Природой, мужчин и женщин. И, конечно же, мечты о чистой земной любви.

Пока многоликое сатанинское зло, которое постепенно сжимало свои объятия вокруг самой Надежды, не сделало ее соучастницей фатальной драмы — убийства великого князя Сергея Романова, антисемита и гонителя революционеров, пытавшегося изо всех сил спасти Российскую Империю от катастрофы.

Глава 6

За три года учебы на Бестужевских курсах Надежда так устала от повышенного внимания к себе всех этих революционеров и революционерок, уговаривавших присутствовать на различных тайных мероприятиях, где велись разговоры о новом царстве и новых человеках; где звучали непривычные русскому слуху имена; где шло откровенное посмеяние над народом русским; где бойкие учителя, только вот приехавшие из-за границ, мнили себя мессиями, спасающими человечество неразумных.

Надя старалась избегать этих сборищ, но избежать их вовсе было невозможно; она уже попала в лапы пытавшихся совратить ее; «познакомившись с нею, я немедленно начал упорные атаки, чтобы совратить ее (определение-то какое правильное! — *Авт.*) в народничество и привлечь к работе в нашей группе» (слова народовольца Мещерякова).

Пришлось схитрить, чтобы выехать незамеченными из Санкт-Петербурга на отдых. Весной 1890 года Елизавета Васильевна увезла дочь в Псковскую губернию. Всего 10 лет отделяло Надю от того счастливого лета, когда она вместе с родителями приехала сюда, в поместье Косяковских. Как чудесно было ей, 11-летней девочкой пребывать в этом раю... Но и сейчас, будучи молодой барышней, она искренне ра-

довалась каждой приятной мелочи; но как быстро летели летние дни...

Впереди был еще год учебы. И чем ближе подходило время отъезда, тем тяжелее становилось на сердце.

А тем временем ее сильно постаревший «дядюшка» Бронислав ...гиньский путешествовал по Европе; он в который уж раз посетил одну из масонских школ Ордена под Амстердамом. Где было принято окончательное решение в отношении дворянки Надежды Крупской, исходя из предыдущих и нынешних докладов агентов «дядюшки». Теперь, по завершении Бестужевских высших женских курсов, Н.К. Крупской следовало пройти ознакомление *с Европами...* И подобные перипетии — по сходному или иному какому сценарию — происходили не только с Надеждой.

Дядя появился в ее жизни вновь практически по завершении учебы; шла весна 1891 года. В нем больше не было того лоска, которым он мог покорять требовательные женские сердца; старость изменила его черты, но властность, сквозившая во взгляде и движениях, настораживала, держала в напряжении.

Надежда почувствовала скованность в ту же минуту, как он вошел в комнату; и вновь в ее памяти возникло давнее видение: она одна, ждет мать, и тут как черт из табакерки появляется пышноволосый незнакомец и вальяжно спрашивает отца... Образ миллионера Утина еще не раз искрой вспыхнет в ее сознании, когда она станет сопоставлять события своей жизни... Она отвела взгляд, словно уличенная в непотребной связи, она хотела провалиться сквозь пол, но циничный оловянистый взгляд неожиданного гостя наполнил свинцом ее ноги.

Ее теперешнее восприятие давнего обидчика не было страхом, — разве что презрением к нему и одновременно к себе самой: глупой девочке, замаравшей тело и душу.

И уже одно то, что она не боится, придавало ей силы. Учеба на Бестужевских курсах была столь эффективной,

что закладывала в подсознание девушек особое мировоззрение, определявшее божественное предназначение женщины, Женщины-матери, Создательницы и Продолжательницы рода человеческого. Именно это — *познание немыслимых глубин женской природы самое себя* — и вызывало в ней отторжение давнего сожителя, совратителя ее тщедушного тела, терзателя ее не устоявшейся психики. Назвавшегося к тому же родственником; что было преступней во сто крат, ибо подобная связь всегда противоестественна и направлена против Бога.

Его многолетнее пребывание в ряде европейских городов и встречи с резидентами Ордена, как правило, сопровождались мистификацией событий, ритуальными таинствами и содомией. А так как он являлся пассивным педерастом, то его роль отложила свой неизгладимый отпечаток. Надя уже встречала подобное выражение лица, подобные жесты и повадки у некоторых знакомых из так называемых социал-демократов, народников и всякой шушеры, с которой ей пришлось встречаться. И хотя она была еще слишком наивна в этом вопросе (опыт распознавания, узнавания и презрительной ненависти придет позже), Надежда женским чутьем понимала, *что именно* вызывает в ней протест в его облике, голосе, словах и жестах…

С наступлением лета и после блестяще завершенных экзаменов Наденька не по своей воле побывала в Италии, посетила чудесный город Париж, затем прослушала специальный курс «изящных дам» в Амстердамском центре Ордена. Ничего особенного в тех лекциях не было. Но за ней незримо наблюдали, «просчитывали», обрабатывали… Во время европейских каникул она вновь встретилась со своим влиятельным «родственником». Старый «дядя» Бронислав свел Надежду с создателем и руководителем марксистской группы «Освобождение труда» Георгием Валентиновичем Плехановым. А тот в беседе напомнил, что ее пребывание в зарубежной поездке по Италии, Франции и Голландии не случайно, она теперь знает многих «их» людей и что за гра-

ницей и на родине есть люди, которые надеются теперь на взаимопонимание. Формой взаимопонимания со стороны Крупской, по мнению Плеханова, являлось ее зачисление народной учительницей для работы в вечерних воскресных школах среди пролетариев северной столицы.

Плеханов Георгий Валентинович (псевдонимы — Бельтов, Симплициссимус, Утис; чаще подписывался русскими фамилиями: Алексеев, Бочаров, Валентинов, Волгин, Кузнецов, Каменский, Ушаков и др. В некоторых источниках называется фамилия его матери *Бельтман.*); родился 29.11 (11.12) 1856, с. Гудаловка Липецкого уезда Тамбовской губ. (ныне Липецкой обл.) — 30.5.1918, Петроград; (по другим сведениям: 26 ноября 1856 — 31 мая 1918 г., Териоки, ныне Зеленоград Ленинградской обл.).

«Родился в небогатой помещичьей семье» (Литературная энциклопедия (ЛЭ), 1943, т. 8); «родился в мелкопоместной дворянской семье» (БСЭ, 1975, т. 20). «Закончил военную гимназию в Воронеже» (БСЭ); «окончил курс Воронежской военной гимназии» (ЛЭ). «В 1873 поступил в Константиновское военное училище, через год перешел в горный институт» (ЛЭ), но уже в 1876 г. был исключен за связь с революционерами-народниками, часто пропагандирующими сказки о лучшей жизни через... задний проход (в прямом смысле). Впрочем, совратить 17–19-летнего недоумка — невелика заслуга; однако на этом строилось все так называемое революционное международное движение, вдохновляемое учением мужеложцев Маркса и Энгельса.

«Постигал» учение в Петербурге. Входил в группу «Земля и воля», был одним из ее организаторов, но после ее раскола в 1879 г. стал одним из руководителей «революционно-народнической» группы «Черный передел» (красноречивое название!). В помощниках и организаторах Центрального кружка (!) в Санкт-Петербурге числятся также П.Б. Аксельрод, О.В. Аптекман, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич. Имели свою подпольную типографию, журнал с одноименным названием, газету «Зерно». Периферийные кружки действовали в Москве, Харькове, Казани, Перми, Саратове, Самаре, Кие-

ве, Минске и других городах. В 1880-м некоторые из чернопередельцев, в том числе Плеханов, Дейч и Засулич удрали в эмиграцию. Их подельник П.Б. Аксельрод с сотоварищи выработал программу важности террора как средства революционной борьбы; одобрена всеми чернопередельцами. В эмиграции «он стал изучать теорию марксизма и приобщился к практической деятельности социал-демократии» (ЛЭ); прошел своего рода «курс молодого бойца» в одном из заграничных центров масонского Ордена, при этом «проштудировал» отдельный курс, могущий условно называться *«Содом и Гоморра»* — идеальная спайка для сверхсекретной нелегальной организации, имеющей целью изменить мироустройство (лучшего ***компромата*** на каждого из многочисленных членов и придумать сложно...).

Организация перестала существовать в 1881 г., а ее участники, «перейдя на позиции марксизма, создали в 1883 в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда» (БСЭ, т. 29, с.107); только вот КТО же в этой марксистской организации РУССКИЙ?!

Кстати, эмиграция никоим образом не мешала всем этим «борцам за народное счастье», щедро спонсируемым Орденом, шнырять *по Европам*, возвращаясь время от времени в Россию...

Г.В. Плеханов, женатый на еврейке (см., к примеру, статью некоего Л. Ратнера «Еврейские жены русских вождей» в Интернете и др.), становится «первым пропагандистом, теоретиком и блестящим популяризатором марксизма в России»; организатор и автор программных документов группы «Освобождение труда». По его приказу на русский язык были переведены некоторые произведения Маркса и Энгельса. Сам он перевел «Манифест Коммунистической партии» (1882) и др.; много писал. «Установил тесные связи со многими представителями западноевропейского рабочего движения (никакие *рабочие* в те движения не входили, так что понимай правильно. — *Авт.*), активно участвовал в работе II Интернационала (резидентура Ордена. — *Авт.*) со времени его основания (1889), встречался и был близок (! — *Авт.*) с Ф. Энгельсом... Весной 1895 впервые встретился с

приехавшим в Швейцарию Лениным. В ходе этой встречи была достигнута договоренность об установлении связей между группой «Освобождение труда» и марксистскими организациями России» (БСЭ). «В 1889 участвовал в образовании II Интернационала» (ЛЭ).

Да, и вот еще на что следовало бы обратить особое внимание: «Плеханов был первым марксистом, который взялся за научную разработку истории русской общественной мысли, собрав и систематизировав по этому вопросу огромный материал. Его трехтомная работа «История русской общественной мысли» явилась первым сводным обобщающим трудом, который охватывает историю… с древнейших времен до конца XVIII в. и написан в целом с марксистских позиций (1-й том вышел в 1914 г.)» (БСЭ, т. 20, с. 30–31). Вот так **переписывалась** настоящая история Русского государства с древнейших времен; вот так писалась «под себя» — с марксистских позиций! *А ведь в русском обществе господствовала тогда безраздельная, святая вера в самобытность русского исторического процесса и бесклассовость русского общества! — потому что все сословия (а никакие не классы!!!) были в государстве привилегированными, почитаемыми, и Российская Империя считалась тогда Державой №1 в мире. Вот что было страшно черным силам; вот что надобно было разрушить… И тогда чистое и доверчивое общество стали растлевать ложью, шантажом и развратом.*

Плеханов стал на время главным пауком, знающим проложенную между Россией, Великобританией и Америкой дорогу к самым-самым главным мировым паукам в банке (можно правдиво пошутить: главным паукам в Мировом Банке); на него сделали ставку, он — резидент Ордена, он блюдет интересы заморских хозяев, ожидающих своего часа вступить на плечи «*лезущих за дорогим предметом, лежащим очень высоко*»… Помните это: когда-то хасидский ребе Шломо из Карлима учил: «Один прохожий увидел очень дорогой предмет, лежащий очень высоко. Желая его достать, он попросил нескольких людей выстроиться в «пирамиду», чтобы верхний достал предмет. Один из них, стоящий ниже всех, спросил: «Что я тут делаю? В конце концов,

я-то не попаду наверх!» И он отпрыгнул, подвергая опасности жизни стоящих выше. Мы все одинаково необходимы — стоящие высоко и стоящие низко. Если даже один человек не будет участвовать в общем деле, успеха не достигнет никто» (Раввин Иосиф Телушкин. Еврейская мудрость. Ростов-на-Дону, 2001).

Предметом, который захотят получить выстраивающиеся в пирамиду революционеры, станет Российская Империя.

Со временем вместо Плеханова резидентом станет Лев Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн); его заменит Владимир Ильич Ленин (Ульянов); того сменит Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили), который, «кинув» всех, начнет свою войну за... овладение Орденом...

И вот в этом масонском котле приходилось вариться молодой русской дворянке Надежде Константиновне Крупской, имеющей природный ум, смекалку и множество талантов, которые разовьются в ней от испепеляющей ее сердце ненависти и презрения...

Чем больше проходило времени, тем более плотной массой скапливались вокруг нее ненавистники *русскости*. Среди ее окружения — С.Н. Южаков, П.Ф. Куделли, Л.М. Книпович, А.А. Якубова, З.П. Невзорова. В 1892 г. наконец арестован и осужден на шесть лет тюрьмы Бруснев; в жизни Крупской появляются Глеб Кржижановский, Семен Фунтиков, Герман и Леонид Красины, государственные преступники, романтики и дегенераты, психопаты и простодушные, гомосексуалисты и нигилисты, лесбиянки и убийцы. От подобной компании враз может поехать «крыша», если в тебе нет прививки от греха *нездоровой наследственности*...

Посмотрим на некоторых из этих людей через призму нынешнего восприятия, без налета всякой идеологии.

Среди представителей плехановской группы «Освобождение труда» ***Аксельрод Павел Борисович*** *(1850–1928, Берлин)*. Учился в Киевском университете. С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». С 1883 по 1903 г. писал пропагандистские работы, восхваляя марксизм. Один из лидеров

II Интернационала. Со II съезда РСДРП (1903) — один из идеологов меньшевиков, враг большевиков. Вот так и был «один из...» Пирамиды.

Аксельрод Любовь Исааковна (псевд. Ортодокс; *1868–1946*), в БСЭ названа «русским философом и литературоведом». А в ЛЭ, 1929, т. 1, раздел 79–80 читаем: «Теоретик марксизма, родилась в местечке Тунимовичи Виленской губ, в раввинской семье. На 15 году жизни, попав в Полтаву, примкнула к нелегальному движению. Первые революционные шаги сделала в Харькове, Мелитополе и Вильне, откуда эмигрировала в 1888 в Париж. ...Из Парижа переехала в Швейцарию. В 1892 стала социал-демократом. В 1900 окончила Бернский университет со званием доктора философии». В те годы там действительно училось много евреев из Российской Империи.

В революционном движении с 15 лет, член группы «Освобождение труда». Работала в нелегальных газетах «Искра» и «Заря», «читала лекции и доклады в эмигрантских колониях», — усердно отрабатывая хлеб перед своими работодателями из-за океана. В 1903 примкнула к меньшевикам. «В 1906 вернулась по амнистии в Россию, продолжая работать в РСДРП и состоя членом нелегального ЦБ профсоюзов». В начале революции 1917 г. состояла членом ЦК меньшевиков... Уцелела и в 1921–1923 гг. преподавала **в Институте красной профессуры** («руководила сценарием по философии»); позднее работала в Институте научной философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов АН СССР (РАНИОН) и Государственной академии художественных наук («состояла руководительницей ее социологического отделения»; т.е. следила за тем, чтобы там учились *свои*). Позже мы еще поговорим о том, КЕМ и КАК создавались *советская* идеология и искусство.

Аптекман Осип Васильевич *(1849–1926).* Пребывая в тюрьме — в Трубецком бастионе Петропавловской крепости в начале 80-х годов XIX века, восхищался, что в та-

мошней библиотеке имеется... «Капитал» К. Маркса. Кстати, многие преступники, отбывающие здесь, между прочим, непродолжительные сроки, отмечали хороший подбор книг в тюремной библиотеке; имелись также журналы «Отечественные записки», «Знание», «Вестник Европы». «Каторжный режим весь целиком свелся к полной изоляции узника от внешнего мира» (М. Гернет, с. 147); сотоварищами по изоляции в этой крепости в 80-х годах были: Бух, Кобылянский, Квятковский, Зунделевич, Гондельберг (повесился на полотенце), Цукерман, Фриденсон, Ланганс, Савелий Златопольский, Тригони, Айзик Арончик, Григорий Исаев, Дриго, Якимова, Евгения Фигнер, Вера Фигнер, Мария Грязнова, Оловенникова («проявила признаки психического расстройства и много кричала»; дважды покушалась на самоубийство), Геся Гельфман (была приговорена к смертной казни за причастность к убийству Александра II, но оказалась беременной), Коган-Бернштейн, Липпоман, Цицианов, Штромберг, Людмила Волкенштейн, Геллис Меер, Владимир Бубнов. И другие, чьи имена еще не раз промелькнут на страницах книги.

Дейч Лев Григорьевич *(1855–1941)*, родился в Тульчине в купеческой семье. С 19 лет «народник», в 21 подвергся аресту, бежал. В 1877 г. — один из организаторов-провокаторов крестьянских выступлений в Чигиринском уезде Киевской губернии, причем восстание организовывалось посредством распространения среди крестьян «Золотой грамоты» — подложного царского указа. Арестован, но снова бежал. Член организаций «Земля и воля», «Черный передел», «Освобождение труда». В 1880 эмигрировал, организовал нелегальную перевозку подрывной литературы в Российскую Империю. В 1884 г. арестован немецкими властями, передан России, приговорен к 13 годам каторги и поселению в Восточной Сибири. В 1901 вновь бежал, примкнул к «Искре». Убежит и в четвертый раз в 1906-м.

Член администрации Заграничной лиги русской революции. В 1911–1916 гг. жил и работал в США у «хозяев», издавал в Нью-Йорке журнал «Свободное слово». В 1917

вернулся в Петроград, стал одним из лидеров меньшевизма. После революции от политической деятельности отошел, работал над изданием литературного наследства Плеханова.

Приведем любопытный текст: «По воспоминаниям Дейча, поступившего в Карийскую каторгу в декабре 1885 года, тюремная община... была уже полностью восстановлена, камеры по-прежнему не запирались. Происходили усиленные занятия различными науками, чтением, пением, разведением огорода и цветников. Развлекались игрой в шахматы, в городки, а зимой катанием с гор. Иногда летом устраивали чаепитие на дворе за общим столом... Узники не носили оков, не были заняты каторжными работами... Во второй половине 80-х годов политические каторжане на Каре могли с гордостью указывать на свою библиотеку, на «рабочую академию» с научными занятиями и лекциями по разным отраслям знаний, на свой хор, который пел хоровые партии из опер, на сохранение своего человеческого достоинства... Политическая женская каторга на Каре возникла несколько позднее мужской. ...По словам Дейча, условия заключения в ней были лучше, чем в мужской. Число политических каторжанок, одновременно пребывавших в ней, было невелико (в 1885 году — 10) (М. Гернет, с. 323–324). За 18 лет тюрьму на Каре прошли аж 211 человек! Да, слишком «суров» был царский режим к преступникам, и скоро революционеры исправят ситуацию: создадут концлагеря, в которых — будь царские власти умнее — должны были бы сидеть революционеры еще в XIX веке...

Засулич Вера Ивановна (псевдонимы: Булыгина, Велика, Велика Дмитриевна, Старшая Сестра, Тетка, а также В. Иванов, Н. Карелин и др.), 27.7(8.8).1849, д. Михайловка, Смоленской губ., — 8.5.1919, Петроград; по другим сведениям: 1851–18.5.1919.

В 1867 в Москве закончила пансион и выдержала экзамен на учительницу. С 1868 — в Санкт-Петербурге, попала в «революционные кружки». Проходила по делу «нечаевцев» (1869–1871), попала в ссылку.

24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника, генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова; ранила из револьвера, находясь у него на приеме. Была оправдана присяжными заседателями и тут же сбежала в Швейцарию. «...Процесс Веры Засулич стоит на грани двух периодов революционного движения — пропагандистского и террористического», — М. Гернет, с. 99.; этот же автор тут же приводит и такие любопытные сведения из Доклада III Отделения о пропагандистах-революционерах: с 1872 по 1877 г. по политическим делам были привлечены к дознанию 1611 человек; среди 1054 человек 612 оказались моложе 25 лет, из них несовершеннолетних — 20%. «Доклад... отметил большое участие в пропаганде учащихся, вернувшихся из Швейцарии. Таким образом, молодежь выполнила свое обещание (!? — *Авт.*) служить делу революции, которое дала (КОМУ?! — *Авт.*) перед своим возвращением из Цюриха в Россию».

В 1879 г. Вера Засулич вернулась в Россию, примкнула к «Черному переделу». В 1880 г. вновь удрала за границу, была представителем «Красного креста» «Народной воли». С 1883-го — в группе «Освобождение труда»; переводила подрывные труды Маркса и Энгельса. Много раз нелегально приезжала в Россию для установления связей с социал-демократами. С 1900 г. — работала в газетах «Искра» и «Заря».

Участница конгресса II Интернационала.

С.Н. Южаков *(1849–1910)*, учась в Новороссийском университете (г. Одесса), в 1868–1869 гг. участвовал в студенческих волнениях; в 1879–1882 гг. как политически неблагонадежный был в ссылке в Восточной Сибири; редактировал и публиковался в провокационных изданиях; интересовался аграрным вопросом в России (для чего, — вы уже знаете: чтобы, проанализировав в едином заграничном центре все собранные данные об уникальной сельскохозяйственной системе, уничтожить ее). В годы, когда Надежда Константиновна училась на Бестужевских курсах, Южаков был членом редакции журнала «Северный вестник» (с 1885 по 1889 гг.). Имел сестру ***Е.Н. Южакову*** (революци-

онный псевдоним Наташа; годы жизни 1851–1883); в годы учебы в Цюрихе (1869–1871) была завербована, входила в группу «якобинцев русских» — организации, члены которой считали, что «революция должна начаться с государственного переворота, осуществляемого силами организованного революционного меньшинства, которое, захватив власть, установит революционную диктатуру»; среди членов С.Н. Нечаев, К.М. Турский, К. Яницкий, М.Н. Шрейдер и др. Возвращаясь эмиссарами в Россию, эти люди создавали подпольные кружки; в конце 70–80-х гг. группы-близнецы уже действовали в Одессе, Киеве, Санкт-Петербурге, Москве, Курске, Смоленске, Орле. Некоторые из проповедников *захвата власти путем заговора* впоследствии организовали «Террористическую фракцию». (БСЭ, т. 30, с. 483). «Наташа» — в первых рядах заговорщиков; она еще и член «Общества народного освобождения». (Наивный вопрос: живи вы сейчас в благополучной Швейцарии, как бы вы назвали человека, который активно борется против власти, призывает к смене существующего строя?! — наверняка слова: *психопат*, *дегенерат*, *идиот* были бы самыми мягкими в вашем лексиконе. То же касалось и России XIX — начала XX в., когда страна занимала одно из первых (!) мест в мире по уровню жизни.) В 1875–1877 гг. жила в Одессе, участвовала в революционных кружках, вела активную пропаганду, распространяла подрывную литературу и т.д. Во время сербо-турецкой войны 1876–1877 гг. занималась шпионажем и подрывной деятельностью. В 1879-м была арестована и приговорена военно-окружным судом к 15 годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. Бежала, была схвачена и выслана в Якутскую область.

В компанию подобных людей оказалась вовлечена и Надежда Константиновна Крупская, учительствуя в школе за Невской заставой. И круг людей вокруг нее не только уплотнялся, но и ширился. И она сама уже была сопричастна к «просвещению» подданных Российской Империи, выбирая самых дегенеративных, самых бесхребетных, как говорят, *без Бога в сердце, без царя в голове...*

В 1892 г. на Пасху, после ареста и осуждения Бруснева, собралась группа его молодых «учеников» и «последователей»; Глеб Кржижановский, Семен Фунтиков, Герман и Леонид Красины, Петр Запорожец и некоторые другие, поправшие нормы морали и нравственности; они решали: как и где установить явки, кто и каким кружком будет руководить, где будут проходить конспиративные встречи... В обсуждении принимали участие Надежда Крупская, Аполлинария Якубова, сестры Софья и Зинаида Невзоровы. «Задача учительниц и учеников воскресной школы была вербовать (!!! — *Авт.*) в кружки наиболее сознательных рабочих. Именно в 1893/94 появляются в классах... Иван Бабушкин, братья Бодровы, Грибакин и другие, — будущие члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Бабушкин попал в группу Лидии Михайловны Книпович — образованного человека, опытного, закаленного бойца... «Ученики были на подбор, — писала Надежда Константиновна. — ...Потом все в разные сроки были арестованы, все вошли в движение. ...по вечерам обычно запирали парадную дверь на ключ, оставляя открытым лишь черный ход, и таким образом бронировались как от могущего внезапно приехать инспектора, так и от непрошеных посетителей» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 32–33).

Еще «29 августа 1891 г. началась деятельность Крупской в мужской вечерне-воскресной Смоленской школе за Невской заставой — в самом центре рабочего района. Здесь она бесплатно проработала пять лет. Впоследствии Надежда Константиновна писала, что эти занятия на всю жизнь остались одним из самых светлых воспоминаний, дали ей чрезвычайно много для понимания рабочей среды, рабочего быта» («Надежда Константиновна Крупская. Биография», с. 16).

Надежда Крупская уже не в первый раз по воскресеньям проводила занятия с рабочими, но, как выяснялось в

процессе учебы, это были не столько рабочие от станка, сколько обыкновенные филеры, люмпен-пролетарии и юноши с женственным обличьем и не менее женскими фигурами. Ведь, по сути, для чего было учить грамотное население? Смотрите, даже Лейба Троцкий указывал: «В 1897 г. считалось в Николаеве около 8000 заводских рабочих да около 2000 ремесленных. Культурный уровень рабочих, как и заработок, были сравнительно высоки. Безграмотные составляли ничтожный процент» (Л. Троцкий. Моя жизнь. С. 115); так то ведь заурядный южный городок Николаев, а вовсе не Санкт-Петербург! И так называемые «школы для рабочих» создавались не для обучения грамоте, а для повышения уровня различных знаний; тогда же популярными становились публичные лекции, читаемые преподавателями, профессорами различных учебных заведений России.

Как-то Надя задержалась после занятий, и тут в ее кабинет заглянул один из таких женоподобных чудаков, нагловато улыбнулся и пригласил ее пройти в соседний класс. Она, ничего не подозревая, прошла за ним. А войдя, увидела… содомию, и ей настырно было предложено заняться тем же.

Подобное зрелище пришлось ей лицезреть воочию впервые (потом, возможно, оно станет почти привычным, но одинаково мерзким); молодая женщина развернулась и, превозмогая тошноту, бросилась к дверям. Парадные двери оказались закрыты, и, пробегая гулким пустынным коридором к черному ходу, она все время оглядывалась. Но никто не погнался за ней…

Надежда опрометью выскочила из школы; сердце выскакивало из груди, глаза широко раскрыты, волосы разметались, дыхание сбивалось и прерывалось от сдерживаемых криков. Она долго бежала, не отдавая себе отчет, и немного пришла в себя только когда начала стучать каблуком ботинка в дверь, на которой поблескивала латунная табличка с надписью «*Докторъ г-н Х*». Эта была знакомая явочная квартира; здесь не единожды собирались члены социалистического кружка. Дверь открыла прислуга, и Надя, за-

быв о приличиях, ничего не спрашивая и ничего не говоря, бросилась в покои, надеясь застать хозяина. Прислуга в несколько шагов догнала гостью, пытаясь остановить силой, но Надя оказалась ловчее и ворвалась в погруженную в полумрак комнату. То, что она увидела, на долгие десятилетия западет в ее сознание; станет напоминать об истинных ценностях социал-демократов и настоящих марксистов... Перед ней в экстазе содрогались и корчились три голых мужских тела: Мартов, Аксельрод и г-н X; отвратительно-нелепая сцена в глазах любой женщины...

В ужасе Надя сбежала из особняка, в котором жил один из «теоретиков и пропагандистов марксизма» в Российской Империи, «деятель международного рабочего и социалистического движения».

Она пребывала в состоянии аффекта. Нервное потрясение, полученное на этот раз, запустило необратимый разрушительный процесс; дало толчок тому негативу, который сохранился в ней с переломного лета, когда 15-летней девочкой она потеряла невинность и крохотный плод... Только в последние годы жизни Крупской, в 1936 г., в лексиконе медиков появилось понятие — *стресс* (от англ. stress — напряжение), однако воздействие его на организм человека во все времена оставался одинаковым, вызывая разнообразные патологические процессы: интоксикацию, инфекцию, травмы, др.; приводя к возникновению в организме различных изменений.

После случившегося Надежда не могла прийти в себя в течение двух месяцев; Елизавета Васильевна уже и не знала, как спасти дочь, что предпринять. Дело дошло до того, что Надю вынуждены были положить в клинику, перевезя в Москву. Здесь, в первопрестольной, работал лучший специалист в области *психофизиологии* Иван Михайлович Сеченов. Как известно, с 1891 г. он занимал должность профессора физиологии Московского университета.

Заключение консилиума врачей, которые сочли нужным доложить об этом случае светилу физиологии И.М. Сечено-

ву, было крайне неутешительным: у Надежды Крупской начали развиваться признаки гермафродита. Профессор, осмотрев пациентку и прочтя записи наблюдений лечащих врачей, сделал свое заключение и озвучил его коллегам:

— Господа, клин вышибают клином. Увы, физиология на этот счет понимает только одно приемлемое решение. У пациентки крайне обострены женские и мужские начала, я поставил ей диагноз *псевдогермафродитизм*. Судя по признакам ее физиологии, интимная жизнь пациентки была слишком искажена с самых юных лет. Об этом говорит и изучение внутреннего состояния детородного органа. Операция по извлечению плода была осуществлена на крайне низком уровне. Но, возможно, на тот момент это было лучшее из двух зол, ибо развитие плода и рождение ребенка вызвало бы полную деградацию и матери, и младенца. Единственным приемлемым вариантом восстановления женского начала госпожи Крупской является чувство любви к истинному мужчине и его ответное пылкое чувство к ней. Близость с любимым человеком может спасти пациентку. Как видите, рецепт прост и в то же время неимоверно сложен... Кланяюсь, коллеги.

Профессор И.М. Сеченов счел необходимым зафиксировать возможное развитие болезни г-жи Крупской. Диагноз «псевдогермафродитизм» говорит о наличии признаков обоих полов; но признаки эти развиты слабо и имеют промежуточный характер. Организм изначально развивается нормально, но при определенных обстоятельствах, достигая неких пограничных пределов, может начать развиваться по типу противоположного пола.

Не особо доверяя советским источникам, все же прочтем несколько фраз для уразумения нужного нам обозначения. «Аномальный (патологический) *гермафродитизм* может быть истинным (когда у одной особи имеются либо одновременно мужская и женская половые железы, либо сложная железа, часть которой построена как яичник, часть как семенник) или ложным (т.е. *псевдогермафродитизм*), ко-

гда у особи имеются половые железы одного пола, а наружные половые органы и вторичные половые признаки полностью или частично соответствуют признакам другого пола. К явлениям ложного относятся, например, мужеподобие самок, женоподобие самцов.

...При истинном гермафродитизме у одного лица есть половые железы того и другого пола... при этом функционально активной является одна из них, другая находится в состоянии атрофии или дегенерации. Вторичные половые признаки (вид наружных половых органов, строение скелета... характер голоса и психика) развиваются то по мужскому, то по женскому типу или имеют смешанный (неопределенный) тип... Психический склад и сексуальная направленность у лиц... в течение жизни изменчивы.

Чаще встречается *псевдогермафродитизм*... Большую роль в дифференциации пола играют эндокринные факторы и хромосомные механизмы... По внешнему виду и строению наружных половых органов пол при псевдогермафродитизме установить почти невозможно...

Развитие у девочек наружных половых органов мужского типа и других вторичных мужских половых признаков при наличии яичников, матки и труб определяет женский ложный гермафродитизм, возникший в результате врожденной опухоли коры надпочечников матери, лечения ее во время беременности мужскими гормонами и некоторыми другими гормональными препаратами. ...ложный гермафродитизм подразделяют на наружный, внутренний и полный. Лечение: хирургическое, включая пластические операции, гормонотерапия» (БСЭ, т. 6, с. 419).

По предположению профессора И.М. Сеченова, обладавшего уникальными научными знаниями и опытом, при совершении аборта больной была осуществлена своего рода кастрация, в результате чего при определенных обстоятельствах проявились признаки происшедших изменений в физиологии г-жи Крупской. Об этом нюансе своего заключения профессор Сеченов не информировал лечащих врачей Н.К. Крупской, но само письменное обоснование ее заболевания передал в Имперскую разведку (таков был порядок;

уж слишком редкий случай произошел с подданной Российской Империей, и следовало наблюдать дальнейшее течение болезни). Впоследствии многие документы Имперской разведки попадут в руки Ордена и осядут в сверхсекретных мировых тайниках, ведомых лишь избранным членам этой масонской организации.

Оба достаточно способных лекаря молча развели руками после ухода Сеченова и оставили больную наедине с ее мыслями. Любовь... да разве ж она не мечтала о настоящей любви? Разве не молила избавить ее от детей дьявола, вынимающих из нее сердце и душу; кляня при этом отца за то, что связался с дегенератами... ведь она искренне считала, что все ее беды от его юношеских связей и порочной наследственности ... а когда поймет, как ошибалась, когда подтвердится иное и ложь станет явной, — исправить что-либо будет уже невозможно...

Но на данном этапе жизни судьба была к ней благосклонна.

Вскоре Наденьку выписали из больницы, и лечащий врач сказал, что ее ждут на отдых под Петербургом.

На северном побережье Финского залива недалеко от Санкт-Петербурга располагалось курортное местечко Териоки (в 1948 г. переименован в Зеленогорск), излюбленное место отдыха многих сановитых особ.

Пребывая здесь, великий князь Сергей Александрович в охотку часами гулял по лесисто-болотистой местности совершенно без всякой охраны. Правда, за ним всегда тайно следовали 2–3 человека, стараясь не попадаться на глаза. Впрочем, и время было другое, не нонешнее, чтобы всегда кого-то опасаться, да и сам Сергей Александрович был не из робкого десятка: высокий, мощный, хорошо сложенный. На прогулку он одевался обычно по-простому, чаще всего в добротный охотничий костюм. Так что не всякий встречный мог определить, что перед ним августейшая особа...

Однажды его охранники заприметили, что там, где прогуливается Сергей Александрович, еще более тайно, хоро-

нясь ото всех, периодически появляются также 2–3 человека, которых через некоторое время подменяют их пособники… О чем Сергею Александровичу было незамедлительно доложено. Великий князь ответил, что все это его самого забавляет, так как он замечает и прячущихся в кустах незнакомцев и прячущихся охранников; внешне казалось, что он не придал значения подобной игре.

Как-то прогуливаясь по окрестностям, Сергей Александрович вошел в дачный поселок, где заприметил медленно идущую девушку. То была Надежда Константиновна Крупская. Не выдавая себя, он проводил незнакомку до одной из дач. Выждав некоторое время и убедившись, что эта девушка здесь отдыхает, он стал наведываться сюда чуть ли не каждый день. Движимый пока только любопытством, он шел по тропинке и, пройдя мимо елки, не заметил, что за пышными хвойными лапами затаился объект его пристального подсознательного интереса. А когда прошел мимо, услышал за спиной мягкий голос:

— Зачем вы меня преследуете?

Сергей Александрович не смутился, но удивился тому, что был так невнимателен. И в свою очередь спросил:

— Видите ли, мадемуазель, я заплутал, не могли бы вы вывести меня к даче?.. — И великий князь через короткую паузу назвал имя известного художника Ильи Ефимовича Репина.

Он смотрел на нее своими красивыми глазами сверху вниз так искренне, так добродушно, что на какое-то мгновение она поверила в то, что он в самом деле заплутал.

— Конечно, я могу вас провести к даче художника… Но скажите откровенно, он ведь вам не нужен…

Она вдруг явственно поняла, что не может вот так, враз расстаться и навсегда потерять этого человека, показавшегося ей смутно знакомым. Не понимая отчего, но она предложила:

— Знаете, у нас есть отличное варенье, и я бы хотела угостить вас чаем.

— Благодарю, не стоит. Давайте все-таки отыщем дачу…

Они долго блуждали по тщательно ухоженным тропинкам и аллеям и уже несколько раз проходили мимо особняка Репина, и Надя все более убеждалась, что молчание, незримо соединявшее ее с этим высоким статным мужчиной, как-то благодатно умиротворяло ее душу. И еще ей казалось, что это наполненное спокойствием и уверенностью внутреннее состояние передавалось и ему. Наконец, когда они очередной раз подошли к репинской усадьбе, они сошлись на том, что к художнику он заглянет в другой раз…

Нагулявшись по лесным дорожкам, они остановились у одной из калиток дачного поселка; Надежда с легкой одышкой произнесла:

— Надеюсь, сейчас вы не откажетесь от чашки чая с вареньем. Вы, наверное, как и я, немного устали.

— Меня зовут Сергей Александрович. А вы, мадемуазель… позвольте я угадаю…

Он внимательно посмотрел в ее глаза и таинственным шепотом произнес:

— Как бы хотелось верить в то, что вы дадите мне надежду… А за приглашение на чай с вареньем спасибо. Я непременно воспользуюсь этим вашим приглашением, но только в другой раз.

— Меня зовут Надя, — ответила она немного смущенно.

Через несколько дней великий князь Сергей Александрович приехал в закрытом экипаже и предложил проехать на берег одного из озер, имевшихся тут во множестве, на берегу которого стоял чудесный охотничий домик. Она на удивление легко согласилась. И вскоре они уже пили вкусный чай с медом диких пчел.

Ему было 36 лет, ей — 24; шел 1893 год, мир казался безоблачным, как солнечный вечно длящийся день…

В тот раз он был деликатен и внимателен; между ними не было ничего, никакой близости, разве только близость душ, глаз, речей и улыбок…

На следующий день состоялась еще одна встреча тет-а-тет, но не в охотничьем домике, а в гостевом, куда он с ней

также приехал в закрытом экипаже. Она сказала ему, что, наконец, вспомнила, как они впервые увиделись во время представления воспитанниц Бестужевских курсов великим князьям.

Она была слишком откровенна, сказав, что провела минувшую ночь непросто; великий князь Сергей Александрович стал расспрашивать, но разве могла Надежда признаться, что когда пришла домой, ей неудержимо захотелось принять горячую ванну. И она наполняла ванну водой, и почти тут же сливала, чередуя то горячую, то прохладную воду, но контрастная ванна так и не заглушила запах его тела, который она все время чувствовала. Во время этой процедуры она прикасалась к себе и поглаживала, а выбравшись из воды и вытершись пушистым полотенцем, надела халат на обнаженное тело, но сбросила его, подойдя к зеркалу, чтобы вдоволь насмотреться на себя. Пожалуй, это было с ней впервые, когда захотелось увидеть красоту своего тела, почувствовать себя настоящей женщиной. Но эти интимные подробности остались не озвученными, не высказанными… В недавней личной беседе профессор Сеченов говорил, что ей необходимо устроить нормальную жизнь с мужчиной, которого она полюбит и который ответит ей взаимностью. Ее душа открылась навстречу этому человеку, посланному ей, по всему видать, высшей силой.

Наконец состоялась их третья встреча. Великий князь Сергей Александрович сел за рояль и стал играть Моцарта; она заслушалась, наблюдая, как в такт чарующей музыке трепещется пламя свечей. великий князь играл великолепно, — это всегда отмечалось его окружением. Он был человеком редких талантов даже в семье Романовых, где каждый член семьи получал уникальные знания и соответствующее воспитание…

Но вот он поставил на граммофон пластинку, завел пружину, заиграла приятная музыка. И великий князь пригласил свою гостью на танец. Надя подала руку и не заметила, как прикоснулась щекой к его широкой груди, как обвила руками его шею. Великий князь Сергей Александрович

мягко коснулся губами ее виска, а когда закончилась музыка, их губы слились в страстном и долгом поцелуе.

Великий князь был любителем путешествий, любителем познавать мир самостоятельно и вкупе; впрочем, так было заведено в царской семье. К примеру, в 1881 году он вместе с великими князьями Павлом Александровичем и Константином Константиновичем объездил Европу, посетил Святую Землю, результатом той поездки было образование императорского Православного Палестинского общества. В начале 80-х великий князь Сергей Александрович совершил путешествие в Индию; в программе пребывания были и уроки обучения тантрической любви, — таково правило для взрослеющих мужчин императорского Дома. Только вот признавать это и писать об этом советским авторам **было невыгодно**, ведь тогда становилось бы ясным, что одной из главных задач большевиков-богоборцев было разрушение основ семьи и морали русского и других народов Империи. Тщательно скрывалось, что итогом подобных путешествий было открытие в России специальных школ (потуги на подобное образование советская власть показала, открывая женские консультации и сексологические центры, — но тогда основы и уровень *тех священных знаний* уже были давно уничтожены). Великий князь Сергей Александрович получил истинные знания настоящей Любви, а в 1884 г. женился на принцессе...

Страстно увлекшись милой Наденькой Крупской, он добился девичьего расположения; но в момент интимной близости сразу понял, что с ней что-то не так; он ласкал ее долго и нежно, превозмогая ее стыдливость, неопытное влечение, пробуждая в ней страстность, даря и уча воспринимать наслаждение мужской любовью, как высшим божественным даром... Он вводил ее в курс интимных отношений, преподавал устные и телесные уроки, и это было приятно обоим. Она слушала его, приоткрыв чувственный рот, сжимая до хруста пальцы, чтобы не разреветься от саднящей боли, что не он был первым в ее жизни; мучаясь от того, сколь много придется ей скрывать от него, — те мерзости, *стыд-стыдо-*

бушка, от которых чуть не вывернулось черной бездной ее женское сознание и ее женская сущность.

Эти несколько интимных встреч сделали чудо: Надежда расцвела, ее тело и душа ликовали; искусство любви оказалось столь сладостным, столь необыкновенным, что она прилежно впитывала каждое мгновение познания. Любимый научил ее концентрировать энергию внутри тела и вокруг него; объясняя, что если она научится управлять интимной энергией, то сможет достичь невиданных высот наслаждения, сможет использовать эту божественную сверхэнергию для своего духовного совершенства... Наденька была на удивление способной ученицей.

Час отдыха минул; но не было сказано ни слова, что его ждет жена великая княгиня Елизавета Федоровна, дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского, старшая сестра императрицы Александры Федоровны. Надежда понимала, что ее любимый не может принадлежать ей одной, но она была слишком счастлива и верила в неизбежность новых встреч, чтобы позволить себе терзаться муками скорого расставания. Не было поставлено никаких условий, но они знали: обязательно увидятся.

Чем взяла великого князя неопытная молодая женщина? Ведь в ней не было особой красоты; зато он рассмотрел тайную привлекательность и милую грусть; его покорила ее тяга к познанию, ее усладительный восторг...

Уже после расставания она продолжала пребывать в этом чудесном состоянии, которое нам дарит только настоящая большая любовь. Ее неиссякаемое любопытство пробудило бутон души, заставило его не раскрыться, а взорваться, вспыхивая сочностью красок и ароматов. Наденька была безмерно счастлива; впервые так остро ей захотелось родить ребенка, почувствовать себя матерью.

И она, посещая профессора Сеченова в означенное время, подробно объяснит, какие чувствует в своем организме изменения, признается в потаенном желании стать матерью. Иван Михайлович, после того как получит результаты ее анализов, порадуется за пациентку:

— Если и есть волшебное лекарство, то имя ему Любовь. И нужен ли я вам теперь, как лечащий врач? Как хорощо, что я все-таки ошибся в диагностике, Надежда Константиновна. У меня такое ощущение, что тот, кто и способен вас возродить как женщину и мать... — Профессор не договорил, своими узкими глазами, излучающими теплый добродушный свет, посмотрел он в ее большие и красивые глаза. — ...он вами уже найден. Дай Бог, чтобы вам повезло в ваших желаниях. Я всей душой за вас.

Взволнованный профессор дотронулся до мягкой ладони своей давней студентки, нынешней пациентки.

После встречи с Сеченовым в Москве Надежда еще дважды увидит своего возлюбленного; их встречи в первопрестольной пройдут тайно ото всех. А вскоре вся царственная семья Романовых уедет в Крым.

Его отъезд Надежда, не претендующая на его свободу, перенесла очень тяжело; ее здоровье от переживаний опять пошатнулось.

Глава 8

Дьявол, раз поймав человека за душу, старается уже никогда не отпустить его...

После отъезда великого князя в Крым, Надю отыскал Аксельрод и сказал, что ей необходимо предпринять небольшую поездку по Европе. Она наотрез отказалась. И тогда он, гнусно усмехаясь, представил ей доказательства того, что она в 15 лет сожительствовала со своим дядей и сделала аборт. В здоровом обществе, где крепкие моральные и нравственные устои, то была страшная, немыслимая трагедия. Надежда побледнела, а присутствовавший тут же пригрозил, что все эти доказательства будут переданы великому князя Сергею Александровичу. И, если она и дальше будет артачиться, то не исключено, что вся эта история, в том числе и любовная связь с великим князем, выплывет на общественное обозрение.

Ужаса, охватившего ее, Надежда никогда **не** испытывала с тех пор, как избавилась от своего родственника. И она, покорная, дает согласие.

Находясь во Франции, Надежда Константиновна была поставлена перед выбором, похожим на конкретное задание — избрать себе «мужа» из нескольких представленных кандидатур. Все нутро ее было настроено против темных личностей уже после трагедии познания первого в жизни мужчины; к тому же одного из этого списка она уже видела голым «в деле», после чего получила сильный психологический удар.

И она дала согласие стать «женой» Владимира Ульянова, о котором ей сообщили, что его отец действительный статский советник Илья Николаевич Ульянов является инспектором реальных училищ и гимназий Симбирской губернии; по происхождению наполовину русский, наполовину башкир. Мать Мария Александровна — из дворян, когда-то была кандидаткой в фрейлины Ея императорского Величества; происходила из немцев лютеранского вероисповедания. О том, что Володенькина мама М.А. Бланк еврейка, Надежде Константиновне не сказали... как не сказали и то, что его дед-выкрест Александр Дмитриевич Бланк полжизни, до перехода из иудейства в православие, звался Сруль (Израиль) Мойшевич Бланк и был женат на женщине, говорившей строго на идиш, Анне Иогановне Гроссшопф, происходившей из немецко-шведско-еврейской семьи.

Наде недвусмысленно напомнили, что рассчитывать на какой-либо благоприятный исход, т.е. замужество с великим князем Сергеем Александровичем, ей не следует, как не следует уповать на его защиту, ибо в случае, если она откажется от предложенного плана, ему станет известно все то негативное, что творилось с ней самой и, конечно же, давние связи ее отца и ее самое с революционерами, социалистами, террористами и евреями, которых великий князь не терпел, считая, что все зло в Империи идет от этих смутьянов.

Надежда понимала, сколь жесток и беспощаден шантаж, осознавала, какой будет реакция любимого, если... сердце

ее разрывалось на части; ей хотелось оглохнуть и ослепнуть, только бы знать, что ничего ЭТОГО в ее жизни никогда не было!

Итак, Н.К. Крупская от представителей Ордена получила сведения, что Мария Александровна Бланк происходит из семьи немца лютеранского вероисповедания, и что ее отец Александр Бланк закончил Петербургскую медико-хирургическую академию и был врачом, а дед Дмитрий Бланк имел доходный бизнес в Староконстантинове и Житомире Волынской губернии (ныне в Хмельницкой области Украины), а также торговый дом за границей и личную лицензию, позволяющую ему продавать товар Дому Романовых, что свидетельствовало о его высоком статусе в обществе. Это в какой-то мере не только позволило ему добиться расположения окружения императора Николая I, но впоследствии и его сыну найти выходы на влиятельных особ Двора, чтобы при первом представившемся случае просить определить его дочь в качестве фрейлины Ея императорского Величества.

Наде дали понять, что многие фрейлины с времен Екатерины II являются наложницами Государя, а Мария Александровна стала возлюбленной младшего брата Государя Александра Александровича, ставшего впоследствии, в 1881 году императором Александром III. И когда она разрешилась двумя детьми, будто бы начальник Третьего отделения МВД Империи предложил будущему престолонаследнику разрешение проблемы:

— Есть подходящие кандидатуры, Ваше Высочество. К примеру, этот человек: образован, умен, одарен, происходит из мещан Астраханской губернии, в нашей разработке находится еще со времени обучения в университете. Его зовут Илья Николаевич Ульянов. При положительном исходе, документы о венчании, а также о регистрации рождения дочери Анны и сына Александра будут оформлены... как положено, задним числом, но все официально. За женитьбу на Вашей возлюбленной он получит дворянство с нисходящим потомством.

Ничего необычного в подобных предложениях и сделках **не** было, они с успехом воплощались и прежде (о скольких тайных историях из глуби веков мы не знаем вообще!). Как известно, в год рождения Саши (31 марта 1866 г.) должна была состояться свадьба будущего императора Александра III и Марии Софии Фредерики Дагмар Датской; это событие произошло в конце октября 1866 года.

Вскоре Илью Николаевича приглашают в столицу, где ему и было предложено жениться на г-же Марии Бланк с оформлением действительных документов о женитьбе за два года до рождения первенца; оба ребенка должны получить отчество г-на Ульянова. Илья Николаевич, выслушав предложение, попросил обдумать его. Но его тут же спросили, стоит ли обдумывать, если ему, мещанину, предлагается дворянство по нисходящей линии всем потомкам, место инспектора реальных училищ и гимназий Симбирской губернии и с истечением некоторого времени — чин действительного статского советника (по Табели о рангах соответствует воинскому чину генерал-майор и IV классу статских чинов).

Илье Николаевичу Ульянову *(19 (31).7.1831, Астрахань — 12 (24).1.1886, Симбирск)* действительно удалось оправдать столь высокое и внезапно обрушившееся на него доверие будущего Государя. Понимая, что его личная жизнь, скорее всего, обречена, он отдавал все силы своей души, все свои знания, природный ум и умение делу просвещения.

Годы шли, и отец разросшегося семейства, анализируя и рассуждая с самим собой, все более убеждался, какое же чудовище растет в лице его названного сына Александра. Ведь он сам был очень простодушным и богомольным человеком. Но еще более ужасное чувство неприятия вызывал в нем появившийся на свет сын Владимир, — жестокий, беспощадный к своим родным и близким, он дерзил и капризничал, если что-то было не по нем. Особенно поразил Илью Николаевича один поступок сына; как-то они находились в гостях у родственников, и расположившись под

сенью цветущего сада, пили чай с вишневым вареньем, тогда же хозяйка дома поведала, что в дальнем углу сада, где растут молодые вишневые деревца, и выспевают эти самые вкусные ягоды, которые попадают в варенье. Буквально на следующий день все домочадцы были шокированы: мальчик, которому было 9 лет от роду, нашел в чулане топор и вырубил все вишни, мелко изрубив даже ветки. «И откуда силы взялись у этого выродка!» — только и успел ужаснуться отец, как его впервые в жизни хватил сердечный удар. После того случая Илья Николаевич пролежал в больнице почти три месяца.

Зато через много-много лет, словно насмехаясь над разумом человеков *недумающих*, напишут рассказы, как маленький Володя Ульянов любил вкусные спелые вишни, и сливы, и природу, и животных, и проч. Но не напишут, как Володенька гневил всех домашних гадкими прозвищами, самым милым из которых было «простой дурак»; как открыто презирали супруга и дети Илью Николаевича; как добродетельная мамаша «почтенного» семейства открыто, так что обсуждал весь провинциальный город, крутила роман с семейным доктором Иваном Сидоровичем Покровским, коему впоследствии даже припишут рождение кого-то из младших Ульяновых.

Илья Николаевич, наблюдая за развитием детей, порожденных Марией Бланк, уйдет из жизни, не дожив до седин... Его настоящее мужское сердце **не** выдержит психологии непонятного бунтарства, казалось бы, близких людей.

То, что услышала Надежда от своих расчетливых «доброжелателей», продумывающих наперед многие шаги в деле «русской революции», было полуправдой. Понятное дело, никаких психологических подробностей в сухих сведениях о семье Ульяновых-Бланк, представленных для ознакомления Надежде Крупской, не было.

Попробуем сравнить то, что записано со слов моего собеседника, с теми сведениями, которые можно найти в современной публицистической литературе. Возьмем, к при-

меру, популярную энциклопедию биографий Николая Зеньковича «Самые секретные родственники» (М., 2005), где на страницах 219–241 имеется краткое описание семейной ветви большевистского «вождя».

Прадед В.И. Ленина ***Мойша Ицкович Бланк*** *(1756–1846)* действительно жил в Староконстантинове Волынской губернии, куда якобы переселился из Брест-Литовска. Отличался неуживчивым характером, не ладил с еврейским кагалом (общиной). В 1805 г. вместе с братом жены Вигдором Фроимовичем был обвинен в незаконной продаже «простой» водки вместо «фруктовой»; 1807 г. — обвинен в умышленном поджоге 23 жилых домов в Староконстантинове, год находился под стражей, был оправдан. Переехал в Житомир, где занимался ростовщичеством. После смерти жены, правоверной иудейки Марем Фроимович — на которой Бланк женился из-за богатого приданого, когда той было 30 лет, — принял православие (01.01.1835), став Дмитрием. В 1846 г. обратился с письмом к императору Николаю I с предложением обязать всех евреев России «в каждый субботний день молиться за Государя, за наследника Престола и за всю царскую фамилию». Предлагал также запретить ношение еврейской национальной одежды.

Дед В.И. Ленина ***Израиль Мойшевич Бланк*** (Александр Дмитриевич; *1799–1870*) также перешел из иудейской веры в православную (1820). При Советах стал величаться «обрусевшим немцем» (с легкой руки доверенного биографа семьи Мариэтты Шагинян). Образование получил в еврейской школе (хедере). Затем вместе с братом Абелем (после крещения стал Дмитрием) поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. После окончания которой был признан неспособным к несению воинской службы. Работал уездным врачом, в штате полицейских врачей северной столицы, ординатором больницы Св. Марии Магдалины, занимался частной практикой, приносившей огромный доход. Владел двумя деревянными на каменных фундаментах домами в Санкт-Петербурге. После отставки имел чин надворного советника и звание потомственного дворянина (возможно, за «заслуги» дочери. — *Авт.*).

Сведений, конечно, недостаточно, чтобы разобраться во всем, но все же лучше, чем ничего...

Но вернемся к нашему повествованию.

Мария Александровна Бланк родилась 22.2(6.3.).1835 г. в Санкт-Петербурге, получила домашнее образование, владела русским, немецким, французским и английским языками; в 1863 г. экстерном сдала экзамены и получила звание учительницы начальных школ.

Связь молодого будущего императора и Марии Бланк продолжалась до тех пор, пока не родились дети — дочь *Анна* (14 (26).8.1864, Нижний Новгород — 19.10.1935, Москва, похоронена на Волковом кладбище в Ленинграде рядом с матерью... поближе к Александру III) и сын *Александр* (31.3. (12.4.) 1866, Нижний Новгород — 8.(20.)5. 1887, Шлиссельбург). После чего молодая женщина, во избежание дальнейшего двусмысленного положения при Дворе, была отдана замуж за приличного человека, получив все необходимое для безбедного созидательного существования. Но, как показало время, то была семья НЕ созидательных членов общества, а настоящих психических уродов; в 1887 г. казнен старший сын-террорист Александр; в 1891 г. закончила жизнь самоубийством 19-летняя дочь Ольга, не раз подвергавшаяся насилию со стороны брата Владимира *(да-да!)*; многократным арестам и ссылкам подвергались остальные четверо детей, охваченных революционным разрушительным психозом — Анна, Владимир, Дмитрий и Мария; Анна выйдет замуж за еврея Марка Елизарова, своих детей у них не будет, и они усыновят ребенка; многие иные признаки дегенерации этой семьи проявятся по истечении лет...

Не обошел злой рок Александра Ульянова. Он был очень дружен с младшим братом Володей, родившимся в 1870-м, у них даже имелся свой мальчишеский «штаб», куда никого из членов семьи, в том числе братьев и сестер, не допускали. Возможно, именно в этом потайном месте братья впервые познали таинство *мужского союза* через плоть; однако психика их для подобных экспериментов была не готова... Впо-

следствии Александр Ульянов выльет свою неуемную разрушительную энергию на дело «борьбы с царизмом»; ненавидящий весь свет, он вступит в заговор с террористами.

Закончив гимназию в 1883-м, Александр уехал из Симбирска и поступил в Санкт-Петербургский университет, однако вместо изучения зоологии, стал пропадать в нелегальных студенческих кружках пропагандировать марксистское учение. В 1886-м он уже член «Террористической фракции» партии «Народная воля». Его мозг работал только в одном направлении: убить, как сейчас бы сказали, главу государства; убить священнопомазанника Божьего, — Александра III, императора и Самодержца Всероссийского Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского; Царя Казанского, Царя Астраханского, Царя Польского, Царя Сибирского, Царя Херсонеса Таврического, Царя Грузинского, Государя Псковского и великого князя Смоленского, Литовского, Волынского, Подольского и Финляндского, Князя Эстляндского, Лифляндского, Курляндского и прочая и прочая и прочая...

И вот 1 марта — ровно через 6 лет после убийства отца нынешнего императора — 21-летний Александр Ульянов вместе с четырьмя подельниками, 20-летним Василием Дмитриевичем Генераловым, 26-летним Василием Степановичем Осипановым, 24-летним Петром Яковлевичем Шевыревым и 22-летним Пахомием Ивановичем Андреюшкиным, был арестован за покушение на императора (а **не** *за подготовку* и не *при подготовке*, — как подают БСЭ и иные источники).

Шесть лет до того, — согласно трактовке советских источников, — «бомба исполнительного комитета партии «Народная воля» лишила жизни Александра II»; как известно, император Всея Руси был убит бомбой, брошенной И.И. Гриневицким. На сей раз в кровавом спектакле задействованы десятки людей; сразу арестовано 25, через короткое время еще 49 человек. Но перед судом предстанут... 15, а в отношении остальных дела были разрешены в административном порядке. Вот это либерализм, вот это мягко-

телость власти! Кстати, из 15 представших перед судом 12 человек были студентами! Среди осужденных: М. Новорусский, Ананьина-Дейч, Бронислав Пилсудский, Ревекка Абрамовна Шмидова, Марк Волохов, Иосиф Лукашевич и др.

На Невском схвачены бросающие метательные снаряды и имеющие при себе взрывчатые вещества студенты Осипанов, Андреюшкин и Генералов. Схваченные одновременно сигнальщики Канчер и Горкун тут же сдали своих, показав, что руководителями террористической организации являются А. Ульянов и П. Шевырев. Кстати, в деле фигурировало письмо Андреюшкина студенту из Харькова; он писал товарищу по борьбе: «*У нас возможен самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет, и даже в непродолжительном времени*». Как следовало поступать правительству с подобными психопатами?! — **не** так мягко, как оно поступало, это уж точно...

Все родственники арестованных собрались в Санкт-Петербурге, прося аудиенции императора Александра III, однако им всем было отказано. Но вот из Симбирска приезжает Мария Александровна и... император проводит в разговоре с ней несколько часов. После чего безутешная мать поезжает в Шлиссельбургскую тюрьму, где сидит сын; для нее нет препятствий в свидании (хотя советские источники лгут, что в свидании с сыном ей было отказано). Мария Александровна умоляет Александра написать прошение о помиловании, как ей сказал сам император. Но сынок непреклонен, он отказывается. и тогда мать открывает тайну его рождения. Но новость не возымела своего действия; он, юноша с сексуальными проблемами, зомбированный марксистским учением, горит «праведным гневом». М. Бланк вновь встречается с Александром III, ее силы иссякают, она то и дело опускается на паркетный пол перед императором. «Как отец, я давно простил, но как император... скажи сыну, пусть напишет прошение о помиловании» — таков ответ Августейшего отца. Но ему самому придется идти к Александру, охрана и Мария Бланк (Ульянова) стояли в отдалении, пока император беседовал с сыном. «*Диктаторам и*

Богу Вашему нет места в России! И мы все равно вас всех уничтожим!» — ни один русский человек НИКОГДА не позволил бы себе подобное высказывание, причем даже в мыслях. Но *эта* фраза прозвучала, и тому были свидетели. Так кричал в лицо отцу выродок.

(Подобные фразы об уничтожении русских кричали отправленные на виселицу (а не восславляли партию или марксизм, — как писали зомбированные советские историки и публицисты), и это тщательно фиксировалось исполнителями приговора...)

И тогда император широким шагом направился прочь, и, проходя мимо онемевшей женщины, коротко бросил: «Покарать смертью!»

Близко к трактовке этой истории подошел в своих телепередачах во второй половине 70-х годов XX века философ и историк из Украины Константин Шведов. Он рассказывал, подтверждая документально, о встрече Марии Александровны с императором, тогда как другие не могли добиться аудиенции, о ее встрече с сыном в Шлиссельбургской крепости, и, прикрываясь фразой «О чем могла говорить мать с сыном? Я думаю, она говорила...» — он вдруг частично выдавал настоящий (!) диалог... Это шло вразрез с навязанной общепринятой версией, и опасную передачу закрыли.

8 мая 1887 года пятеро студентов, среди них Александр Ульянов, были повешены во дворе старой Шлиссельбургской крепости. Пройдет почти два десятилетия, и здесь же будет казнен революционер Каляев, убивший великого князя Сергея Александровича Романова, — единственного человека, которого многие годы беззаветно любила Надежда Константиновна Крупская.

Услышав приказ от резидента Ордена, Надежда дала согласие на «брак» с Ульяновым, в котором увидела скорее не мужа, а человека, с которым она сможет найти общий язык, и, возможно, постарается как можно меньше навредить в процессе «праведной борьбы с самодержавием». Даже если бы она знала некоторые подробности о нем, смогла бы она отказаться от подобного союза? — на этот вопрос нет ответа.

Владимир Ильич Ульянов (10(22).4.1870, Симбирск, ныне Ульяновск — 21.1.1924, пос. Горки Московской обл.) закончил с золотой медалью гимназию (учился с 1879 по 1887 г.), поступил в Казанский университет. Он был страшно зол после смерти любимого брата, в нем все клокотало и бурлило, он носился словно сумасшедший, сообщая всем и каждому: «Я убью всех Романовых! Я найду способ убить их всех!» Эти разъяренные угрозы слышали многие случайные прохожие. Семья не смогла проститься с казненным; в царской России тела казненных евреев родственникам **не** выдавали. Тогда как другие могли получить тела казненных преступников, не разрешалось только хоронить их на кладбищах.

Ульянов долго не проучился; за свои неистовые выкрики и психопатство был исключен из университета в декабре того же 1887 года и выслан в имение Кокушкино, находившееся недалеко от Казани. Чудесное имение это получил в приданое отец Володеньки после того, как женился на его маменьке Бланк.

Каково?! — **выслан** (слово-то какое ужасное!) в… родовое имение под родительский присмотр. Читаем у того же Н. Зеньковича: «Незадолго до отставки (речь идет об Израиле Мойшевиче Бланке, дедушке Ленина. — *Авт.*) с помощью гражданской жены Е.И. Эссен приобрел имение — деревню Янасалы (Кокушкино) Казанской губернии размером 503 га с 39 душами крестьян мужского пола и водяную мельницу. Подлинная площадь и само слово «имение» в советской лениниане не употреблялись. По словам Н. Крупской, «…купил домик в деревне в 40 верстах от Казани, в Кокушкино, лечил крестьян…» (с. 221).

Здесь же, в Кокушкино пребывала в это время и старшая сестра Анна, опечаленная кончиной Александра. В то время, когда готовился заговор, она, не являясь участницей, все же присутствовала в Санкт-Петербурге и была свидетелем происходящего. Надо полагать, брат делился с ней своими планами. Если мы прочтем советскую трактовку, к примеру, не раз упоминаемого М. Гернета, то найдем в его книге

абзац об устрашающих размахах происходившего: «Исполнение смертного приговора и заключение в каторжные работы осужденных не было завершением обширного делопроизводства по процессу 1 марта 1887 г., административная расправа со многими арестованными продолжалась, а началась она даже ранее судебной расправы. Уже 8 апреля состоялось «высочайшее» повеление сослать в Восточную Сибирь на 5 лет Анну Ульянову. Вслед за тем последовали другие административные репрессии. Царизм выходил победителем и на этот раз в борьбе с партией «Народная воля» (с. 125). Вот так нагнетали ситуацию большевистские историки.

Марии Александровне Бланк императором Александром III было рекомендовано увезти дочь из северной столицы в имение Кокушкино, чтобы улеглись страсти, все затихло и имя дочери не упоминалось в негативном свете (вот откуда фальсификация: «приказано сослать Анну в Восточную Сибирь!»). Мать так и поступила. А через несколько месяцев Анне вручили конверт с вензелем, пришедший специальной почтой. В письме, написанном рукой императора, говорилось об их происхождении и о том, что произошло с ее братом. В конце стояла приписка «Обнимаю». Анна пришла с закономерными вопросами к матери; и та рассказала ей все как на духу. Между отцом и дочерью завязалась переписка, правда, письма с двух сторон были не частыми…

То письмо императора обнаружил Владимир Ульянов, а, прочтя, взбешенный, набросился на Анну и стал душить. Однако девушка оказалась сильней, ей удалось вырваться из объятий «любящего» брата-психопата.

Отцовские письма Анна берегла долгие годы; уже после смерти Владимира Ульянова-Ленина его сестра Анна Елизарова-Ульянова показала эти чудом сохраненные драгоценные реликвии Н.К. Крупской (о чем было хорошо известно определенному кругу лиц из верхушки советского государства).

Володенька прожил в Кокушкино до осени 1888 г., до получения разрешения вернуться в Казань. Затем было пу-

тешествие в Самару и Петербург, где в 1891 г. он сдает экстерном экзамен за курс юридического университета. Однако юридической практикой Ульянов заниматься не станет. Зато он станет активно распространять марксистское учение, создавать нелегальные кружки, писать провокационные материалы. Зараза, вброшенная в праведное православное общество, распространялась из-за *сверхтерпимости* этого самого общества к различным мнениям и благородным преклонением перед *свободой мысли* и *свободой слова*…

С осени 1893 года В. Ульянов «уже совершенно сформированным марксистом» постоянно пребывает в Санкт-Петербурге.

А Надежда Константиновна по возвращении из заграничной «командировки» была зачислена Г.В. Плехановым в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса России» с заданием: ***разрабатывать идеологическое направление.*** Та мощная психологическая обработка, которая осуществлялась индивидуально в отношении Надежды, не возымела должного действия; она не потеряла головы, и сейчас и после будет мыслить очень трезво и логично. Но направление ее мыслей станет дорогой в царство Сатаны, дорогой, мощенной идеологическими псевдопонятиями, безрассудочной символикой и обезличенностью дегенеративных душ.

Потеряв, по сути, своего возлюбленного, чистоту интимных отношений, вынужденная скрывать свои чувства, будучи пожизненно заточена в нелюбовь, она поняла одно: месть дозволительна! Она отомстит им всем, всему их сатанинскому миру, — она станет **Архибестией** и вырастит им красных дьяволят, рождающихся с генами выродженцев. А то, что при этом пострадают все иные народы и народности, — пусть! Значит, они достойны сей кончины, коль не видят многочисленных уродцев, посягающих на их благополучие, свободу и Империю. Достойны, коль дозволяют им пребывать на своей земле безнаказанно. И когда все эти мысли окончательно вызреют в ней самой, спасать уже будет некого, потому что 60 миллионов только русских людей:

золотой генофонд, цвет и гордость нации — будут уничтожены...

В связи с дальнейшей физиологической деградаций ее женского начала ненависть к революционизирующим *садомазохистам плоти и духа* заполнит все ее мыслительное пространство, пока понятие: *месть всем, несущим разрушение русскому народу* — потеряет для нее здравый смысл.

Год за годом, десятилетия за десятилетием из нее будет формироваться существо, частично похожее на женщину и частично на мужчину.

Глава 9

Уже не в первый раз Надежда Крупская вместе с Ольгой Витмер, по поручению своих товарищей получавших задания и подрывную прессу из-за границы, распространяли марксистскую литературу среди недовольных рабочих, пьяниц и простонародья. К счастью, эти «походы в народ» осуществлялись не часто. Изредка она вела занятия в вечерней школе за Невской заставой; уроки не особо обременяли, но Надежда старалась больше не задерживаться в классе.

Надежда Константиновна хорошо помнила главное: ей надо при случае познакомиться с Владимиром Ульяновым, который был на год ее моложе, но имел удивительную для его 23-летнего возраста кличку: Старик (позже она услышит версию, что его звали за глаза «*старушечник*» из-за того, что он сожительствовал с женщиной, старше его более чем на 20 лет, — мол, отсюда и партийная кличка). При ее расспросах местные революционеры доложили: Владимир Ульянов с Волги и, невзирая на молодой возраст, чуть ли не в совершенстве владеет марксизмом.

Встретила она его на Масленицу на Охте в доме агента международной революционной организации, участника работы нескольких конгрессов Интернационала еврея Классона, которого также в то время считали «выдающимся мар-

ксистом» (некоторые современные исследователи отмечают его «выдающуюся» тягу к особам обоего пола). Столкнувшись с Надеждой на улице, он пригласил ее к себе, бросив: «Пойдемте, ваш кумир заждался».

Кумиром оказался Владимир Ильич Ульянов, который заливисто смеялся перед сидящими на стульях и диванах людьми разного возраста. Его трескучий картавый голос оглушал всех, выдавая нескончаемый набор разных «гениальных» мыслей. «Ну что ж, кто хочет спасать Госсию в комитете ггамотности, — пусть, мы не мешаем!» По всему выходило, что этого не устраивал метод распространения марксистской литературы и марксистских идей, ему нужна была решительная и бесповоротная борьба, а за ценой он не постоит... Кстати, при Советах эту особенность, как извинительную наследственную черту — картавость и невыговаривание «р» — припишут... Илье Николаевичу Ульянову, отцу Владимира.

Тем временем внесли блины, как средство конспирации от филеров, агентов Третьего отделения МВД и, конечно же, «шпиков» (как их пренебрежительно назвали «великие герои-революционеры», а на самом деле — преступные отбросы любого добропорядочного общества).

Но кто же были эти любители русских блинов?

Роберт Эдуардович Классон (31.1/12.2).1868, Киев — 11.2.1926, Москва), как пишет БСЭ, «советский электротехник, руководитель строительства ряда электростанций. После окончания в 1891 Петербургского технологического института стажировался в Германии, где принимал участие в монтаже и пуске первой линии электропередачи трехфазного тока от Лауфена до Франкфуртской электротехнической выставки»; правда, только в качестве рабочего, но никак не инженера, разработчика или руководителя монтажа объекта, — но об этом БСЭ тактично умалчивает; главное ведь для таких деятелей — значимость: принимал участие... поди догадайся *кем*...

«Участвовал в Петербурге с М.И. Брусневым, Л.Б. Красиным, Н.К. Крупской и другими в первых марксистских

кружках; позднее от политической деятельности отошел» (БСЭ, т. 12, с. 280). На самом деле этот член марксистских кружков, имевший свои *революционные отношения* с Бруснёвым и Леонидом Борисовичем Красиным, впоследствии вовсе **не** отошел от политики. Судите сами: «Участвовал в составлении плана ГОЭЛРО» (там же); в этой простой на первый взгляд фразе кроется чудовищный подтекст: во-первых, Государственная электрификация России (ГОЭЛРО) — это именно **политическая** акция советской власти, во-вторых, главная и незримая часть плана разрабатывалась в секретных лабораториях Бокия (это отдельная, слишком обширная и хорошо засекреченная до сего дня тема!), и имела целью воздействие на психику и генетику людей, особенно рожениц с помощью импульсов тока определенных частот, — и так тоже уничтожалась нация (нации), так бывших подданных Российской Империи превращали в советских дегенератов. Так что не зря впоследствии Классону пели дифирамбы почитатели его талантов: Кржижановский Г.М. «Памяти Классона» (Глеб Максимилианович Кржижановский был одним из разработчиков советского плана ГОЭЛРО, основу которого большевики украли у русских ученых царской эпохи); Красин Л.Б. «Инженер Р. Э. Классон»; Винтер А.В. «Выдающийся инженер-новатор...» (там же); и это даже не: *кукушка хвалит петуха...*

Но коли в эту компанию затесался и Леонид Борисович, которого не могла не знать Надежда Крупская, то, может, он был человеком, достойным уважения русского народа, для которого и совершал *свою* революцию?

Красин Леонид Борисович, 15.7.1870, Курган — 24.11. 1926, Лондон. БСЭ свидетельствует: член *группы Бруснева*; член компартии с 1890 г., в 1891 исключен из университета и выслан, но позже, в 1900-м закончил Харьковский технологический институт. Вместе с Классоном работал на стройках электростанций; «пользуясь служебным положением, ездил по стране для создания централизованного технического аппарата, установления связи с местными организа-

циями, налаживания партийных финансов, транспортировки и распределения литературы, переправки членов партии за границу и обратно» (БСЭ, т. 13, с. 324), — и куда, спрашивается, смотрели имперские власти, **почему** государственному служащему так легко и так нагло удавались все эти антигосударственные манипуляции?!

Что еще интересного в его насыщенной событиями биографии? «Во время революции 1905–1907 гг. член Петербургского совета; по предложению В. И. Ленина — «ответственный... финансист и транспортер» партии ...участвовал в организации *каприйской школы*. Затем отошел от политической деятельности», — что такое каприйская школа, вкратце скажем позже, когда речь пойдет о пламенном «буревестнике революции» Максиме Горьком. Что касается «отошел от...», то это ложь. «Работал в фирме «Сименс и Шуккерт», проявил незаурядные способности инженера (совет: при чтении советских энциклопедических трудов обратите внимание на закономерность: *кому* всегда адресованы славословия о выдающихся или незаурядных способностях за любую малость! — *Авт.*)... В 1912 возглавлял московский филиал, а с 1913 директор общероссийского отделения (Петербург) фирмы. С начала 1-й мировой войны 1914–1918 гг. директор нескольких заводов, принадлежавших ранее фирме «Сименс и Шуккерт» (там же). Названная фирма была дочерним предприятием Ордена, имевшего множество разных фирм и компаний (см., к примеру, книги профессора Энтони Саттона «Как Орден организует войны и революции», «Уолл-стрит и большевицкая революция» и другие). Так что денежки, зарабатываемые для Ордена, возвращались в Россию и шли на «русскую» революцию.

Неудивительно, что этот человек после революции заключал «выгодные» с точки зрения большевиков контракты, заключал экономические соглашения с нужными им фирмами и людьми. Л.Б. Красин был председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии; наркомом торговли и промышленности; наркомом путей сообщения (видать, не зря в юности участвовал в строительстве Сибирской же-

лезной дороги; заменив на этом посту не справившегося с обязанностями Марка Тимофеевича Елизарова, мужа старшей сестры Ленина, Анны Ульяновой), был наркомом внешней торговли, полпредом в разных странах. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены, — *у стены плача на русской земле…*

После чаепития с блинами Надя с Володей, выйдя из дома вместе, пошли по малолюдным улицам, вдыхая вечернюю прохладу. Некоторое время молчали, затем Володя стал вдруг вспоминать старшего брата, как в детстве они уединялись во флигеле, как много тот дал ему в плане познания жизни и вот — повешен властями… После смерти Александра у Володи весьма обострилось психическое состояние, проявившееся в патологической неприязни в отношении Государя императора, семьи Романовых и всей России. Этот человек не был вовсе лишен талантов, но отныне его мозг работал в одном направлении: уничтожить Империю! Большинство советских исследователей жизни В.И.Ульянова-Ленина утверждают, что принципиальность его брата развила в нем черты принципиальности и честности во всех вопросах. Однако Надя, став женой Ульянова и секретарем всех его дел, постоянно убеждалась, что он не раз обманывал своих коллег по «революционному ремеслу» и считал это самым обычным явлением; «Все они подонки, не стоят моего мизинца», — говорил он. Но одно дело обманывать своих коллег по преступному ремеслу, а другое — суметь обмануть население страны и мировую общественность. Это не обман, а коварный сверхцинизм, которому даже не найдена мера измерения…

Буквально с первых дней жизни с Володей Надя испытала на себе его властный напор; он поставил жесткое условие: быть беспощадной к слушателям вечерней школы. Позже она как-то скажет: «В школе можно было говорить обо всем, несмотря на то, что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов «стачка», «революция» и т.д., тогда можно было касаться самых на-

сущных вопросов». Официально действительно запрещалось говорить о террористической деятельности и революционерах, что считалось не только преступлением против государства, но и грехом против Бога. Но **почему** разрешалось говорить косвенно?!

После захвата власти ленинский Совнарком учтет опыт имперского правительства и каленым железом выжжет всякие маломальские вольности по части «идеологической выдержанности»; преподавание в советской школе **не** допустит никакого отклонения от заданного большевистского курса.

Деятельность Нади в воскресной школе и «дружба» с революционером Володей, естественно, попали в поле внимания полиции. Хотя Ульянов постоянно требовал соблюдения строжайшей конспирации, учил, как отрываться от слежки, как писать в книгах между строк невидимыми химическими чернилами. За каждым из слушателей он закреплял клички, и, по мнению Надежды, это становилось похожим на затянувшуюся игру, в которую их всех все более и более втягивают, словно в чудовищную воронку.

Унылая необратимость процесса подтачивала ее женские силы, повергала в циничное самоутешение: *пусть будет так, как будет...*

Летом 1895 года к Надежде приехал посредник из Ордена и передал просьбу, чтобы она отследила, каким образом Владимир Ульянов и Юлий Мартов создают структуры плехановского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса России».

Надя пока не знала (она еще не анализировала так масштабно), что лидеры Ордена предусматривали ряд вариантов развития и подстраховки последующих событий. Само собой, считали, что будущая «русская» резидентура, созданная и возглавляемая Плехановым, — вся **отлаженная** сеть — столкнется не только с силой и мощью Империи, но и с непониманием в общественной среде. Поэтому просчитывались возможные варианты создания подразделений по

всей огромной стране, и, главное — по основным промышленным центрам России, одним из которых и являлось Петербургское подразделение. Его было поручено создать Ульянову и Мартову. В свою очередь, получившие задание от *политхозяев* Ульянов и Мартов не знали, что же поручено Наденьке, оттого и осторожничали, не посвящая ее в цели и задачи создаваемого ими союза.

БСЭ утверждает, что «...Петербургский «Союз борьбы...» явился зачатком большевистской партии» (т. 24/1, с. 279); впоследствии были созданы: Киевский, Екатеринославский, Уральский, Пермский, Харьковский союзы (отделения, группы). «В союзах воспитывались политически и получали первый опыт нелегальной пролетарской борьбы будущие видные деятели партии», среди них: Николай Эрнестович Бауман, Вацлав Вацлавович Воровский, Михаил Иванович Калинин, Глеб Максимилианович Кржижановский, Фридрих Вильгельмович Ленгник, Мартын Николаевич Лядов (наст. Мандельштам; кстати, имел кокетливый педерастический псевдоним Русалка), Николай Александрович Семашко, Дмитрий Ильич Ульянов, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, И.В. Бабушкин, И.Х. Лалаянц, Б.Л. Эйдельман и др. Причем, эти люди перемещались из города в город, из кружка в кружок, создавая свои преступные шайки. В уставе союза указывалось, что члены союза могут быть (КЕМ и ЗА КАКОЙ СЧЕТ?!) командированы в другие местности для руководства стачками, развертывания революционной пропаганды и создания так наз. рабочих кружков. ***Дело развала Русской государственности и Российской Империи было поставлено на широкую ногу и обеспечивалось безграничным денежным потоком!***

Однако заглянем в уже цитировавшиеся нами источники, к примеру, в книгу Людмилы Кунецкой и Клары Маштаковой; «...Владимир Ильич собрался в Женеву к Плеханову. Он настаивал, что связи на время его отъезда должны быть переданы совершенно «чистому человеку». Долго обсуждали все кандидатуры и выяснили, что только за Надеждой Константиновной никогда не было никакой слежки...

Это заседание активных членов будущего «Союза борьбы» состоялось в Царском Селе в скромной комнатке Сильвина, который давал уроки в семье известного писателя Гарина-Михайловского. Собралось шесть человек... Поездка Владимира Ильича имела большое значение. Социал-демократы России хотели установить более тесный контакт с группой «Освобождение труда»... В начале сентября вернулся из-за границы Владимир Ильич... Работа продвигалась семимильными шагами... Одной из первых организованных «Союзом» забастовок была забастовка 500 ткачей фабрики Торнтона, вспыхнувшая в ноябре 1895 года. «Союз» распространил две листовки, обращенные к забастовщикам: «Чего требуют ткачи» и написанную Ульяновым «К рабочим и работницам фабрики Торнтона»...» (с.40–41).

Вот так вот запросто: поехали за границу к Плеханову, получили инструкции, получили деньги на забастовки и листовки, заодно развеялись в любимых пивнушках и ресторанах... Да, кстати, что за странный нерусский подход: как только речь идет о неких помещениях, где живут революционеры, то все помещения эти какие-то маленькие, скромненькие, почти убогонькие («в скромной комнатке Сильвина»), а когда речь идет о них самих — все они гениальные, талантливые, значимые...

Однако вернемся к нашим баранам, то бишь, к Ленину и Мартову. Имя последнего в деле создания «Союза...» авторы Людмила Ивановна и Клара Александровна (и большинство других авторов) не упоминают. Ведь было за что большевикам рассердиться на товарища!

В 1895 году, когда создавался «Союз борьбы за...», Л. Мартову было 22 года; а он уже считался «опытным» революционером. О его заслугах «благодарные» соратники забыли мгновенно, как только свершилась мечта всех ненавидевших Российскую Империю инородцев, выродков и нравственно убогих; к примеру, Энциклопедический словарь (1954 г., т. 2, с. 340) отводит ему шесть нелицеприятных срок, откуда мы можем узнать, что он — «один из лидеров меньшевизма. Непримиримый враг Коммунистической партии и Советской власти».

Однако академическое издание 70-х гг. XX века более благосклонно к очень-очень близкому соратнику товарища Ленина. Л. Мартов — наст. ***Юлий Осипович (Иосифович) Цедербаум***, 24.11.1873, Константинополь — 4.4.1923, Берлин. Родился в семье купца; в 1892 г. арестован и выслан в Вильно; в 1895 г. участвовал в создании Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1896 г. арестован и выслан в Туруханск. В 1900-м входил в инициативную группу по подготовке издания «Искры»; в 1901-м эмигрировал и стал одним из редакторов «Искры» и «Зари»... Вернувшись в 1917 г. в Россию, занимал «левую» позицию в меньшевистской партии. В 1920 уехал за границу; один из организаторов «Интернационала 2½» (БСЭ, т. 15, с. 424).

Напряженная работа, захватившая Ульянова, сказывалась на его психике. Он стал по ночам говорить. И, конечно же, о делах, которые не афишировал при ней. Надя восприняла это как личное оскорбление. Хотя она вспоминала о поступившем ей поручении, но решила с этим повременить... Узнав о намерениях Ульянова и Мартова, полученных от Ордена, она встретилась с князем Мещерским, адъютантом великого князя Сергея Александровича, который этой летней порой 1895 года не поехал со своим патроном в Крым. Надежда Крупская рассказала о преступных намерениях, осуществляемых Ульяновым вкупе с Мартовым-Цедербаумом. Спустя некоторое время оба организатора были арестованы. После чего князь рекомендовал ей поддерживать связь с ними, чтобы они ничего не заподозрили, и она начала передавать «сотоварищам» книги и продукты. В книгах она, как и должно по уговору, делала записи между строк молоком, сообщая, что делают избежавшие ареста члены создаваемого союза.

«Владимир Ильич в письмах к товарищам почти каждый раз спрашивал, как дела у «Миноги», не случилось ли чего с «Рыбой» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 43); то были и партийные клички Надежды Константиновны, и ее личност-

ная характеристика, и презрение к ее женственности из уст Володеньки Ульянова... Сами-то оне-с величали себя ласково, многозначительно подписываясь: Гамма, Нарцис (отчего-то с одним «с», — Ю. Цедербаум); Петербуржец, Наблюдатель, Фрей, Правдист (Ленин); Волгин, Ушаков, Один из приверженцев (Г. Плеханов); Русалка (М. Лядов); Важный, Фавн, Кентавр, Тарантул, Черномор (В. Воровский); Астроном (Ф. Дзержинский); Романов (!!!), Чужестранец (М. Калинин); Анютин, Александр Барсов (А. Луначарский); Верин, Клавдин, Марианна (Е. Ярославский, наст. Губельман); Матрена (П. Смидович); Жозефина (Орловский); Ъ (Я. Свердлов) и т.д. и т.п.

Пока **стоустая Минога** не пригвоздит стеклярусным блеском своих рыбьих глаз всех этих *фреев, нарциссов, фавнов, жозефин и матрен*; настанет время, и они будут услужливо пресмыкаться перед этой искушенной в своей мести Женщиной.

Наряду с В. Ульяновым были взяты Г. Кржижановский, Лепешинский, Шата и другие; «у арестованных была найдена обширная литература «преступного содержания», в частности, в «обзоре» отмечено нахождение... воззвания к рабочим фабрики Кенига и Путиловского завода, статьи, относящиеся к стачкам в механической мастерской обуви в Иваново-Вознесенске, Ярославле, на фабриках Торнтона... собрание рукописей, предназначенных для первого номера предполагавшейся к изданию подпольной газеты «Рабочее дело»...» (М. Гернет, с. 136). Вся эта подрывная макулатура появилась после поездки Ульянова к подельнику Плеханову, а там ТЕ, КОМУ НАДО, уже давно разработали планы: *какие* и *где* фабрики и заводы всколыхнуть, где расстроить созидательный процесс; все — **для подрыва** передовой российской экономики.

Чтобы полностью исключить всякие подозрения в среде общения Крупской, князь Мещерский предупредил Надежду, что так или иначе полиция вынуждена будет задержать и ее; при этом ей вовсе не обязательно отвечать на вопросы, достаточно просто все отрицать.

Это случилось в августе 1896 года, когда арестовали «учительницу Варгинской воскресной школы Надежду Константиновну Крупскую, библиотекаршу при читальне «Невского общества народных развлечений» Анну Чечурину... Лирочку Якубову, Михаила Сильвина» и др. «На допросах Крупская отказалась признать себя виновной, вещественных доказательств и улик у следователей не было, и потому 10 сентября 1896 г. Надежду Константиновну из-под стражи освободили» («Надежда Константиновна Крупская. Биография», с. 26; в дальнейшем этот источник станем называть просто «Биография»).

Но тут произошло досадное недоразумение. Один из филеров вечерней школы написал донос, где называл Надежду организатором революционного кружка. И 28 октября ее вновь арестовали.

«В Доме предварительного заключения, где содержалась Крупская, находился и Владимир Ильич. Надежда Константиновна продолжала с ним тайную переписку, начавшуюся еще в ее бытность на воле. Через навещавших их родных они наладили пересылку писем друг другу и оставшимся на свободе товарищам... В тюрьме Крупская много занималась, изучала по самоучителю английский язык (без комментариев. — *Авт.*)» («Биография», с. 26–27).

У тех, кто оставался на свободе, были деньги и было задание от истинных, заграничных хозяев. А, значит, «надо было искать типографию, и она нашлась. Помогли народоволки — Л.М. Книпович и П.Ф. Куделли. Они имели связь с небольшой нелегальной типографией на Лахте» (Л. Кунецкая, М. Маштакова, с. 42). В типографии были отпечатаны некоторые брошюры антиправительственного содержания. К посредничеству в этом деле подключили и юную Марию Ветрову. Девушка родилась в 1870-м и была внебрачной дочерью нотариуса и крестьянки, воспитывалась в сиротском доме, затем получила образование в гимназии, по окончании которой работала народной учительницей (все время хочется задавать один и тот же вопрос: а как же крепко-накрепко вбитый нам в головы штамп из советских учебников

о поголовно неграмотной царской России?). В 1894 она поступила на... Высшие женские курсы в Петербурге, но попала в преступные лапы, как результат — арестована в декабре 1896 по делу тайной типографии в Петербурге, с 23 января 1897 находилась в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Там, в Петропавловской крепости, в это время находилась и Надежда Константиновна Крупская.

Человек чести, князь Мещерский через своих людей рекомендует Елизавете Васильевне, написать прошение, чтобы ее дочь освободили из заключения. Вскоре поступило распоряжение, что Надежду необходимо обследовать по причине ухудшившегося состояния здоровья. А, значит, в связи с этим обстоятельством ее должны были освободить. Но освобождение наступило еще прежде, а причастной к нему оказалась одна несчастная, которая, облившись керосином в камере, подожгла себя. Поэтому МВД было принято решение *(оберегая хрупкую женскую нервную систему!!!)* выпустить до вынесения приговора под надзор полиции некоторых находящихся в Петропавловской крепости женщин; и в апреле 1897 года Надя оказывается на свободе.

Но отчего произошла та чудовищная дикость, кто довел бедняжку заключенную, молодую курсистку до подобного конца? Читаем: «самым крупным событием в истории Трубецкого бастиона за 90-е годы было самоубийство Марии Ветровой. В 6 часов вечера 8 февраля 1897 г. в камере № 7 второго этажа запылал живой факел: заключенная Ветрова, облив себя керосином из лампы, принесенной в ее камеру, подожгла себя. Она умерла в страшных мучениях лишь на четвертые сутки — 12 февраля... В архивном деле департамента полиции отмечено посещение Ветровой заведующим арестантским отделением штаб-ротмистром Подревским в первый же день перевода сюда заключенной. Он предложил ей выбрать книги для чтения... По официальным документам, Ветрова не проявляла душевного расстройства до 4 февраля. В указанный день дежурный унтер-офицер доложил Подревскому, что заключенная № 3 кажется ему сильно расстроенной и ненормальной. Тюремный врач Зибольд

(скорее всего фамилия врача-немца была Зибольдт. — *Авт.*), посетивший вместе с двумя жандармами заключенную 4 февраля, показал, что Ветрова гнала жандармов и кричала... Акушерка Шахова подтверждала предположение врача о психической ненормальности заключенной» (М. Гернет, с. 174–175). Так *кто* помог проявиться негативным задаткам психики сироты, заботливо опекаемой, охраняемой и просвещаемой родным государством?! — эх, если бы не так называемые революционеры и революционерки, втянувшие заблудшую душу в политические игрища!

Нахождение Крупской в тюрьме впоследствии было интерпретировано советскими «историками» как «стойкость» и сверхчеловеческая преданность партии и вождю. Вот примеры лживого пафоса: «Стойкость Крупской поражала даже видавших виды судейских чиновников и тюремщиков»; «Прокурор, наблюдавший за поведением девушки в заключении, на одном из допросов сказал ей, перефразировав Некрасова: «Теперь я вижу, что у вас под маской наружного холода скрыта бесконечная любовь к революции» («Биография», с. 26). А вот пример наглого вранья: «В своем заключении по делу арестованной прокурор написал: «Обвиняемая Надежда Крупская злоупотребляла своим положением учительницы при воскресной школе на Шлиссельбургском проспекте, играла за Невскою заставой роль представительницы интеллигенции, т.е. преступного социал-демократического сообщества, и к ней рабочие обращались, имея надобность в интеллигенте-руководителе» (Ученые записки Высшей школы профдвижения ВЦСПС, вып. 1, М., 1957, с. 100); обвинять царскую власть в неуважительном отношении к интеллигенции — это цинизм высшей пробы омерзительности, как и считать русских рабочих быдлом, нуждающимся в «интеллигенте-руководителе».

А пока «судейские чиновники и тюремщики» приходили в себя от невиданной «стойкости» Крупской, недавняя заключенная Надежда Константиновна благополучно вместе с матерью на все лето уезжают в Новгородскую губернию, отдыхать и поправлять здоровье...

Глава 10

Несколькими месяцами раньше Владимира Ульянова сослали в село Шушенское Енисейской губернии.

Вот уж и лето минуло, Крупские возвратились в Санкт-Петербург, а решения по делу Надежды Константиновны все нет и нет. И тогда Наденька, зная на что она ПОЖИЗНЕННО обречена силами, которым она **не** может сопротивляться, подает в департамент полиции прошение с просьбой разрешить ей отбывать наказание, если таковое воспоследует, в селе Шушенском, что в Минусинском уезде. Указывая при этом, что там находится ее жених — Владимир Ильич Ульянов.

В апреле 1898 г. состоялся суд, вынесший Крупской приговор: три года ссылки в Уфимской губернии с правом отбывать наказание там, где находится ее жених.

Итак, просьба удовлетворена. И она едет в далекие сибирские края в сопровождении матери с заездом в Москву, где обе посетили могилу Константина Игнатьевича, покоившегося на Новодевичьем кладбище. Побывали они и у родственников Володеньки, проживавших на Собачьей площадке в доме Романовского № 18, кв. 4. «Вечером в маленькой квартирке на Собачьей площадке собралась вся семья Ульяновых — вся, кроме Дмитрия Ильича, сидевшего в тюрьме» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 56); правда, никаких «маленьких квартирок», где разместилась бы большая семья Ульяновых, в названном доме никогда не было; это при большевиках люди были «уплотнены» в маленькие квартирки и комнатки!

Уже подъезжая к месту назначения, Надежда Константиновна стала встречать и узнавать о знакомых, которым на время также были определены сибирские места для «проветривания мозгов»: Сильвин, Ленгник, Старков, Мартов (последний — отправлен в Туруханский край), др.

Порыв Наденьки жить подле жениха, конечно же, истолковывался как величайшая и беспримерная любовь

Крупской к «гению всего человечества» товарищу Ульянову-Ленину.

Но следует принять во внимание, что активный резидент, впоследствии видный деятель партии большевиков Глеб Максимилианович Кржижановский также находился в ссылке. И деятелям Ордена крайне важно было видеть и знать, чем занимались их не всегда благонадежные резиденты, находясь не только на передовой революционной борьбы, но и на периферии, вдали от их пристальных глаз и цепких масонских рук... У Нади был прекрасный повод: она ехала к месту ссылки своего так называемого жениха. По пути следования ей стало известно от одного из агентов, что ее не очень-то жалуют родственники Ульянова. Это больно оскорбило ее женское самолюбие, и по прошествии некоторого времени она с обидой сообщала сестре Володи Марии Ильиничне: «Поцелуйте А. И. и скажите ей, что нехорошо она поступает, что меня так везде рекомендует. Володе о моем селедочном виде написала...» Известно, что уже в то время у Надежды начала обостряться базедовая болезнь (этот диагноз поставят позже), отчего и глаза стали у нее чуть навыкате, как у рыбы. Володя иронично стал звать ее Рыба и Минога, причем все чаще делая это прилюдно. Но как бы ни складывались их личные взаимоотношения, ни Владимир, ни Надежда не забывали своих обязанностей перед Орденом — страшной и бесчеловечной силой, взявшейся сокрушить самую могущественную страну мира, Российскую Империю.

И вот Наденька в Шушенском у Владимира Ильича, — так свидетельствуют все источники. Но **в чем** же здесь подвох? До этого Володя уже находился в подобной ссылке в Кокушкино, теперь вот в Шушенском. И, что самое любопытное — и Кокушкино, и Шушенское были его родовыми имениями (возможно, последнее было получено Ильей Николаевичем в обмен на женитьбу на Бланк, имевшей двоих детей от императора?). Чего же еще не указывают советские авторы? К примеру, то, что суммарный годовой до-

ход двух имений в год мог составлять в урожайный год — до 17 000 руб., в неурожайный (крайне редко) — до 8 000 руб. По ценам конца XIX — начала XX века это было огромное состояние, на которое не только Владимир Ильич, но и все остальные домочадцы жили совсем безбедно! Но сумасбродному ненавистнику Ульянову надо было **всю** великую Россию превратить в голодную и медленно вымирающую, кладбищенскую страну... Да, вот самый любопытный факт: в одной из деревень, принадлежавших Ульяновым, в советское время была обнаружена нефть, и если бы не революция, В.И. Ленин, как и его родственники, стали бы богатыми нефтепромышленниками.

Что же касается русской Сибири, то *страшным местом* ее также сделали большевики, которые ну так натерпелись от «изуверского царского режима»; ну так натерпелись, что все оставшиеся в живых после их прихода к власти могли только мечтать о том канувшем в никуда времени... До революции 1917 года никто в России не считал Сибирь диким местом, а — самым богатым и благодатным краем Империи!

В середине апреля 1898 г. Надежда с матерью Елизаветой Васильевной отправились в далекий путь. К месту ссылки они везли большую поклажу, где были личные вещи, книги и даже «лампа с зеленым абажуром, чтоб Владимиру Ильичу было удобнее работать по вечерам» (а то у ссыльного барина ламп в родовом имении не нашлось. —*Авт.*).

А теперь что касаемо распорядка дня «отбывавшего тяжелую ссылку» Ульянова.

Из 7 дней 5 дней в неделю Владимир Ильич проводил на охоте. Зверюшек ему выгоняли местные егеря, и барин с удовольствием «валил» их, целясь и беспрерывно стреляя, пока не попадал. Из воспоминаний Надежды Константиновны: «Мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу...».

Вставал Владимир Ильич, как обычно, между 10 и 11 часами утра. На стол сразу же подавался завтрак — дичь с охоты, двухлитровая крынка парного молока, а также всякие разносолы и варенья.

На обед, который проходил в 16–17 часов дня, он съедал свежего молочного поросенка, или индюшку, или курицу (очень любил Володя это дело — сытно поесть). Вечером на столе обязательно стояло вино, пиво и медовуха, а также в изобилии разные мясные блюда.

Расход продуктов таков: раз в неделю для барина забивали одного барана (овцу), одного взрослого кабана, птицу (индюшек и кур) — 3–5 штук. Из воспоминаний Надежды Константиновны: «Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день пока всего не съест, как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте... рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на неделю... В общем, ссылка прошла неплохо... По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий... Одна здешняя обитательница полька говорит: «Пан Ульянов всегда весел». Увлекается он страшно охотой, да и все тут вообще завзятые охотники...» Вот ведь ужасы царского режима и царской ссылки! И — опять ее тайная хитреца, **ее ребус**: читайте, думайте, сопоставляйте, советские дураки... э-э, граждане-товарищи!!! Володенька в письме признавался матери: «Все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь!»

Ссыльному платили по одним сведениям 9 руб. 24 коп., по другим — 8 руб. 17 коп. в месяц. Это небольшая сумма, но если считать, что в Сибири баран стоил (в зависимости от возраста) от... 20 до 30 коп., то приходит разумение, что это просто огромная сумма за безделье и охотничий азарт. Да и нужны ли были там Ульянову, по сути, хозяину имения, казенные деньги? Большевистские историки суммы, причитавшиеся ссыльным, указывают, только вот не сравнивают выплаты с существовавшими тогда ценами на продовольственном рынке. А если эти суммы да сравнить с расценками в советском рае? Например, к названным 8–9 рублям при царизме близка сумма в 12 рублей при социализме (но, право, не по номинальной стоимости!), — такова самая

низкая советская пенсия в 70–80-е гг. XX века; колоссальная разница состояла в том, что в СССР продовольственные прилавки были пустые, а если продукты и появлялись, то далеко не по смехотворным ценам и только «по блату», для «своих», — *с черного хода* или *из-под прилавка*...

Так что невзрачный коротышка из семьи Ульяновых в благословенной русской Сибири роскошествовал от пуза. И говорить, что он находился в страшной ссылке, все равно что сказать, будто советский курорт (чудесные сибирские санатории «Дарасун» в Забайкалье, «Уссурийский» и «Седанка» в Приморье, «Столбы» в Хакасии, — последний совсем рядом с имением Владимира Ильича) для советского человека — это тяжкое телесное и нравственное испытание...

Через два месяца после прибытия, в июне 1898 г. Владимир Ульянов и Надежда Крупская объявили себя мужем и женой.

«Надежда Константиновна глубоко любила Владимира Ильича, но, будучи человеком очень сдержанным в проявлении своих чувств... ответила фразой: «Ну что ж, женой так женой» («Биография», с. 28).

Никакого официального венчания — священного, перед Богом — в церквушке **не** было. Советские авторы предусмотрительно отмечали, что якобы начальство не разрешило приехать на свадьбу никому из ссыльных, даже живших поблизости; также предусмотрительно свидетелем церемонии представляют некоего чахоточного С.Н. Журавлева, которого скоро болезнь свела в могилу. Но все же... «Пришлось венчаться, проделать эту комедию, вспоминала Надежда Константиновна. От венчания зависело и получение пособия, полагавшегося ссыльным. После оформления брака Крупская в период сибирской ссылки получала пособие в размере 8 рублей в месяц» («Биография», с. 30).

Надежда поехала к Ульянову как невеста, а вскоре назвалась женой. Нравственные устои русского общества были таковы, что ни одна здравомыслящая девушка НИ-

КОГДА не назовет себя невестой, коли таковой не является и НИКОГДА не назовет себя женой, коли не венчана. Невестой русская девушка называлась только после того, как была помолвлена! Большевики успешно играли на чистоте нравов и правдивости характеров русских, извращая все донельзя! Вот и на свидания в тюрьмы к своим сотоварищам революционерки-безбожницы ходили под видом невест, и никто никогда никаких документов подтверждающих НЕ требовал... ***Слово произнесенное для русского человека было свято, ибо общество верило в христианского Бога и греховность лжи...***

Итак, Крупская выполнила задание Ордена, она стала официальной сожительницей (супругой, женой — называйте, как хотите) Ульянова, планируемого при определенном раскладе на первую роль в новомасонском государстве.

Первым, кто поздравил «новобрачных», был Глеб Максимилианович Кржижановский, немедленно через связного информировавший европейскую резидентуру Ордена о свершившемся факте. Вместо золотых колец супруги получили кольца из медных пятаков, сделанные ссыльным мастером, «путиловским рабочим» Оскаром Александровичем Энгбергом, которого одни авторы называют финном (Л. Кунецкая, К. Маштакова, авторский коллектив «Биографии») или эстонцем (Б. Соколов), тогда как другие указывают, что тот был евреем. Сказка о грошовых кольцах трогательна только сердцам дураков; Надежда Константиновна ни разу в жизни не надела на палец подобного кольца! Ее единственным и самым ценным украшением **был** *бриллиант, носимый на золотой цепочке на груди; на бриллианте был выгравирован вензель сына Павла I.* Этот многозначительный и бесценный подарок, доставшийся ей от матери, исчезнет перед смертью обладательницы (однако есть предположение, в чьих руках он окажется).

Молодые люди провели прекрасное время в Шуше; окрестности завораживающе красивы: Енисей не очень широк, сиди часами, любуйся с живописнейшей Журавлиной

горки на леса, луга, озера, лесные старицы, наблюдай за полетом диких лебедей и уток, которых здесь видимо-невидимо... Опять же — рыбалка, бесконечная охота.

Страсть «вождя мировой революции» к охоте с нескрываемым удовольствием описывают разные авторы; к примеру, возьмем толстенный том «Воспоминания о В. И. Ленине», М., 1957, т. 2.

Автор Н.В. Крылов утверждает, что даже «в последние годы своей деятельности Владимир Ильич часто искал отдыха от непрерывной работы на охоте» (с. 425); он вспоминает, как они ходили недалеко от Москвы, в окрестностях Люберецкого завода, охотясь на лису с флажками; как с Лениным и Е. Преображенским выслеживают они фазанов, но прежде километров сорок едут на телегах, и при этом автор умиляется, как это — «вождь мировой революции, сам Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров, гроза мировой буржуазии, «диктатор», как его изображала буржуазная пресса, трясется в простой крестьянской телеге рядом с возницей» (с. 427); то у деревни Заболотье сбились они с пути, охотясь на уток; то вот «великий и простой» Ильич «чрезвычайно полно отдается процессу самой охоты» на тетеревов под Москвой около Горок и за 90 км от Москвы у станции Решетниково; но «на крупного зверя пришлось ходить с Владимиром Ильичем только на волков. К сожалению ...заветная мечта Владимира Ильича — убить волка — не осуществилась» (с. 428).

Я.Э. Рудзутак вспоминает, что также с любимым вождем походил по лесам, по заснеженным полям в поисках дичи; «иногда, в субботу вечером, сговаривались с ним поехать в праздник на охоту» (с. 430).

И С.К. Гиль исповедался перед читателями будущих поколений: «Поехали мы однажды на утиную охоту по направлению к Кашире, не доезжая Михнева. Это было... осенью 1920 года. С нами были Дмитрий Ильич Ульянов, егерь и еще трое товарищей» (с. 432); а то был случай: «Как-то мы поехали с Владимиром Ильичем на охоту в Завидово. Там нас по обыкновению ожидал егерь Порошин. Это было... весной 1920 года. Охота на глухарей приходила к концу» (с. 433).

Так что «непосильный» умственный труд всегда сочетался с трудом физическим, в данном случае... охотой, ничего более тяжелого в жизни Ильич не испытал: кирку и лопату не держал, не пахал, не сеял, не строил...

Зато в самые трагические, самые голодные годы, годы разрухи и ненависти в еще недавно великой стране этот фартовый хват, этот жестокосердный вздорщик Ульянов-Ленин находил массу времени для развлечений и воплощения всяческих распутных искушений...

В ссылке они продолжают переводить присылаемую из-за границы подрывную литературу: с немецкого — Марксов «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал», Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика»; с английского — Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» и пр.

Почти каждый день к парочке Ульяновых похаживали ссыльные товарищи; вместе отмечали они и свои праздники, например, «1 Мая 1899 г. пели революционные песни, а вечером Владимир Ильич с Надеждой Константиновной не могли долго заснуть, мечтая о мощных рабочих демонстрациях, в которых когда-нибудь примут участие» («Биография», с. 32). Им даже удавалось свободно проводить политические собрания (!); в августе 1899 г. в село Ермаковское съехалось 17 ссыльных, чтоб обсудить позицию отечественных «экономистов»-оппортунистов (среди приехавших Сильвин, Лепешинские, Кржижановские, Ленгник, Барамзин и др.) и принять резолюцию протеста. Чета Крупских и сама разъезжала по округе, чтобы встречаться с товарищами; «Володя укатил в Красноярск и без него стало както пусто»; «Несколько раз ездили в Минусинск, в села Тесинское, Ермаковское, деревню Ивановку. Во время встреч с товарищами обсуждали животрепещущие вопросы революционного движения, вели дискуссии по теоретическим проблемам. Радушно встречали они у себя в Шушенском приезжавших к ним товарищей по ссылке» (там же, с. 36). «В ссылке она (Крупская. — *Авт.*) читала и перечитывала труды Маркса и Энгельса, ...изучала английский, немецкий и польский языки» (там же, с. 37; без комментариев).

Да, явно не перенапрягались в ссылке в Шуше ни Владимир Ильич, ни Надежда Константиновна, с ними была ее мать и помощница Елизавета Васильевна, по хозяйству подмогу оказывала вдова Петрова, стряпала да убирала платная прислуга Паша. Ле-по-та-а-а! — как сказал бы один известный киношный герой.

Новый 1899 год, последний год ссылки Ленина, ссыльные сотоварищи встретили у четы Кржижановских в Минусинске. Среди гостей все те же — Ульянов, Крупская, Лепешинские, Ленгники и т.д., человек 16. «Варили глинтвейн, пели, плясали под гитару... Организовали даже катание на тройках. Лихо мчались по степи, в морозном воздухе звенели студенческие революционные песни, смех, сыпались шутки. Катались на коньках... Долго потом вспоминали эту встречу Нового года» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 69–70).

Подобный необременительный отдых продолжался вплоть до 1900 г., пока не закончился срок ссылки В.И. Ульянова.

Придя к власти, Владимир Ильич Ленин учтет, какие ссылки и тюрьмы были в царской России и, исправив «недостатки» «зловещей» царской системы, одним из своих первых(!) декретов создаст идеальные советские концентрационные лагеря и тюрьмы, где каторжным трудом на лесоповалах и рудниках, химическими газами и отстрелами будут уничтожаться миллионы русских людей и людей других национальностей бывшей Российской Империи...

Глава 11

Будучи еще в Шуше, Ульянов списался с Потресовым и Мартовым, «сговариваясь с ними заранее об отъезде за границу». Тогда как Надежда Константиновна, трехлетний срок ссылки которой еще не истек, должна была выехать в Уфу.

В Уфу, в центр огромной области, «провинциальный купеческий центр», Ульяновы ехали вместе с Елизаветой Ва-

сильевной, обреченной черными, неведомыми силами коротать свой век в кругу ненормальных, полусумасшедших, живших навязчивыми идеями победы во имя некоего придуманного, вычлененного из единокровного общества «рабочего класса, который не имеет Отечества» (по Марксу, из его «Манифеста»). Гостей уже ждали местные социал-демократы: А.Д. Цюрупа, А.И. Свидерский, В.Н. Крохмаль. «Общими усилиями нашли небольшую и недорогую квартиру для Надежды Константиновны и Елизаветы Васильевны... Было тяжело, но даже мысли оставить Владимира Ильича в Уфе, задержать подле себя у нее не возникало... Утром Надежда Константиновна проводила мужа» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 76).

А в марте состояние здоровья Н. Крупской ухудшилось настолько, что ей довелось лечь в клинику, где она провела три недели. Как свидетельствуют только что названные соавторы, диагноз, поставленный еще в Минусинске — заболевание щитовидной железы и всей эндокринной системы — подтвердился. Правда, вот любопытный нюанс: в апреле 1900 года Владимир Ильич сообщал матери о здоровье Надежды Константиновны следующее: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что *ее болезнь (женская) требует упорного лечения* (выделено мной. — *Авт.*), что она должна на 2–6 недель лечь».

Пока Надежда выкарабкивалась из болячек и поправляла здоровье, Владимир Ильич готовился к отъезду в Австрию, где проведет восемь месяцев, совершенствуясь в деле уничтожения России. Отъезд состоялся в 20-х числах июля.

Позже Н.К. Крупской будет поставлен диагноз «базедова болезнь»; это словосочетание появилось тогда еще совсем недавно благодаря описанию немецким врачом Карлом Базедовым *(1799–1854)* так называемой мерзебургской триады: зоб, пучеглазие, сердцебиение.

«***Базедова болезнь*** — ...заболевание, в основе которого лежит гиперфункция увеличенной щитовидной железы, сопровождающаяся развитием тиреотоксикоза... Еще С.П. Боткин (1885), а также Труссо и Шарко, дополнивший триа-

ду Базедова четвертым постоянным симптомом — дрожанием тела, — приписывали нервной системе ведущую роль в возникновении заболевания. ...Особенно часто (по Н.А. Шерешевскому, в 80 %, по Брему, в 85 %) развивается после психической травмы (внезапные переживания, связанные с тяжелым известием, испугом, сильное более или менее длительное нервное напряжение). Более редким... как указывает анамнез больных, являются изменения в эндокринной системы... искусственное прерывание беременности, реже сама беременность, нарушение менструального цикла, вызванные расстройствами гормональной функции яичника...

Все же основным... фактором, вызывающим базедову болезнь, действующим на благоприятном для ее развития фоне, следует считать нервно-психическую травму. ...А.В. Мартынов характеризует роль нервной системы в развитии заболеваний следующими словами: «Психическая травма подобна электрической искре, взрывающей пороховой погреб; базедова болезнь есть результат этого взрыва» (Медицинская энциклопедия, т. 3, разделы 30–36).

...Еще ранее, в 1899 году, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса России» агент Ордена Алексеев среди прочего сообщал помощнику резидента Ордена Раймонду в Лондон, что отбывших наказание в ссылке господ В. Ульянова и Н. Крупскую «*следует направить для дальнейшей подготовки в Германию, где они должны пройти курс обучения последних технологий по делам революций*» (возможно, документ находится в библиотеке Конгресса США).

«Срок ссылки Крупской окончился 11 марта 1901 г. На другой день она получила паспорт для выезда за границу и уже 13 марта вместе с Елизаветой Васильевной выехала из Уфы» («Биография», с. 48). Обе отправляются в Москву. Там проходят встречи и с матерью Ульянова Марией Александровной, которая в какой уж раз остается «в грусти и печали» из-за своих не в меру «гениальных» деток: одна дочь Мария Ильинична арестована, вторая — Анна Ильи-

нична съехала за границу к братцу. Посетив Санкт-Петербург, Крупская направляется в Прагу, искать г-на Модрачека (на эту фамилию она писала Ульянову), но на месте оказывается, что он — г-н Ритмейер и живет в Мюнхене; по приезде туда выясняется, что Володечка носит иную фамилию — Мейер. А теперь вновь обратимся к Л. Кунецкой и К. Маштаковой — авторам, которым в свое время партия доверила жизнеописание Н.К. Крупской: «В Мюнхене ее, конечно, никто не ждал... Знание немецкого языка пригодилось. Без особого труда она нашла нужную улицу и дом, но квартира № 1 оказалась типичной баварской пивной... Надежда Константиновна последовала во двор, на задворки огромного дома. Обстановка показалась ей неуютной и необитаемой... Войдя, она увидела за столом Владимира Ильича, Анну Ильиничну и Мартова... Начались долгие годы эмиграции» (с. 84–85). Чудесная троица: брат с сестрой и Юлий Цедербаум попивали свежее баварское пивко, — любимый напиток великого революционера Ульянова-Ленина.

В интервью известного исследователя жизни В.И. Ленина — историка и политолога Анатолия Латышева журналисту Б. Кудрявову в № 1 (04) газеты «Тайная власть» есть такой абзац:

«— *И сам Ильич прикладывался к рюмочке?*

— До революции делал это постоянно. В годы эмиграции без пивка завтракать и обедать не садился. Но, начиная с 21-го года, не злоупотреблял... Вы что, хотите сделать из Ленина человека? Зря. У него не было ни одного положительного человеческого качества. Это же воплощение дьявола.

— *А как же его любовь к животным?*

— У Крупской есть в воспоминаниях: «...раздавался надрывный вой собаки. Это Володя, возвращаясь домой, всегда дразнил соседского пса». Да и его любовь к женщинам остается не исследованным по-настоящему вопросом.

— *Разве он не любил Крупскую?* ...

— Когда Ленин заболел и слег, то строже всего он требовал, чтобы к нему не допускали Надежду Константиновну...»

Любители гнусных интимных сценок, соратники по нетрадиционной сексуальной ориентации и противоправной политической деятельности меняли страны и паспорта, как перчатки, — все легко и просто, когда делается за чужой счет.

В Мюнхене Надежда и Владимир Ильич поселились в одном из уютных домов, но вскоре получили сообщение от «друзей», что этот дом им придется со временем сменить, ибо он находится под надзором немецкой полиции, имеющей тесные отношения с Третьим отделением МВД России. Здесь Ульянов и Крупская жили как господа Иордановы, причем Надежда носила имя Марица, а ее соратник — Иордан.

В то время многие революционеры, вызванные из России для обучения в школы Ордена, имели болгарские паспорта. Высказывалось ими мнение, будто немцы настолько глупы, что считают русский и болгарский языки похожими и оттого говорящих с «русским» акцентом принимают за болгар. То было далеко **не** так! Да, немецкая полиция Мюнхена, да и всей земли Баварии обнаруживала у «подданных» Болгарского царства и «русских» эмигрантов общую языковую схожесть; только вот эта *схожесть* составляла характерное еврейское грассирование (уже после революции в России новые *советские* режиссеры выдадут свое «Г» вместо привычного «р» за... настоящий полурусско-французский язык, звучащий из уст уродливых актеров, гротескно играющих русских дворян-дураков в глупом советского кино).

Едва ли не единственным человеком среди заезжих революционеров, блестяще владевшим русским языком (как, впрочем, и остальными, которыми она владела) была Надежда Крупская.

Буквально в первые же дни проживания на окраине Мюнхена она обнаружила грубые нарушения конспирации, которые осуществлял ее муж и изредка посещавшие их приехавшие на революционную учебу. Она не сочла нужным об этом сказать. Но в одной из бесед с Верой Засулич заметила, что мужчины весьма невнимательны и ведут себя просто безответственно. На что опытная конспи-

ратор и агент Ордена ответила со свойственной ей жесткой прямолинейностью:

— А где вы, Надежда Константиновна, видели, чтобы ж... признали факт неумения что-либо делать? Да вы посмотрите: от наших мужчин вообще толку мало...

И, действительно, Надежда учтет это замечание, когда придется подключить к революционным преобразованиям главную и основную силу — женщин; шантажируя женщин смертью их мужей, детей, отцов, можно **легко добиться** решения любой задачи... Но будет у нее и иное знание; она подключит к достижению чудовищной цели, которую желают воплощать нерусские мужчины, разрушительную для российского общества силу нерусских женщин... *направляя их на ключевые и социообразующие посты в государстве и способствуя рождению ими детей от мужчин и подростков из именитых русских родов...*

Как-то Мартов-Цедербаум предложил, руководствуясь поручением Плеханова, укрепить пути доставки новой большевистской подрывной газеты «Искры» в Россию. Указав при этом, что газету следует печатать у проверенных друзей в Швейцарии.

Однако подобному предложению воспротивилась Вера Засулич, заявив, что газета и так уже полностью находится в руках Плеханова и его единомышленников, и что участие только сторонников Плеханова в пропаганде идей революции в России рано или поздно нанесет вред революционному движению. Реакция Веры Засулич понравилась Надежде Константиновне, ей вообще с недавнего времени стала нравиться ненормальность ее окружения, их непристойность, хамство, разврат, грязь, лживость, бредовые идеи, патологическая ненависть ко всему миру, — нравились, потому что она поняла, что **сможет** *этим* воспользоваться. Презирая и восхищаясь, она строила свои планы... *Если русский мир поверит в избранность убожества, — то грош цена этому миру!* — такие мысли бродили в ее голове, терзали ее окаменевшее женское сердце...

Характеристика Веры Ивановны Засулич у многих авторов одинакова: одевалась небрежно, без конца курила папиросы в мундштуке, вела аскетический образ жизни, бытовой уют ее угнетал. Зная, что каждый из вновь прибывающих в школу Ордена из всех сил стремится понравиться преподавателям, она презрительно относилась к ним и рвалась в Россию с одной целью — террористическими методами бороться за захват власти. Еще при знакомстве с Крупской Засулич в лоб попросила:

— Ну, говорите! От наших бестолковых мужчин ничего не добьетесь. У них одни разговоры о бабах и пивнушках. А вы мне расскажите о Сибири, о русских мужиках. Что там да как.

Выслушав подробный рассказ Надежды Константиновны, Вера Ивановна услышала от собеседницы:

— А расскажите, как вы стреляли в градоначальника Трепова.

— О, и вы об этом хотите знать... — Она цинично рассмеялась. — Я не стремилась убить его. Да и за что, собственно, его убивать? Человек как человек, порядочный, и как начальник полиции корректно относился к задержанным и заключенным. Претензий ни к нему, ни к окружавшим его сотрудникам никаких. Но самим выстрелом надо было возбудить общественное мнение, показать, что в России творится беспредел в отношении политзаключенных. Да, именно так!!! Такова установка Плеханова, Аксельрода и... тех, кто руководит ими. Все мы зависимы. Вот и я не исключение. Ну а вы-то... (коротко хихикнула). Скоро на лекциях вы многое услышите об этом от преподавателей. Но не спешите искать истину и уличать их во лжи. Для вас эти люди прежде всего «носители правды II Интернационала и передачи ее в широкие общественные массы».

После знакомства Крупская и Засулич подружились; от Веры Ивановны она многое узнала о том, как можно нести в массы «правду о революции», чтобы это выглядело твоими личными убеждениями, чтобы неосторожным словом не выдать своих учителей из-за океана. Что слабо усваива-

ли мужчины, находившиеся в их окружении. Так что права была Засулич, что тех в первую очередь интересовали кофейни, пивные бары и интимные общества «странных» мужчин. Здесь, заметила Крупская, не принято называть вещи своими именами; впрочем, *вся идеология коммунизма — это бредовая фальшивка, построенная на привлекательной лжи.* С каждым днем Надежда все отчетливей осознавала, что она действительно «служебная жена» Владимира Ильича, служащая прикрытием человеку, которому женщина, как таковая, мало интересна.

Жизнь в Мюнхене протекала своим чередом. И это в какой-то мере благотворно сказывалось на Надежде Константиновне, по природе своей она была мягкой, отзывчивой и добродетельной натурой. И окажись она в иных условиях, несомненно, ее физиология женщины получила бы иное развитие, и болезнь не сумела бы поразить ее организм, сказываясь на душевных качествах и образе мышления. Ибо это те категории священного женского начала, когда многое зависит от того, в каком социуме женщина оказалась, каково влияние на нее мужчин. Надежда Константиновна, попав в тот социум мужчин (*педерастов, нагло развратничающих на глазах у женщины, и дегенератов, считавших себя мессиями*), с течением десятилетий состоялась не Женщиной высочайшего полета, как ей позволяли ее родословная, высокое умственное развитие, внешность и таланты, а **Чудовищем, которого не видывал свет**...

В квартире Ульяновых в дни жизни в Мюнхене часто появлялся хромой Юлий Мартов-Цедербаум. Этот человек, являющийся уже одним из самых активных агентов II Интернационала — *политического детища Ордена, созданного для воплощения своих планов,* — был до этого тщательно обследован психиатрами в Швейцарии по просьбе местной полиции. Медицинские работники под благовидным предлогом провели с ним ряд обследований и тестов, в результате чего пришли к выводу, что пациент помимо шизофрении страдает патологической страстью к мужеложству. Вы-

яснилось, что, если кто-то пытался ему объяснить или хотя бы намекнуть на то, что это противоестественно для разумного человеческого существа, то такой тут же воспринимался им как кровный враг.

Тогда Надежда Константиновна еще не знала о серьезном исследовании психики их частого гостя. (Многие секреты откроются ей только после революции, когда она получит доступ к секретным архивам Имперской разведки). Но ей не нравилось, что Юлий Иосифович и Владимир Ильич нередко закрывались в комнате на втором этаже и за ночными беседами, прерываемыми всхлипываниями, взвизгиваниями и воплями, проводили ночи напролет. Как-то она, не выдержав, спросила:

— Какое удовольствие ты получаешь от такой связи с Цедербаумом?

Владимир Ильич пылко среагировал, заливисто смеясь:

— Я люблю МаГтова, я знаю его много лет! Я обожаю его стГанности, ценю его талант, я бы сказал, гениальность... А между пГочим, Наденька, нам, гениям, все дозволено!

Надежда Константиновна была поражена.

«Владимир Ильич любил Мартова, знал его много лет, привык к его странностям, ценил журналистский талант и ради этого прощал бесконечную говорильню. Надежда Константиновна была изумлена, как можно говорить часами, перескакивая с темы на тему, без цели, обо всем... И Надежда Константиновна казалась ему сухой... К счастью, скоро приехал Дан с семьей, и Мартов там стал проводить целые дни» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 87–88).

Видя ее состояние, Вера Засулич посоветовала не обращать на это внимание. И чтобы как-то отвлечь свою приятельницу, познакомила ее с еще не ставшей знаменитой Кларой Цеткин. Надежда Константиновна, впервые увидев эту госпожу, поразилась тому, что с первых же минут их встречи та вдруг резко заявила:

— Что это вы на меня так смотрите? Вам, наверное, сказали, что я еврейка? Это неправда! Я чистейших кровей немка.

Такое болезненное восприятие евреями своей еврейской внешности и происхождения для Крупской было не в новинку, и все же... она даже не подумала о том, а лишь обратила внимание на круглые черные глаза Клары. Не придав особого значения ее реплике, Надежда Константиновна спросила:

— Каково ваше отношение к марксизму?

Та скороговоркой, допуская в разговоре на немецком языке многочисленные ошибки, что тут же подмечала блестяще знавшая язык Крупская, рассказала о ситуации в Германии. Дав при этом ясные — хлесткие и нелицеприятные — характеристики руководителям II Интернационала. Упомянув людей, работающих в типографии, где издается «Искра», она как отрезала:

— Это не типография, а сборище развратников...

Их беседа продолжалась около 1,5 часов, после чего Цеткин заторопилась и, не допив остывший чай и не сказав ничего о будущей встрече, быстро попрощавшись, покинула их.

Тем временем в планы по доставке «Искры» вмешался известный деятель II Интернационала Юлиан Мархлевский. Вместе с ним в организации доставки газеты в Россию активное участие принимали австрийский еврей-коммунист Франц Меринг и немецкая еврейка Роза Люксембург.

Иногда в тяжелые минуты одиноких ночей Надежде Константиновне казалось, что она волей зловещих сатанинских сил сброшена в эпицентр какого-то ужасающего вертепа. Ей даже снилось иногда: вот она, крепко схваченная цепкими пальцами знакомых и незнакомых «революционеров», никак не может вырваться. Но постепенно все вокруг превращалось в некую зловонную вязкую массу, втягивающую ее в беспросветную топь...

Небольшой отдушиной в этом примитивном окружении Крупской была лишь супруга Мархлевского Броня, с которой они задушевно беседовали, вспоминая прежних постояльцев Вавельского замка в Кракове, известных писателей и художников, оставшихся в прошлом Речи Посполи-

той. Броня хорошо знала историю, и эти беседы, по крайней мере, на какое-то время отвлекали от размышлений и разговоров о текущих нелицеприятных делах и окружающих неприятных особах.

Как-то Броня сказала, имея в виду, что ее мужа «затирают»:

— Надя, тебе не кажется, что твой супруг так увлекся своими делами, что в расчет не берет даже искровцев?

На что та, не задумываясь, проронила:

— Да, у Владимира Ильича есть страсть подминать под себя товарищей по работе. Это у него от матери: все вокруг — ничто, а она одна стоит величия... вечная страдалица за интересы полоумных детей. Но я тебе этих слов не говорила. Впрочем, все равно.

Словно услышав этот разговор, Владимир Ильич, пришедший откуда-то из города, и увидев вместе двух женщин, с порога закричал:

— Мы тут пгиняли гешение, что Инна Смидович более не в силах исполнять обязанности секгетагя газеты. И я думаю, Наденька, ты спгавишься блестяще. ...Мы так гешили.

И он, как нашкодивший кот, прошмыгнул на второй этаж в свою комнату.

Она не знала, что этому предшествовала схватка Ульянова с Плехановым из-за того, что тот приревновал слащавого Мартова-Цедербаума к Ильичу. И когда речь пошла о замене Смидович-Леман, разговор и вовсе пошел на повышенных тонах. Плеханов стал убеждать, что у него нет других достойных кандидатур. К тому же он вовсе не собирается смещать Смидович-Леман. Которая, кстати, была самой изощренной из интриганок, крутившихся вокруг газеты; она всегда принимала сторону Плеханова (если тот был лидером среди соратников-соперников). Но она так же легко могла переметнуться в лагерь более успешного «политика». Однако кого она точно не терпела, так это Ульянова. Она была непреклонно убеждена, что Ульянов «со своей Селедкой» проводит максимум времени в развлечениях вместо того, чтобы заниматься революционной борьбой.

А вскоре на Надежду Константиновну обрушился вал работы, к которой она приступила со всей ответственностью.

Глава 12

Как известно, первый номер «Искры» увидел свет 11 (24) декабря 1900 г. В редакцию «Искры» тогда входили В.И. Ульянов-Ленин, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов (Цедербаум), П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов, В.И. Засулич. С некоторыми из этих товарищей вы уже познакомились. С иными познакомитесь в процессе нашего рассказа.

Как и должно было быть, на определенном этапе взаимоотношений между Плехановым и Лениным возникли разногласия; каждый хотел «порулить» и каждый определенно знал, как правильно это сделать… «Этот конфликт… обнаружил принципиальные расхождения между Лениным и Плехановым. Эти расхождения впоследствии разгорелись в жестокую борьбу между большевиками и меньшевиками. Однако в то время разрыва не произошло, и на совещании в Корсье (близ Женевы) в августе 1900 г. было принято предложение В.И. Ленина о создании газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря» (Сб. статей «Ленинская «Искра». К 50-летию со дня выхода первого номера». М., 1950, с. 171). Но борьба за руководство печатным органом не закончилась…

Перед революционерами была поставлена задача: создать разветвленную сеть, состоявшую из проверенных людей, которые бы занимались пропагандой на местах, распространяли газеты, прокламации и другую подрывную литературу, провоцировали забастовки и погромы. Эту работу: *построение и координацию огромной сети агентов* — взяла на себя Надежда Константиновна. «Дайте нам ог-ганизацию геволюционегов — и мы пегевегнем Госсию!» — часто выкрикивал Ульянов, «достав» этими выкриками Надежду Константиновну настолько, что она однажды парировала:

— Владимир Ильич, я дам вам такую организацию! Только вы сами будете не рады этому...

— Что ты, что ты, Наденька, не кипятись, мы же делаем одно великое дело! Ты пгосто обязана мне помочь! — И, заложив пухленькие пальчики за лацканы пиджака, мерзко хихикнул.

Она станет помогать ему всегда и во всем, преследуя свои личные интересы, замешанные на ненависти к В.И. Ульянову, его гнусной семейке и всем, кто вторгся и разрушил ее личную жизнь.

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская писала: «Мы знали очень подробно, кто из агентов «Искры» что делает, и обсуждали с ними всю их работу; когда между ними рвались связи, — связывали их между собою, сообщали о провалах и пр.» (Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 59–60). Слово-то какое невинное в контексте: **агенты,** — а ведь стоит, пожалуй, вдуматься, чтобы понять **как** из психопатов, полусумасшедших, порочных мразей, дегенератов и просто запуганных или даже наивных простачков, используемых «втемную», складывалась чудовищная сеть. Крупская была прекрасным секретарем, сверхпонятливым, став в самый короткий срок воистину незаменимой; ее организаторский талант будет оценен заокеанскими хозяевами, сделавшими в какой-то момент свои расчеты и поставившими на эту тягловую лошадку... Быстро сориентировавшись, Надежда Константиновна стала вести учет и распределять обязанности: кто специализируется на перевозке литературы, кто — на устройстве конспиративных квартир, кто — на пропагандистско-подрывной работе и т.д. Она разработала и воплотила практически непогрешимый **принцип партийной централизации** — каркас *Пирамиды, по которой «пролетарии» поползли вверх за российским пирогом.*

Среди агентов «Искры» — как их называют во всех источниках, — **профессиональные революционеры** (читай: *прошедшие специальную подготовку в школах Ордена за границей или специальную обработку на местах*): И. Бабушкин,

Н. Бауман, П. Лепешинский, М. Калинин, Л. Кецховели, А. Стопани, А. Цулукидзе, А. Ульянова-Елизарова, М. Ульянова, Р. Землячка (наст. Залкинд) и многие другие... И если, к примеру, Николая Эрнестовича Баумана окрестили «одним из главных практических руководителей дела»», то о Вере Ивановне Засулич не всегда отзывались так же лестно. «Третьим членом редакции от группы «Освобождение труда» была Засулич. Но и она не играла руководящей роли в газете. За все время существования ленинской «Искры» она написала в нее несколько статей на второстепенные темы и никогда не вела редакторской работы. Следует иметь в виду и то, что В. Засулич была активной участницей народнических кружков. Хотя она и отошла от народничества, но до конца не изжила своих симпатий к индивидуальному террору» (Из сб. «Ленинская «Искра», с. 14). Но Надежде Константиновне Вера Засулич была симпатична; серые мышиные глазки, змеистые, растрепанные косы, ее безудержный гнев и язвительность импонировали Надежде Константиновне, — эта большевичка не скрывала своих антипатий к соратникам, могла ткнуть дымящейся трубкой мундштука в очередного приезжего революционера, и, смакуя, произнести мерзкое ругательство, от которого тот съеживался и более при ней не выпячивал свою значимость и избранность в деле мировой революции. Эта личность как антипод притягивала Крупскую. Возможно, именно знакомство с этой циничной женщиной натолкнуло Надежду Константиновну на мысль **использовать** женщин в качестве... своих личных агентов...

И хотя Засулич не переработалась на ниве писания статей для «Искры» и «Зари», она и так была загружена: переводила классиков марксизма-ленинизма и тем самым честно отрабатывала свой революционный хлеб — хлеб *за предательство Отечества,* чьей подданной была. А еще Вера Ивановна незадолго до этого вела активную переписку с К. Марксом *(1818–1885)* и Ф. Энгельсом *(1820–1895).* Ну а те при случае любопытствовали, как дела у назначенной им Орденом в переводчицы молодой женщины. К примеру,

в воспоминаниях некоего социалиста А.М. Водена *(1870–1939)*, также числившегося переводчиком «великих» трудов подрывателей человечных основ общественного мироздания, — Карла Маркса (наст. *Моисей Мардохей Леви*, выходец из рода раввинов) и его друга Фридриха Энгельса, есть простенькая фраза: «...когда я явился к нему (Марксу) в первый раз..., он стал расспрашивать о Плеханове, о Вере Ивановне (Засулич), о Лаврове, о котором отзывался с добродушной иронией. Он выразил высокое мнение о таланте Плеханова (говорил: «не ниже Лафарга или даже Лассаля». — *Авт.*)...» (Из книги К. Маркс и Ф. Энгельс о литературе. М., 1958, с. 288). Впрочем, этим вездесущим педерастам до всего было дело. ***Они готовы были разрушить любую страну, лишь бы удовлетворить свое тщеславие; они — Сизифы, толкавшие неподъемный камень, — конгломерат ненависти к христианскому миру, к Российской Империи, ко всем благополучным странам, где им подобных — на протяжении столетий — не допускают во власть.*** И они (нельзя считать их единственными распорядителями; эти «титаны» также всего лишь политические винтики) заставили делать то же самое большую часть своих единомышленников; направив их разрушительную энергию на достижение одной-единственной цели: *взорвать и захватить весь мир*!

И, для уточнения давайте заглянем в старый источник — Литературную энциклопедию, т. 6, М., 1932, тем более что некоторые сведения, которые даются здесь к имени «*Маркс*» в других многочисленных энциклопедиях разных лет мы уже **не** встретим: «*Карл Маркс* родился 5 мая нового стиля 1818 г. в г. Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 принявший протестантство... В сентябре 1844 в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса... и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма или коммунизма (марксизма)... В 1845 Маркс по настоянию прусского правительства как опасный революционер был выслан из Парижа. Он

переехал в Брюссель. Весной 1847 Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союз коммунистов» (КТО организаторы?! — назовите имена, товарищи коммунисты!!! — *Авт.*), приняли выдающееся участие во II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению (КТО ПОРУЧИЛ?! — имена, имена!!! — от кого прячете своих апостолов, товарищи последователи: социал-демократы, народники, большевики и коммунисты? — *Авт.*) составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест коммунистической партии»...

Эпоха оживления демократических движений конца 50—60-х гг. XIX в. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих» (среди собравшихся — ни одного-единственного рабочего!!! — *Авт.*). Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции. 1870–1871»), и **после раскола Интернационала бакунистами существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк** (выделено мной. — *Авт.*). И вновь задаемся вопросами: КТО стоит во главе Генерального совета, КТО переехал в Нью-Йорк, КТО руководил оттуда революционным процессом в России?!!!). I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах

мира, именно эпохе роста его вширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств» (разделы 817–820).

А вот некоторые выдержки из писем Маркса и Энгельса, направляемых потоком в Российскую Империю, где соучастники получают указания из первых уст:

— «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык... Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» (Маркс). В чем же состояли эти «роковые злоключения», которые могли помешать некоему народу захватить власть? К примеру, «экономизм», который так раздражал революционеров. «После отмены крепостного права развитие промышленности в России... происходило довольно быстро. О степени этого роста можно судить по тому, что за 10 лет (1887–1897) металлургическая промышленность возросла на 176%, горнозаводское производство — на 152%, текстильное — на 104 %. Общее количество рабочих по 50 губерниям Европейской России на крупных фабриках, заводах и железных дорогах возросло с 1433 тыс. в 1890 г. до 2207 тыс. к концу 90-х годов. Промышленный подъем 90-х годов был связан... с усиленным железнодорожным строительством. За десятилетие (1890–1900 гг.) было построено свыше 21 тыс. верст новых железнодорожный путей. Для строительства этих дорог, для работы транспорта требовалось огромное количество металла, топлива. В связи с этим в стране развивалась металлургия, топливная и другие отрасли промышленности», — проговаривается С. Кукушкин в своей статье «Разгром «Искрой» «экономизма» (Из сб. «Ленинская «Искра», с. 212). И это в то время, когда даже Ульянов в работе «Что делать?» признавал, что тогда «число сторонников нового направления в России (т.е. социал-демократов. — *Авт.*) измерялось единицами» (!). ***А Российская***

Империя семимильными шагами шла к процветанию, до начала революционного переворота 1917 г. заняв 1-е место в мире по темпам экономического развития!

Об этом процветании были прекрасно осведомлены Маркс и Энгельс. «С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступают земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя ввести *одну* отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с нею целую систему; текстильная промышленность... современного типа, уже ранее пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян... порождало свободу передвижения... Но вместе с тем был занесен топор и над корнями русской крестьянской общины» (что правда, то правда, только это обвинение нужно направить **не** в адрес «царского режима», а в адрес тщательно изучавших систему сельского хозяйствования России большевиков-революционеров, подстрекаемых на преступления против Российской Империи такими мерзавцами, как авторы приводимых здесь цитат. — *Авт.*).

— «...необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, необходима революция в России. Русская революция не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса нации, крестьяне, и которые составляют их мир (слово «мир» в письме написано по-русски, что отмечено редактором; и опять же — подтверждение того, зачем собирались сведения о русской деревне, о сельском хозяйстве страны! — *Авт.*), их вселенную... — русская революция даст также толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые, лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного... пролетариата...» (Ф. Энгельс. Послесловие к ст. «Об общественных отношениях в России».

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, с. 285–297).

Сотни страниц текста, полного презрения к России и ее подданным, споро переводили многочисленные трудовые мурашки, тогда как другие мурашки привозили его нелегальными путями в страну. А ну представьте: станете вы, рискуя благополучием семьи, возить и распространять философскую заумь, чтобы изменить власть, коли вы живете в благополучной и успешно развивающейся стране, где всегда можете получить образование, приличную должность и уверены в завтрашнем дне не только для своих детей, но и внуков?! НЕТ?! Значит, это было выгодно только одному контингенту: тем, кто отселяется из столиц, кто не допущен к ведению государственных дел, кому закрыт массовый вход в Русскую науку, Русскую промышленность, Русское производство, Русскую торговлю, Русские банки и т.д. Но все изменится после так называемой «Октябрьской революции», когда большевистские историки основательно «очистят» все отрасли знаний от истинно русских людей и впишут туда имена «своих мертвых душ».

Одними из тех, кто имел ограниченный допуск в национальные образовательные заведения (был процентный допуск), в науку, политику и саму власть, были евреи. Так происходило в XIX веке не только в Российской Империи, но во многих странах мира, в том числе и в Америке. И об этом уже много написано современными историками и публицистами, так что не станем повторяться; такое уж было тогда время.

Да, вот классический случай, объясняющий, как тяжело было еврею в чужой стране стать значимым. Семью ростовщиков Ротшильдов (родоначальник Майер Амшель из Франкфурта) можно легко назвать успешной; однако в 1861 году тайный советник Баден-Бадена отказал Соломону Ротшильду в праве гражданства, хотя у того имелись там свои владения. Соломон, уже купивший титул австрийского барона, никак не мог получить прав гражданина Австрии из-

за происхождения. Его брат Натан хоть и считался бароном, но никак не мог воспользоваться этим титулом в Англии, т.к. это противоречило английской конституции, не разрешавшей предоставление аристократических титулов и дворянства инородцам. Нечто подобное было и в России. И тогда, кроме других, был задействован способ «вживания в страну», получивший название **заемная политика**. Конечно, не одни только евреи Ротшильды использовали заемную политику для продвижения своих и «вживления» их в основные политические и экономические пласты разных стран: Англии, Германии, Италии, Америки и др. И абсолютно правильно обозначил знаменитый внук раввинов Карл Маркс: «*Деньги — это ревнивый бог Израиля, который не допускает никаких других Богов*» (ст. «О еврейском вопросе»). «*Все евреи ответственны друг за друга*», — гласит Вавилонский Талмуд; а слово «ответственность» на иврите «*hа-ревим*» означает «поручитель, т.е. человек, отвечающий за другого как спонсор или опекун». Отсюда и распространенное мнение, что они — первейшие спонсоры. И, безусловно, это верно, только и спонсорство имеет свою — политическую и экономическую — подоплеку и подразумевает выгоду.

Так — во многом с расчетом на выгоду — заинтересованными лицами «спонсировалась» и «русская» революция, и Третий рейх.

Те, кто собирался строить социализм даже в чужих странах, коих подданными они **не** являлись, среди чужих народов, живя на «спонсорские» средства, — делились различными новостями, собираясь на очередных международных сходках, будь то съезд Бунда, съезд РСДРП, конференция социал-демократов, большевиков, меньшевиков, пленум или конгресс. К примеру, новости с первого конгресса сионистов, прошедшего 29 августа 1897 года в Базеле (Швейцария), где присутствовали 204 еврея из нескольких стран, активно обсуждались и среди социал-демократов, и среди эсеров, и среди участников «Союза борьбы за...», и среди «русских революционеров» в самой России. Известный факт: именно тогда, на конгрессе, основатель сиониз-

ма Т. Герцль *(1860–1904)*, по его словам, «оконтурил еврейское государство».

Но социал-демократы уже точно знали, где начать строить свой «рай»: в Российской Империи.

И самое непосредственное участие в этом пришлось принять Надежде Константиновне Крупской…

Ей довелось решать множество проблем, но она была полна сил и желания показать, что она лучше всех, — но показать не хвастаясь, не говоря о том ни единого слова! И этого принципа: *быть первой, но словно бы непричастной!* — она придерживалась до конца своих дней.

Летом 1901 года возникли недоразумения с братом Юлия Осиповича Мартова С.О. Цедербаумом, который в то время работал в Вильно в качестве агента «Искры»; этот *малый винтик в огромной конструкции* вдруг захотел — самостоятельно, не испросив дозволения! — перевести всю свою подпольную группу в Санкт-Петербург, чем накликал неудовольствие Надежды Константиновны, исподтишка распалившей гнев у Владимира Ильича и на Юлия Цедербаума, и на его брата Сергея.

В 1901 г. члены редакции «Искры» жили в разных местах: Ульянов, Крупская, Мартов, Потресов и Засулич — *в Мюнхене*, Плеханов — в *Женеве*, Аксельрод — в *Цюрихе*. Но, действовали они все в одном направлении. И газетенке своей придавали определенный вес сволочными склоками и лживыми статейками. Обилие псевдонимов производило эффект присутствия читательской аудитории. Какие только дискуссии не подписывались непонятными именами: А–р, Н. Д., Steinberg (П.Б. Аксельрод); А. Булыгина, В., В. З., З., Иванов, Карелин (В.И. Засулич); А. Б., Берг, Гамма, Егоров, Кедров, Л. М., Мартов Ю. О., Сергеев, Тупорылов, Нарцис, Эльмар, Ignotus, Martin, Z. (Ю. Цедербаум); Алексеев, Андреевич, Бельтов, Бочаров, Волгин, Валентинов, Каменский, Кузнецов, Ушаков, Idem и др. (Г.В. Плеханов); А. П., К–р–ий, П–в, П–р–ъ, Потресов-Старовер, Путман, Семин, Орест, Старовер (А.Н. Потресов) и т.д.

Что же касается тематики статей, то здесь можно был изгаляться как угодно: провоцировать и обливать грязью друг друга, а еще лучше — чернить российскую действительность; все сходило с рук!

«Приветствуемый «Освобождением» тов. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумению) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню Чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ваничкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?» (В.И. Ленин. Соч., т. 9, изд. 4, с. 384).

На страницах «Искры» велись и более «высокоинтеллектуальные» дискуссии; тут и словесная борьба с эсерами, которые «вместе с Бернштейном, Давидом, Герцем и другими ревизионистами, ополчившись против революционной теории марксизма, сосредоточили свои усилия на «критике» учения Маркса по аграрному вопросу». По мнению большевиков, именно эсеры клеветали на марксизм без зазрения совести, «путем клеветы и извращений стремились внушить крестьянству недоверие к рабочему классу и его партии, сорвать в ходе революционной борьбы союз рабочего класса и крестьянства» (Из сб. «Ленинская «Искра», с. 272).

Не зазорно им было русскому народу — верившему, как чистое и доверчивое дитя! — лгать, что, к примеру, в имении князя Трубецкого в Херсонской губернии продолжительность рабочего дня составляет... 21 час с получасовым перерывом на завтрак и часовым на обед, и что издевательства над рабочими доходили до того, что им... надевали намордники при сборе винограда!!! (там же, с. 284); писали, цинично посмеиваясь над глупостью народа, позволявшему с такой легкостью обвести себя вокруг пальца... Были и другие «страшные» подробности о положении наемных рабочих в Российской Империи.

Работоспособность Крупской поражала всех; но больше всех это качество радовало Владимира Ильича, много сил отдававшего исследованию местных пивных, интимным беседам с соратниками, зачастую с ночными бдениями и оргиями.

Надежда Константиновна, будучи крайне серьезной особой, взвалила на себя практически всю ответственность за подготовку номеров, а также за организацию доставки в Россию. В то время как Владимир Ильич практически никакого участия в этом не принимал. Более того, он обязал соратницу писать статьи по его установкам, но за его подписью.

...Как-то уже на склоне лет Надежда Константиновна посетила библиотеку в Москве, которая к тому времени стала носить имя В.И. Ленина. И просматривая старые издания, с удовлетворением обнаружила, что в «Искре» со дня прибытия четы Ульяновых в Мюнхен, вплоть до 5 мая 1905 года, когда вместо «Искры» стала выходить газета «Правда», все статьи, подписанные фамилией или псевдонимами Владимира Ильича, были собственноручно написаны ею, большую часть жизни числившейся супругой этого уникального выродженца. Крупская, обладавшая недюжинным умом, невзирая на возраст, отчетливо помнила все свои материалы, которая она подготовила для Владимира Ильича Ленина.

Глава 13

Тайный резидент Ордена по окончании обучения каждой последующей группы революционеров из России давал полную информацию в Нью-Йорк обо всех и каждом выпускнике в отдельности. На этот раз, сообщил он, если исходить из степени восприятия и усвояемости знаний учащимися, то их знания следует оценить как удовлетворительные. И лишь одному выпускнику, точнее, выпускнице — Н.К. Крупской, по его мнению, следовало поставить высший балл, особо оценив ее исключительные способности

как конспиратора, шифровальщика, знатока русской жизни, специалиста в различных областях деятельности подданных Российского государства и русского общества. Особо отмечались ее блестящие успехи в изготовлении специальных бомб и получении теоретических навыков по их применению в террористических актах. *Далее резидент сообщал, что все, что им известно об отношениях Надежды Крупской с великим князем Сергеем Александровичем следует использовать в дальнейшем для осуществления важной цели: ликвидации одного из Романовых, самого ярого сиониста и гонителя революционеров. Тем более что, по расчетам Ордена, где анализировалось и сопоставлялось каждое, даже самое незначительное, донесение резидентов и агентов из России,* ***существовала реальная опасность срыва всех захватнических планов в случае, если на престол в Российской Империи взойдет великий князь Сергей Александрович. Исключать такую возможность не следовало вовсе!***

...Не знала тогда, да и **не** могла знать Н.К. Крупская, какая лестная характеристика на нее отправлена руководству Ордена, ставившего целью уничтожение Российского государства, Дома Романовых и общества русских людей.

А ее супруг В.И. Ульянов среди всех слушателей этого набора получил самые низкие оценки, что и послужило основой для направленных в Нью-Йорк выводов, гласивших, что этот человек пока не представляет никакой ценности в серьезном деле свержения Дома Романовых и...

...тогда же перед Орденом встала задача поиска нового лидера вместо впадающего в маразм от своей амбициозности Георгия Валентиновича Плеханова *(1856–1918)*.

Серьезная ставка была сделана на уроженца Киевской губернии Лейбу Давидовича Бронштейна *(1879–1940)*, который вскоре закончит Гарвардский университет в США.

Однажды Надежду Константиновну попросили явиться в университетскую библиотеку Мюнхена, где соратники познакомили ее с высоким мужчиной приятной внешности. Тот поинтересовался у госпожи Крупской, насколько

она знакома с образовательными процессами, имеющими место в Российской Империи, каково ее отношение к образованию в целом, и не считает ли г-жа Надежда Константиновна, что именно образование является краеугольным камнем идеологии любого государства в мире.

Она внимательно слушала собеседника, говорившего на немецком языке с явным акцентом, понимая, но не высказывая вслух мнения, что перед ней явно гость из Америки. Словно прочитав ее мысли, и подумав, что женщина находится в замешательстве, он представился, назвавшись Джоном Стюартом, добавив, что является представителем благотворительного фонда компании «Дженерал электрик», — структуры, принадлежавшей крупнейшему промышленнику и финансисту Моргану. Еще он сказал, что представляет миссию только недавно созданной миссионерской компании РУТА.

Надежда Константиновна, подражая всезнайке-американцу, кивнула головой, что, дескать, ей и так все ясно и понятно, а он лишь уточнил детали. И, не давая ему возможности опомниться, отреагировала:

— Я полагаю, наши заокеанские друзья видят некоторую опасность в русском образовании. И думают, что госпожа Крупская способна прояснить ситуацию и каким-либо образом содействовать взаимопониманию в этом вопросе между русским и американским народами?

— Вы правильно меня поняли, г-жа Крупская, и, надеюсь, вы не посвятите в содержание нашей беседы своего супруга. Да и другим не следует ничего говорить, это в ваших же интересах. Скорее, вам следует позаботиться о надежных помощниках для себя лично. Да-да, подобрать достойных людей, которые, если все пойдет как мы думаем, окажутся вашими надежными сотрудниками в деле образования русского и других народов Российской Империи в нужном ключе... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Мы понимаем друг друга. ...Я подумаю. Возможно, при нашей следующей встрече мне удастся высказать конкретные предложения, которые вы представите пославшим вас.

— Полагаю, э-э, компания, в которой вы находитесь, не слишком вас тяготит? Ведь среди этих людей вам придется искать товарищей для совместного сотрудничества... под вашим непосредственным началом. Так что всматривайтесь повнимательней. В свои замыслы лишних людей не посвящайте. Впрочем, вы и так осторожны. Мне доложили, вы здесь лучшая...

— Я благодарна вам за столь лестный отзыв, господин Стюарт. Несомненно, наше сотрудничество будет плодотворным.

Они присели за столик в почти пустом читальном зале и проговорили несколько часов...

После встречи с Ульяновым Надежда Константиновна впервые уловив масштаб происходящего, стала осознавать, что заказчиками революционных преобразований в Империи являются в первую очередь финансисты и промышленники Америки. Это на их средства финансируются многочисленные подвижные учебные центры в Европе по подготовке террористов, боевиков, проводится обучение конспиративной работе, работе с шифровками и агентурой, умению пользоваться оружием и боеприпасами.

Еще находясь в Шушенском, Крупская из бесед с Владимиром Ильичом начала понимать, что кто-то — не мифический, а конкретный! — основательно финансирует подготовку к революционным боям в России. А свободный, счастливый народ живет с умилительным трепетом и верой в Царя-батюшку и сильное родное Отечество, — и **не** подозревает об опасности... Крестится на иконы Мирового Справедливца; осеняет детей своих священным охранительным знамением; гордится своей принадлежностью к великой Российской Империи, — и **не** помышляет о злодействе, чинимом над его завтрашнем днем...

Но размышляя и сопоставляя, Крупская еще не осознала, что наиболее скрытная и тщательная подготовка суперпрофессионалов-резидентов для революции в России ведется даже не в Европе, а в самих США.

Она еще не скоро узнает, что в США начнет свою американскую (затем канадскую) эпопею Лейба Бронштейн. Который на деньги американских банков наймет и привезет в Российскую Империю огромную армию *профессиональных революционеров*: горлопанов, психопатов, педерастов, разжигателей национальной розни, провокаторов, людей, имеющих психические, физические и психологические отклонения различных степеней, авантюристов, бандитов, наивных искателей приключений с садистскими наклонностями, — весь сброд, который в прежние времена интересовал разве что инквизицию. Успешно до поры до времени боролся с такой же нечистью и русский Святейший Синод. ***...Зато когда нечисть придет к власти, она, эта нечисть, назовет времена инквизиции кошмаром человечества! И, насаждая свой диктаторский режим красного террора и чудовищной чекистской инквизиции, — представит себя самое как самый справедливый режим в мире!***

Не знает Крупская и о том, какую роль сыграет клан Моргана в тайном похищении огромных, прямо-таки колоссальных русских золотых запасов.

Не знает, какими финансовыми махинациями и какими конкретными банками осуществляется помощь революционерам Империи.

Не знает, что основную ставку этот циничный и расчетливый клан делает никак не на исконно русское население Российской Империи, а на наиболее одиозных личностей, уже превзошедших в своей жесточайшей изощренности даже тех, кто находится в ее теперешнем окружении. Ее супруг В.И. Ульянов, невзирая на свою взрывную энергетику и холерический характер, по мнению аналитиков Моргана, еще является сырым, непригодным материалом для первых ролей в революционных преобразованиях в России. И пока он даже не входит в число тех революционеров, которые способны что-либо осуществить самостоятельно; но она исправит эту ситуацию, — она сама!!! — и он, *архистратиг дегенератов*, даже не поймет, *чем* обязан **этой квелой Рыбе, надоумленной самим дьяволом**...

Однако игрища по правилам, установленным невидимыми силами, шли своим чередом; и фигурки, участвовавшие в этих игрищах, чувствовали себя относительно свободными, иногда даже не зная, не подозревая о своих заказчиках и истинных хозяевах...

Ставку на В.И. Ульянова сделали Мартов и Аксельрод, отдававшие ему первенство, — с чем согласился и главный теоретик марксистов Г.В. Плеханов. Но возлагаемых на него надежд Ульянов пока не оправдывал. Георгий Валентинович сам доложил в Орден об ошибочно принятом решении ввести господина Ульянова во многие тайные аспекты революционных дел. Мнение Плеханова, протеже Моргана по II Интернационалу (резидентуры Ордена, — о чем Крупская пока тоже еще не знала), конечно же, учитывалось. Однако аналитики г-на Моргана не единожды сопоставят все имеющиеся и поступающие к ним сведения, в том числе и по данной кандидатуре.

Прибывшему из Американских Штатов Стюарту было поручено прозондировать слушателей в мюнхенской школе Ордена, что он и осуществил.

В своем донесении за океан он сообщал, что в окружении господина Ульянова, на которого «делалась ставка некоторыми хорошо зарекомендовавшими себя ранее людьми», наиболее реальной личностью, на которую в действительности и можно сделать серьезную ставку, является как раз его жена г-жа Н. К. Крупская. И уже после сбора иных оперативных материалов о ней и личного общения Стюарт убедился в исключительной одаренности этой женщины и ее поразительном аналитическом мышлении. Его поразили также отточенные знания европейских языков. Еще более он был восхищен утонченной интуицией г-жи Крупской. Д. Стюарт так и указывал в своем донесении (возможно, впервые применяя столь лестные эпитеты), что она — чрезвычайно уникальная женщина. Преувеличил ли, польстил? — думается, нет. И аналитикам государства, далеко не дружественного Российской Империи, пришлось согласиться с такой оценкой, данной русской женщине.

Возвратившись домой, Надежда Константиновна обрадовалась, казалось бы, незначительному факту: дома никого не было; и ее уникальный мозг, — словно неустанная машина, однажды и навсегда заведенная в некое сверхважное и магическое мгновение, — стал просчитывать встречи, беседы, поступки и ходы окружавших ее со времени встречи с Ульяновым людей. Будучи одаренной иными талантами по своей женской природе, она стала развивать нетипичные качества, поставив скрытность, хитрость и интриганство на единоличную службу; невольно в процессе саморазвития и самоанализа приходя к осознанию, что *существует вполне конкретная теория антирусского заговора иностранных банкиров и промышленников*. И что целью этой категории лиц является лишь одно: подготовка войн и революций для захвата финансов и разграбления стран и цивилизованных мировых империй. Обогащение — вот конечная цель; *деньги — это ревнивый бог...*

Еще многое не зная и до конца не понимая, Надежда Константиновна не могла себе представить *насколько* чудовищны и коварны планы в отношении Российской Империи. За этими прозаическими занятиями, в которую была втянута их группа «русских эмигрантов» и которые, как она правильно полагала, происходят не только в Мюнхене, скрывался основной инструмент влияния на мироустройство масонского Ордена, прикрывающегося Соединенными Штатами Америки. Прежде чем сформировать какую-то модель, заговорщиками предусматривалось разрушение существующей государственной машины.

Н.К. Крупская еще четко не представляла, в какой последовательности все будет происходить, как, какими силами и во что это выльется в конечном итоге.

Не зная многого, тем не менее, Надежда Константиновна прочувствовала, что разрушение одного из самых крупных и мощных государственных образований — Российской Империи — цель, спланированная давным-давно. Для нее все разгадки начинались с разрешения ключевой загадки: *возможно ли в принципе понимание мировых событий через*

теорию заговора с помощью создания каких-то тайных лож, мистических организаций и прочая, и прочая?

Она не знала (пока не знала!) о существовании сверхтайного общества «***Череп и кости***», создавшего I Интернационал как резидентуру этого масонского монстра. Во главе этого еще слабого новообразования был поставлен Мардохей Леви, который станет известен как философ и экономист Карл Маркс. Секретное тайное общество «*Череп и кости*» (а еще: *Священный союз,* Орден; впоследствии: золотой миллиард, Мировое правительство,— имеющее свои структуры в современном нам обществе: Бнай-Брит, Бильдербергский клуб и т. д.) состояло из представителей известных, богатейших американских семей: Пэйны, Гарриманы, Рокфеллеры, Дэвидсоны, Морганы, Дюпоны и многие-многие другие, под контролем которых постепенно окажутся основные отрасли американской экономики, крупные промышленные кампании, и, как следствие проводимой политики, — рычаги финансовой власти практически на каждом континенте планеты.

Не знала Надежда Константиновна, что этот секретный масонский Орден медленно, шаг за шагом расширяет сферы своего чудовищного влияния в институтах власти США, Великобритании, Франции, Италии, Испании, в странах Юго-Восточной Азии и на Южно-Американском континенте; что захватывает власть в Белом Доме, в европейских странах, в издательствах газет, в общественных и политических организациях, в органах суда и прокуратуры, в полиции, на промышленных предприятиях, работающих на войну. Не менее опасным являлось влияние этого богоборческого Ордена в... Церкви. Орден, получая неимоверное влияние, начал создавать собственные фонды и «мозговые центры», свои научно-исследовательские, консультативные и властные структуры, — чтобы затем, переделав и поделив мир, переделать и присвоить, приспособить под себя ВСЮ историю человечества, ВСЮ культуру и ВСЕ знания; но так, чтобы **не** оставалось тех, кто станет сомневаться в вымышленных истинах...

Орден, используя прежний опыт разных мировых тайных структур, все явственнее приближался к своей самой жестокой цели — покорению народов планеты. И волей складывающихся (навязанных) обстоятельств именно Орден стал занимать самое почетное и уважаемое место, и не только в структуре государственной системы США. Его главной (но еще не конечной) целью становилась повсеместная защита только (!) собственных интересов, контроль над властью посредством финансового влияния, — как в США, так и в других странах мира. Орден, как некий поистине живой организм, избегал, отторгал всякую опасность для своей жизнедеятельности: осуществлялись предупредительные меры для благополучия и процветания членов Ордена; предупредительные меры посредством **устранения** людей, народов, стран, цивилизаций…

Таким путем этот клан постепенно овладевал миром…

Таким путем масонский Орден постепенно продвигался к своей высшей и конечной (?!) цели…

Конечно, Орден был далеко **не** первой секретной организацией в истории. В первых организациях тайных обществ создавались и применялись специфические культы, имелся свой культ и у «Черепа и костей». Из глубины веков пришел в Орден культ «черного Роджера», который имеет явные черты сатанизма, богоборчества, черты постулатов из каббалы; имеет символические ритуалы и сами символы, взятые из различных масонских тайных обществ и, в частности, у иллюминатов. К концу XIX века *сатанизм* пронизал не только финансовые и государственные структуры США, но и проник чуть ли не во все поры цивилизованных обществ Европейского континента. Сатанизм под видом всяческих течений, научных теорий и экспериментов стал постепенно насаждаться в школах и высших учебных заведениях США. Как просчитали в Ордене, главной идеологической задачей стало постепенное насаждение тайного культа, воздействуя на молодежь через школы и средства массовой информации, формирующие мировоззрение *будущего*.

Крупская еще **не** знала, что это насаждение сатанизма станет основой ее деятельности в качестве члена советского правительства, которое было бы правильнее назвать масонской резидентурой Ордена на территории уничтоженной Российской Империи. Лишь позже она обнаружит преемственность Ордена с навязанной масонской системой воспитания в Европе, а также все взаимосвязи международных организаций (эта преемственность сохранена и по сей день, в том числе и в существовавшей Лиге Наций и др.).

Орден — его слуги, преемники, его идеология — с течением десятилетий **проникнет** во все *государствообразующие* структуры общества, и, конечно же, в Церковь. Не пройдет и 20 лет после тех событий в Мюнхене, как Надежда Константиновна станет свидетелем (и одним из ведущих участников! направляющей идеологической силой!), *когда после убийства Святейшего Патриарха Русской Православной Церкви Тихона начнется повсеместное уничтожение Православия на Русской земле.*

А ведь, по сути, вообще НЕ существовало причин, по которым Русская Церковь могла быть уличена в «подавлении» и «препятствовании» вероисповедания народов, живущих на территории Российской Империи! Судите сами. Обратимся за свидетельством к резиденту Ордена Л. Троцкому-Бронштейну.

«Состав учеников в реальном училище был разноплеменной и разноисповедальный. Преподавание «закона божьего» (правильно: Закона Божьего. — *Авт.*) производилось по принадлежности: православным священником, протестантским пастором, католическим пастором и еврейским законоучителем. ...Перед уроком религии ученики разделялись, иноверцам приходилось выходить из класса, иногда под носом у священника... Добродушный человек, по фамилии Цигельман, преподавал евреям-ученикам на русском языке Библию и историю еврейского народа... Национальный момент в психологии моей не занимал самостоятельного места, так как мало ощущался в повседневной жизни. После ограничительных законов 1881 г., отец, правда, не мог

больше покупать землю, к чему так стремился, и мог лишь под прикрытием арендовать ее. Сын зажиточного землевладельца, я принадлежал скорее к привилегированным, чем к угнетенным. Язык семьи и двора был украинско-русский. При поступлении в училище была, правда, для евреев процентная норма, из-за которой я потерял год... Прямой национальной травли в училище не было» и т.д. (Л. Троцкий. Моя жизнь, с. 98–99).

...Смутьянам не нужно было хитростью проникать в Русскую Православную Церковь, они освободили себе все места кровавым насилием... А после, «восстановив» ее, — в годы своей бесовской власти, — сделали Православную Церковь лживой, подставной, безблагодатной, растленной чревоугодием, сребролюбием, ересью... ***Превратив с годами святое православное образование в пирамиду Псевдоправославия.***

В одну из последних встреч Крупской со Стюартом, которая также произошла тайно от ее товарищей по чудовищному ремеслу, американский «друг» порекомендовал ей тщательно изучить философию Гегеля. Заявив при этом, что философия Гегеля может являться краеугольным камнем в диалектическом подходе к историческим процессам, имеющим место не только в Европе, но, прежде всего в России.

Диалектику Гегеля Надежда Константиновна изучит в оригинале, на немецком языке, познав, что на самом деле есть ***стратегия и тактика «организованного конфликта»***, где в качестве организатора, — она сама пришла к этому пониманию — является масонский Орден. Он явился той реальной силой, которая воздействовала на Европу, но в первую очередь на две самые мощные страны — Россию и Германию. Свалить этих титанов, столкнуть их лбами — наиглавнейшая цель Ордена на пути овладения природными богатствами России.

Но она долго не могла понять, как это можно сделать? Ведь русские — это русские, а немцы — это немцы, народы разные, но противоречия они решали простыми приемами взаимосотрудничества. Уже два века немецких прин-

цесс выдавали замуж за русских царей; и эти родственные связи устанавливали мир и тесное сотрудничество между двумя великими народами.

Многое, казавшееся ей тогда непонятным, невозможным, станет ясным и очевидным, когда спустя годы начнется Первая мировая война...

...Итак, возвратившись однажды вечером домой, Надежда Константиновна обрадовалась незначительному факту: дома никого не было; впрочем, несколько дней назад она впервые взорвалась в адрес навязанного ей непутевого спутника жизни. Ее уникальный мозг просчитывал встречи, беседы, поступки и ходы окружавших ее людей... а тут еще американский гость, и теория Гегеля, и необходимость произвести анализ системы просвещения разных стран, чтобы после всех этих раздумий-сопоставлений составить СВОЙ вывод: один — *для* тайного руководства и конкретных связных с этим тайным центром, другой — *для* себя самой... И как ни крути, а ее душу обуревала медленно, как в дежке растущее тесто, ненависть ко всему миру. А тут еще этот выродок Ульянов! — вот она и не выдержала... недавно Владимир Ильич вернулся с необременительной прогулки и получил в свой адрес от тихой Наденьки такой словесный удар, что, не будучи в силах ее остановить, трусливо бежал от своей супруги; ретировался, как говорят, от греха подальше... и до сего дня не появлялся в их доме. Наверняка ему припомнилась простейшая поговорка: *в тихом омуте черти водятся*; вот и Наденька такая: тихая, незаметная, работоспособная, схватывающая всегда суть дела с полуслова...

Владимир Ильич тихонечко пробрался в дом, опасаясь гнева супруги, и войдя в спальню, заметил, что та дремлет на кушетке. Он осторожно присел на стул и негромко, извиняющимся тоном произнес:

— Надюша... Надюша...

Но его поза говорила о том, что он изготовился бежать в любую секунду. Вот это: *слабым дрожащим голосом ска-*

занное угодливое слово и мгновенная готовность драпать со всех ног, — словно по какому-то дьявольскому предначертанию передастся поколениям и поколениям советских людей как отличительная черта... Посредственности, готовые толпой растерзать любого провинившегося, на их взгляд, человека, но при малейшем изменении обстановки эти никчемные советские людишки драпают без оглядки... Эту ленинскую поведенческую черту характера Н.К. Крупская положит **в основу** психологии советского человека. Но не ее одну; она станет изучать типаж окружающих ее недочеловеков... чтобы создавать впоследствии *рукотворных психо-клонов, дегенератов во имя сатаны...*

Надежда Константиновна не спала, а лишь отдыхала, закрыв глаза. Через мгновение, когда ей надоело слушать оправдательный лепет муженька, она открыла глаза и неожиданно резким и ловким движением схватила Владимира Ильича за руку, с невесть откуда взявшейся силой стащила его со стула и притянула впритык кушетке. Затем тихо по-немецки сказала:

— Испугался? — И добавила по-русски: — Не бойся, не трону, а надоест — убью.

Глава 14

О том, что гены некоторых народов исключительно сильны, живучи и тем отличны от всех, говорят и новейшие исследования генетиков Японии, Великобритании, США, Франции и других постиндустриальных стран. Доказательством сего в какой-то степени служит и генетический анализ известного первооткрывателя и мореплавателя Христофора Колумба, которого длительные годы считали генуэзцем, но в XX столетии определенными исследователями вдруг была высказана мысль, что он являлся евреем. Однако современный генетический анализ научно опроверг это утверждение; помимо сего, по останкам было установлено, что Колумб родом не с Аппенинского полуострова, а

с Пиренейского! Этот вопрос подробно освещала популярная международная телепрограмма «Discovery» в одной из своих передач.

Еще в конце XIX века известным русским физиологом Иваном Михайловичем Сеченовым были проведены исследования в области генетики и антропологии, изучалось наследование генов, в том числе и через представительниц семитских, чернокожих и азиатских народов. Профессор Сеченов, являясь выдающимся физиологом человечества, внес огромный вклад своими научными исследованиями в такую важную отрасль науки, как ***антропология***. Которую большевики, отобрав власть у русского народа, запретили, объявив античеловечной. А все важные исследования гения русской медицинской науки засекретили.

Тема антропологии была актуальной в конце XIX — начале XX века; тогда же в России печатались труды-исследования и изучались темы, многие из которых вызовут интерес ученых мира только... в начале нашего XXI века! Да, слишком много упорных усилий пришлось потратить определенному контингенту людей, чтобы сокрыть, запрятать за множество печатей научные разработки и открытия русских ученых; слишком много загадочных смертей и убийств устилает путь к таинствам Русской Науки XIX века...

Антропология вызывала определенный интерес и у прекрасного русского писателя, но еще более значимого, как ученого (!), Антона Павловича Чехова; не раз он вел задушевные беседы на эту тему с Иваном Михайловичем Сеченовым. Их встречи в первые годы начавшегося XX века проходили в Ялте.

Как известно, после возвращения с Сахалина Чехов вновь возвратился к своим научным изысканиям, которые он излагал в диссертации на соискание ученой степени доктора медицины, где им была раскрыта тема о совершенствовании системы земских врачей под общим названием «Врачебное дело в России». «...Готовясь к экзаменам на степень доктора медицины, Чехов два года трудился над изучением

истории медицины в России. Рукопись, названная «Врачебное дело в России» (не рукопись, а диссертация! — *Авт.*; о чем так наз. советские исследователи умышленно умалчивают, как и то, что Чехов имел степень доктора медицины!)... заполнена выдержками из ряда источников, начиная с летописей, «Истории Государства Российского» Карамзина и кончая народными лечебниками» (БМЭ. М., т. 34, раздел 754; в этом источнике статья о Чехове составлена А. Лихтенштейном и упоминаются работы о Чехове авторов И.М. Гейзера, Е.Б. Мене и др.). Особое внимание Чеховым уделялось уникальной системе земского врачевания, истоки которого уходят в давние, еще допетровские времена. К слову сказать, еще в XVI–XVII вв. на Руси имелся *Аптекарский приказ* — высшее административное медицинское учреждение, в ведении которого находились все медицинские работники, закупка медикаментов, сбор лекарственного сырья; им же проводились мероприятия против эпидемий. Цивилизованное государственное учреждение в цивилизованной стране.

На Сахалине Чехов встречал колдунов и шаманов, которые буквально на глазах вытаскивали из объятий смерти обреченных людей. Как истый ученый, Антон Павлович стал присматриваться к их взглядам и методам врачевания, прислушиваться, записывать, запоминать и в результате пришел к закономерному выводу, что колдуны и шаманы **обладают** несравненными знаниями о физиологии человека; но знаниями не новоприобретенными и усовершенствованными, а сохраненными с времен незапамятных! Чехов был дотошным исследователем и докапывался до фактов, которые подтверждали, что решение самых сложных медицинских проблем на территории нынешней Российской Империи осуществлялись и в доисторические времена, когда процветала древняя цивилизация Валдая! Свои мысли он высказал в диссертации (не оттого ли ее позже отнесли в разряд *засекреченных*?!).

Его труд заинтересовал и профессора Ивана Михайловича Сеченова. На одном из съездов Гематологического

общества он высказался, что в России есть исследователи, которым принадлежит бесспорное лидерство необыкновенных открытий в медицине, к примеру, он сам недавно прочел диссертацию, где шла речь об открытии определенных клеток, которые бы он сам назвал *эмбриональными* (впервые этот термин применил Сеченов; в наше время известны как стволовые). Тогда, в конце XIX в., этим выкладкам **не** придали особого внимания; страсти разгорелись лишь в кулуарах, но все разговоры закончились ничем. И лишь спустя несколько лет, в 1908 г., на съезде того же Гематологического общества в Берлине эта тема возникла вновь. Разговор о стволовых клетках инициировал биолог Александр Максимов; Ивана Михайловича уже почти три года не было в живых, и А. Максимов даже не сослался на первооткрывателя Чехова, имя которого озвучил профессор Сеченов, оттого многие присутствовавшие могли подумать, что столь уникальная тема поднята впервые. Немецкие коллеги напомнили Максимову, что в подобных случаях следует ссылаться на открывателя, но выступающий на замечание не отреагировал. Что ж, случай прискорбный, но далеко не единичный в науке...

Выйдя в отставку, профессор Сеченов почувствовал острейшую необходимость отдыха; какое-то время они с супругой провели в их имении в деревне, но было принято решение отправиться на несколько месяцев на берег Черного моря. Повод к путешествию был благоприятный: в одном из писем Антон Павлович искренне приглашал их в Ялту, в свою усадьбу.

Пребывание в доме друга и коллеги оказалось на редкость плодотворным, причем не только для здоровья. Сеченов, выдающийся ученый, заложивший основы не только ***физиологии***, ***антропологии***, но и ***клеточной терапии*** (!), — с особым удовольствием слушал мнение доктора Чехова, который, еще не зная об исследованиях Ивана Михайловича в этой области, полагал, что эмбриональные клетки способны превращаться в любую клетку организма, а потому есть основания утверждать об их способности восстанавливать

жизненные системы организма человека; мнения ученых сошлись в том, что клетка каждого человека владеет информацией, которая в ней заключена изначально, и в этом есть ее главное свойство. Антон Павлович говорил, ссылаясь на свои наблюдения на Сахалине.

— Мне кажется, эти клетки способны как бы запускать жизнедеятельность организма. Думается, в ваших лабораториях можно было бы попытаться выращивать и трансплантировать эти клетки...

(К слову: подобная тема действительно интересовала ученых России; к примеру, подобными исследованиями занимался молодой и талантливый ученый Алексей Грейг, сделавший уникальные открытия в области генетики и эмбриологи; при Советах попал в секретные лаборатории Спецотдела Г.И. Бокия, а после — стал... сотрудником «Ананэрбе» в Третьем рейхе.)

Профессор, выслушав столь смелые заявления доктора медицины, высказал согласие, что эти клетки действительно преобразовываются в ткань любого человеческого органа и тем самым его обновляют.

— Эмбриональные клетки способны трансформироваться и обновлять клетки любых органов. И наша с вами задача, уважаемый Антон Павлович, создать концептуальную систему знаний в этой области. При разрешении столь важной проблемы мы сумеем заложить основы преодоления онкологических заболеваний, заболеваний печени, инсульта, сахарного диабета, болезней сердца и нервной системы... Думаю, именно клетки способны увеличить жизнь человека в полтора-два раза. Но, на мой взгляд, они должны внедряться в организм человека с юности и, скажем, до 25 лет...

— Вы, профессор, полагаете вводить клетки в организм посредством инъекций?

— Безусловно. Попав в организм, они сами обнаружат деформированные участки и начнут свое воздействие. Уверен, лечение эмбриональными клетками полностью изменит наше представление о медицине. И базой для этого должны стать не столько столичные лаборатории, или, тем более, ме-

ждународные симпозиумы, а именно земские участки, которые вы столь обстоятельно описали в своей диссертации. …Я стар, и многого уже не успею, а вот вы молоды, и сможете заложить основы совершенно иной медицины в русском обществе. Но, скажу откровенно, приступая к этой работе, вам нужно прежде всего внимательно отнестись к своей личной физиологии, иммунологии и антропологической наследственности. Возможно, вы, Антон Павлович, еще не отдаете себе отчет, сколь опасен мир, в котором мы живем. И самое страшное, что не мы, медики, в этом повинны… мы бы свою проблему формирования здоровья общества выполняли безупречно и далее, если бы в эту область не начали вмешиваться заинтересованные силы… И вы, приступая к столь ответственной задаче, должны ясно представлять, сколько вам нужно энергии, сил и знаний не столько для открытия в сфере медицины, сколько для отпора силам, противостоящим этому познанию… да-да, для противостояния этим дегенерированным силам…

А.П. Чехов осознавал высокую степень доверия к нему русского профессора медицины И.М. Сеченова. Те открытия, о которых они вели долгие речи, совпадали с его личными научными изысканиями, изложенными в диссертации. В этой научной работе Чехов ссылался на то, что проблема совершенствования механизма деятельности человека, как разумного существа и *механизмы его превращения из здорового в существо вырождающееся, деградирующее и дегенерирующее*, была **не** только открыта, но и широко функционировала десятки тысяч лет назад на территории нынешней Российской Империи. Человек, говорящий и показывающий *как* из человека делают беса, для определенной части общества становился очень опасен. Этот выдающийся последователь научной деятельности профессора Сеченова стал представлять угрозу для движения революционных дегенератов в России. О чем Иван Михайлович и предупредил Чехова! И тогда, уловив ход истинной научной мысли через доклады А.П. Чехова на встречах с земскими врачами в Крыму, в той же в Ялте, либо в Москве и Санкт-Петербур-

ге, — агенты Ордена приняли решение об уничтожении Чехова. Для осуществления этой цели использовали его жену Ольгу Леонардовну Книппер, актрису МХАТа и ее большого друга, «человека с горечной душой» Алексея Максимовича Горького (наст. Пешкова), которые, пользуясь неиссякаемым доверием Антона Павловича, попросту отравили его. Для этого было достаточно нарушить концентрацию *препаратов, изготавливаемых и используемых А.П. Чеховым для своего организма*...

После захвата власти в России и в условиях умопомрачительного беспредела, в Спецотделе Г.И. Бокия, — куда попало большинство из научных работ и Сеченова, и Чехова, была сфабрикована «*история болезни*» «больного А.П. Чехова» (какая мелочь для сверхзакрытого секретного ведомства, где велись умопомрачительные разработки и ставились бесчеловечные, поистине сатанинские опыты и научные эксперименты!), — в которой указывалось, что писатель длительное время страдал туберкулезом легких и скончался в 1904 году в результате болезни. Документ был тщательно изготовлен и оформлен по всем канонам медицинской науки, что **не** мог вызвать каких-либо сомнений у любого эксперта, пожелавшего узнать причину смерти Чехова.

Не затем ли пошла вперед Русская Наука, чтобы захватившие себе *все научные тайны* лидеры большевиков научились столь уникально подделывать материалы практически ЛЮБОГО периода?! — как страшно сие уразумение... не поддающееся вере простого человека, а между тем, это все было.

Настоящая причина смерти этого русского человека была установлена после скрытой эксгумации тела другой секретной советской структурой, — **партийной разведкой** (существование которой замалчивается властями до сих пор) — и было доказано его убийство. Чтобы исключить всяческую возможность восприятия и понимания того, что Антон Павлович Чехов был поистине выдающимся русским исследователем в области медицины, был раскручен механизм, удостоверявший, что Чехов является лишь «выдающимся русским писателем и драматургом», и это яко-

бы главная сторона его таланта. *Чем больше раздувается миф о литературных способностях талантливого писателя Чехова (с этим не поспоришь), тем больше скрывается его истинная натура как исследователя медицины, изучавшего механизмы дегенерации человека, как уникальнейшего ученого конца XIX — начала XX века.*

Беседуя, два светила медицинской науки, говоря о физическом и духовном здоровье русского общества, не избежали и темы театра, придя к заключению, что русский театр, начиная со второй половины XIX века, из-за пристраивающихся туда на службу психопатов превращается в место содомии и лесбиянства. Ведь там легче всего прикрыть свою похоть за маской паясничества; как нездоровые в этом отношении были признаны многие режиссеры и актеры МХАТа (с которыми, по мнению советских историков театра, называющих имена «голубых талантов», был особенно дружен Антоша Чехонте, — но это чушь...). Прикрываясь именем и талантом этого уникального русского человека и злоупотребляя доверием русского народа, похотливые «театральные гении» способствовали созданию педерастически-лесбийского советского театра, уничтожившего великую русскую драматургию, — ее основы и традиции. Они не гнушались подменять тексты Островского, Чехова, других авторов драматургических произведений, вставляя свой низменный подтекст. (Это в наше время подобные экспериментаторские «*мансы*» стали столь привычны, что нам сложно отличить добродетельное, божественное от постановки провоцирующей, искушающей, поражающей духовное начало, заражающей душу человеческую гнилью разложения).

Задача «нового», «ищущего» свои пути советского театра заключалась в том, чтобы подменить собой Русское Православие и Церковь; превратить равновесие мироощущения в вечный балаган исканий и неудовлетворенности. Знала ли об этом Надежда Константиновна? Несомненно.

Но правила игры (если это правила), в которой она оказалась волей своевольных судеб, диктовали и ей использо-

вать противоестественные законы, которым она — *в силу своего психофизиологического состояния и исключительно одаренного мозга, направленного на отмщение* — **не** смогла противостоять.

Осознав, что из нее делают послушный инструмент, человека-оружие, она не согласилась с этим до конца, и, приняв правила, стала навязывать свои методы изощренной античеловеческой деятельности. В Ордене оценили ее игру и напористость, и были в принципе даже рады; по сути дела, ее идеи и дела приобретали законченную форму и освобождали аналитиков и психологов Ордена от необходимости самим заниматься разработками и внедрением их проектов в «новую» действительность... Надежда Константиновна блестяще организовывала любое дело, за которое бралась. И, к тому же, она поступала грамотно, когда ушла в тень, не слишком выделялась на фоне оппонентов-мужчин. А те, упоенные своим превосходством, не обращали внимания на Миногу, уверившиеся, что она, **грузная пиявица с ледснистым взглядом, тяжелодумная советчица Ильича,** ничего-то без них не может... И аналитики Ордена отчетливо увидели разительное отличие; развитие ситуации показывало, что все их ставленники на первостепенные роли по уничтожению Российской государственности летят со своими идеями в *тартарары*: ни Плеханов, ни Троцкий, ни их ближайшие помощники так и не могли сформировать какую-либо более или менее приемлемую концепцию по воплощению стратегических замыслов Ордена в России и «перерождению Русского общества», превращения его в дегенеративное стадо, добровольно идущее на заклание. А Крупская смогла! — она сделала **беспроигрышную ставку** на подрастающее поколение и внушила им мысль о добровольном походе в масонско-коммунистический «рай».

Но вернемся в Крым начала XX века...

Иван Михайлович Сеченов и Антон Павлович Чехов обсуждали и иные, менее отвлеченные, темы. Любезно беседовали о музыке, литературе, путешествиях.

Император Николай II (*время правления 1894–1917*) в эту осень также отдыхал к Крыму. В один из дней, написав письмо матери, которая находилась в Санкт-Петербурге, император вдруг почувствовал себя плохо. Лейб-медик Гирш изначально поставил неверный диагноз: инфлюэнца.

Состояние здоровья императора взволновало профессора И.М. Сеченова и А.П. Чехова; они знали, что в связи с резким ухудшением здоровья было принято решение вызвать из северной столицы профессора Военно-медицинской академии Попова, который по приезде установил диагноз: брюшной тиф.

Официальные бюллетени давали весьма оптимистическую картину течения болезни, крепкий организм императора выдержал тяжелую болезнь, и с 28 ноября наступил перелом, дело пошло на поправку. Но до полного выздоровления государя императора решили всей семьей остаться в Крыму.

Еще в октябре, когда Николай II хворал, профессор Попов и лейб-медик Гирш консультировались у профессора Сеченова по части жалоб императора на легкое головокружение и головную боль. Ивана Михайловича, гостившего в Ялте у Чехова, пригласили в Ливадийский дворец, послав за ним экипаж. Когда императору доложили о его прибытии, он попросил передать благодарность профессору за заботу о его здоровье, но тут же остановил направившегося исполнять приказание генерал-адъютанта Его императорского величества генерала от кавалерии барона фон Фредерикса, бывшего в то время министром императорского двора и уделов.

— Погодите, Владимир Борисович! Я сам поблагодарю господина действительного тайного советника.

Сеченов был приглашен в залу, император, превозмогая неприятные болезненные ощущения, не спеша подошел к нему, и, радушно высказав благодарность, поинтересовался:

— Иван Михайлович, мне докладывают, что вы оставили службу и отдыхаете здесь?

— Да-с, ваше императорское величество. Годы уже не те... но я готов еще послужить вам, ваше величество, и русскому народу.

— Благодарствую, профессор.

Через несколько дней профессор И.М. Сеченов был удостоен Звезды и ордена Святого Владимира 1-й степени, которые вручил ему барон фон Фредерикс.

Как известно, практически во всех поездках императора Николая II сопровождал обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев. Именно ***Константин Петрович Победоносцев*** *(1827–1907)*, выдающийся юрист, управитель Синода при трех императорах и их учитель вкупе с выдающимся администратором графом М.М. Сперанским внесли большой вклад в дело русской философской и правовой школы; это они сформировали стройную *систему* русской философской и правовой школы, которая легла в основу государственности и высочайшей нравственности русского и других народов Империи. И он, г-н Победоносцев, так же яро, как и великий князь Сергей Александрович, был ненавидим революционными бесами за свой антисемитизм, радение о русском Отечестве и приверженность Монархии.

Ну кто, как не смертельно обиженный *своими* бес, даст более правдивую характеристику? «Шестидесятые годы — после крымской кампании — были эпохой просветительства… Восьмидесятые годы стояли под знаком обер-прокурора святейшего синода (правильно: Святейшего Синода. — *Авт.*) Победоносцева, классика самодержавной власти и всеобщей неподвижности. Либералы считали его чистым типом бюрократа, не знающим жизни. Но это было не так. Победоносцев оценивал противоречия, кроющиеся в недрах народной жизни, куда как трезвее и серьезнее, чем либералы… В глухие восьмидесятые годы, когда либералам казалось, что все замерло, Победоносцев чувствовал под ногами мертвую зыбь и глухие подземные толчки. Он не был спокоен в самые спокойные годы царствования Александра III. «Тяжело было и есть, горько сказать, и еще будет — так писал он своим доверенным людям. — У меня тягота не спадает с души, потому что я вижу и чувствую ежечасно, каков дух времени и каковы люди стали… Сравнивая настоящее с давно прошедшим, чувствуем, что живем в каком-то ином мире, *где все идет вспять к первобытному хаосу*, —

и мы, посреди всего этого брожения, чувствуем себя бессильными»» (М. Троцкий. Моя жизнь, с. 103–104). В этом отрывке Лейба Бронштейн цитирует письмо К.П. Победоносцева, написанное им в марте 1887 года не «доверенным людям», а лично императору Александру III (правил с 1881 по 1894 г.).

Осенью 1900 г. К.П. Победоносцев принимал участие в тяжелейшей дискуссии. В Синоде и высших правительственных кругах обсуждался вопрос о **престолонаследии**. Впервые в обход Основных Законов, утвержденных еще Павлом I, как вероятный наследник называлась старшая дочь Николая II, великая Княжна Ольга Николаевна. Однако у Дагмар, — вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, были свои планы…

«Благодаря Бога я перенес свою болезнь легче, чем многие другие бедные люди, — писал Императрице Марии Федоровне выздоравливающий император. — Уверяю тебя, милая Мама, что я себя чувствую совсем бодрым и достаточно крепким. Я все время мог стоять на своих ногах и теперь хожу между постелью и стулом совершенно свободно… В еде я *весьма осторожен* и строго исполняю предписания докторов. К счастью, у меня нет того волчьего аппетита, который обыкновенно бывает у выздоравливающих от тифа…»

Рождество, а затем и празднование Нового, 1901 года в Ливадийском дворце встретили скромно, не было слышно музыки и веселья. Однако не болезнь была тому виной, отнюдь! император был вполне здоров к тому времени, целительный крымский воздух способствовал восстановлению сил. Грусть витала в связи с кончиной великого герцога Саксен-Веймарского, дальнего родственника императора. Потому-то Николай II повелел объявить при Высочайшем дворе траур на две недели.

И в лето 1901-го, и на следующий год, осенью 1902-го, император приехал в Крым. Этот приезд ознаменовался торжествами в Севастополе по поводу спуска на воду крейсера «Очаков». И профессор Сеченов с супругой также находились в благословенной Ялте.

Пока одни жили мыслями, *как* спасти русское общество, другие активно работали над его разрушением и полным уничтожением.

В мае 1901 года Надежда Константиновна получила из Кишинева посылку, в которой была ее брошюра «Женщина-работница», выпущенная под псевдонимом Н. Саблина. Книжицу отпечатали в нелегальной типографии революционера-еврея Л.И. Гольдмана, имевшего подпольную кличку Аким.

Откуда Саблина? — да вот: «Ленин и Крупская узнали о ее роспуске (I Государственной Думы. — *Авт.*) в местечке Саблино под Петербургом, куда изредка приезжали навестить Марию Александровну и Марию Ильиничну и отдохнуть от тягот нелегальной жизни» («Биография», с. 99). Выбор псевдонима видится неслучайным; Н.К. Крупская, оттачивая свое мастерство, отныне признает себя саблей, вложенной в ножны. Сталь ее духа крепка, воля остра, ум беспредельно тонок, месть отточена... Она наметила цель, ее к этой цели умышленно направили, но она лучше всех чувствует: как и с чего нужно начать...

Она принялась внимательно изучать «постановку дела народного образования», вернее, просвещения в Европе. «С помощью жившего по соседству немецкого социал-демократа Парвуса она получает разрешение посещать государственные и частные учебные заведения. Внимательно вчитывается она в учебники, приглядывается к методике преподавания» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 96). И вот ведь как все складывается: Парвус (наст. *Гельфанд*), банкир, финансирующий своих единомышленников, собираемых по всему миру в ударный кулак, — в партию революционеров-большевиков, по-соседски хлопочет за некую госпожу Иорданову и покупает ей разрешение посещать различные учебные заведения... Ловко! Тем из современников, кто изучал развитие революционного процесса в начале XX века, имя Парвуса хорошо знакомо, так что не будем анализировать эту личность.

Для справки следует указать краткие сведения: ***Парвус (наст. Гельфанд) Израиль Лазаревич*** *(1869–1924)* родился в России в черте оседлости, в 1886 году эмигрировал в Швейцарию, где под именем *Александр Израэль Гельфанд* закончил Базельский университет, получив степень доктора философии. С 1891 года проживал в Германии. С конца 1890-х гг. — известный деятель германской социал-демократии, пишет под псевдонимом Парвус; близко сходится с Лениным, Мартовым и другим «русскими» лидерами, возвышаясь над ними своим международным авторитетом. Говоря о своей национальности, цинично напишет в те годы: *«Я ищу государство, где человек может дешево купить отечество»*. Он еще «послужит» и делу революции, и — в прямом смысле — новой большевистской власти, «покупая задешево» чужую страну с ненавидимыми им и явно лишними гражданами.

Надежда Константиновна посещает не только школы, но и мюнхенскую библиотеку, где ведет записи, посещает музеи и картинные галереи. Значение ЭТОЙ ее работы пока многим не понятно; и, возможно, не многие и по сей день понимают, что ЭТО и есть та ***точка опоры, благодаря которой Крупская перевернула мир, изменив сознание многомиллионной массы людей.***

В октябре 1901 г. в Цюрихе собрался объединительный съезд заграничных социал-демократических организаций. Среди собравшихся — представители «Искры» и «Зари» (5 человек, в том числе Крупская, Ульянов, Мартов); организации «Социал-демократ» (8 человек, в том числе Плеханов, Засулич, Аксельрод); «Союза русских социал-демократов» (16 человек); группы «Борьба» из Рязани (3 человека). «В Цюрихе все остановились в одном отеле. Вечером встретились в ресторане, за одним столом» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 97); вот ведь «силища» собралась решать судьбы мира!!! «Всю дорогу Вера Ивановна и Владимир Ильич говорили о необыкновенном уме, таланте, гении Плеханова, о его заслугах перед русскими... «Жорж, — титан, — повто-

ряла Засулич, — Прометей». Крупская давно привыкла преклоняться перед первопроходцем, человеком, познакомившим Россию с Марксом...» (там же, с. 97–98). *И смех, и грех*; «заслуги» Плеханова будут прокляты оставшимися русскими; к тому же Крупская **не** преклонялась впоследствии даже перед грозным и непредсказуемым вождем — Сталиным. Да и названные авторы на с. 99 сами указывают, что гений Плеханов «настолько врос в заграничную жизнь, что даже дочери его почти не говорили по-русски. Для него русский рабочий остался таким, каким он был в 80-х годах»; а перед таким Плехановым и преклоняться-то не за что «настоящему революционеру»...

Однако то, что происходило на бесовской сходке, очень любопытно, и Надежда Константиновна вновь предлагает нам, потомкам, **свой ребус**. Она писала впоследствии: «Объединения никакого не вышло. Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал... Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан. «Папский нунций», — бросили ему противники...» (там же, с. 98). Вот собралась кучка преступников, чтоб объединиться, да и поругались, галстуки срывают, говорят невнятицу. Впрочем, «жили в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо» и, несмотря на ругань и дебаты, *выполнили установку сверху*: создали «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии», «которая ставила своей задачей **вербовать** (выделено мной. — *Авт.*) сторонников «Искры» из числа русских (читай: подданных Российской Империи. — *Авт.*), материально поддерживать газету, организовывать ее доставку в Россию и издавать популярную марксистскую литературу» (там же).

По возвращении в Мюнхен Надежда Константиновна надиктовала Ульянову окончание работы «Что делать?», начатой незадолго перед поездкой в Цюрих. Иногда она сама

писала ему работы, а он переписывал, внося некоторые правки, иногда просто надиктовывала; она даже научила этого лентяя скорописи... Так было и при разработке программы партии; только СЛАВА авторства, которая со временем превратится в ПРОКЛЯТИЕ, — ей была **не** нужна; она выполняла установки и вела к цели человека, на которого поставила **свою** карту в этой политической игре (ну а те, кто поставили на нее саму, всячески ей помогали в ее личностной игре).

«В этот период начинают обостряться разногласия внутри редакции. Все заметнее становятся оппортунистические нотки в разговорах Мартова, мечется между Лениным и Плехановым Засулич, уклоняется от принципиальных оценок Аксельрод... В январе 1902 года Аксельрод и Плеханов приехали в Мюнхен для обсуждения программы партии. Встреча была теплой, но вскоре все изменилось... «Плеханов нападал на некоторые места наброска программы, сделанного Лениным, — пишет Надежда Константиновна. — ...Заседание было тяжелое. Вера Ивановна хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться». (Кому, как не нам, подробно излагала Крупская поведение «товарищей», для нас делала акцент на странном, вовсе не мужском, безответственном поведении Аксельрода. — *Авт.*) Надежда Константиновна знала, что изменившиеся отношения с Мартовым мучили Владимира Ильича...» (там же, с. 99).

Проект программы РСДРП был опубликован в № 21 «Искры». Обстоятельства сложились так, что и газету, и типографию нужно было перевезти, иначе полиция могла закрыть преступную революционную лавочку, вот и решили переехать в Лондон.

30 марта 1902 г. Иордановы выехали на новое место через Кёльн и Льеж. В Лондоне они под именем супругов

Рихтер сняли квартиру по адресу Пентоннвилл, Холфорд-сквер, 30; при этом, как подметили вышеуказанные соавторы, хозяйка жилья миссис Йо «была совершенно шокирована тем, что «миссис Рихтер» не носит обручального кольца» (с. 101); вот так, в случайных фразах, и выплывает предыдущая ложь о кольце из пятака, с которым Крупская якобы «никогда не расставалась»... или с любыми другими кольцами, обязательно носимыми любой семейной парой... зато подтверждается, пусть также косвенно, то, что она НИКОГДА не была официальной женой этого человека.

«В Лондоне собралась почти вся редакция «Искры», Мартов и Засулич поселились коммуной в одной квартире с Алексеевым. Самую большую комнату сделали общей, где проходили деловые встречи и обсуждения. Плеханов дал этой комнате меткое название «вертеп» за царивший там чудовищный беспорядок» (там же, с. 103). Удивительная цитата, как, интересно, ее пропустил советский Агитпроп; или всех поголовно в советском государстве уже считали *дегенератами немыслящими*? Описываемая «коммуна» и была самым настоящим вертепом разврата, где собирались почитатели мужеложства и лесбиянки, — представители дьявольского семени вырождения. И если в прежние века человечество восхищалось эпохой Возрождения, то эти революционизирующие твари людские рождены были приблизить эпоху Вырождения.

Известно, что знаменитый психиатр и криминолог итальянский еврей Чезаре Ломброзо *(1835–1909)*, прекрасно разбирающийся в понятии «вырождение», доказывал, что любые формы вырождения можно определить по форме черепа и другим антропометрическим показателям. В связи с появлением и распространением многочисленных подобных «вертепов» в Российской Империи, тема *гомосексуальности* в середине XIX века стала вплотную интересовать и русских, и российских ученых. В «Архиве судебной медицины и общественной гигиены» имеются прелюбопытные материалы. Там можно найти свидетельства, какие научные споры ведут немецкие ученые Каспер и Тардье, Мержеевский (пе-

тербургский гинеколог), В.М. Бехтерев и В.Ф. Чиж (психиатры). Последний «...отметил, что описываемые... явления вовсе не являются такими редкими и исключительными, как это кажется немецким авторам, с проявлениями содомии криминальная полиция сталкивается чуть ли не ежедневно. Самым влиятельным русским специалистом был профессор Петербургской Военно-медицинской академии Вениамин Михайлович Тарновский. Его книга «Извращение полового чувства: судебно-психиатрический очерк для врачей и юристов» (1885) была почти одновременно с русским изданием выпущена на немецком, а позже также на английском и французском языках... Неприязнь к гомосексуальности дополнялась у Тарновского антисемитизмом, который шокировал даже симпатизировавшего ему Ломброзо» (И. Кон. Лунный свет на заре. М., 1988, с. 23). Впрочем, тут есть некое авторское лукавство, поскольку выдающийся специалист в области криминальной антропологии, социологии и психологии профессор Чезаре Ломброзо, на чьи постулаты опирались Ф.Ницше, З. Фрейд, Г.-К. Юнг, Э. Блейлер, Э. Кречмер и другие мировые авторитеты, во многом разделял взгляды, выказываемые профессором Тарнавским. Да и в антисемитизме его легко можно было бы уличить, напиши он свои знаменитые работы сегодня. Судите сами. «Влияние расы на преступность выступает особенно резко при изучении евреев и цыган, но для каждой из этих наций в совершенно обратном смысле... Факт специфической преступности среди евреев твердо установлен. Среди них и среди цыган преобладают наследственные формы преступности, и во Франции известны целые поколения мошенников и воров среди Церфбееров, Саломонов, Леви, Блюмов и Кляйнов...Между евреями редки убийцы, но те из них, которые были осуждены за это преступление, являлись начальниками хорошо организованных банд, как Графт, Церфбеер, Мейер, Дешам, содержавшими для своих надобностей агентов... Одно время «почти все начальники крупных шаек во Франции имели любовниц-евреек». Если, с одной стороны, доказана меньшая преступность евреев сравнительно с другими нациями, то, с другой — не подлежит также сомнению огромная

частота среди них психических заболеваний» (Чезаре Ломброзо. Преступный человек. М.-СПб., 2005, с.38–40). «Следует еще заметить, что почти все гениальные люди еврейского происхождения обнаруживали большую склонность к созданию новых систем, к изменению социального строя общества; в политических науках они являлись ***революционерами***; в теологии — основателями новых вероучений, так что евреям, в сущности, обязаны если не своим происхождением, то, по крайней мере, своим развитием, с одной стороны, ***нигилизм*** и ***социализм***, а с другой — христианство, точно так же, как в торговле они первые ввели векселя, в философии — позитивизм, а в литературе — новое юмористическое направление. И в то же время именно среди евреев встречаются вчетверо или даже впятеро больше помешанных, чем среди их сограждан, принадлежащих к другим национальностям» (там же, с. 682).

Но вернемся к психологии большевистского «вертепа».

Известно, что еще в древнерусском церковном праве «содомия» подразумевала любые анальные сношения; наряду с этим термином существовали иные: «мужеблудие», «мужеложство»; тогда как их участников называли «содомитами», «мужеложцами», «мужеложниками». Отличительными чертами этих людей специалисты считали невротизм, психопатство, пониженное самоуважение; иные, впрочем, говорили о завышенной самооценке, психическом мазохизме, о том, что те «живут на грани самоуничижительной личной катастрофы». По Фрейду, «именно явные гомосексуалы... отличаются ***особенно активным участием в общих интересах человечества***, интересах, которые сами возникли из сублимации эротических инстинктов». Как известно, наиболее *активным участием в общих интересах человечества* они отличились в конце XIX — начале XX века, когда подготовили и провели так называемую большевистскую революцию; не оттого ли «среди гомосексуалов первой половины XX в. были чрезвычайно сильны леворадикальные, марксистские и анархические идеи» (И. Кон, с. 188). Осталось добавить любопытный вывод: **гомосексуализм — главный общественный секрет, движитель большевистской революции**.

Пока товарищи по партии были заняты своими *мужскими секретами*, Надежда Константиновна работала на износ. М. Эссен писала о работе Крупской в тот период: «Надежда Константиновна была незаменимым секретарем редакции старой «Искры» и «Вперед», и вся огромная работа по организации связи с партийными комитетами в России, по распределению сил, подготовке ко II и III съездам партии лежала целиком на ее плечах. В ее руках сосредоточились все нити, все связи с большевистским подпольем, которые беспрерывно рвались из-за арестов товарищей, провалов явок и адресов и которые она с изумительным терпением и большевистской настойчивостью вновь и вновь восстанавливала...» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 103–104).

Поминаемая тут героиня — ***Мария Моисеевна Эссен*** (1872, Брест-Литовск — 1956, Москва), в движении социал-демократов с 1892 г., член Киевского «Союза борьбы»; вела нелегальную преступную работу в Одессе, Екатеринославе, других городах; в 1899 арестована, выслана в Якутскую губ. В 1902 бежала за границу, в Женеву, где сошлась с Лениным; но уже в 1903 — член Петербургского комитета РСДРП, в 1905 была организатором боевых дружин (!). Впоследствии, с 1921 по 1925 гг. насаждала большевизм в Грузии; с 1925 по 1927 гг. работала в Москве, в Госиздате, с 1927 г. — в Истпарте ЦК ВКП(б), Комакадемии, Институте Ленина, с 1931 г. — в Коммунистическом институте журналистики и т.д., была членом Союза советских писателей, — учила бывших русских, ставших *советскими гражданами:* что и о ком можно, а что и о ком нельзя читать. Имела партийную кличку **«Зверь»**! (Для информации: масон Алистер Кроули считал себя Зверем, во что верили и его современники; он еще в детстве испытал «страстно-экстатическое чувство идентичности», часто подписывался как «Зверь 666»; *Зверем* каббалисты называют Нерона, Гитлера и др.) За неоценимые заслуги перед большевистской партией заслужила аж персональную пенсию.

Имя Эссен встречается и во время знакомства с семейкой Ульяновых–Бланк. Вспоминая Израиля Мойшевича Бланка, дедушку Ленина по материнской линии, автор кни-

ги «Самые секретные родственники» указывает, что тот «после смерти жены хотел жениться на ее родной сестре, вдове чиновника 12-го класса *Е.И. Эссен*. В связи с тем, что подобные браки были запрещены, не указал ее девичью фамилию. Венчание не состоялось. Однако Е.И. Эссен стала его гражданской женой, воспитывала всех его детей… Незадолго до отставки с помощью гражданской жены Е.И. Эссен приобрел имение — деревню Янасалы (Кокушкино) Казанской губернии размером 503 га…» (Н. Зенькович, с. 221).

Пока шла подготовка ко II съезду партии, Н. Крупской и В. Ульянову в Лондоне удавалось и неплохо отдохнуть; они посещали театры, концерты, ездили на велосипедах за город с товарищами. «И Надежда Константиновна, и Владимир Ильич очень любили музыку», — уверяют нас исследователи жизни революционеров. К примеру, по словам М. Горького, Владимир Ильич любил слушать сонаты Бетховена в исполнении талантливого еврейского музыканта Исая Добровейна. Современные исследователи утверждают, что музыка Бетховена действительно нравилась Ильичу, особенно третья часть «Патетической сонаты», напоминавшая по звучанию гимн еврейской социал-демократической партии Бунд.

А еще Владимир Ильич путешествует; в 1902 г. он читает «рефераты против эсеров» в Париже, в октябре и ноябре — в Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе… Осенью того же года в Лондоне появляются после побега из «страшной» царской тюрьмы 9 «искровцев»: Бауман, Крохмаль, Литвинов, Таршис (Пятницкий) и др.

Среди прибывших Иван Васильевич Бабушкин; «еще больше вырос Иван Васильевич в глазах Плеханова, когда, придя в коммуну, Георгий Валентинович увидел в «вертепе» идеальный порядок» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 108). На вопрос, кто причастен к порядку, Бабушкин отметил с обидой: «У вашего инородного элемента всегда грязь, — ему русская прислуга нужна, а сам он за собой прибрать не умеет».

Ни один из советских авторов не упоминает, что там тогда же проживал и Лейба Бронштейн-Троцкий. «Для жи-

тельства я был отведен Надеждой Константиновной за несколько кварталов, в дом, где проживали Засулич, Мартов и Блюменфельд, заведовавший типографией «Искры». Там нашлась свободная комната для меня... Была еще общая комната, где пили кофе, курили и вели бесконечные разговоры и где, не без вины Засулич, но и не без содействия Мартова, царил большой беспорядок. Плеханов после первого посещения назвал эту комнату вертепом » (Л. Троцкий. Моя жизнь. С. 147).

По осени редакции «Искры» пришлось вновь сменить место: на сей раз поехали в Женеву. Там Н. Крупская и В. Ульянов прожили в двухэтажном доме, «напоминающем дом русского заштатного города» (по определению М. Эссен) до 17 июня 1904 года. Надежда Константиновна готовила доклад ко II съезду партии, одновременно работала с корреспонденцией и шифровкой писем.

При этом революционеры «шифровали» и самих себя, давая друг другу клички вместо имен. «Люди, вступающие в религиозные общества, принимают новые имена, чтобы показать, что они стали другими и начали новую жизнь. Так поступают и вступающие в оккультные общества. Кроме того, новые имена берут себе ведьмы, идя в услужение к дьяволу» (Р. Кавендиш. Магия Запада. М., 1994, с. 25). И так как многие клички уже приводились, то не станем повторяться. Секретилась и большевистская набирающая силу и вес газетенка «Искра», которую в письмах называли «Фекла»; по-иному именовались и различные организации в системе партии.

16 июля 1902 г. В.И. Ульянов писал: «Старайтесь убедить Ваню, что от *местной* работы мы и не думаем отвлекать, что Питер — такая «местность», которая имеет и *непосредственно* общерусское значение, что слияние Вани с Соней громадно усилит местную работу и в то же время сразу выведет всю партию из состояния полупризрачного на степень не только реальности, но и первостепенной силы». При этом важно знать, что *Ваня* — Петербургский комитет, а *Соня* — Русская (на самом деле — антирусская)

организация «Искры»... И как только *Ваня* с *Соней* образуют роковой союз, большевикам останется только взорвать *«местность», которая имела непосредственно общерусское значение*, — петровскую колыбель великой Руси.

В одном из писем петербургскому агенту «Искры» В.И. Ульянов писал: «Образовать русский О. К. (т. е. Организационный Комитет. — *Авт.*) непременно должны Вы и взять его в свои руки: Вы от Вани, Клер от Сони, да плюс еще один из наших с юга — вот идеал». Итак, «Ваню» и «Соню» вы знаете, а кокетливое *Клер* — Кржижановский, возглавлявший самарскую группу искровцев, «который до этого побывал за границей у В.И. Ленина и получил от него необходимые указания» (по замечанию И. Хохолкова, автора статьи из сборника «Ленинская «Искра», с. 180).

На взгляд большевиков, в Российской Империи было недостаточно проворных агентов для распространения той же «Искры» и прочей лживой и подметной литературы. Из-за границы — по указанию, в том числе Ленина и Крупской — отправлялись все новые и новые кандидаты на расшатывание устоев общества.

«В 1901 г. В.И. Ленин направил в Москву прекрасного организатора, стойкого профессионала-революционера Н.Э. Баумана», который распространял литературу, организовывал кружки, вел подрывную деятельность на заводах и фабриках... В начале 1902 г. был арестован; отчего «довелось летом из-за границы отправлять новую группу искровцев» (Сб. «Ленинская «Искра», с. 185–186).

«В июле 1901 г. Ногин возвратился в Россию как нелегальный агент «Искры». Он создает опорные пункты газеты в Костроме, Ярославле, Владимире, Поволжье, Одессе и Петербурге» (Алексей Абрамов. У Кремлевской стены. М., 1978, с. 147). Деятельность агента «Искры» Виктора Павловича Ногина *(1878–1924)*, происходившего из русско-еврейской семьи, будет вознаграждена, он станет народным комиссаром по делам торговли и промышленности в первом советском правительстве. Будет захоронен в «Революционном некрополе» на Красной площади, которую стоило бы

переименовать в *красный погост*, — у стен Кремля; как и кокетка *Клер* (Кржижановский). «Н.К. Крупская писала о Ногине: «Без таких людей не могла б существовать и развиваться наша партия. О них немного говорили, но подразумевалось само собой, что они телом и душой преданы партии, составляют ее органическую, неотъемлемую часть, для нее живут, ею дышат, ко всякому вопросу относятся с величайшей добросовестностью, никогда не покривят душой, и, не покладая рук, будут грести и грести, налегая грудью на весла, пока хватит сил. Ткань нашей партии соткана из такого добротного материала» (там же, с. 148). Человек, *никогда не крививший душой*, жил под множеством партийных кличек: Макар, Новоселов, Назаров, Литвинов, Самоваров, Соколов, Яблочков, Федотов, дворянин Атесов и, по словам автора А. Абрамова, «сидел в 50 тюрьмах царской России» (хотя такого количества тюрем во всей Империи **не** было!). Впрочем, цену партийной *честности* и *душевности* мы все уже слишком хорошо знаем.

Пока одни, пройдя за границей краткий курс молодого революционного бойца, направлялись на подрывную деятельность в Российскую Империю, для тех, кто жил в Женеве, настало время приехать в Брюссель, где должен был пройти II съезд партии.

Глава 16

Как известно, II съезд партии намечался на июль 1903 г.; но пока суд да дело, так называемые «передовые люди планеты» все делили власть и влияние друг на друга, своих сотоварищей и на представителей разных партий и группировок. Перетягивание каната *бионегативными людьми с комплексом власти* будет проходить еще многие годы...

В 1902 г. один из «передовых» — Дейч — задумал провести съезд в Швейцарии, и его поддержали в этом начинании Плеханов и Аксельрод. «Насчет «съезда» в Швейцарии вообще какая-то проклятая путаница выходит, — пи-

сал Ильич Крупской из Парижа в июле того года. — Кто это прежде всего придумал съезд? *Не мы.* Это сочинил, вероятно, Б. Н., которого надо посерьезнее пробрать…; если еще не сделала этого, то, пожалуйста, *пробери хорошенько.* Я бы думал сам, но тебе, кажется, лучше, а то уж я очень сердит… он неясно себе представляет, *из кого, для чего* и *как* будет этот «съезд»…» Разве мог Владимир Ильич представить себе, что еще кто-то претендует на первенство, и что кому-то *дадут шанс* попробовать выбиться в лидеры? И тут же, возмущаясь, он дает поручение Надежде Константиновне *пробрать хорошенько,* написав очередную статью от его имени, а то он… сердит; Ильич знает, что Наденька прекрасно справится, на то она и лидер в их революционной ячейке двух совершенно непохожих личностей.

Упорствовали в своем перетягивании каната лидерства и бундовцы; в июне 1903 г. на своем V съезде **Бунд** принял специальный устав, определяющий взаимоотношения с РСДРП. «В уставе говорилось, что Бунд есть организация еврейского пролетариата, не ограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками; что Бунд входит в РСДРП как единственный представитель еврейского пролетариата; что РСДРП должна быть построена на принципе федерации двух частей — Бунда и всех остальных нееврейских организаций…» (Сб. «Ленинская «Искра», с. 305). На что В. Ульянов разразился бранью, будто бундовцы «превращают в ничто **великий завет** (выделено мной. — *Авт.*) сближения и единения всех пролетариев всех наций, всех рас, всех языков». «Вопрос о месте Бунда в партии, поставленный вторым пунктом повестки дня, занял пять заседаний съезда» (там же, с. 306); всего заседаний было 37.

А теперь заглянем в воспоминания главной героини нашей книги. «Первоначально съезд предполагалось устроить в Брюсселе, там и проходили первые заседания». Живущий в городе старый плехановец Кольцов должен был устроить дело; но «после того как к нему пришло *штуки четыре россиян*» (выделено мной. — *Авт.*; так куражится **женщина-**

Загадка, очень грамотная и высокообразованная над и не русскими, и не людьми, а... *штуками*, предметами, исполнителями чужой воли), квартирная хозяйка пригрозила выгнать жильцов, и тогда всех делегатов отправили «в социалистическую гостиницу «Золотой петух» (так она, кажись, называлась)» (и вновь кураж Крупской, невероятное уничижение и в этом «*кажись*», и в этом адресе «*Золотой петух*» — очередном местном «вертепе», где собиралась публика нетрадиционной сексуальной ориентации, как сказали бы сегодня).

Уверена, приводимые воспоминания о подготовке и проведении II съезда партии — одни из самых любопытных, оставленных нам этой потрясающей женщиной.

«Делегаты шумным лагерем расположились в этом «Золотом петухе», а Гусев, хватив рюмочку коньяку, таким могучим голосом пел по вечерам оперные партии, что под окнами отеля собиралась толпа (Владимир Ильич любил... особенно «Нас венчали не в церкви»)...». Как вам подобные откровения? — и вновь **ребус**: «Нас венчали не в церкви», — да вовсе не венчали в сакральном смысле этого великого таинства, а так, отмазку делали...; эх, неплохо проходили съезды под шумок да *рюмочку коньяку*.

«На съезде было 43 делегата с решающим голосом и 14 с совещательным... на I съезде в 1898 г. было всего 9 человек...»; «Плеханов на съезде также чувствовал близость к Ленину. Отвечая Акимову, ярому рабочедельцу, жаждавшему посеять рознь между Плехановым и Лениным, Плеханов шутя говорил: «У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я **не стану разводиться с Лениным** (выделено мной. — *Авт.*) и надеюсь — и он не намерен со мной». Владимир Ильич смеялся и отрицательно качал головой». Ай да Наденька, ай да молодец! — вот ведь дала диалог двух не-мужчин! И в самом деле, разве истин-

ные Мужчины приведут подобное сравнение: *мы как муж и жена, мы не разведемся ни за что на свете*!

Итак, «на первый план выдвинулись вопросы колоссальной принципиальной важности — вопрос о месте Бунда в партии и вопрос о программе», — четко свидетельствует Н. Крупская. Прения шли очень бурно. Бундовцы пытались доказывать, что «еврейский пролетариат есть пролетариат целой национальности, занимающей особое положение»; «свои националистические позиции Бунд пытался обосновать, исходя из идеи еврейской нации. В.И. Ленин указывал, что этот последний их довод — сионистская идея — является ложным и реакционным по своей сущности. Евреи при капитализме не составляют нации, так как не имеют территорию и общего национального языка. Экономически они связаны с теми народами, среди которых живут... Во всей Европе падение средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением... освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России, благодаря пробуждению геройского самосознания среди еврейского пролетариата... В.И. Ленин далее указывал, что реакционные силы всей Европы и особенно в России ополчаются против ассимиляции еврейства, и стараются закрепить его обособленность... Идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных ее сторонников — сионистов... В задачу социал-демократии входит поддержка всего того, что способствует устранению еврейской обособленности и воспитывает массы в духе пролетарского интернационализма. А Бунд, стоя на реакционных сионистских позициях, всячески противодействовал этому единственно возможному решению еврейского вопроса...» (Сб. «Ленинская «Искра», с. 310–312). «Евреи составляли около половины так называемых революционеров и подавляющую часть руководителей разных подрывных антирусских организаций», — утверждает поль-

зующийся ныне непререкаемым авторитетом автор многочисленных книг профессор Олег Платонов (Покушение на русское царство. М., 2004, с.145). Да, как глупы были бундовцы в своем желании отъединиться от остальных и не уразумевшие, что *готовившаяся революция — и есть исполнение многих вопросов, в том числе и «единственно возможного решения еврейского вопроса»*. И борьба эта направлялась из штаба мировой революции — Ордена, где просчитывались все ходы и их последствия на десятилетия и даже на столетия вперед.

«Тем временем пришлось перебраться в Лондон. Брюссельская полиция стала придираться к делегатам и выслала даже Землячку и еще кого-то. Тогда снялись все... Продолжал обсуждаться вопрос о Бунде... Над съездом постепенно начали скопляться тучи. Предстоял выбор тройки в ЦК»; а вот появились и «*тройки*», которые вскоре войдут в жизнь советского народа как неотъемлемый атрибут власти, патологически ненавидящей народ.

«Основного ядра ЦК не было еще налицо»; однако «несомненными кандидатурами» Н. Крупская называет: Клэр (он же Клер, — Кржижановский), Курц (Ленгник) — их на съезде не было; среди присутствующих: Жак (Штейн-Александрова), Фомин (Крохмаль), Штерн (Костя; наст. Роза Гальберштадт), Попов (Розанов), Егоров (Левин). Ну и чего, спрашивается, Бунду отделяться, когда вокруг — все их товарищи? «Все это кандидаты на два места в цекистскую тройку. Кроме того, все знали друг друга не только как партийных работников, но знали и личную жизнь друг друга. Тут была целая сеть личных симпатий и антипатий».

«Владимир Ильич выступал на съезде резко. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» он писал: «Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра» (И что это за «*центр*», КТО им руководил?! — *Авт.*). «Какая тяжелая атмосфера царит у вас на съезде! — жаловался он мне. — Это ожесточенная борьба, это агитация друг против друга... это нетоварищеские отношения!..»

Н.К. Крупская сетует: «В Лондоне же он дошел до точки: совершенно перестал спать, волновался ужасно. ...**бешено выступал** Владимир Ильич в прениях... А между тем съезд распадался явным образом на две части. Многим казалось, что во всем виноваты нетактичность Плеханова, «**бешенство**» и «**честолюбие**» Ленина, шпильки Павловича, несправедливое отношение к Засулич и Аксельроду, — и они примыкали **к обиженным**... В их числе был и Троцкий, превратившийся в ярого противника Ленина. А суть была в том, что товарищи, группировавшиеся около Ленина, гораздо серьезнее относились к принципам, хотели во что бы то ни стало осуществить их, пропитать ими всю практическую работу; другая же группа была более обывательски настроена, склонна была к компромиссам, к принципиальным уступкам, более взирала на лица.

Борьба во время выборов носила крайне острый характер. Осталась в памяти пара предвыборных сценок. Аксельрод корит Баумана (Сорокина) за недостаток якобы нравственного чутья, поминает какую-то ссыльную историю, сплетню. Бауман молчит, и **слезы у него на глазах**.

И другая сценка. Дейч что-то сердито выговаривает Глебову (Носкову), тот поднимает голову и, **блеснув загоревшимися глазами**, с досадой говорит: «**Помолчали бы вы уж в тряпочку, папаша!**»

Съезд кончился. В ЦК выбрали Глебова, Клэра и Курца, причем из 44 решающих голосов 20 воздержались от голосования; в ЦО выбрали Плеханова, Ленина и Мартова. Мартов от участия в редакции отказался. Раскол был налицо» (Сб. «Революционерки России», М., 1983; ст. «Н. К. Крупская. Второй съезд», с. 5–11, выборочно). Все выделения жирным шрифтом сделаны для того, чтобы читатель обратил внимание на поведение «передовых членов мирового сообщества», — как они себя представляли. Такое неадекватное поведение с оскорблениями присуще людям определенного толка. А значит, Крупская и в самом деле впоследствии давала нам понять *кто* же такие эти люди, пришедшие на смену царской семье... Тишайший гадючий норов оказался у этой **надежи-Надежды** партии!

Ведь пока все грызлись и поносили друг друга на чем свет стоит, пока разводили старые личные сплетни, она прилежно работала. Так не эту ли свою добровольно-рабскую работу припомнит она им, когда напишет о них столь неприглядно?

«На долю Надежды Константиновны и здесь досталась организационная работа... запись докладов и выступлений передавалась в президиум, и Надежда Константиновна вечерами вычитывала, проверяла записи. При этом ей приходилось общаться с представителями разных группировок. Только ее энергия, выдержка, такт и личный авторитет позволяли составить подробнейший исторический документ — протоколы II съезда партии» (Л. Кунецкая, К. Машутакова, с. 113). «Съезд кончился, звучали последние речи... Надежда Константиновна уже складывала свои записи. ... «Скорее, Надежда Константиновна, скорее, иначе худо будет. Берг сейчас изобьет NN» (там же, с. 115) Как видим, дискуссий показалось мало, могла состояться и мерзопакостная потасовка: некий революционер Берг собрался бить А.В. Шотмана, 23 лет от роду.

А вот любопытные воспоминания о нюансах пребывания в Лондоне советского литклассика Максима Горького: «Обедали небольшой компанией всегда в одном и том же маленьком, дешевом ресторане (веры в это ИХ нарочитое: *маленькое* и *дешевое* — нет и быть не может! — *Авт*). Я заметил, что Владимир Ильич ест очень мало: яичницу из двух-трех яиц, небольшой кусочек ветчины, выпивает кружку густого, темного пива. По всему видно, что к себе он относится небрежно, и поражала меня его удивительная заботливость...

Пришел в гостиницу, где я остановился, и вижу: озабоченно щупает постель.

— Что вы делаете?

— Смотрю — не сырые ли простыни...» (М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 17, М., 1952, с. 15). Согласитесь, пиво с ветчиной — не такая уж плохая забота о себе, любимом; а вот зайти в номер «товарища» щупать просты-

ни, это... сами понимаете, что может за этим скрываться. Ах, да, вот еще из его воспоминаний для советских болванов: «В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в ***«мюзик-холл» — демократический театрик***» (выделено мной. — *Авт.*; там же, с. 16).

«Перед отъездом из Лондона большевистская фракция поехала на Хайгетское кладбище, на могилу Маркса... Владимир Ильич нарочно посоветовал товарищам спросить у сторожей дорогу, но те ответили, что не знают, где похоронены известные люди, могилы которых часто посещаются... Делегаты исторического съезда в торжественном молчании стояли вокруг старой мраморной плиты, под которой был похоронен Карл Маркс, его жена Жени Маркс, маленький внук и верный, неизменный друг семьи Елена Демут» (там же, с. 116). Как видим из приведенного отрывка, местные сторожа вовсе и не знали, где расположена «братская» могила «апостолов коммунизма», да и незачем это было им знать.

«Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса... 2 декабря 1881 умерла его жена, 14 марта 1883 Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут...» (Литературная энциклопедия. М., 1932, т. 6, раздел 819–820). Однако ни в этих, ни в других советских энциклопедиях вы **не** найдете, что Карл Маркс — это Мардохей Леви, не расскажут вам и то, что сожительница Фридриха Энгельса (сожительствующего, в свою очередь, с Карлом Марксом) — *преданная служанка, почти член семьи Елена Демут* родила от Карла Маркса сына, которого усыновил Ф. Энгельс. Тут вообще интимный расклад прямо-таки немыслимый. «*Настоящая правда всегда неправдоподобна*», — говаривал еще Федор Достоевский.

Марксизм — приговор мировой цивилизации. И делегаты II съезда партии пришли почтить своего великого Учителя, покоящегося рядом с *униженными* и *оскорбленными* добровольными рабынями.

Глава 17

События текли своим заданным чередом: революционеры то путешествовали из страны в страну, то собирались на съезды и конференции. Крупская и Ленин тоже то пребывали в Женеве, то разъезжали по Лозанне.

В 1904 году Надежда Константиновна и Владимир Ильич встретились с новыми трудностями; мир пока еще противостоял ереси; да и сами *переустройщики* государственных мировых систем не могли прийти к единому мнению в выборе тактики. В социал-демократическом движении произошел раскол на марксистское, которое возглавил Ленин, и оппортунистическое, главным выразителем которого стал Юлий Мартов-Цедербаум.

Часть сторонников Ленина по его поручению (после обстоятельной беседы с Крупской) уехали в Россию вести разъяснительную (подрывную) работу среди казачьих и пехотных частей, а также отделений МВД в северной столице и в первопрестольной. Другая часть ленинцев проникла в цеха заводов обеих столиц, где с помощью своих агентов, люмпен-пролетариев, всякого рода смутьянов и отщепенцев стремились толкнуть наемных рабочих на столкновение с властями и хозяевами предприятий.

Заметив, что ленинцев осталось меньше, мартовцы приняли решение противопоставить себя центральным органам РСДРП. Началась агитация среди всех членов Лиги революционных социал-демократов. Этой работой в основном занимались активисты Пятницкий и Блюменфельд, работавшие агентами «Искры». Эта газетка в № 47 упоминает о прокламации Костромского комитета РСДРП от 1 июня 1903 г., где прямо пропечатано: «*Правительство — наш враг, товарищи, надо бороться с ним...*» Но с царским правительством хотят бороться не одни только ленинцы; многие хотят первыми вкусить отобранных и присвоенных русских щедрот. Отчего же царское правительство ведет себя столь толерантно, столь либерально по отношению к государственным преступникам?!

Надежда Константиновна видела, как эмоционально реагировал на все выпады Ленин, как болезненно воспринимал любую критику; как он в такие гневные минуты хватал себя за пиджачок и, приподнимаясь на носки, матерился *на чем свет*, понося и единомышленников и противников. Все эти *фигли-мигли* сказались на его нервах, он стал срываться; после их переезда в Женеву все чаще и чаще пропадал в питейных заведениях, зачастую встречая утро в каких-нибудь дешевых нумерах с женщинами.

В феврале 1904 г. Крупская напомнила Ульянову, что пора приступить к работе над оговоренным уже и продуманным рефератом «Шаг вперед, два шага назад», но в ответ услышала грубую брань. И тогда властная Наденька садится за рабочий стол и в самые короткие сроки создает эту работу; тем более что все записи со II съезда у нее... Любопытно, как хвалят сей упомянутый труд о «шагах» преданные коммунистки-соавторы Л. Кунецкая и К. Маштакова: «Мировая литература не знает такого комментария к протоколам партийного съезда. Это образец тончайшего анализа борьбы, происходившей на съезде и после него» (с. 118–119); впрочем, иначе им бы написать и не позволили. Наряду с этим трудом для «супруга» Крупская пишет иной, отправленный ею в Орден вариант, в котором подробно расписывалась организация внедрения *провокаторов* в ряды казачества и Русской армии с целью организовать столкновение вооруженных сил Империи с якобы восставшими рабочими. До этого провокаторы чаще всего направлялись на предприятия Санкт-Петербурга, Москвы и других крупных промышленных центров. Она советует, как улучшить и это направление деятельности; не забывая указать, что подготовленные товарищи были недавно направлены ею (те, что «уехали работать по поручению Ленина») в Российскую Империю.

В Ордене высоко оценили работу Н. Крупской и дали согласие на проверку сил ленинской резидентуры в России. Это же было прекрасным поводом, для того чтобы столкнуть В.И. Ульянова-Ленина с Л. Д. Бронштейном-Троцким.

Идеальный метод, взятый за основу всех дел Ордена, — точно по Гегелю: *тезис и антитезис рождает искомый и желанный синтез.*

В подготовке провокационно-революционных мероприятий в России участвовали самые видные сторонники Ленина того времени: муж и жена Лепешинские, В.Д. Бонч-Бруевич, М.Н. Лядов, М.С. Ольминский, С.И. Гусев, В.В. Воровский, А.В. Луначарский, Р.С. Землячка. Подготовкой по хозяйственной и материальной части ведал Бонч-Бруевич — сначала непосредственно в Женеве, затем в России.

К началу 1905 года ленинской резидентурой Ордена была подготовлена и осуществлена первая революция в России. О событиях, происшедших 9 января 1905 г., красочно информировал зарубежную и русскую общественность А.В. Луначарский. В большевистских газетенках были опубликованы его интервью, начинавшиеся словами: «Царь расстрелял демонстрацию! Ужасно много убитых!»

Все было хорошо продумано, отработано и проведено.

Провокаторам удалось вывести и направить к центру города колонну людей; провокаторам удалось спровоцировать стрельбу. С одной стороны — неожиданно возникшая толпа. С другой — комендантом Петербургского гарнизона посылаются войска с целью защиты Зимнего дворца от непонятных и неизвестно чего требующих крикунов. Думается, спустя 100 лет пора нам наконец получить полные ответы на вопросы: *сколько было шедших, сколько было убитых, и КТО были эти несчастные*?

Ведь Луначарский не заявил, *сколько и кого*! — а зачем, иначе революционная постройка рухнет как карточный домик.

По материалам следствия о событиях 9 января 1905 г. у Зимнего дворца следователь Турановский (28 лет стажа расследования терактов) указывал, что к Зимнему дворцу направлялось около 230 человек, — в том числе мужчин и женщин, — большая часть которых под теплыми фуфайками или просто поношенными пальто имели нательные отли-

чительные халаты психиатрической больницы северной столицы (!). О чем в полицию сообщил заместитель директора больницы по медицинской части профессор Шульц, прося оказать содействие по возвращению больных. Дело в том, что психиатрические больницы в Российской Империи **не** имели специальной охраны (впоследствии советская власть это учла и закрыла свои психбольницы на мощные стальные засовы и отдала под охрану органов НКВД).

Коварный план удался; оказалось совсем не сложно организованно вывести на улицу больных людей, к которым по дороге присоединилась небольшая группа психопатов, пьяниц и всякого рода бездельников. Следовали с ними людишки, промышлявшие воровством на вокзалах, а также шулеры и посредники между проститутками и желавшими их поиметь. Вот в эту толпу, согласно проведенному вскоре следствию, и осуществлено было несколько выстрелов; стреляли восемь подкупленных солдат. Нигде и никогда так называемые советские историки об этом **не** писали, как и **не** сообщали о том, что эти восемь солдат по приказу офицера должны были прекратить стрельбу. Шесть из них действительно прекратили, но остальные еще продолжали стрелять. Поручик Стеклов, как указывается в справке следователя, выхватил из кобуры наган и двумя выстрелами убил стрелявших солдат.

Материалы этого следствия большевиками были в конце 20-х годов XX века уничтожены. Но, к счастью, эти преступники не успели уничтожить следователя, который аккуратно вел тетрадь с подробным указанием тех событий, и которую он опубликовал в середине 30-х годов XX века в одной из русских газет, издававшихся в городе Брисбен, в Австралии.

«Мы пошли туда, — вспоминала Надежда Константиновна, — куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...»,

лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 125).

Эти слова стали агитпроповской образцовой агиткой; «великое дело» начинается...

Отсиживающиеся за границей большевики, цинично хихикающие в такт «Вы жертвою пали, русские дураки...», являвшиеся исполнительными организаторами этого преступного акта в отношении беззащитных, недееспособных, психически больных людей, совершили тягчайшее преступление, пользуясь методами провокации. А в свою советскую историю, в описание тех событий 9 января, они впоследствии, для пущей важности, ввели и небезызвестного священника Гапона. Но сами Крупская и Ленин, осуществляя заглазно эту чудовищную акцию, в эту бойню «расстрела демонстрации» не поехали. Подобное поведение будет характерно для них, — там, где льется кровь, Ленина не увидишь, ибо это смертельно опасно. Для этого есть другие, а для координации задуманного дьявольского плана революции они все посылают и посылают в Россию агентов, среди которых и эти двое: В.И. Невский едет в Москву, Д.А. Лазуркина — в Санкт-Петербург.

Зато при каждом удобном случае они с Ильичем подчеркивают, что всегда, и особенно в *то время* очень рвались в Россию; ну так рвались из прекрасных мирных и живописных мест, но не могли бросить важных партийных дел. Они готовились провести партсъезд, намеченный на апрель 1905 года; встречались с немногочисленными эмигрантами-большевиками и меньшевиками, жившими в Женеве. Позже советские историки, руководствуясь указаниями Надежды Константиновны Крупской, будут почти до конца XX века писать, как тяжело жилось русскому народу при царизме. И как тяжело страдали за них Владимир Ильич с товарищами по партии. И ни слова о том, что все эти «товарищи» распрекрасно жили в уютных, хорошо обставленных

квартирах Женевы (и других городов Европы и США), питались в ресторанах, посещали кабаре и «демократические театрики», путешествовали в свое удовольствие, а то могли запросто и поохотиться в заповедных местах.

И сколько же поколений оболваненных людей поверило стенаниям этих «несчастных», «замордованных царизмом», «страдающих» за горькую долю русских людей, и желающих принести им счастье на блюдечке с кровавой каемочкой?!

События января 1905 года внесли острые разногласия между ленинцами и мартовцами. Наиболее горлопанистым оказался товарищ Ленин, который на встречах с меньшевиками. брызгая слюной и картавя, отстаивал идею «гегемонии пголетариата» в революции; «Габочий класс Госсии костьми ляжет за наши магксистские идеи! Мы — вожди пголетагиата — всегда будем опигаться на пгеданность гусских габочих!» Эту же идею Ленин озвучил и на III съезде партии, прошедшем в Лондоне.

Однако события, произошедшие в январе 1905 г., имели и иные последствия: имперская власть усилила контроль за различными антиобщественными и антигосударственными группами, пытавшимися вести антироссийскую политику. Многие из провокаторов тогда бежали из России и, словно мухи на мед, потянулись к тайным зарубежным центрам, в том числе и в Женеве.

Историки указывают, что находящихся в Женеве Ленина и Крупскую посетил один из руководителей так называемого восстания на броненосце «Потемкин» матрос Матюшенко. Ленин расспрашивал досконально, вникая в детали происшедшего; внимательно слушала его и Надежда Константиновна. После захвата власти в России, по указанию Агитпропа, деятельность которого была сформирована лично Н.К. Крупской, был поставлен Сергеем Эйзенштейном кинофильм «Броненосец «Потемкин». Еще в выпущенной в Российской Империи в 1906 году книге Шмакова «Свобода и евреи» указывалось, что руководителем восстания на броненосце «Потемкин» был еврей Фельдман. Но об этом

важнейшем нюансе режиссер Эйзенштейн, конечно же, не сообщает зрителю. К слову сказать, Надежда Константиновна сразу после выхода упомянутой книги проштудировала ее и знала практически наизусть; и это хорошо известный для *знающих истинную правду* людей факт!

Однако вернемся к разнородной красной нечисти, влившейся в ряды социалистов, социал-демократов, народовольцев и революционеров всех мастей, всякого роду-племени.

Говорят: для того, чтобы победить врага, надо знать его в лицо; Крупская, зная недругов России, — и научно, и изнутри (проведя столько лет в их окружении), — смогла сверхуспешно выполнить установку масонского Ордена, стремившегося организовать против русского народа и Русской государственности психологическую войну и насильственные действия. *Но, исполнив чужую волю, не заложила ли Крупская тем самым и мину замедленного действия под новообразованное общество советских людей и их потомков на столетия вперед? — вот в чем вопрос... И мы, рассуждая и сопоставляя, постараемся получить ответ... Впрочем, история во многом расставила все по местам, когда страна красного благоденствия исчезла с карты Земли...*

Буквально вослед первой «русской» революции 1905 г., названной впоследствии Ульяновым-Лениным «генеральной репетицией революции 1917-го», русскими профессорами, социологами, публицистами и простыми патриотами было написано множество книг и статей о виновниках надвигающейся в стране катастрофы. И профессор Сикорский, и два других русских профессора психиатрии Рыбаков и Ковалевский писали о революционном психозе, утверждая, что **революционеры** — это психически больные люди, одержимые комплексом власти и комплексом разрушения (за которым просматривается садизм), причем чаще всего это энергичные, одержимые и очень активные люди. По ***идеологии коммунизма***, — открывают глаза читателям авторы научных и литературных трудов о революционерах, — получается, что классовая борьба, о которой твердил миру Маркс, происходит **не** между придуманными и искусственно расчлененны-

ми классами, **не** между богатыми и бедными, а между *нормальными людьми* и *вырожденцами*, то есть, между Добром и Злом, а значит, между Богом и дьяволом.

Надежда Константиновна хорошо усвоила эту суть. И именно исходя из уникального понимания внутренней сущности революционного бунтарства она... **заложила основы** идеологического воспитания новых поколений советских людей.

Глава 18

В тот год Надежда Константиновна чувствовала себя прескверно. Даже несмотря на то, что она вернулась в Россию. Ее поразила тишина Финляндского вокзала, когда она сошла с поезда, — даже через многие годы она вспоминала именно эту тишайшую бездну зимнего Петербурга, принявшего ее в свое лоно после заграницы. Разительная перемена!

Она приехала одна, без «супруга», с документами на чужое имя и, не успев ступить на перрон, почувствовала, что слишком все здесь напоминало о другой жизни, о беспечной юности; вокруг нее, казалось, непрерывно звучал теноровый смех гимназистов и витал стрекозий дух егозливых отроковиц. Ах, как хорош Санкт-Петербург в своем имперском величии! И вновь забилось ее сердце, выстукивая заунывную песню недовершенного женского счастья. Как она когда-то любила, и как возжаждала вновь увидеть Его, своего единственного, чей образ таился глубоко в душе все годы! После познания *такого* мужчины, как ее возлюбленный великий князь Сергей Александрович, ни одному не дозволишь дотронуться до своего тела! Тем более, коли и выбрать-то, собственно, не из кого: насмотрелась молодая женщина на образованных, но убогих полудурков, жеманных педерастов, мазохистов с комплексом мессий, одержимых бредовыми идеями заполучить власть в чужих державах... все эти маниакальные идолы, окружавшие ее изо дня в день...

Но она помнила, как искала встречи с Ним перед своим отъездом за границу много лет назад и как впервые личная встреча не состоялась; ей передали письмо, в котором великий князь Сергей Александрович кратко писал, что из сведений Имперской разведки ему стали известны некоторые подробности, которые являются препятствием для их дальнейших свиданий; писал, что очень сожалеет, что не может продолжать эти встречи, а еще — что для него очень дорога и высока честь семьи Романовых, но он никоим образом не раскаивается в том, что произошло между ними... Она тогда горько плакала, и даже жалостливая и все понимающая Елизавета Васильевна не могла успокоить свою дочь. Наденька, зажав в кулаке краткое письмо, полное горьких строк, билась в беспамятстве долгую бессонную ночь. Перед ее глазами проносились их интимные встречи; стенающие губы, разгоряченные тела, упоительные поцелуи, тантрические ласки; ее желание стать матерью, призрачная надежда на полное исцеление, данная ей профессором Сеченовым... О, пагубная страсть! Разве тогда еще не чувствовалось, не ощущалось ею, что божественные порывы обрекаются немилосердной судьбой на летальность, преждевременную завершенность?! Но, натешенная, разве могла она тогда думать, вспоминать, что проклята; высчитана из миллионов соотечественниц, одурманена, унижена, растоптана и проклята сатанинскими масонскими силами?

Она знала, что не имеет права на эти встречи, но она также знала, чувствовала, что навсегда останется небезразличной Ему. И женское чувствование не подвело. Великий князь Сергей Александрович всегда с теплотой думал и отзывался о Наденьке Крупской. Даже когда прекратились их встречи в Териоки, их прогулки и веселье из-за смешливого подростка — местной чухонки, приносившей в дом великого князя свежее молоко. Даже когда настал конец их встречам в Санкт-Петербурге, конец их кратким свиданиям в Москве...

Она сообщила о своем прибытии, она была серьезно намерена рассказать ему ВСЕ; это тишина Финляндского вокзала убила в ней тленную муть, перечеркнула годы ски-

таний и мнительной беспокойной деятельности «на благо» некоего заокеанского «центра». Она даже готова была поверить в то, что ее партийная деятельность была всего лишь забытьем, беспамятством, отместкой на Его письмо о чести царской семьи и поступивших определенных сведениях, отнимающих Его у нее *навсегда*... Да, она расскажет, она докажет, она попросит Его уничтожить всю эту мерзость, окружившую ее; кружащуюся нечисть, мразь, замыслившую отобрать ее Отечество!

Их встреча в Санкт-Петербурге длилась всего несколько минут; никто не должен был заподозрить, что великий князь встречается с женщиной, имеющей сомнительные политические связи. Она видела, как засияли Его глаза, как он подтянулся и напрягся, когда целовал ее руку. Ни в лице, ни в фигуре ее не было тонкости гравюрных черт, но в те минуты она была счастлива, словно самая прекрасная и любимая женщина на Земле. За этой пронзительностью чувств все забылось, уплыло, и словно молчаливое сестринское всезнание наполнило ее сердце пониманием обреченности ВСЕГО: и судеб России, и судеб людей, населяющих Империю. Словно очнувшись, она потянулась к нему, попыталась дать понять, что хочет серьезно поговорить, рассказать ему нечто очень-очень важное, на что он спокойно кивнул: «Знаю, Надея, знаю... Мы поговорим об этом чуть позже, в Москве. А сейчас я тороплюсь, я несвободен во времени...» Он был единственным, кто всегда называл ее исключительно по-своему: ***Надинька, Надея...***

Вскоре генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович отбыл в первопрестольную.

О встрече Надежды Константиновны с великим князем сразу же стало известно в Ордене, агентура которого контролировали каждый шаг своих ставленников; никто и ничто не могло повлиять на исход предполагаемых и планируемых событий, — ставка слишком высока, чтобы рисковать!

Однако агенты Ордена воспользовались сложившейся ситуацией и предложили Надежде Константиновне пойти

на встречу с ним. Разговор выглядел вполне прилично: никто не заставлял ее делать что-либо непристойное, не норовил подсунуть взрывчатку, не принуждал даже выказывать ему гадости.

Но что-то тут было не так; она чуяла сердцем, но не могла ничего изменить, ровным счетом НИЧЕГО! Ее убедили, что эта встреча может даже быть полезной для примирения противоборствующих сторон, и что, возможно, это только начало переговорного процесса, который может привести к положительным результатам для всех, в том числе и для революционеров, которые уже порядком устали от борьбы.

У нее же был свой интерес в этом деле: увидеть хотя бы на мгновение, — вот главная причина; но то, что о произошедшей быстрой встрече знали ее соглядатаи, слишком настораживало, отбивало любое желание видеться. Ну что ж, решила Надежда Константиновна, она попробует сыграть эту партию, еще неизвестно, кто переиграет!

Она приехала в Москву и через доверенных людей передала просьбу о необходимости увидеться. На удивление, великий князь Сергей Александрович довольно быстро дал согласие на встречу...

Но когда подошло время и она, вся трепещущая, уже надевала шляпку, в ее комнату вдруг вошли трое мужчин, и, ничего не говоря, осмотрели все вокруг, после чего... просто заперли за собой двери, закрыв ее в комнате, замуровав заживо ее горячее, рвущееся на части сердце, ее молящий за Его спасение разум. Она рвала дверь и кричала, но никто не помог, никто не пришел, пока...

Надежду Константиновну освободили через несколько часов, — после того как свершилось убийство великого князя Сергея Александровича Романова; шел февраль 1905 года. Ненавистный «передовым силам» антисемит, гонитель бунтарей и большевиков больше ничего не мог сделать для своей горячо любимой Родины...

Великий князь спешил на встречу с Надеждой Константиновной; во дворе его ждал специальный экипаж, на ко-

тором он ездил по личным делам, как частное лицо. Но его уже поджидали вынашивающие месть террористы, пользующиеся добропорядочностью и открытостью русских людей и оттого свободно проникавшие хоть в частный дом, хоть в царские палаты (!); великий князь был убит в Кремле боевиком-психопатом И.П. Каляевым.

Иван Платонович Каляев (1877, Варшава — 1905); с 1898 он — член петербургского «Союза борьбы»; с 1903 — в партии эсеров, член ее боевой организации в Женеве; в 1904 в Санкт-Петербурге участвовал в покушении на министра внутренних дел (!) В.К. Плеве. 4 февраля 1905 г. в Москве бомбой убил московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. Казнен в Шлиссельбургской крепости 10 мая 1905 г. (согласно БСЭ, т. 11, с. 240). То, что Каляев, увидев, что в результате взрыва бомбы великий князь не погиб, и добил раненого, произведя выстрелы в упор в грудь и лицо великого князя, — об этом БСЭ умалчивает. Казнь преступника состоялась в 3 часа ночи; осужденный отказался от напутствия священника. К слову сказать, в скором времени в Шлиссельбурге были казнены еще четверо — Гирш (Хаим) Гершкович и Васильев (20 августа 1905 г., за теракты), Зинаида Коноплянникова (29 августа 1906 г. за убийство полковника Мина) и Яков Васильев-Финкельштейн (19 сентября 1906 г., за убийство генерала Козлова, принятого им, между прочим, за генерала Трепова). На этом казни в крепости завершились… а зря.

На следующий день после похорон великого князя Надежду Константиновну Крупскую посетил один из адъютантов убиенного генерал-губернатора Москвы и сказал, что ей надлежит приехать в Териоки и обратиться к молодой женщине из финской семьи по имени Хильда (Хелен), которая, если Надежда Константиновна помнит, приносила в дом великого князя молоко.

Она выслушала посетителя, широко раскрыв обезумевшие от горя глаза и до конца не понимая ни слов, ни их значения. Но мысль, что возлюбленный, к жуткой смерти ко-

торого она оказалась сопричастна, хочет дать о себе знать даже после физической смерти, исполнила ее сердце тишайшей мыслью о возможности всепрощения...

То, что Надежда Константиновна Крупская в течение непродолжительного времени в начале 1905 года находилась в Российской Империи, никогда **не** будет указано в ее официальной биографии (которую она сама для потомков и составила; а все остальные биографы будут исходить лишь из этих доступных сведений). Как, впрочем, и известия о некоторых других ее поездках, в том числе и в США! Останется лишь известие о присутствии Н. Крупской на съезде РСДРП в Лондоне в апреле 1905-го да свидетельства ее приезда в Санкт-Петербург в ноябре того же года. Менялись дни, менялись события, менялись имена и паспорта, мелькали страны и люди, — но сколько умышленно утаенных событий осталось вне поля зрения историков марксизма-ленинизма?! Впрочем, кто из выдающихся резидентов и успешных агентов предавней иль новейшей истории выдал вам полную биографию? — НИКТО и НИКОГДА. А если учесть, что Крупская была главным своим биографом, да к тому же впоследствии стала еще и главным биографом Ленина...

Разыскав в Териоки ту, которую она помнила тонким смеющимся подростком, превратившуюся за прошедшие годы в крепкую молодую женщину, Надежда Константиновна спросила:

— Скажите, Хильда... великий князь мне... что-то оставил?

Та словно ждала подобного вопроса; она молча кивнула даже не раскрыв рта и вернулась в дом. Через некоторое время Хильда вынесла ларец и, подавая ключик к нему, грустно объяснила:

— Этим ключом вы сможете открыть ларец. Но только в том случае, если наберете буквы известного вам шифра. Так мне было велено вам передать.

Надежда Константиновна не знала никакого шифра; *так и стоял этот ларец, бережно хранимый ею от всех*

взглядов, не тронутым целый год. Почему она не попыталась открыть его, удовлетворить иссушающее ее любопытство? Что была для нее эта безвестная мука: пыткой или очищением, молчаливой мольбой о прощении или забвением?

В ночь перед годовщиной его гибели ей приснился сон, она отчетливо увидела шифр, четыре буквы, значащие когда-то для них двоих так много: «*Н. К. С. А.*». Говорила ли Надежда когда-нибудь кому-нибудь об этом? — да...

Проснувшись, она подхватилась с кровати, достала припрятанный ларец и тут же набрала буквы, после чего вставила замысловатый ключик, повернула и... крышка как по волшебству поднялась, а оттуда полилась механическая музыка, знакомый мотив... Надежда Константиновна поборола желание сразу заглянуть в ларец, она чуть отставила его от себя и ждала, пока закончится мелодия. Сделав глубокий вздох, она наклонилась над ларцом и увидела там письмо, ценные бумаги, чек на большую сумму денег, прядь ее волос и еще одну прядь, как она поняла, принадлежавшую великому князю. Она попыталась припомнить, откуда взялись здесь ее волосы, но только и пришла к мысли, что великий князь Сергей Александрович срезал тонкую прядь, когда она однажды крепко спала в его объятьях.

Письмо начиналось очень трогательно. Он говорил, что не жалеет об их встрече, даже несмотря на те нюансы, о которых она сейчас узнает сама и из-за которых им пришлось расстаться. Еще он сетовал на то, что ему практически не с кем поделиться наболевшим, что вокруг имени Романовых с каждым годом порождается все больше грязных слухов; что очень и очень беспокоит его.

Ты должна понять, писал Надежде Крупской великий князь Сергей Александрович, отчего Ты имеешь право знать правду... У Твоей матери есть драгоценная безделка, которая все для Тебя расставит на место. Это бриллиант на золотой цепочке, имеющий свой особый секрет, как и положено вещицам, которые ходят в кругу царской семьи. И если Надея сделает особые манипуляции, нажмет и плавно повернет

такие-то части золотой оправы, то обнаружит царскую монограмму и инициалы сына императора Павла I великого князя Михаила Павловича, который и был настоящим отцом ее матери Елизаветы. Получается, что бабушка Надежды Крупской, будучи одной из фрейлин Императрицы Марии Федоровны (Софии-Доротеи-Вюрттембергской-Мемпельгардской), забеременела и, пребывая на сносях, была выдана замуж за достойного человека, дворянина Василия Тистрова. Именно эти сведения, представленные ему из Святейшего Синода и подтвержденные другим источником, уверял великий князь Сергей Александрович, не позволяют им более иметь интимные отношения, потому как в их жилах течет родственная кровь; получается, что твой дед — родной дядя моего отца, — открывал секрет пишущий.

Но именно это и дает ему надежду быть понятым ею; прежние встречи породили меж ними откровение, а ему так хочется исповедаться перед родственной душой, сопричастной их... семье...

Он сообщал ей, что вокруг имени его отца императора Александра II, как снежный ком, начинают расти легенды, будто бы вся царская семья, все дети Александра II возненавидели его после того, как тот после смерти матери взял в жены княжну Екатерину Долгорукую. Это неправда, горячо уверял Надежду Константиновну писавший; мне, добавлял он, конечно же, дорога память о моей матери, и каждый из моих братьев и сестер видел, как она мучилась оттого, что ее супруг встречается с княжной, которая по истечении времени родила от него троих детей. Но с другой стороны, рассуждал великий князь, наша мать сама способствовала тому, чтобы отец чувствовал себя одиноким в семье; она сама оттолкнула его, увлекшись мистикой, поверив всяким наговорам, и наши попытки, как и попытки нашего отца, прекратить связи с неизвестными людьми, к сожалению, не возымели должного действия.

Спустя уже многие годы после гибели отца я узнал о том, что на нашу матушку оказывали влияние агенты центра международного масонства. И как бы мне ни было труд-

но признавать, однако в том, что Россия потеряла помазанника и императора, а мы дорогого нам отца, — большая доля вины нашей матери. Так нельзя грешить на собственную мать, но истина мне дороже… Хотя, скорее всего, за греховные мысли в адрес матери и за сохранение истины для потомков мне вскоре воздастся…

К сожалению, мы не смогли воспрепятствовать оговорам нашей семьи; беспочвенны также и слухи о том, что когда императором стал Александр III, то якобы он и его жена Императрица Мария Федоровна заняли жесткую позицию в отношении овдовевшей морганатической супруги Екатерины Юрьевской. Это не соответствует действительности, ибо Императрица Мария Федоровна (в недавнем прошлом принцесса Дагмар) сама пережила утрату своей первой любви, когда ее жених, наследник престола умер в Ницце, и уж она-то хорошо понимала состояние великой княгини Екатерины Юрьевской и, как никто, разделяла с ней горечь ее утраты. У меня, подчеркнул великий князь Сергей Александрович, ощущение, будто меня постигнет участь отца…

Трагические события, добавил он практически без всякого перехода, которые имели место на Ходынском поле во время коронации моего племянника, государя императора Николая II, принесшие горечь в мое сердце, были спровоцированы по поручению все того же масонского центра; теперь мне это очевидно, потому что имеются неопровержимые доказательства…

Обо мне, как и о членах царской семьи, также ходят всякие нелепости, но, может быть, Ты будешь одной из немногих, кому я открываю душу. Возможно, откровенно признавался он, я и не написал бы Тебе этого письма, но в последнее время ко мне стал приходить призрак погибшего отца. Он молча находится со мной некоторое время, затем так же молча уходит, а перед исчезновением оборачивается и всегда произносит одну фразу: «*Сын мой, то, что постигло тебя, я уже пережил... то же произойдет и с Россией…*»

А еще великий князь признался, что любовь им не подвластна, как не подвластна и смерть, но оттого, что все мы

смертны, мы рано или поздно встретимся, утешил читающую эти грустные строки он, человек, приговоренный дьявольской силой к ранней смерти. Как это произойдет, я не знаю, но я хотел бы быть похороненным в нашем семейном склепе, и как жаль, что по прошествии десятилетий Ты, имея на то законное право, не сможешь оказаться рядом…

Она почувствовала, как строчки, написанные некогда любимым, расплываются, как во всем теле появляется необъяснимая боль, как давит в висках, так давит, что из орбит выскакивают глаза, а спазм цепкой хваткой взял за горло. И вдруг из-под ее ног уходит опора, но она не падает, не летит, а физически ощущает как ее тело перестает чувствоваться телом женщины, как перерождается в тело какого-то мерзкого, отвратительно-холодного существа, отчего ей нестерпимо хочется избавиться от него. Возникает ощущение, будто кто-то невидимый проткнул эту полуживую холодную массу тела толстым прутом, и он, проламывая реберную клетку, тупо упирается снизу в горло, разрывая, раздирая ее саму на крупные окровавленные части. Но ощущение длится недолго, и постепенно все исчезает…

В какой-то момент Надежда Константиновна, открыв глаза, ощутила, что подбородок ее мокрый, и что шея и верхняя часть платья влажные и холодные. В комнате темно, она с трудом поднимается, зажигает свет, а подойдя к зеркалу, видит, что пенистая слюна залила ей грудь и забрызгала пятнами весь воротник…

В этот момент кто-то шел к ней в комнату, она сразу и не догадалась, кто это открыл дверь. Но поняла, когда услышала характерный говор:

— Надя, ты бы собгалась, нам пога…

В ее горле тут же заклокотало, и, может быть, впервые в своей жизни она сказала бранные слова. Ее трудно было разобрать, но Владимир Ильич был поражен такой дерзостью и хорошо понял смысл брошенного в чудовищной ненависти:

— Пошел вон, дитя содома! Не подходи ко мне, убью!

Страх Владимира Ильича был столь огромен, что он даже забыл, зачем заглянул, а когда полностью пришел в себя, то был уже на одной из конспиративных квартир партии. Пожалуй, в тот момент это было лучшее для него.

Глава 19

Спасаясь почти безо всякого труда от преследований, вновь «партия уходила в глубокое подполье. Владимир Ильич переехал в Финляндию на станцию Куоккала, где Лейтензен (Линдов), старый товарищ по партии, снимал огромную неуютную дачу под названием «Ваза» (Л. Кунецкая и К. Маштакова, с. 135). «Владимир Ильич... с трудом уйдя от шпиков, уехал в Финляндию. В Куоккалу, где обосновался неподалеку от вокзала на даче «Ваза», которую снимал большевик Г.Д. Лейтензен... Отсюда он не раз выезжал по партийным делам в Петербург» («Биография», с. 95)

Гавриил Давидович Лейтензен *(1874–1919)* имел партийные псевдонимы Г. Линдов и Вяземский, родился в Орле в семье еврейского мелкого ремесленника. В 1891–1892 гг. являлся одним из организаторов социал-демократических кружков в Екатеринославе; участник группы «Освобождение труда»; с 1902 г. — представитель «Искры» в Париже. После революции 1917 года станет членом коллегии Наркомата труда, исправно выполняя декрет Ленина об обязательной трудовой повинности для всех бывших подданных Империи и организации концлагерей для порабощенного народа. С 1918 г. займет должность комиссара РВС 4-й армии Восточного фронта. (Краткая биография обнаруживается в Советской исторической энциклопедии (СИЭ), М., 1965, т. 8, раздел 538)

Впрочем, снимаемая семьей Лейтензенов «огромная неуютная дача» на фотографиях хоть и выглядит действительно огромной, однако неуютной ну никак не кажется; наоборот, — деревянная, с застекленными верандой и полукруглым балкончиком, в окружении высоких берез, ас-

социируется с пасторальным деревенским уютом. Сюда же перебрались и некоторые партийцы, жили привычной большевистской коммуной. «Спустя некоторое время сюда же перебралась из Петербурга Надежда Константиновна со своей матерью. С отъездом Лейтензенов Ульяновы заняли весь первый этаж, а наверху устроились Богдановы, к которым затем присоединился И.Ф. Дубровинский... «Дверь дачи никогда не запиралась, — вспоминала Надежда Константиновна, — в столовой на ночь ставились кринка молока и хлеб, на диване стелили на ночь постель, на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром очень часто в столовой мы заставали приехавших ночью товарищей» («Биография», с. 101).

Вообще тема нелегального перехода границ преступниками из революционной среды весьма интересна. И нашим героям, в том числе Н.К. Крупской и В.И. Ленину не единожды приходилось делать это. Однако в их воспоминаниях мало подробностей нелегального проезда и прохода. Зато их подельник Троцкий оставил много точных нюансов происходившего с ними. Да простит меня читатель за новую пространную цитату, однако это весьма забавно.

«Между тем Ленин, с которым самарское бюро находилось в оживленной переписке, торопил меня ехать за границу. Клэр снабдил меня деньгами на дорогу и необходимыми указаниями для перехода австрийской границы у Каменец-Подольска. Цепь приключений, более забавных, чем трагических, началась на вокзале в Самаре... До пограничной полосы я доехал благополучно. На последней станции жандарм потребовал у меня паспорт. Я был искренне удивлен, когда он нашел сфабрикованный мною документ в полном порядке. Руководство нелегальной переправой оказалось в руках гимназиста. Ныне это видный химик, стоящий во главе одного из научных институтов советской республики. По симпатиям гимназист оказался социал-революционером... На другое утро гимназист, имевший бурное объяснение с моим хозяином, сдал меня контрабандистам местечка Броды. Весь день я провел на соломе в риге у хохла,

который кормил меня арбузами. Ночью под дождем он провел меня через границу. Долго пришлось брести впотьмах, спотыкаясь. «Ну, теперь садитесь мне на спину, — сказал вожатый, — дальше вода… Вам мокрым на ту сторону идти никак нельзя»… Минут через пятнадцать мы сушились в еврейской избе, уже в австрийской части Брод. Там меня уверяли, что проводник нарочно завел меня в глубокую воду, чтоб больше получить. В свою очередь, хохол душевно остерегал меня от жидов, которые любят содрать втрое. Мои ресурсы действительно быстро таяли. Надо было еще ночью проехать восемь километров до станции… Вез меня в двухколесной тележке старый еврей-рабочий. «Когда-нибудь я на этом деле голову сложу», — бормотал он… После размена денег выяснилось, что у меня не хватает на проезд до места назначения, т.е. до Цюриха, где я должен явиться к Аксельроду. Я взял билет до Вены: там видно будет… Я решил разъяснить самому Виктору Адлеру, вождю австрийской социал-демократии, что интересы русской революции требуют моего немедленного продвижения в Цюрих… В сопровождении того же проводника я отправился на квартиру к Адлеру.

— Извините, доктор, что я нарушил ваш воскресный отдых… Я русский…

— Ну, этого вам не нужно мне сообщать, я уже имел время об этом догадаться…» (*Л. Троцкий*. Моя жизнь. С. 141–145, выборочно). Маниакальный фарс *русского* Бронштейна, на плечах хохла-контрабандиста въезжающего *в Европы*, чтоб вместе с сотоварищами делать *русскую революцию,* закончится великой трагедией для всего русского и других народов Российской Империи.

Находившаяся на финской территории Крупская не единожды форсировала границу.

«В бытность Ленина в Куоккале Крупская ежедневно уезжала одним из первых поездов в Петербург и возвращалась далеко за полночь… Надежда Константиновна даже сняла в Саблино неподалеку комнатку, в которой останавливалась во время наездов. Так случилось и под новый 1907

год. После беготни по явкам уже не было сил ехать в Куоккалу, и Надежда Константиновна отправилась в Саблино. Зашла к Марии Александровне (мать В.И. Ленина. — *Авт.*) и пригласила к себе на Новый год. ...Мария Александровна поблагодарила ее, но прийти отказалась. Так и встречала Надежда Константиновна Новый год одна» («Биография», с. 102). Прекрасная характеристика и взаимоотношений матери Володеньки, не желавшей ни прийти в гости, ни пригласить невестку на праздник, и отношения самой Крупской к «супругу», которого даже видеть не хотелось в такой веселый и застольный день.

1907-й шел своим чередом; вот социал-большевиками был организован и прошел V съезд; вот в августе Владимир Ильич участвует в международном конгрессе в Штутгарте; вот в 1907-м Ульянов бежит от преследования финской полиции в глубь страны (поселился в пригороде Гельсингфорса Оглбю в богатом пансионате «Гердобакке»), а затем переезжает в Стокгольм. Надежда Константиновна вновь в гуще событий; ее сердце окаменело, ее разум больше не слушает никого и ничего, все ценности мира пропали, исчезли вместе с убийством великого князя. Она ненавидит мир, но больше всех она ненавидит покусившихся на *святая святых* — на ее богоданное Отечество, на страну, где она познала свою единственную Любовь. Со страной, и с ней самой произошла равнозначная трагедия: Бог отвернулся, отвел свой лучезарный взгляд...

Надежда Константиновна знала: она, не имеющая выбора, научится таланту окружившей ее нечисти, — терзать другие народы; она отомстит, показав миру ИХ гнусь, и если мир покорно примет ИХ и пойдет за НИМИ, значит, весь мир будет наказан... но кем и когда, — разве ей решать?! А, может, наказан даже **Ею, провидицей человеческих душ, — их самого гнусного, черного дна...** Полнехонькая болезненных мыслей, с годами она становилась все более невзрачной, более внешне примитивной и... все теснее спаривалась в тягостной и в то же время мучительно-сладостной дьявольской двоице: она, Н.К. Крупская и он, В.И. Ленин.

В январе 1908 г. они живут в Женеве; «сняли комнату в большой квартире на улице Шо-де-Фон. Комната была холодна и неуютна» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 139); и опять эти *мансы*: все, что окружает «передовых людей планеты», все предметы — маленькие, или неуютные, или холодные, — чтобы русские обязательно поняли, как же тяжело было революционерам бороться за большевистскую власть, в каких чудовищных (!) условиях они строили свои гениальные планы, мучимые идеями коммунизма... И вновь Надежда Константиновна занимается редактированием газеты, на сей раз «Пролетарий»; ведет переписку с товарищами, собирает связи в свой кулак. *Всех — в кулак!* Она знает, что без ее организаторских способностей дела развалятся, все пойдет наперекосяк; но она старается, очень старается, она им еще покажет, *где раки пережидают зиму...*

«***Несмотря на загруженность партийной работой, именно в Женеве Надежда Константиновна наконец вплотную занялась педагогикой***» (там же, с. 140), — и это важный нюанс; отныне она почувствовала *новую необходимость в этом деле*; словно раньше педагогические познания и сопоставление разных направлений и школ было простой детской забавой, так, для развития ее мозговых извилин...

В конце 1908 г. революционеры-эмигранты переехали в Париж, а уже 21–27 декабря там состоялась V Общероссийская (т.е. антироссийская) конференция РСДРП. Склоки и выяснения отношений как внутри, так и за пределами партии продолжались почти не утихая; каждый вопрос казался важным: к примеру, школа на Капри, открытая Горьким, Луначарским и некоторыми другими товарищами.

Вообще тема Капри и социал-демократов очень любопытна; мы же только взглянем, как говорят, одним глазком. Максим Горький в статье «Ленин» вспоминал, как он договаривался с «видным членом немецкой партии, впоследствии весьма известным Парвусом» (опять это знакомое имя, не правда ли?), как делили они деньги: часть Горькому, часть — в кассу социал-демократической партии; как ездил он сам в Америку за деньгами на революцию (!) вместе

с В.В. Воровским, которому «партия дала какое-то другое (! — *Авт.*) поручение» и Н.Е. Бурениным, «членом боевой группы (! — *Авт.*) при ЦК (б)», «но и в Америке нашелся Парвус. Вообще поездка не удалась, но я там написал «Мать»...»; а после «переехал в Италию, на Капри, там погрузился в чтение русских газет, книг, — это тоже очень понижало настроение» (это же как надо ненавидеть все русское, чтобы ТАК писать! — *Авт.*); туда к Горькому все время приезжали из России людишки, ему самому казавшиеся «какой-то гнилой пылью». (М. Горький. Собрание сочинений, т. 17, с. 10).

И упоминает, что еще после встречи с Ульяновым–Лениным в Лондоне (да-да, это когда Владимир Ильич щупал простыни в номере Горького, словно ища некие *следы*!), тот пообещал прибыть к нему на Капри отдыхать. «Но раньше, чем он собрался приехать, я увидел его в Париже, в студенческой квартирке из двух комнат... Надежда Константиновна, сделав нам чай, куда-то ушла, мы остались вдвоем... я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства... Мне казалось, что нужно написать ряд книг по истории западных литератур и по русской литературе, книги по истории культуры, которые бы дали богатый фактический материал рабочим...» (там же, с. 17). А указкой в деле ***фальсификации*** мировой истории и культуры могли бы послужить слова Ленина, высказанные некоему писателю:

«— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга!..» (там же). Ничего, пройдет время, и ОНИ станут писать по этому заданному сценарию, порожденному психопатическим мозгом нездорового человека, воспринимающего весь мир как поле для экспериментов.

И в тот раз, когда разговор шел о фальсификации книг, В.И. Ленин отрезал:

«— Война будет. Неизбежно... Я думаю, что мы еще увидим общеевропейскую войну... Пролетариат, конечно,

пострадает ужасно — такова, пока, его судьба. Но враги его — обессилят друг друга. Это тоже неизбежно».

Общеевропейская война активно готовилась теми же силами, которые знали, что только это братоубийство спасет дело революции, — преступный план передела мировой собственности...

В январе 1913 г. Ленин писал в письме Горькому: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»; *цинизм* Ульянова безграничен и когда он откровенничает о полезности войны и неизбежного множества смертей среди русского населения, и когда презрительно ненавистничает в адрес Государя императора Николая II...

И вот после Парижа они встретились на Капри; обсудили отколовшихся товарищей, в том числе и А.В. Луначарского, о котором Ильич сказал: «Луначарский вернется в партию... Я к нему «питаю слабость»... Я его, знаете, люблю, отличный товарищ!» (там же, с. 21); да посетовал открыто: «Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!» (там же, с. 41).

Среди каприйской колонии — эмигранты: Н. Олигер, Лоренц-Метнер (присужденный к смертной казни за организацию восстания в Сочи), П. Вигдорчик, Аля Алексинский (имел поддельные документы на имя Романова) и другие. Вместе с этими «товарищами» и создавалась на Капри «школа для рабочих (для каких рабочих?! — *Авт.*) в годы реакции, 1907–1913», а все потому, что, как выразился Горький, — он «посильно пытался всячески поднять бодрость духа рабочих».

Однако на Капри прибыл не только Владимир Ильич, но и его сестра Мария Ильинична Ульянова, а также Надежда Крупская с матерью Елизаветой Васильевной, сопровождавшей дочь практически во всех поездках. И опять, как подается нам лживыми советскими пропагандистами, «Ульяновы отыскали по объявлению дешевый пансион в деревне Бомбон...», где и провели месяц отдыха.

Но после вновь — Париж, улица Мари-Роз, съемная квартира, в которой они прожили три года. И «они посещают маленькие театры (отчего маленькие-то?! — *Авт.*), слушают знаменитых шансонье, отражающих в своих песнях жизнь и настроение масс»; с удовольствием посещают пригородный аэродром, с любопытством следя за полетами неуклюжих летательных аппаратов. К слову сказать, уже к 1908 году Россия, не желая отставать от Франции и Германии, ускоряет процесс развития отечественной авиации. В стране были созданы аэроклубы в Санкт-Петербурге и Одессе, выделяются средства на постройку самолетов конструкции отечественных инженеров М. В. Агапова, Б.В. Голубова, А.И. Шабского и др.

Наши герои-«эмигранты» успевают все для разносторонней и приятной жизни: посещают музеи, совершают прогулки в Булонский лес. «Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на goguette revolutionnaire (революционные песенки, куплеты) к «песенникам» (неудачный перевод chansonniers)» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 145). После посещения *увеселительного кабачка* с традиционным пивом и веселыми куплетами шансонье (В. Ульянову, правда, хотелось, чтобы те воспринимались читающей советской публикой как «революционные песенники»!), — наверняка лучше думалось, *как же* переустроить Россию...

Но и Надежда Константиновна, подгоняемая внутренним терзателем, делала свое дело: она и «в Париже не оставила занятий педагогикой. Накопив изрядный теоретический багаж, она продолжала изучать труды педагогов, посещала школы и дошкольные учреждения города. Многократно просматривала она труды Маркса и Энгельса, вчитываясь в их замечания о воспитании (***О да! — еще ни один человек на Земле не построил свою педагогическую теорию на измышлениях людей с больной психикой, с нездоровыми инстинктами и помыслами! А ей удастся!*** — *Авт.*). Она постоянно была в курсе новейшей педагогической литературы, следила за педагогическими журналами, читала отчеты о съездах и конференциях педагогов» (Людмила Ивановна и Клара Александровна, с. 146–147).

«Я тут целиком залезла в иностранную педагогическую литературу, кое-что приходится и самой наблюдать...» — признавалась в одном из писем в 1910 г. Надежда Крупская. Тогда же она много пишет статей на эту тему, ставшую ей очень и очень интересной... «Изучая постановку дела народного образования за рубежом, Крупская вместе с тем пристально следила за развитием педагогической мысли в России, внимательно изучала отчеты и доклады педагогических ведомств... Она мечтает о школе будущего, где ученики будут составлять сплоченный коллектив, ставящий себе целью путем совместных усилий проложить себе дорогу в царство мысли... Уже тогда, в Париже, Надежда Константиновна начала разрабатывать проблему трудового воспитания ребенка» (там же, с. 149–150).

В декабре 1911 г. покончили с собой дочь К. Маркса Лаура и ее муж, революционер Поль Лафарг: дегенерация сделала свое дело. Возможно, это явилось для Надежды Константиновны подтверждением: дегенерация (вырождение) может произойти не только в одной отдельно взятой семье, не только из-за поминаемых в Писаниях грехов дедов-прадедов, но и... через ***воспитание***! — и она, Крупская, поможет *всему миру* в этом, коли так называемым революционерам когда-нибудь удастся осуществить свой план захвата всего мира!!! «В парижские годы выковывается в Надежде Константиновне педагог-марксист, борец за новую пролетарскую школу» (там же, с 151).

Глава 20

Однако прежде чем сформировать СВОЮ программу воспитания и обучения советского гражданина, Н.К. Крупская скорректировала программы обучения, составленные в Ордене для «просвещения» новых и новых революционеров. Весной 1911 года под Парижем, в деревушке *Лонжюмо* была открыта очередная школа Ордена (работала с мая по август). Название Лонжюмо переводится с французско-

го как «длинная ослица»; Надежда Крупская в разговорах с матерью не раз называла это «учебное заведение» *школой для ослов*.

Если верить советским авторам, «квартиру Ульяновы сняли у рабочего-кожевника — две небольшие комнатки во втором этаже каменного дома»; комнатки-то сняли, может, и малюсенькие (во что мало верится), только вот рабочий, — как любят подчеркивать агитпроповцы, *простой рабочий*, — владел добротным двухэтажным домом, и не нуждался в благодетельстве революционеров по смене «буржуазной» власти во Франции на большевистскую. В своих «Воспоминаниях о Ленине» Н. Крупская напишет: «Мы нанимали пару комнат в двухэтажном каменном доме (в Лонжюмо все дома были каменные)...».

Коллега по революционной борьбе, — Инесса Федоровна Арманд сняла большой дом, который приспособили под классы, общежитие и столовую. Писать книгу о Надежде Крупской и обойти вниманием такую личность, как Инесса Арманд, невозможно.

Инесса Федоровна Арманд (в одних источниках: *1875–1920*; в других — иная дата рождения: 8 мая 1874 г.), отец — француз Теодор Стефан (сценичный псевдоним Пеше Эрбанвиль), мать — еврейка Натэлла Вильд (в советских источниках представлена полуфранцуженкой-полуангличанкой) актриса и учительница пения. Вы не найдете сведений, были ли на самом деле эти люди супругами или оставались любовниками. Скорее всего, последнее, а иначе для чего матери было избавляться от своего ребенка, переправляя в другую страну?! Впрочем, в ее поступке просматривается дальновидный план; воспитываясь подле актрисы и певички, на какое будущее может рассчитывать Инесса?

После смерти отца мать передала девочку на воспитание тетке, работавшей гувернанткой и учительницей французского в домах русской аристократии. Впоследствии та ввела юную Инессу в хлебосольный и гостеприимный дом Армандов. Выдавая себя за француженку, рыжево-

лосая бесприданница Инесса соблазнила наследника главы дома, человека обаятельного, но мягкосердечного, увлеченного благотворительностью. И в 1893 году Инесса Стефан (или все-таки Вильд?) вышла замуж за русского дворянина Александра Евгеньевича Арманда, отец которого занимался коммерцией, имел предприятия по покраске тканей и доходный дом, а также несколько чудесных имений. В 1894 году у супругов родился сын Александр; в 1896 году — Федор, затем Инна и Варвара, а в 1903 году — Андрей (некоторые дети сводные).

Знакомство с будущими соратниками по партии состоялось впервые в 1896 г. через Е.Е. Каммера, репетитора Бориса, брата ее мужа. После ареста Каммера (оказалось, что в доме «работодателей» он держал подпольную типографию!) Инесса признается мужу: «Я его как-то очень, очень люблю, и мне его страшно жаль...»

В 1899 г. поехала в Швейцарию, где и получила первые «революционные» задания. Тогда же в письме мужу просит... достать ей сочинения М.К. Горбуновой «Женские промыслы в Московской губернии» и узнать в ремесленной управе насчет труда учениц и мастериц. Итак, пока мужчины изучают сельское хозяйство и статистику в этой области, революционерки изучают условия труда и быта русских женщин, чтобы впоследствии извратить этот божественный уклад. «Мне бы нужно знать, — пишет она, — только среднее количество часов, которые они работают, и среднюю заработную плату». Надо заметить, что автор этой книги... Минна Карловна Горбунова-Каблукова была знакома Инессе... Горбунова-Каблукова состояла в переписке с Фридрихом Энгельсом. И вовсе не исключено, что Минна Карловна показывала юной приятельнице письма своего великого корреспондента. В ту пору Инесса и сама установила кое-какие интернациональные связи. Я беру из архивной папки письмо... в котором ставится вопрос о создании в Москве «секции международного женского прогрессивного союза». Корреспондентка Инессы... Адриэнна Вейжеле обещает ей всяческую поддержку и приглашает в Лондон за опытом» (П. Подляшук. Товарищ Инесса. М., 1985, с. 25–26).

В другой раз она посещает Швейцарию осенью 1903 г., при ней присутствуют дети. Она уже давно объяснила мужу, что любит другого, ее избранник... Владимир, младший брат Александра Арманда. Вот отрывок из письма, взятого из названной книги Павла Исааковича Подляшука, с. 37: «Разлад между интересами личными или семейными и интересами общественными является для современного интеллигента самой тяжелой проблемой, так как сплошь да рядом приходится жертвовать либо тем, либо другим, да и кто из нас не стоит перед этой тяжелой дилеммой? У рабочих другое — там гармония, совпадение личных и общественных интересов, потому-то они такие цельные, крепкие, а мы все интеллигенты более или менее в противоречии с самими собой». Письмо написано осенью 1908 г. Анне Яковлевне и Владимиру Моисеевичу Аскнази. Инесса чувствует, что ее душе не знакома гармония, оттого она всю жизнь будет поступать как человек, у которого психиатры наблюдают типичные черты *вырождения*: разлад в семье, рождение детей от разных мужчин, беспорядочные любовные связи, революционная деятельность с младенцами на руках, переезды, ссылки, разочарование, ранняя смерть.

Любопытно, что в 1905 г. в феврале (в первые дни после убийства великого князя Сергея Александровича) в числе арестованных значились Владимир и Инесса Арманды; в одном списке с ними: Зоммерфельд, Вноровский-Мищенко, Лютиков, Фортунатов, Бенни, Гоц, Элькин, Берков и др. Аресты, по словам товарища прокурора Московской судебной палаты Золотарева, производились «в целях проверки предположения о возможности связи между означенным событием и преступными замыслами местных революционеров». В списке из 29 человек за номером 9 написано: «Николаев, Иван Ильин (т.е. сын Ильи Николаева. — *Авт.*), студент Московского университета. Имел сношения с Борисом Вноровским-Мищенко. ...Проживал совместно с ... Инессой (Елизаветой) Арманд»; «коммуна» состояла из трех проживающих в одном помещении: студента Ивана, Владимира, брата «бывшего» мужа и полюбовника Инессы, и самой Инессы,

сбежавшей от мужа и пятерых детей, младшему из которых нет и полутора лет! — типичная большевистская семья...

После ареста и приговора она попадает в ссылку; за ней в Архангельск, в Мезень, приезжает Владимир. Ссылка была так тяжела, что в письмах к родным она просит выслать ей... летнюю кофточку (обязательно модного английского фасона) и чулки! (там же, с. 65), — наверное, чтобы пофасониться перед учениками из ссыльных, которые «совсем плохо справляются с русским языком, и приходится слышать самое разнообразное ломание русского языка, но, в общем получается очень быстро: некоторые приезжают сюда не зная ни слова и через несколько месяцев уже болтают» (там же, с. 67). ***Проблему разнообразного ломания русского языка большевики решат после прихода к власти, — они сделают «родным языком», «языком межнационального общения» изувеченный русский, проведя реформирование, упрощение и засорение некогда великого и могучего...***

В 1908 г. Инесса бежит из ссылки и уже в начале 1909-го оказывается в Швейцарии, где узнает о смерти недавнего любовника Владимира Арманда. Далее следуют Париж, Брюссель, Берн и проч. Из центра мировой революции поступают приказы и в отношении ее: Инессу Арманд **обязывают** читать труды педагогов и психологов, но эти темы даются с трудом, в чем она признается в письмах, к примеру, уже названным друзьям Аскнази. В том же 1909 г., как утверждают советские историки, она познакомилась с Лениным и «с тех пор, навсегда покоренная Лениным-вождем и Лениным-человеком, пронесла Инесса через все свои годы беспредельное уважение, любовь к нему, преклонение перед ним. С тех дней и до последнего, смертного часа жизнь Инессы озарена лучами ленинской дружбы» (там же, с. 99). Так что неудивительно, что связь их стала постоянной с 1910 г., когда Инесса перебралась жить поближе к Владимиру Ильичу в Париж.

Надежда Константиновна, прекрасно осведомленная о характере отношений любившей шокировать парижских коллег большой красной шляпой с такими же красными

перьями Инессы с ее товарищем-супругом Ульяновым, постепенно прибрала к рукам эту вызывающе-беспардонную иждивенку. Крупская, прекрасный психолог, направляя деятельность этой особы, учитывала все нюансы… и то, что молодая мамаша то бросала своих детей, то таскала их за собой по свету, когда всех, когда по одному; и то, что она — мятущаяся и загнанная; и то, что она — алчная и зависимая… Надежда Константиновна постаралась сделать так, чтобы эта зависимость стала ненавистной обреченностью, проклятием для Арманд до конца ее дней…

Рыжая безмозглая рыбешка, попавшаяся в сети, оставленные для нее **Миногой-скрытницей**; о, как бывает усерден труд на пользу дьявола…

Н. Крупская не видела в соратницах женщин (настоящие Женщины, — считала она, — находятся на СВОЕМ месте: создают дом, семью, уют, *созидая* и поддерживая вечные, непреходящие ценности, — отчего их роль в обществе становится божественной…). Не могла Надежда Константиновна относиться к ним и как к соперницам, потому что никогда **не** любила человека, с которым жила; а еще по той причине, что после смерти единственного возлюбленного она сама перестала чувствовать себя Женщиной, **превращаясь в монстра, в чудовище в простой полотняной юбке и слюнявым ртом**.

Она знала, что подушки, омоченные слезами, и супружний долг — это не для нее; для нее — подушки, напитанные желчными вздохами и особое тщание в овладении младыми душами…

Впрочем, кого ревновать? — рыжеволосую Инессу, эту крайне ограниченную личность? Но в окружении Ленина были и более достойные женщины: умные, богатые, благородных кровей (к слову сказать, он не спал с работницами и крестьянками, — этих женщин он терпеть не мог, попросту гнушался ими). Надежду Константиновну устраивало то, что Инесса оказалась авантюристкой, и что ей доставало ума претендовать на исключительную роль в любом деянии, будь то революция или драма иного масштаба, хоть бы даже

семейная. Некоторое время она металась между Мартовым, Потресовым и Ульяновым, наконец, после окончательного раскола революционной организации на большевиков и меньшевиков, она остановила свой выбор на Ульянове. В Париже Арманд стала одним из активных членов группы большевиков; «вместе с Семашко и Бритманом (имел поддельный паспорт на имя Казакова, присвоив по революционной традиции русскую фамилию. — *Авт.*) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами», — сообщает Н. Крупская об Инессе в работе «Воспоминания о Ленине», но, однако, не говорит, что означенная особа действовала под ее жестким руководством; Надежда Константиновна считалась «непревзойденным мастером революционной переписки».

Среди разнородной и разнонациональной массы большевиков, среди самых выдающихся, самых грамотных среди них, Надежда Константиновна Крупская была самым непревзойденным и поистине гениальным **резидентом**.

«Осуществляя конспиративную переписку с Россией Крупская тщательно оберегала ее тайну, учила тому же своих далеких корреспондентов. Полицейские преследования, негласная цензура «черных кабинетов» определили своеобразие… переписки. Письма были «химические» — писались молоком, лимонным соком, специальными составами. Наиболее важные сведения — адреса для переписки, явок, присылки литературы, фамилии, названия произведений, которые служили ключами, и т.д. — шифровались. Подготовка такого письма требовала большого труда. Следовало написать конспиративный текст и подчеркнуть в нем подлежащие шифровке слова и фразы; выписать их на отдельный листок и зашифровать; составить какое-нибудь безобидное письмо; между строк последнего вписать «химией» конспиративный текст с уже зашифрованными местами и, наконец, уничтожить листок, на котом производилась шифровка. Симпатические чернила, высыхая, не оставляли на бумаге видимых следов. Только посвященный владел секретом тайнописи и знал, что для прочтения полученно-

го письма его следовало «проявить», т.е. прогреть или обработать специальным составом, после чего между строк «явного» письма проступали коричневатые буквы скрытого текста. Тайнопись постоянно усовершенствовалась. Химические тексты стали вписываться между строк газет, журналов и книг. Крупская была непревзойденным мастером по составлению «тайных» писем. Этому искусству она терпеливо обучала российских корреспондентов «Искры»» («Биография», с. 53)

Среди тайных умений Крупской работа шифровальщицы всего лишь одна из множества ипостасей... Она была и выдающимся психологом, умевшим управиться с самыми ретивыми и амбициозными людишками.

Руководя многими поступками Инессы Арманд, Надежда Константиновна на протяжении многих лет не придавала ей особого внимания, до тех пор, пока эта дамочка своими поступками и действиями не стала создавать оснований для дискредитации самой Крупской, ее непререкаемого имиджа.

И вот уже в 20-е гг. XX века, живя в Москве, в Кремле, Надежда Константиновна нашла выход, ***как*** раз и навсегда пресечь действия и влияние Инессы. В то время обстановка вокруг Ленина начала складываться неблагоприятная, в результате могла наступить некоторая утеря авторитета в партии и правительстве. И тогда решительно, но все же словно невзначай Крупская предложила В.И. Ленину отправить часть работников аппарата на отдых на Кавказ, и в первую очередь, женщин. Тот ухватился за эту свежую мысль и тут же позвонил Н.А. Семашко, поспешив сообщить, что товарищ Инесса устала и нуждается в длительном лечении, желательно на Кавказских минеральных водах. Поездка оказалась роковой... впрочем, как и предполагала (нет, в чем была уверена!) Надежда Константиновна, что не помешало ей изображать лживую скорбь по случаю безвременной кончины товарища по партии; большевики больше любили своих товарищей мертвыми.

Но вернемся в годы пребывания во Франции, в пригород Парижа, в *школу для ослов*. В одном доме с Инессой и ее младшим сыном в Лонжюмо проживали Серго (Орджоникидзе), Семен (Шварц) и Захар (Бреслав); всех же слушателей набралось 18 человек, которых местным жителям выдали за... русских педагогов, — как всегда, нагло дискредитировав и *русских людей*, и *педагогов из России*. «Серго незадолго перед тем приехал в Париж. До этого он одно время жил в Персии, и я помню обстоятельную переписку, которая с ним велась...» (см. Н. Крупская. «Воспоминания о Ленине»). Среди прибывших — Сема (Семков) из Баку, Чугурин из Киева, Савва (Зевин) из Екатеринослава (впоследствии был убит в числе 26 бакинских комиссаров), С. Искрянистов из Иваново-Вознесенска (после возвращения в Россию покончил с собой), Белостоцкий, Прухняк и Манцев от поляков, другие товарищи. Среди учащихся и товарищи из местных так называемых эмигрантов. Известно, к примеру, что в парижскую большевистскую группу в 1911 году входило около 40 человек, среди них: Бритман (пользовался поддельными документами то на имя Казакова, то на имя Антонова), Владимирский (такой же, как и предыдущий «Казаков»), Марк (имел документы на имя Любимова), Лева (документы на имя Владимирова), А. Лозовский (наст. *Соломон Абрамович Дридзо*), Абрам и Гриша Беленькие, И. Арманд, Л. Сталь, Е. Лилина (наст. *Книгисен*), Таратута, Гопнер, и, конечно же, Ульянов, Зиновьев (наст.: *Радомысльский, Апфельбаум*), Каменев (наст. *Розенфельд*).

Среди тех, кто преподавал в Лонжюмо, — Н.А. Семашко, «ученик и соратник В.И. Ленина», вступивший в партию в 1893 г., 19-летним юношей. В своей книге «Прожитое и пережитое» (М., Госполитиздат, 1960), Николай Александрович с теплотой вспоминает время, проведенное во Франции, однако упоминает и о преподавании в другом учебном заведении под Парижем, — в так называемой «Новой Русской школе», которую основал бежавший после 1905 г. из Российской Империи некий И.И. Фриндлер. Школа располагалась в прекрасном особняке с огромным садом. Семашко призна-

ется, что преподавал там гигиену и был воспитателем, при этом дети из «эмигрантских» семей звали его на еврейский манер «докторчик»; среди учеников был и Максим Пешков, сын М. Горького. (См. также «В годы подполья. Сборник воспоминаний. 1910 г. — февраль 1917 г.». М., 1964.)

Кроме Семашко лекции по «революционному искусству» в Лонжюмо читали Зиновьев, Луначарский, Стеклов (наст. *Нахамкес*), Каменев, Финн-Енотаевский, С. Вольский, Арманд, а также «иностранцы», к примеру, Шарль Раппопорт и др. Надежда Константиновна обучала присутствующих правилам конспирации, шифровке, эзопову языку, а также вела семинары по газетной корреспондентской работе; и не только! **Именно Крупская была здесь первым и ведущим специалистом.** Но отчего именно она?

Чтобы ответить на подобный вопрос, пришлось бы провести анализ деятельности секретной организации — ***Ордена***, и становления его идеологии. Этими вопросами многие годы занимался (занимается) небольшой круг специалистов, к примеру, доктор политологии, профессор Э. Саттон; профессор Л. Кей; доктор социологии, профессор Г. Климов; доктор философии, профессор Олег Грейгъ; доктор истории Г. Райзеггер; другие. Мы же только бросим беглый взгляд, опираясь на выкладки профессора О. Грейга.

Взять, к примеру, одного из тех, кто находился у истоков основания Ордена («Череп и кости», а еще — *священный союз, золотой миллиард, Мировое правительство и проч.*) — банкира *Дж. П. Моргана.* В книге известного профессора Кэролла Квингли «Трагедия и надежда» с фактами живописуется, как Морган пользовал и правых, и левых в качестве рычагов для политического манипулирования обществом. «Объединение между Уолл-стрит и левыми... фактически является продолжением объединений между банком Моргана и левыми. Для Моргана все политические партии были просто организациями, которые следовало использовать, и фирма поддерживала контакты со всеми лагерями... К сожалению, мы не в состоянии охватить здесь эту большую и неизвестную историю, но следует помнить, что

то, о чем мы говорим, является лишь частью гораздо большего», — писал автор «Трагедии...». ***Так и мы, говоря о Н. Крупской, затрагиваем лишь мизерную часть куда как большего конгломерата, могущего именоваться Пирамидой исторических событий, сложенной из останков мировых цивилизаций.***

Дж. Морган использовал диалектический процесс, как инструмент политического контроля в финансовых целях. Созданная им во второй половине 50-х гг. XIX века школа психоаналитиков по изучению и научному анализу всех сфер жизни Российской Империи легла в основу совершенствования механизмов I Интернационала. А за 3–4 года до создания этой своей школы Морган прошел обучение в Геттингенском университете в Германии (основан в 1737 г.), который, как известно, являлся центром распространения идей Гегеля *(1770–1831). Именно в аналитических школах, созданных Морганом, просчитали, что во главу идеологии в создаваемых новых условиях следует поставить благородные организации: библиотеки, музеи, различные благотворительные фонды, через которые и должна осуществляться политика по захвату территории, ранее принадлежавшей другой нации, и нейтрализации любой нации с целью создания новой!* Подключив при этом изобразительное искусство, литературу, и т.д. Этот же подход по проблеме захвата чужих территорий и нейтрализации наций осуществлял и известный лидер Ордена *Джордж Пибоди (1795–1869).* Именно благодаря этой неординарной фигуре для осуществления захватнических планов использовались освобожденные от налогообложения вышеуказанные объекты; впоследствии в США эти объекты стали называться музеями и библиотеками Пибоди!

Между фирмой Моргана, другими финансовыми структурами Нью-Йорка и Орденом существовала тесная и секретная связь. В проектах которой стал участвовать и английский истеблишмент, — группа приближенных, посвященных, получивший тайное название ***Группа.***

Психоаналитики Ордена, работающие в сфере идеологии, уже в начале XX века сочли Надежду Константиновну Крупскую наиболее яркой и уникальной личностью, способной в среде безнравственных людей в рядах РСДРП заложить основы идеологии *нового* государства на территории бывшей (именно так и рассуждали в Ордене, когда составляли планы на далекое будущее!) Российской Империи, и совершить подмену русского народа другим.

К примеру, психоаналитик *Гарольд Стэнли* (член Ордена с 1908 г.), — после смерти Моргана член правления его компании, которая стала именоваться «Морган, Стэнли и К°», — прямо ставил задачи своим агентам, работавшим во II Интернационале, — Аксельроду, а позже и Лейбе Бронштейну: главной задачей текущего момента является создание идеологии антирусской партии, обязанной устранить любое русское национальное движение! И для этой цели, считал Стэнли и К°, никаких средств не жалеть... тем более что *средства, которые тратились на создание антирусского движения в России, **совершенно не били по карману Ордена и Группы, потому что деньги отчислялись от эксплуатации Аляски, — территории Российской Империи, проданной США во временное пользование!***

В те же годы Стэнли порекомендовал Лейбе Бронштейну (Льву Троцкому), что ему не следует афишировать, что он закончил Йельский университет, а если и произойдет утечка, то подтверждать: только Гарвардский. О пребывании в Йельском учебном заведении **не** должно быть и речи; но именно там он прошел курс подготовки по дальнейшему формированию социал-демократической партии в России на основе *масонских постулатов*. Вспомните, как запойно изучал Троцкий мировую историю масонского движения, будучи еще юным отпрыском, впервые попавшим в одесскую тюрьму. «В этот именно период меня заинтересовал вопрос о франкмасонстве. Я в течение нескольких месяцев усердно читал книги по истории масонства, которые мне доставлялись родными и друзьями из города... Постепенно картина становилась мне яснее. Старый цех был не только производ-

ственной, но и морально-бытовой организацией... В XVIII веке формы франкмасонства заполняются в ряде стран содержанием воинственного просветительства, иллюминатства, выполняющего предреволюционную роль... Так как в тюрьме при выдаче новой тетради отбирали исписанную, то я завел себе для франкмасонства тетрадь в тысячу нумерованных страниц и мелким бисером записывал в нее выдержки из многочисленных книг, чередуя их со своими собственными соображениями о франкмасонстве и материалистическом понимании истории. Работа эта заняла в общем около года» (*Л. Троцкий.* Моя жизнь. С. 127–128).

Троцкий был зачислен для продолжения учебы в Гарвард, получил диплом Гарвардского университета и стал масоном 33-й степени, — взлетев на вершину масонской ложи! 33-й уровень (степень) присваивается Высшему Консулу, который возглавляет Ритуал. На основе структуры *вольной масонерии* Надежда Константиновна позже создаст проект иерархии, который был принят за основу в 1922 году, — проект по строительству РКП(б) — ВКП(б) — КПСС.

Политику поддержки *своих* проводил и член Ордена Генри Дэвидсон; а его сын Х.П. Дэвидсон-младший (вступил в Орден в 1920-м) осуществлял непосредственное участие в укреплении новой власти в России в период Гражданской войны. Прямое участие в направлении революционной деятельности в начале XX века в России принимал член Ордена с 1904 г. Томас Корчан. Он организовал сеть фирм-филиалов, контролировавшихся кланом Моргана; например, «Гаранти Траст» и «Бэнкерс Траст», которые финансировали не только вооружение троцкистской Красной армии, но и отменно, не скупясь, пополняли бюджет идеологической службы ЦК ВКП(б).

Используя *правые* и *левые* силы (***тезис*** и ***антитезис***) на международном уровне, Орден через политические системы власти создает условия, когда системы (режимы) тех или иных государств рушатся в борьбе за всемирный ***синтез***, — как указывал в своих теоретических исследованиях

Гегель. Разве мог немецкий философ помыслить, что созданная им теория будет проецироваться через постулаты масонства?!

Н. Крупская, являясь резидентом Ордена по идеологической работе, начиная с 1910 г. активно формирует будущую идеологию государства совершенно нового типа.

Все последующие годы до начала Первой мировой войны в отчетах аналитического центра Ордена по поводу задач тайных организаций в Европе по свержению монархий Германии и России, в части, касающейся резидентуры — РСДРП, отмечалось с упорным постоянством: «...следует считать наиболее приемлемой и оптимальной деятельность секретаря ЦК партии, нашего резидента в России ***г-жи Ковалевской*** **(псевдоним Н. К. Крупской, данный ей в Ордене)** по формированию идеологии государства на территории ныне существующей Российской Империи, в соответствии с нашими замыслами...»

Но прежде ей предстояла преподавательская работа в учебном центре Ордена — партийной школе в Лонжюмо, где она проявила себя незаурядным педагогом и организатором профессиональной подготовки агентов, гордо именуемых *революционерами*. Уровень их подготовки был столь высок, что каждый агент обладал знаниями практически высокопрофессионального резидента. Надежде Константиновне удалось убедить представителя аналитического центра Ордена (и через письма-отчеты и при непосредственном контакте), что необходимо «выращивать» **не** только профессионалов-революционеров, но и будущих руководителей государств. Прежде чем ставленники Ордена смогут при благоприятных для них обстоятельствах занять те или иные высшие посты в новосоздаваемых государствах, — утверждала она, — они обязаны узнать истину, главную тайну, гласящую, что только избранные и ведомые определенными *силами мировой закулисы* будут при новом мировом порядке осуществлять высшее руководство всеми остальными людьми. Высоко оценив научную и преподавательскую деятельность Надежды Кон-

стантиновны, Орден поставил ее во главе проекта по подготовке руководителей государства (возможно, спустя десятилетия именно этот проект лег в основу создания учебного и научного Центра имени Маршалла).

Еще когда формировалась школа и шел отбор кандидатур, Надежда Константиновна высказала мнение, что наиболее подходящими для изучения новейших методов по *установлению ведущей исторической роли «самых передовых людей» на Земле* в высшей группе школы в Лонжюмо могут быть только некоторые из резидентов Ордена в России. Подходящими кандидатурами на роль будущих руководителей, по ее мнению, были: Троцкий, Ульянов, Аксельрод, Семашко, Мартов, Чичерин, Урицкий и некоторые другие. Когда между ними пошло открытое дискутирование, двое из названных товарищей выразили решительный протест, посчитав, что они должны не учиться, а лишь обучать слушателей этой самой школы. Эти двое — Троцкий и Ульянов. Но и Надежда Константиновна была непреклонна. Первый с возмущением заявил, что он имеет университетское образование самого высшего образовательного центра Ордена — Йельского университета, а потому решительно заявляет, что мнение какой-то г-жи Крупской его вообще не интересует, и покинул заседание заграничного ЦК партии.

Надежда Константиновна в мгновение ока поняла, какую услугу она невольно оказала своему супругу. Казалось бы, возражавший против решения Наденьки Владимир Ильич должен был в очередной раз взорваться и также бежать от ее занудных нравоучений. Но Ильич не возмутился, а, вернувшись домой, осторожно попросил супругу:

— Наденька, догогая, я тебе так благодаген… Ты избавила меня от этого пагшивого ж... это хогошо, что он сбежал. Я согласен учиться, но одна пгосьба, никогда и нигде не говоги, что я учился в Лонжюмо. Мы напишем, что я пгеподавал…

Ничего удивительного в том, что в официальной истории ЦК ВКП(б) появилось версия, будто В.И. Ленин преподавал в школе Лонжюмо; впрочем, вся *героическая* ис-

тория большевизма — сплошная выдумка, как и занесение всех мало-мальски содействовавших уничтожению Империи в разряд «гениальных», «выдающихся», «великих», «исключительно талантливых» и, конечно же, *избранных* некоей высшей силой.

Работы Надежды Крупской (*г-жи Ковалевской*) по созданию новых технологий обучения революционному движению в Лонжюмо была высоко оценена психоаналитиками Ордена. То был уникальный исторический шаг в создании **новейшей идеологии**; идеологии, взрывающей мир; идеологии, превзошедший все то, что было озвучено через уста Маркса, Плеханова, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Лафарга, Зорге (дед будущего разведчика Рихарда Зорге), Эфраима Лессинга, Троцкого, Ульянова и остальных последователей марксизма, взращенных в первую очередь для уничтожения русского народа и Российской государственности.

Сила мозга этой редчайшей женщины была воистину всесокрушающей, — силой уничтожающей и в то же время силой карающей всех и вся (удивительный парадокс, который НЕ сразу можно отследить!).

После трагической смерти великого князя Сергея Александровича закачался маятник, запустивший физиологическую и антропологическую катастрофу тела, мозга и всего организма Надежды Константиновны. Все ее силы пошли в направлении установления ***диктатуры масонского каганата***, выспренно и лживо назвавшего себя *российским революционным движением*.

Глава 21

Тайные дела помешали Надежде Константиновне присутствовать на VI (Пражской) конференции РСДРП, состоявшейся в январе 1912 г. Однако это не помешало ей получить должность секретаря Заграничного бюро ЦК РСДРП.

Не станем подробно описывать дальнейшие передвижения основной группы большевиков и поездки Ульяно-

ва-Ленина с докладами и рефератами (написанными в основном — какие тезисно, а какие полностью — Надеждой Крупской) по зарубежным городам и весям. Вскоре после переезда их в июне 1912 года в Краков Надежда Константиновна получает приглашение резидентуры Ордена прибыть в США.

Нигде и никогда это ее отсутствие в кругу «товарищей» **не** фиксировалось, и тем более не афишировалось. По приезду в Мюнхен она получила паспорт на имя ***Этель Бразнер***, а также приличную сумму денег и в купе 1-го класса выехала в Париж. Оттуда же была доставлена в Англию, после чего на теплоходе в каюте 1-го класса прибыла в Нью-Йорк. Впервые она увидела главных покровителей и спонсоров революционных преобразований мира. Вскоре Крупская начала учиться в Йельском университете.

Обучение, длившееся наездами (иногда она пребывала в Йеле по нескольку месяцев, а дисциплины сдавала экстерном), было завершено написанием диссертации, которую Надежда Константиновна Крупская успешно защитила, получив диплом **доктора социологии**. А спустя несколько месяцев ученый Совет присвоил ей ученое звание **профессора социологии** Йельского университета. Позже, уже в Советском Союзе, Надежде Константиновне **первой** (!) была присвоена ученая степень доктора педагогических наук. ***Ее вклад в педагогику и заслуги в области искусственного дегенерирования человеческой психики эпохальны!***

Согласно Педагогической энциклопедии ***Йельский университет*** — один из старейших в США, основан в 1701-м как колледж, переименован в университет в 1887 г.; находится в г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут. «При университете имеются: Институт дальневосточных языков, обсерватория, художественная галерея, музей естественных наук (Музей имени Пибоди), ботанические сады. Библиотека насчитывает (1963) свыше 4 млн. томов» (раздел 169, том 2, выпуск 1965 года). Однако советские источники **не** рассказывают, что в 1832 г. было создано тайное «студенческое

братство» Йельского университета «Skull and Bones» («Череп и кости») или Орден, — как именуют его сами члены. Сегодняшние политологи, интересующиеся данной темой, зачастую именуют Орден «своеобразным инкубатором высшей политической и экономической элиты США». В статье «В тени глобального джихада» А. Андреенко написано: «Одной из главных особенностей «Черепа и костей» является режим строжайшей секретности, культивируемой членами ордена относительно всего, что происходит в «Могиле», как издавна принято именовать мрачноватого вида старинный особняк, в котором проходят обряды инициации неофитов и регулярные встречи членов ордена. Об очень своеобразной обстановке «масонского братства», о зловещих ритуалах с черепами, костями и кинжалами, о густой мистической ауре и жестких порядках в ордене легенды ходят еще с XIX века. Причем за все 170 с лишним лет истории тайного общества среди его членов не нашлось ни единого человека, решившегося публично раскрыть секреты...» («Неман», №3, 2005); проходила ли Н. Крупская через обряд посвящения? — думается, да.

Так что неудивительно, что библиотека Йельского университета на сегодняшний день знаменита своим уникальным собранием эзотерической и оккультной литературы. А еще — одним из крупнейших в мире собраний клинописи цивилизаций Междуречья (так наз. «Вавилонская коллекция Йеля»), которая сильно пополнилась после недавнего вторжения США в Ирак и разграбления иракского государственного Музея археологии, в хранилищах которого имелось самое большое в мире собрание клинописи. Собрать, присвоить, упрятать, изменить, подделать и при том НАВСЕГДА и ДЛЯ ВСЕХ обосновать одну-единственную «историческую версию», — ***это необходимо тем, кто сфальсифицировал Историю человечества.***

Не будем исследовать всю программу обучения, которую прошла Н. Крупская; однако до конца своих дней она руководствовалась аспектами специальной программы, ус-

военными в этом учебном заведении и применяемыми ею в деле строительства коммунизма в отдельно взятой стране, — для превращения величайшей Империи, говоря современным термином, в «*нефтегазовую территорию*», долженствующую служить донором, откуда Орден черпает полезные ископаемые и сырье. И утверждение теперешних здравомыслящих политиков, что Россия превращается в колонию транснациональных корпораций и международных финансовых спекулянтов — не беспочвенны. К февралю 1917 г. подданным России был каждый 10-й житель Земли, а ныне — каждый 35-й; тогда же население страны составляло почти 200 млн. человек, а в Китае — чуть более 200 млн. Однако уже на сегодня в Китае проживает 1,5 млрд. человек (по неофициальным данным — 2,5 млрд.). Вот и получается, что правы эксперты ЦРУ, подсчитавшие, что лет через 50 (а то и раньше) население России сократится еще вдвое, и тогда уничтожение остатков русских неминуемо, потому что оставшиеся 70 млн. человек будут **не** в состоянии контролировать огромное пространство. Тогда как недруги из политических кругов Великобритании предрекают, что достаточно будет и 15 млн. человек, чтобы обслуживать нефтяные и газовые скважины, добывать полезные ископаемые из богатейших русских недр и быть благодарными «благодетелям», дающим им, — бессловесным и бесправным рабам! — работу за гроши.

Как начинался этот не такой уж и долгий во временном пространстве процесс уничтожения русских, Надежда Крупская узнавала на курсах в Йельском университете. Сопоставляя свои знания с теми, что получала во время учебы на Бестужевских высших женских курсах.

История проникновения на Русь и развития «ереси жидовствующих» (был такой термин, который ныне следует воспринимать как синоним «ереси бунтарей и революционеров») — дела давно минувших дней. Еще в 1504 г. по инициативе преподобного Иосифа Волоцкого, обличителя ереси, Московский Собор определил внести анафему еретикам в чин Торжества Православия. Об этом с экскурсом в исто-

рию и с многими подробностями читали на лекциях и когда Надя Крупская была курсисткой, и задолго прежде нее. Многие поколения подданных Империи разных сословий и национальностей изучали, что «в 70-х гг. XV столетия появилось новое движение — *ересь жидовствующих*. Последняя была также протестом против всего уклада церковно-общественной жизни...», ересь «чем-либо однообразным, стройным не была: они сами (современники. — *Авт.*) различали «разные ереси», которых держались разные лица, но обобщали их общим термином «*жидовства*». Одно, что действительно было общим всей ереси, это — рационализм. ...рационалистически отрицательное отношение к принятому строю лежало в основе и той, и другой ереси (разговор идет о двух разных течениях. — *Авт.*), обе были связаны генетически...» (Проф. М. Сперанский. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете и на высших женских курсах в Москве. М., 1914, с. 406, 409; приведенный текст, конечно же, адаптирован под «новояз»).

Но ересь, как бы с ней ни боролись, выкорчевать не удалось; она ширилась, захватывая все новые и новые умы, подминая целые прослойки общества, а после и сословия. Следуя логике самих передельщиков мировых систем, когда-то поделивших людей на классы, — классы рабочих и буржуазии, т.е. бедных и богатых, — также следовало бы отнести всех этих «передельщиков» и их рьяных помощников к определенному классу. К какому? Всех этих странных антиобщественных представителей мыслитель Ф. Достоевский обозначил единым словом — БЕСЫ. То, что прежде существовало как ересь и бунтарство избранных, по прошествии столетий стало подпадать под классификацию. **Класс бесов — это люди, которых объединяют человеконенавистническая идеология избранничества и преступная уверенность в обладании особыми правами на богатства и ресурсы всего человечества.** Среди них — отяжеленные комплексом мессии; революционеры и социалисты; люди, имеющие психические и физические отклонения; легко внушаемые и безвольные существа; порочные людишки с сек-

суальными отклонениями; впавшие в прелесть романтики; экзальтированные душечки и т.д. и т.п.

Масштаб мировой катастрофы довлел над разумом; *призрак бродит по Европе, призрак коммунизма*, — пугали сытых обывателей увлеченные модной ересью бесы...

Масштаб национальной катастрофы расширялся, и об этом открыто говорили преподаватели гимназий и высших учебных заведений Российской Империи. Но разгонять бунтующих студентов, успешно науськиваемых их товарищами, прошедшими подготовку в заграничных центрах, освобождать от службы симпатизирующих недорослям преподавателей вузов, — не было правильным выходом из складывающейся ситуации.

Оттого-то в 1917 году — при попустительстве либеральных властей, — **Россию захватил класс бесов, причастных к этой самой страшной, самой масштабной в истории человечества катастрофе.**

Надежда Константиновна Крупская учтет, *что* изучало подрастающее поколение страны; она — в период, пока крепчает дикарство «взорванной» изнутри страны, — своим разумом **перевернет** поприще воспитания и образования всех будущих поколений!

Итак, — уразумела Надежда Константиновна, — и об этом говорилось на курсах в Йеле, — успех захватнических планов может наступить только с главенствованием однообразной и стройной системы, которая научно сформировалась уже в XIX веке. Многое из этой циничной программы воплощалось при жизни Крупской, многое — даже благодаря ей. Возможно, вместе с Н. Крупской (одновременно или после нее) на специальных курсах в Йеле обучались еще две женщины из России; одна из них — будущая жена Ворошилова *Серафима Ильинична Гопнер*, вторая — *Дора Абрамовна Лазуркина*, которая станет руководить отделом в созданном Надеждой Крупской Наркомате просвещения.

Лекторы, сменяя друг друга, довольно часто цитировали библейское: *имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит...*

Вместе с немногочисленными слушателями Н.К. Крупская не конспектировала лекции из курса, в том числе из курса науки о дегенерации (все конспекты изымались после окончания обучения); она обладала столь уникальной памятью, что могла повторить только что услышанное практически слово в слово. Интересные ей лекции Крупская запоминала навсегда; *тогда же она изучила все постулаты масонства и, интерпретируя на свой лад, руководствовалась ими при строительстве основ всей системы коммунистической партии Советского Союза*! И это по ее научным разработкам впоследствии заставят советских дегенератов учиться с помощью конспектов, тщательно записывая за преподавателем одни и те же истины, напечатанные в учебниках «Марксистско-ленинская философия», «Научный коммунизм», «Основы политпропаганды», «Советское просвещение и коммунистическое образование», «Государство и право», «Социалистический реализм», «Конституция СССР» и т.д.; свобода мнений никоим образом не допускалась; свобода мыслей беспощадно каралась…

Глава 22

Время обучения было столь кратким и столь напряженным, что Надежда Константиновна и не заметила, как оно пролетело. В один из дней в конце занятий ее предупредили, что назавтра не следует выходить на учебу, а отдыхать в коттедже и ждать гостей.

Придя домой и приняв ванну, она расположилась в кресле, ощущая как накатывается удушающая вялость, а веки утяжеляет сон. Однако ее перегруженный мозг продолжал работу.

Все, о чем говорилось на лекциях, многое объясняло в тех процессах, участниками которых в Европе и в России были ее коллеги по РСДРП. Надежда Константиновна, ощутив в себе блестящего аналитика, научилась легко просматривать связь там, где, казалось, ее вовсе не может быть.

В какой-то момент она поняла, что уловила самое существенное из всего этого: им закладывали мысль, что скоро весь мир примет за аксиому новую трактовку Мировой Истории. И здесь, в Йеле, она узнает иную интерпретацию, — *идет искажение Времени, Пространства и Науки!* — что якобы первые на Земле поселения людей разумных, людей нового, близкого к современному типу, появились на Ближнем Востоке около 9000 лет до н.э. на так называемой территории Плодородного полумесяца, и тогда же там начало развиваться земледелие. В 8-м тысячелетии до н.э. появился город Иерихон с населением в 2000 человек; тогда же возникла шумерская цивилизация. То есть, в Междуречье рек Тигра и Ефрата в городе Ур появились шумеры, которые являлись едва ли не родоначальниками всего рода человеческого. И, значит, весь мир — всего лишь придаток к этому избранному народу.

Однако на лекциях на Бестужевских высших женских курсах (в Институте благородных девиц и в некоторых других учебных заведениях России) отечественные профессоры озвучивали гипотезу, что первобытные люди появились около миллиона лет назад, а сформировались в общественные группы спустя 600 000–700 000 лет, к примеру, *номады*. За 100 000–75 000 лет до н.э. появились общественные образования, которые по современным понятиям могли претендовать на государственность. Которые создавали осознанно первые жители на юге Африки, на Кольском полуострове и севернее его, в Атлантиде, кельты — в Англии, балты — на Балтике, валдайцы (русичи) — на Валдае и в районе озера Ильмень. Причем, некоторые русские ученые считали, и не без основания, что уже за 45 000–60 000 лет до н.э. на территории современной Европы и европейской части России **организовались** уникальные, и впоследствии **погибшие** цивилизации: в частности, в России — государство *валдаев*; в Германии — государство *одров* и *эльбов* (в честь которых и названы реки Одер (Одра), Эльба (Лаба)). Существовали также цивилизации на территории нынеш-

ней Мексики — государство ацтеков; а также в нынешних Японии и Индокитае.

Но историкам нового, XX столетия нужна была и новая, подкорректированная история, которую нужно было навязать человечеству и внедрить в сознание последующих поколений землян.

Всегда одной из любимейших исторических тем для Надежды Константиновны была история Древнего Египта. Она увлекалась ей еще будучи подростком, и вот теперь она также с удовольствием слушала преподавателей, читающих краткий курс этой истории, восстанавливая в памяти события и делая свои личные выводы. К тому же тема эта была самой популярной, самой скандальной в конце XIX— начале XX века в связи с раскопками на территории Египта и величайшими открытиями, которые смело величали *открытиями века*. Передовицы многих мировых газет, пестревших фотографиями находок, посвящались спорам ученых и журналистов на тему Древнего Египта.

Особый магизм вмещало в себя имя ***Нефертити***, чей бюст откопали в начале XX века. Цветной бюст царицы нашел авантюрист и археолог, немецкий еврей Борхардт, получивший возможность проводить длительные раскопки на территории страны благодаря своим связям и деньгам супруги Лили Коген, дочери богатого еврейского банкира. Когда наряду со многими уникальными артефактами была найдена и прекрасная царица, Борхардт представлял Немецкую академию наук. Впервые он появился в Египте в 1895 году, а свое великое открытие сделал в 1912-м. Но мир, зная о давнем существовании прекрасной Нефертити, не знал о потрясающей находке, которую хитроумный малый превратил в секретный объект, чтобы иметь возможность вывезти ее в Германию. (Эти сведения были великолепно пересказаны в передаче «Одиссея Нефертити» на популярном канале «National Geographic Channel». Авторы озвучили и тот факт, что во время прихода к власти Гитлера Борхардт, опасаясь преследований, остался жить в роскошном поместье на Ниле.)

И пока бюст, вывезенный из страны, в течение долгих лет утаивался в доме начальника Борхардта Джейма Симона, о его существовании были уведомлены доверенные профессора... Знала ли Н. Крупская о существовании артефакта, чью бесценность (не только в денежном эквиваленте) отчетливо осознавал нашедший ее археолог? Упомянули ли об этой находке в Йеле? — Возможно... Но даже если и нет, история царских семей Древнего Египта была описана историками и всегда вызывала восхищение у истинных поклонников древности.

Нефертити была женой Аменхотепа IV (в некоторых источниках Аменхетеп), фараона из XVIII династии, царствовавшего в Древнем Египте в период Нового царства. *Многое из истории жизни и правления этой семьи Крупская положит в основу создаваемого советского государства.*

Эпоха Нового царства — это XVI–XI вв. до н. э. или 1584–1071 гг. до н. э. (по другим источникам: 1567–1085 гг. до н. э.), когда правили представители XVIII–XX династии. Новое царство знаменито великими памятниками архитектуры; тогда же египетские цари стали называться фараонами, а после кончины их хоронили в склепах, вырубленных в скалах в Долине царей. Впрочем, о Древнем Египте можно прочесть практически в любом учебнике истории, но прочесть глазами Крупской — вряд ли... Правление Аменхотепа IV, известного под именем Эхнатона, это, пожалуй, правление первого человека в известной нам мировой истории, о котором можно сказать, что он поклонялся только Одному Единому Богу.

«*Аменхотеп IV* (Эхнатон), правил в 1419 — около 1400 гг. до н.э. ...запретил культ Амона, конфисковал фиванские храмовые владения, провозгласил новый государственный культ бога Атона. Обстоятельства смерти Аменхотепа IV неизвестны. Серия документов с его именем обрывается на 1402 г. и, вероятно, дальнейшие годы царствования приписаны ему ошибочно» (БСЭ, т. 1, с. 512).

Он возродил — с подачи Нефертити — древний культ бога Солнца в форме почитания Атона. Эхнатон всегда дей-

ствовал со слов своей величественной жены; без нее он ничего не значил в этом мире. Она открывала ему знания, даваемые Женщине высшей небесной силой. Она научала, но, оставаясь в тени, отдавая главенствующую роль ему, мужчине; и не ее вина, что он оказался недо-мужчиной, охотно согласившимся править в системе скрытого матриархата... *Уникальность настоящей Женщины в том, что даже из ничтожества она способна сделать Личность.*

Все нижеизложенные факты и события зависели от мнения Нефертити; ее муж действовал по ее замыслам. Только той обреют голову, кто достойна царского древнеегипетского (нубийского) парика с тонкими золотыми нитями, и только тогда она царица, если в ее голове зазвенят божественные колокольчики, — знак причастности к избранной касте, к Высшему Божеству. Наиболее близка в трактовке к описываемому образу Нефертити наша современница, профессор антропологии из великобритании Джоан Флетчер, представившая зрителям документальную передачу по телеканалу «Discovery».

Эхнатон поверил в то, что Атон открывает себя лишь своему «сыну» — фараону, поэтому он изменил свое имя Аменхотеп на Эхнатон, что означает «полезный Атону». Эхнатон также присвоил своей очаровательной жене Нефертити второе официальное имя, включив в него имя Атон, получилось: Нефернефруатон (или Нефернеферуатон; такое же имя, по некоторым сведениям, носила и ее дочь). В начале своего правления он приказал воздвигнуть в Карнаке величественное святилище в честь Атона, рядом с храмом почитаемого до этого Амона-Ра. Но пока это святилище строилось, фараон во исполнение желания супруги приказал отстроить Атону даже не храм, а целый город. Совершив плавание на север по величественному, священному Нилу, он объявил, что боги повелели ему остановиться и избрать место на восточном берегу реки для строительства новой столицы.

Фараон дал новому городу название Ахетатон (современное городище Эль-Амарна), что означает «горизонт Ато-

на». В определенные дни года солнце восходило в трапециевидной впадине гор, что для Эхнатона являлось божественным предзнаменованием и вместе с тем подтверждало для подданных божественное происхождение их правителя. Двор Эхнатона переехал в новый город на шестом году его правления. В центре столицы, как водится, размещалось несколько дворцов и храмов, а также роскошные виллы для знати. Супружеская чета вела себя с неслыханной простотой с народом; но страна словно замерла в гипнотически-мертвенном ожидании: у нее отобрали богов, заменив их по сути... собой, — царственные правители поставили себя на божественный пьедестал. Неслыханная дерзость! Вот они соревнуются на колесницах вместе с подданными, — а это признак независимости, что вызывает ярость знати. Вот Нефертити поражает врага, — но это прерогатива мужа-фараона, и только его!

Все, что начиналось как утопия: *замена богов и смена столицы, а, по сути смена идеологии, — со временем превратилось в террор*. Что предложила Нефертити? — ничего, кроме раздора инакомыслия. Но она манипулировала событиями; она устранит и младшую дочь, родившую наследника престола Тутанхамона. Чтобы никто не усомнился: *Нефертити не только жена, но и соправитель.*

Эхнатон, шокировав многих египтян, провел целый ряд реформ, которые можно назвать революционными. Он не только ввел культ Атона, но и запретил при этом поклонение всем другим божествам Древнего Египта. Он даже приказал стереть и уничтожить их имена на священных надписях. Конечно, его поступки могут рассматриваться и как проявление преданности Единому Богу, и как результат борьбы за власть фараона с влиятельными жрецами культа многобожия во главе с царем богов Амон-Ра. Но единым богом для него была... Нефертити, — женщина, которую он не любил в силу скудости чувств и ума, но которую боготворил, ибо без нее он никогда бы не состоялся как великий фараон.

Эхнатон приказывал изображать себя на статуях и рельефах, целующим свою жену и играющим с детьми, и многие люди находили такие позы не подобающими фараону. Египтяне привыкли к иным портретам владык; царей Египта по традиции изображали привлекательными, но обязательно мужественными, физически крепкими и сильными. Тогда как на большинстве портретах Эхнатон изображен человеком с почти женской фигурой, удлиненным лицом с крупными, ярко выраженными чертами. А, как известно, для искусства Нового царства была типична передача подлинных черт изображаемых; «стиль конца правления XVIII династии находит свое завершение в искусстве времени Аменхотепа IV (Эхнатона)... характерен отход от идеализирующего показа человека и окружающего мира; даже царь изображался со всеми некрасивыми чертами его лица и формами болезненного тела» (БСЭ в 50 т., М., 1952, т. 15, с. 444). Некоторые очевидцы изобразили его со странной выпуклой удлиненной головой, с узкими глазами, полными бедрами и выпирающим животом. Существовали даже шаржи на этого правителя, тогда как его супруга на всех изображениях выглядит величественной красавицей.

Возникали предположения, что необычайно большой череп фараона и черты его фигуры свидетельствуют о физиологических отклонениях. Известно также, что последние годы жизни он полностью отошел от дел в результате совершеннейшего упадка сил, хотя был достаточно молод. Высказывалось учеными предположение, что если эти странные черты являлись следствием продолжающихся родственных браков, т.е. процесса дегенерации, сопровождающегося неизбежной потерей интеллекта. Маловероятно, чтобы у правителя могли быть здоровые дети; однако считается, у Эхнатона и Нефертити было шесть дочерей (наследственная патология передалась: их черепа имеют такие же странные формы).

Спустя 14 лет после восшествия на престол Эхнатон назначил своим соправителем человека по имени Семнехкара (некоторые ученые предполагают между ними близкую родственную связь), присвоив ему второе имя своей жены

Нефертити — Нефернефруатон. Не вызывает сомнения тот факт, что Семнехкара был молодым вельможей, который, не исключено, являлся также любовником фараона. Правда, согласно другой гипотезе, под этим именем могла скрываться и сама Нефертити. Та же гипотеза гласит, что Эхнатон считал, что если Нефертити не сможет родить сына, то ему следует жениться на их старшей дочери, Меритатон, что и было сделано. А в качестве «компенсации» муж даровал Нефертити титул фараона. Но после смерти Эхнатона загадочный Семнехкара также исчез...

Высказывались различные предположения и насчет других жен, мол, Нефертити, как старшая жена, официально считалась матерью всех его детей от других женщин...

Наследником фараона был Тутанхамон, — возможно, сын Эхнатона от одной из младших жен. Появляются основания считать, что Нефертити не простила Эхнатону такого поступка.

«*Тутанхамон* (букв. — живой образ Амона; тронное имя — Небхепрура), египетский фараон эпохи Нового царства (XVIII династия), правил около 1400 — около 1392 г. до нашей эры. Зять Аменхотепа IV (Эхнатона) и, возможно, его сын или младший брат. Вступил на престол в возрасте около 12 лет... умер, не дожив до 20. ...отказался от имени Тутанхамон и возвратил резиденцию фараона из Эхетатона (или Ахетатона, — *авт.*) в Фивы» (БСЭ, т. 26, с. 392).

По другим сведениям, Тутанхамон стал фараоном, когда ему исполнилось 8 лет, и Нефертити тут же женила его на своей и Эхнатона дочери — Анхесенпаатон (или Анкесенатон, их третья дочь), предположительно, на сводной сестре. Сама же уехала в Фивы, вернув своих недавних врагов, жрецов Амона к власти. Она даже распорядилась о восстановлении храма Амона; все силы и средства Нефертити бросила на то, чтобы выжить. Но судьба отвела ей еще всего год.

Бывший приближенный Эхнатона, а ныне полководец Хоремхеб (еще встречается как Хармхаб) и придворный Эйе (или Ай) стали при молодом фараоне Тутанхамоне регентами. Они отреклись от деяний Эхнатона и восстановили

поклонение старым богам. Тутанхамон умер совсем молодым; преемниками стали его возможные убийцы Эйе, а затем Хоремхеб. Последний занялся наведением порядка в стране, начал кампанию по уничтожению памяти об Эхнатоне и Нефертити, он разрушил многие их величественные монументы, объявив самого Эхнатона еретиком...

Уже далеко за полночь Надежда Константиновна поднялась с кресла и решила выпить горячего чаю, чтобы взбодриться. Она понимала, что уснуть не удастся, даже несмотря на общую усталость. К тому же, позволив своему уму углубиться в размышления, она подсознательно чувствовала, что вот-вот нащупает схему, некую общую картину будущего. И на эти пока хаотичные картины отчетливо наплывали размышления о традициях Древнего Египта.

Ее мозг отбирал и классифицировал, услужливо подсовывал ее сознанию фрагменты лекций, фраз и знаний, почерпнутых из разных книг.

Вот на одном из занятий рассказывали о смерти и ритуалах погребения у разных народов; она же отмечает в подсознании, что древние египтяне рассматривали смерть как переход к иной жизни в другом мире. Отчего именно сейчас, среди ночи, вспоминает о бальзамировании и мумификации, о строительстве саркофагов и подробностях ритуалов погребения в Долине царей? — она еще не отдавала себе в этом отчета. Но, машинально наполнив вторую чашку, она раскрыла свой блокнот с записями и начала помечать некие странные имена, а затем, через какое-то время, проведенное в раздумьях, напротив непонятных имен проставляла имена своих коллег... Этот список будет изменяться ею в течение нескольких лет; но часть имен сохранится с той кошмарной ночи. На протяжении лет одни имена были зачеркнуты жирными линиями, а рядом появлялись иные, иногда — лишь заглавные буквы или прозвища, обладатели которых были ведомы только Надежде Константиновне.

Так, — словно в игре, затеянной романтической натурой, вдохновенной древними мифами и преданиями, — зарож-

далась система советской власти, личностной иерархии; по воле и замыслам Ордена, но по разработкам Надежды Константиновны Крупской.

Древние египтяне имели множество богов и богинь. В эпоху Нового царства царем богов считался бог Амон — *Ульянов-Ленин*, впоследствии — *мумия Ленина*. Впрочем, мысль о мумифицированном «царе» пришла в голову раньше, а, значит, так тому и быть! — Крупская сделает ставку именно на будущего мертвеца, которого превратит в культовый фетиш советского народа; иссушенные мощи, уложенные в бронзово-стеклянный саркофаг и погребенные в гробницу-мавзолей, она превратит в святыню для дегенеративных народов планеты, желающих жить при извращенном, искусственном строе: социализме-коммунизме.

Богиней-матерью считалась жена Амона — конечно же, *Надежда Крупская*; но еще она видела себя Нефертити, расставляющей всех по своим местам. О, она многолика, она везде и нигде… она — все, но только для посвященных.

Главенствующая роль принадлежит богу Солнца Ра — это *Лев Троцкий*, претендующий на верховенство. Он — таран, он первый, пробивающий брешь для *своих*, хлынувших во власть; но его солнце померкнет, сойдет с небосвода Нового красного царства, как только страна погрузится во тьму коммунистической идеологии.

Сын Ра — бог воздуха Шу; на эту роль Н. Крупская определит духовного продолжателя дела Троцкого, наркома иностранных дел *Георгия Васильевича Чичерина*, сидевшего до революции несколько раз в сумасшедшем доме (там же и закончит свои дни при Советах).

Дочь Ра — богиня неба Нут, к тому же была женой своего родного брата Геба; в списке фигурировали разные имена: *Моисей Соломонович Урицкий*, которого в 1918 г. застрелил сожитель Канегисер; чекистка Хайкина, когда одно время была женой Щорса; Размирович, служившая в Ленинградском ЧК, другие.

Сын Ра и муж сестры Нут — бог земли Геб. В список также вошли разные люди: Размирович, служивший в Мо-

сковском ЧК и сожительствовавший со своей сестрой-чекисткой; чекист Московского ЧК Абрам Кнейфис, сожительствовавший с сестрой Сарой, служившей его личным секретарем.

Впрочем, Н.К. Крупская скорее насмехалась над распределением ролей «детей бога»; полагая, что настоящие имена всплывут значительно позже, когда роли остальных определятся и укрепятся. К тому же для нее дети страны и были конечным продуктом верховной власти; **Крупская — антимать мира станет Владычицей красных дьволят.**

Бог мертвых и бальзамирования Анубис — *Сталин* (Иосиф Джугашвили). Животное, посвященное ему, — шакал, волк (не потому ли Сталин так любил рисовать ИХ?! Знал ли он о распределении ролей Крупской? — безусловно, знал, даже если это и выглядело как игра, однако схема устройства его и забавляла и устраивала. Великий вождь во многом доверял этой уникальной женщине, ее интуиции и знаниям. Придя к власти и создав из разрозненной и постоянно мятущейся силы настоящую монолитную партию, Иосиф Виссарионович Сталин — по совету и по модели Крупской — отстреляет всю «ленинскую гвардию».

Хнум, бог-гончар, создавший людей из глины — *Глеб Иванович Бокий*, руководитель Спецотдела по созданию советских дегенератов, самая засекреченная личность.

Бог бурь и пустынь Сетх — *Максим Горький* (Пешков), испепелит словесами, изуродует чистую душу наивного человека, а затем поднимет «на бой кровавый, святой и правый» вместе с литературными комиссарами из Агитпропа; которые с помощью книг и кино вскоре внушат, что ***жизнь*** — пустяк, и тот, кто расстается с жизнью во имя коммунистических идеалов, за советскую власть, за процветание и укрепление власти «нового» народа — «настоящий человек» (как просто в XX веке Ивану-дураку стать героем... посмертно!)

Бог Осирис олицетворяет добро, но он же — сын Гебы и Нут (брата и сестры) и родной брат бога зла, да еще и женатый на своей родной сестре богине Исиде; даровал вино

и хлебные злаки, и стал владыкой мертвых — *Феликс Дзержинский*; *Лаврентий Берия* (даровали бесплатную пайку и работу в лагерях многомиллионным «борцам за советское счастье»).

Бог зла Сет, убивший своего брата Осириса — дьявол, изображался худым, с раздвоенным хвостом и вытекающей изо рта слюной, — *Лазарь Моисеевич Каганович*; в сталинском руководстве член Оргбюро Политбюро ЦК ВКП(б), нарком путей сообщения, секретарь ЦК ВКП(б). Организовал убийство своего родного брата наркома авиационной промышленности.

Богиня Исида, жена-мать-сестра, богиня любви, патронировала веселью и светским развлечениям, — *Полина (Перл) Семеновна Жемчужина* (жена Вячеслава Михайловича Молотова (Скрябина), члена Оргбюро Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совнаркома и наркома иностранных дел СССР).

Богиня закона, справедливости и этики, двуликая Маат — советское правосудие в лице *Андрея Януарьевича Вышинского*.

Бог благовоний, голубой лотос Нефертум — *Григорий Евсеевич Зиновьев* (Радомысльский), *голубой* гений и комиссар Коминтерна.

Бог музыкантов Ихи — «один из видных строителей советской культуры», «выдающийся историк искусства», первый нарком просвещения *Анатолий Васильевич Луначарский*, любитель мармеладных отроковиц, сладострастник и совратитель.

Бог плодородия Мин (совместим с влиятельной и уродливой богиней плодородия в образе гиппопотама Опет) — нарком совхозов и колхозов *Моисей Иосифович Калманович*; нарком земледелия *Арон Израилевич Гайстер*. (Одни из назначенных разрушителей системы русского земледелия, создававшие технологию, действующую и поныне).

Богиня любви Хатхор с головой коровы, покровительница светских развлечений: музыки, банкетов и танцев — *Александра Михайловна Коллонтай* (Домонтович), призывавшая

пролетариат разных стран возлюбить друг друга; нарком агитации и пропаганды, заведующая женотделом ЦК партии, посол, страстная любительница молодых мужчин.

Богиня войны и охоты Нейт — *Розалия Самойловна Землячка* (Залкинд); любительница поохотиться за мужскими пенисами, которые лихо отрубала сотнями, — что было лучшим снотворным для ее маетной садистской психики.

Бог учения Тот, покровитель писцов с птичьими глазками, его символ чибис, — *Николай Александрович Жданов*, член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) по пропаганде (утверждают, что в канун войны этот выдающийся член партии похитил в государственной казне и перевел в зарубежные банки более 60 млн. долларов, за что товарищ Сталин его слегка пожурил и перевел в Ленинград, где ему было поручено возглавить областную и городскую партийную организации).

Бес, бог-карлик, шут — «всесоюзный староста» и «всесоюзный козел» (по определению Сталина); «мудрый руководитель трудящихся масс, непоколебимый борец за торжество марксизма-ленинизма» (по определению энциклопедий), — *Михаил Иванович Калинин*. «Непоколебимый борец за...» дефлорацию учениц балетных школ; умер от рака половых органов, — как Господнее наказание...

Демон Баби, полузверь-полуженщина, пожиратель мертвых, обладал правом пожирать души приговоренных к смерти, — *Генрих Григорьевич Ягода (Енох Гершенович Иегуда)*, нарком внутренних дел СССР и *Николай Иванович Ежов*, секретарь ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел СССР.

И еще сотни других демонов во главе с Архидьяволом Апапи (бог-змей) — коммунистическая партия и ее комиссары.

Привыкнув завтракать около 8 утра, она и в этот раз, после практически бессонной ночи, выпила морс и съела немного ветчины. А спустя час за ней пришел нарочный, который пригласил ее на встречу с влиятельными людьми из Ордена. Когда они прибыли на место, к Надежде Констан-

тиновне вышел промышленник Арманд Хаммер, и, представившись, горделиво сказал, что он уже давно оказывает материальную поддержку РСДРП.

Крупская удивленно взглянула на юное лицо Хаммера и уточнила:

— Сколь давно, молодой человек, вы оказываете помощь социал-демократам?

— Я вас понимаю, госпожа Бразнер. В этом участвовали члены нашей семьи в лице моего неутомимого дядюшки.

— И что же вы хотите от меня, господин Хаммер?

— Я должен познакомиться с вами лично. Скорей всего, нам в недалеком будущем придется длительное время основательно сотрудничать.

И оказался прав; после событий 1917 года Арманд Хаммер, член Ордена и резидент-посланник Ордена по связям с СССР и ВКП(б) — КПСС будет встречаться не только с Крупской, но станет «большим другом и товарищем» Ленина, Сталина, Пономарева, Андропова.

Гость, поговорив несколько минут, поклонился и, мягко повернувшись, удалился. Вслед за ним в дверь вошел немолодой мужчина; он был холен, учтив, и, попросив ее пока ничего не записывать, а только запоминать, достал стопочку каких-то листов.

От этого господина она получила специфические инструкции. На прощание он мягко, будто успокаивая гостью, добавил:

— Вас не должна беспокоить судьба ныне действующего императора. Как только мы приведем к власти нашу резидентуру, возглавляемую господином Бронштейном, он получит дополнительные установки, что делать с Романовыми.

Как только тот, чуть заметно кивнув, удалился за дверь, Надежда Константиновна поняла, что ставки вновь переменились. И что Лейбе Давидовичу удалось поднять свой имидж в глазах заказчиков.

Нельзя сказать, что она была сильно удивлена. Она давно уже пребывала в этой среде и оттого отдавала себе отчет, что происходит; искренне полагая с недавнего време-

ни — нет, наконец точно уверовав! — что участвует не в борьбе кланов, не в борьбе классов, не в борьбе людей, а в борьбе Зла и Добра, *дьявола* и *Бога*. И понимая, на КАКОЙ она стороне, все просчитывала: как, играя по правилам *игроков тьмы*, свершить то, для чего предназначена светлая сторона ее человеческой души: ***создавать разрушительную систему, которая в конечном итоге разрушит саму себя;*** *т. е. построить идеологию, подобную змее, остервенело вгрызающейся в хвост, пока не проглотит самое себя!*

Она еще не единожды посетит Йель, курсируя между Америкой и Европой, и будет вновь признана лучшей в группе, и получит диплом доктора социологии и диплом (аттестат) профессора социологии. Об этом будут знать некоторые руководители Советского государства, но советские люди — **никогда**.

В этих долгих поездках на другой континент Надежда Константиновна еще не раз вернется к любопытным параллелям, пришедшим ей в голову в одну из бессонных ночей, когда она раздумывала о древних царствах. Она, услышав в какой-то миг чарующие мелодичные колокольчики в голове, почувствует себя особой царственных кровей; особой, которой дано тайное знание, и уверует в свою мощь и примерит маску *коварной нубийской змеи*, чтобы побороть змею-вражину, закольцованную в вечный овал противоборства и ненависти.

«*Нубия* (древнеегипетское Куш или Каш) — древняя страна в Африке, находившаяся между 1-м и 6-м порогами Нила (в основном на территории современного Восточного Судана). Население составляли... близкие по антропологическому типу, языку и культуре к древним египтянам...»; во времена Нового царства была провинцией Древнего Египта, вплоть до XI века до н. э. (БСЭ. М., 1954, т. 30, с. 209).

Надежда Крупская, перебирая разные домыслы и факты, предоставленные учеными, как предшественниками, так и ее современниками, публикующими многочисленные статьи и книги по этой, ставшей в результате новых откры-

тий сверхактуальной теме, поймет, что склоняется к мысли, будто в те далекие времена в долине Нила жили самые прекрасные женщины на Земле, — таково было божественное изъявление. Однако в большинстве знатных семей Нового царства был обычай отдавать непревзойденных красавиц замуж за братьев; и сколь умны и пленительны были девушки Древнего Египта, столь глупы, недальновидны и жадны были их братья-мужья. Прозвище «нубийские змеи», данное им соотечественниками, служило подтверждением мудрости женщин, которых мужчины, не желавшие отдавать их, словно сверкающие драгоценности, в руки чужаков, все-таки побаивались и... сторонились, понимая свою собственную никчемность. В результате подобного кровосмешения рождались крайне глупые, дегенеративные дети, что рано или поздно привело бы к полному вырождению.

ЧАСТЬ 3

Глава 23

В канун отречения от престола Николая II в пользу великого князя Михаила, Ленина и Крупской и близко не было в России; так называемая Февральская буржуазно-демократическая революция прошла без них. Об этом они узнали в первых числах марта 1917 года; и вот уже «самый человечный человек» Ульянов-Ленин поспешил к дележу имперского пирога в «запломбированном» вагоне, изображая из себя жертву гонений царизма, хотя никто за этим революционером по Европам не гонялся. С апреля 1916 г. Ильич и Крупская вместе с матерью жили в Цюрихе, «в старой части города, где ютилась беднота, исключительно рабочий люд, на Шпигельгассе, 14, у сапожного мастера Каммерера. Снимали они одну комнату, и было там очень плохо», — откровенно лжет «Революционно-исторический календарь-справочник» (М., 1967, с. 102); и не объясняет, зачем этой троице жить в одной плохонькой комнатенке на квартире у еврея-сапожника?!

Правда, данное издание не забывает назвать имена подписавших письмо на проезд в Россию «русских», прозванное громко декларацией. Это социал-демократы разных стран, а вернее, большевистская мафия, разбредшаяся и прижившаяся в разных странах; «мы, нижеподписавшиеся интернационалисты… полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но и обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию»; «мы», — это: П. Леви (наст. П. Гартштейн, Германия), А. Гильбо, Ф. Лорио

(Франция), Фриц Платтен (Швейцария), Н. Бронский (Польша), К. Карльсон, Т. Нерман (Швеция) и др.

Вместе с будущим вождем ехала в уютном вагоне и немногочисленная компания, состоящая из 30 человек, в том числе 6 агрессивно настроенных бундовцев, Г. Усиевич, Миха Цхакая и др. Среди них утомительно длинной дорогой любезничали давние интимные партнеры Ильича Карл Радек и Инесса Арманд.

2 (15) марта 1917 года император Николай II под давлением обстоятельств был вынужден отречься от престола, а отречение (лишение власти) и было главной задачей, которую блестяще выполнил Лейба Троцкий и его многочисленная резидентура с целью уничтожения Имперского дома Романовых.

Уже говорилось о том, что не одно десятилетие в школах Ордена обучались профессиональному терроризму десятки молодых людей. Многие, взрослея и переходя в разряд «старых, опытных большевиков», изнывали от желания скорейшего участия в боях; желание участвовать в человекоубийственных акциях приобретало маниакальный синдром. Как думаете, для чего Крупская, эта **Женщина-загадка оставляет свое свидетельство о преступности новой власти**, когда рассказывает о днях становления революционного процесса, и не забывает — в отличие от многих других, «скромно» умалчивающих! — признаваться, что и на Первой (Таммерфорсской) конференции РСДРП, проходившей в Финляндии с 12 по 17 декабря 1905 года, «в перерывах учились стрелять» (!!!), «каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою» (Сб. «Коммунисты», М., 1976, с. 48). А сколько подобных «конференций» по заграницам прошло за эти годы, пока не настал октябрь 1917 года!

После отречения императора в стране начался разброд во властных структурах; власть буквально валялась под ногами, ее мог взять самый наглый, самый циничный, самый хитрый, но никак не самый умный... И претендент имелся не один...

На повестке дня был захват власти наиболее одиозной структурой России — партией большевиков, возглавляемой все тем же Троцким-Бронштейном. После чего должен был быть принят «законный» акт о физическом уничтожении Николая II и членов его семьи. Троцкому было рекомендовано, оставаясь вождем красного переворота и разваливающейся страны, создать «условные, легитимные» органы власти; что и было сделано впоследствии, как то: Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК возглавил Я.М. Свердлов), Совет народных комиссаров (СНК возглавил В.И. Ульянов-Ленин) и другие институты, необходимые для дальнейшего существования новосоздаваемого государства, которые возглавили Антонов-Овсеенко, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев (первый председатель ВЦИК, после него стал Свердлов, затем Калинин, Петровский и снова Калинин и т.д.), Подвойский, Сталин, Урицкий. Но... формирование главных органов управления в России было еще впереди!

Как известно, в мае 1917 года состоялось заседание ЦК партии, на котором член ЦК Г.Я. Сокольников инициировал создание Политбюро Центрального Комитета. Однако участники его, члены ЦК Ленин, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Крупская, Ломов, Свердлов, Сталин, Троцкий и Урицкий сочли это предложение преждевременным. И лишь два человека — Крупская и Троцкий — знали, что Орден пока не давал такой установки на создание в ЦК нового руководства, и оттого поддержали мнение остальных.

В канун революции состоялось очередное заседание ЦК партии 23 (10) и 29 (16) октября 1917 г., занимавшееся вопросами захвата власти, в соответствии с установками Ордена. На этот раз Дзержинский внес предложение о создании руководящего центра — Политического бюро; в состав его было избрано восемь человек: Бубнов, Зиновьев, Каменев, Крупская, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий. Спустя почти два десятилетия в архивах и партийных документах появилась запись, — как велико искушение вбросить *фальшивки* в Историю; ведь не зря же соз-

давались целые институты марксизма-ленинизма! — что и Ленин также был избран членом Политбюро; но это не соответствует действительности. Крупская на том же заседаний, хорошо зная, что ее не поддержат, и вместе с тем показывая свою демократичность, внесла предложение, что в случае захвата власти кандидатура Ленина будет предложена на пост председателя правительства, а потому он должен считаться беспартийным, быть вне партий, коих насчитывалось еще немало. Конечно, против предложения о «внепартийности» Ленина возражали вновь избранные члены Политбюро ЦК, за исключением Троцкого и Зиновьева. Было принято решение, что Ленин остается членом ЦК и в руководстве партии, сохраняя за собой только рекомендательные функции; советовать, — это вам еще не властвовать.

К 1922 г. не только политическое, но и физическое здоровье главы советского правительства было столь неутешительным, что вести речь о практическом использовании Ленина не представлялось возможным. Да и Крупской это было не нужно; наступало время возвеличения, обожествления использования образа, символа, кумира, а не тяжелобольного человека...

Итак, когда произошел захват власти, когда власть оказалась в чудовищных, грязных от крови руках убийц русского народа, Троцкий некоторое время оставался *над* государством, *над* правительством, *над* партией и *над* всеми народами, населявшими бывшую Империю. Какова роль Крупской в политических процессах в первые месяцы и годы становления советской власти, практически не известно современному читателю. Лейба Бронштейн (Лев Троцкий) умело манипулировал общественным мнением России и Европы. Уже на следующий день после переворота на Втором съезде Советов Лев Давидович заявил:

— Всю нашу надежду мы возлагаем на то, что *наша* революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, — мы будем раздавлены. Либо русская революция поднимет вихрь

борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию.

В стране начался массовый психоз по подготовке к мировой революции; «...победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем **начало и предпосылка мировой революции**», — отметит позже товарищ Сталин, ссылаясь на статьи Ленина и отмечая, *каким* образом *пролетариат победившего Октября* сможет оказать помощь (главным образом военную) пролетариату других стран мира в деле завоевания власти (И. Сталин. «Вопросы ленинизма», Партийное издательство, 1932, с. 99).

В стране ускоренными темпами заработал процесс искусственной деградации и уничтожения русской нации; через массовые расстрелы и геноцид русского народа создавалось тоталитарное государство, нужное Ордену в качестве сырьевого придатка, жители которого, уцелевшие в результате кровавого умолота, становились подневольными, родителями будущих поколений рабов, добытчиков бесценного сырья из недр 1/6 суши земли.

Пропагандистский и карательный аппарат нового правительства, состоявший из членов резидентуры заокеанской секретной структуры, развернул кипучую деятельность по уничтожению в культурных и государственных центрах России русской интеллигенции, дворян, мещан и офицеров русской армии. Солдаты были распущены, а офицеры, которые не успели сбежать, расстреляны; из тюрем выпустили уголовников и террористов, некоторые из них тут же были востребованы новой властью и возглавили структурные подразделения ВЧК, некоторых направили в заграничные отделения НКИД, некоторых — назначили комиссарами формируемых частей Красной армии, основателем и руководителем которой был все тот же Лев Давидович.

Вместе с тем быстро разрастался аппарат советского правительства по всей вертикали. Безграмотные в делах управления чинуши от бюрократии, буквально ополоумев-

шие от неожиданно полученной безграничной власти, ворвались в высокоразвитую экономику Российской Империи, круша, разворовывая и продавая...

Пропагандисты ЦК РКП(б) без устали разрабатывали все новые и новые чудовищные инструкции о формировании «морали» «нового облика советского человека».

Как уже говорилось, после революции, в 1917 году, реального, харизматичного лидера, способного повести Совнарком, не было. Официально утвержденный только что созванным съездом Советов Совнарком возглавил Ульянов-Ленин. Против его кандидатуры выступили двое: Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев. Во время перерыва в кулуарах Надежда Константиновна встретилась с Зиновьевым, после чего тот, а вслед за ним и Троцкий... отозвали свои возражения. Известно, что Троцкий взамен этого шага потребовал отдать ему должность наркома иностранных дел. Однако Зиновьеву такой расклад не понравился, и он высказал свое недовольство Крупской. Та со свойственной ей рассудительностью успокоила:

— Я думаю, Григорий Евсеевич, что вы своей работой в III Интернационале скоро затмите Троцкого. Соответственно вырастет ваш авторитет. К тому же подумайте, сейчас у Троцкого дел невпроворот, он занят ответственной работой по созданию и строительству Красной армии... а это потребует немалых сил... немалых, говорю я вам, тут не только здоровье надорвать можно.

Последняя фраза успокоила Григория Евсеевича больше остальных доводов.

Лев Давидович Троцкий был прекрасно осведомленным человеком и знал, что Надежда Константиновна является непререкаемым авторитетом в Ордене. Поэтому он делает свой ход, чтобы заручиться ее поддержкой в деле создания совершенно новой армии. Но Крупская, сославшись на нездоровье, схитрив, сказав, что как женщина она не смыслит в военном деле, отказалась участвовать в строительстве РККА; эта **покровительственная советчица, взявшая не-**

когда псевдоним Саблина, понимала, что даже имея дьявольский талант, Лев Давидович до конца не справится с созданием отлаженной военной структуры, способной вершить неимоверно сложные задачи, и что в любом случае нельзя придумать новое колесо, принципиально изменив его конструкцию, т. е., полагала она, армия — в конечном итоге, пусть и нескором, — будет обречена на самоуничтожение. Подобный вариант ее устраивал. К тому же она станет идеологическим надзирателем, наблюдая за становлением бандитских шаек, превращающихся в многочисленную и сильную Красную армию; «Н.К. Крупская заботилась о просветительной работе в Красной Армии, сотрудничая с Политуправлением Реввоенсовета республики на протяжении всех лет гражданской войны. В Смольном, а потом в Кремле, встречая солдата или матроса с книжкой, Надежда Константиновна радовалась всякий раз, видя в этом результат труда политпросветчиков — так нередко называли в то время работников руководимого ею Внешкольного отдела. Они часто выезжали на фронты и рассказывали, что «Надежда Константиновна с большим вниманием следила, как ведется в армии политическая работа...» Вполне правомерным считала Н.К. Крупская распоряжение Управления военных сообщений при Высшем военном совете, согласно которому грузы литературы, перевозимой по стране, приравнивались к военным грузам» («Биография», с. 200). Надеюсь, ни у кого нет сомнений насчет «литературы», которая перевозилась по стране: это были не классики русской литературы или даже мировой, а труды идеологов марксизма, направленные на дегенерирование русского и других народов недавно еще цивилизованной и образованной страны. «Это она (Крупская. — *Авт.*) одобрила первый букварь для красноармейцев, начинавшийся словами: «Мы — не рабы», и заканчивавшийся гордым утверждением: «Коммунизм — наш факел победный»; она даже написала поздравительное письмо молодому автору этого «Букваря» Д.Ю. Элькину (отныне *русские* были избавлены от привилегии писать буквари *для русского народа*) («Биография», с. 201).

А Троцкий, когда дойдет до дела и временами станет казаться, что больше нет никаких сил бороться против русского народа, и Гражданская война затягивается, объявит: «*Нам придется, может быть, уйти, но после нас найдут только кладбище*». **К сожалению, ИМ уйти не придется, ОНИ будут править много десятилетий страной, превращенной ИМИ в кладбище, в котором почиет великая Русская цивилизация.**

...Такой же исход, — верно рассудила Крупская, — ждет и все зарубежные проекты и дела, которые Троцкий станет вести, находясь на посту наркоминдела. И вот здесь-то появится реальный шанс у Зиновьева, если, конечно, он воспользуется (по тайному совету Крупской) ситуацией. А то, что Троцкому придется очень и очень трудно справляться с зачастую непредсказуемыми процессами, она не только предполагала, но и отлично знала. Конечно, она знала, что в 1917 году Орден вместе с Троцким отправил в Санкт-Петербург более 13 000 человек (историки большевизма, коль сокрыть сей факт не удастся, превратят этот легион всего-то в 300 человек!) с поддельными паспортами, присвоив их владельцам прекрасные, звучные русские фамилии. Все, как всегда, оплачено, только бы захватить власть! Но сейчас ей было также известно и о готовом сценарии, и о выделенных огромных суммах на блокаду новой власти со стороны западных государств. Вступал в действие все тот же гегелевский *тезис* и *антитезис*, и таким образом достигался желаемый *синтез*: во-первых, тем самым Орден провоцировал определенную часть рабочих и крестьян на вступление в ряды Красной армии для защиты Отечества и, так получалось, — для поддержки новой революционной власти. Но одновременно исполнялась иная задача: уничтожение как можно большего числа сознательных граждан страны, физическое устранение потенциальных противников большевизма.

В те чрезвычайно сложные для бывшей Российской Империи и ее народов годы, в годы разрухи и голода, Н. Крупская, имея реальное влияние на расстановку кадров, **не** видела на официальном посту лидера партии большевиков Ле-

нина. Выше об этом уже упоминалось, но не было сказано главного: дело в том, считала Надежда Константиновна, что Ленин не понимал до конца важности поставленных Орденом задач, не воспринимал все так же серьезно и дальновидно, как того требовали хозяева революции. Его заносчивость и гордыня выдавали в нем человека недалекого в вопросах воздействия на политические процессы мирового масштаба. К тому же его болезнь прогрессировала, он становился невыносим. Это после она сделает из него красный фетиш, словно издеваясь и насмехаясь над отупевшими согражданами; да, в виде истлевшей большевистской мумии он здорово пригодится.

Итак, сколько бы позже ни ухищрялись советские партийные архивариусы и партийные бонзы, наученные фальсификации, доказать обратное, однако Владимир Ильич в те годы **не состоял** в Политбюро ЦК РКП(б) и не являлся секретарем ЦК партии. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин оставался рядовым членом ЦК РСДРП—РКП(б).

И даже после смерти Я.М. Свердлова Ленина **не** вводили в состав Политбюро и секретариата. А на пост председателя ВЦИК (короткое время в 20-е годы этот пост возглавлял председатель Президиума ВУЦИК — Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет — Г.И. Петровский) Н. Крупская при единодушной поддержки членов Политбюро и секретариата ЦК РКП(б) рекомендовала М.И. Калинина, который и останется на всех этих постах (за исключением поста секретаря ЦК) до своей смерти в 1946 году.

И.В. Сталин, невзирая на то, что был рекомендован Политбюро вначале на пост наркомнаца (нарком по делам национальностей), а затем наркомом РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции) и члена Реввоенсовета республики, оставался и членом Политбюро и секретарем ЦК РКП(б).

Гражданская война и все события, связанные с ней, давали Надежде Константиновне основания полагать, что именно руководящий состав партии должен сберечь себя, сохранить максимально, чтобы затем отдать все силы на

строительство нового государства. Она продумывала каждую мелочь, и оттого логично определила, что как раз те, кто управляет ведением Гражданской войны, должны быть изношены и физически, и морально, а по ее завершении, выработав свой политический ресурс и потенциал, сойти с политической арены. Это касалось именно тех, кто занимался военными вопросами в руководстве ВЦИК и, в особенности, в Совнаркоме.

В результате долгих раздумий она пришла к выводу, что Сталину, ставшему уже к тому времени наркомом РКИ, не следует уделять много внимания работе в Совнаркоме, а лучше в качестве члена РВСР (Реввоенсовета Республики) побывать на фронтах, ознакомиться с ситуацией и людьми «изнутри», набраться нового опыта. Сталин беспрекословно согласился с ее предложением и очень редко приезжал с фронта в Москву. Еще не настало его время постоянно находиться в столице.

Пока же — в соответствии со сценарием Ордена — Гражданская война вершила свое кровавое дело по уничтожению элиты русской нации, причем во всех сословиях общества. Последствия были ужасающи. **Страна потеряла более 60 миллионов человек: мужчин и женщин репродуктивного возраста — невиданные потери; немыслимое уничтожение!** Для того чтобы скрыть в какой-то мере преступления, большевики, вернее, Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, который с июля 1918 г. возглавлял Н.А. Семашко, создал в 1923 г. специальную комиссию под председательством М.М. Грана, чтобы списать большую часть потерь людских ресурсов на период Первой мировой войны. Как и полагается, члены комиссии В. Биншток, В. Левицкий, А. Чертов, В. Аврамов и др. провели «огромную работу»; «итоги этой работы, опубликованной в 1923 г., отражали огромный ущерб, нанесенный Первой мировой войной, численности, здоровью и санитарному состоянию населения России» (БМЭ, т. 29, раздел 327); большевики определяли, какой урон понесла русская нация... о своей же причастности к чудовищной трагедии — ни слова!

А тем временем Надежда Константиновна, сидя в тиши своего кабинета, чаще в своей половине на загородной вилле в Горках, завершала **планирование** структурного строительства Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Не было у нее затруднений на сей счет, — все было давно продумано и сформулировано в уме, оставалось только изложить на бумаге. Здесь, в схеме, она отчетливо видела, как и на каких постах желательно применить неизношенный войной руководящий состав Центрального комитета, который займется строительством советского государства.

Как и предвидела Крупская, создав репрессивными методами Красную армию, Троцкий за годы войны выдохся и поистрепался, он уже не справлялся с делами. К тому же на его дипломатической деятельности негативно сказался провал Брестских переговоров, что не могло не повлиять на падение авторитета Льва Давидовича и в СНК, и в НКИДе. Зато появился реальный претендент на его место — Г. Чичерин, послушная марионетка Надежды Константиновны еще с начала XX века. Сосредоточив в своих руках все большевистские связи, ведя с ними постоянную переписку, проводя встречи, она собрала неисчерпаемый **компромат** практически на каждого товарища. А что же товарищ Ульянов-Бланк-Ленин? После организованных на него покушений Ильич впал в маразм и часом даже гадил под себя; болезнь его обострилась, к тому же в нем усилился страх: он боялся… Крупскую и много капризничал, за что получал от нее крепкие оплеухи.

Надежда Константиновна достала из стола наливную ручку с золотым пером, подаренную ей высокопоставленным масоном Ордена, и на чистом белом листе сделала запись:

«*Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)…*»

Она назовет Центральный Комитет партии «коллективным органом партии», и тем самым лишит его членов реальной Власти.

Обладатели громкого статуса членов ЦК Компартии будут лишены политического влияния, и все «благодаря»

хитроумной *полоскательнице мозгов*, ***выстраивающей не имеющую аналогов в мире систему советской власти по схеме масонской иерархии, но с учетом определенных особенностей.***

Однако в Пирамиде Власти **не** все члены ЦК обладают «почетным безвластием». Скажем, членами ЦК партии являются заведующий отделом ЦК, рабочий, колхозница и академик. Но лишь один из этих четверых имеет реальную, желанную Власть: заведующий отделом ЦК партии.

Чтобы стать обладателем «*очень дорогого предмета, лежащего очень высоко*», страстно желающему нужно заставить людей выстроиться в Пирамиду (помните, так учил мудрый хасидский ребе Шломо); и Крупская на пути к вершине выстраивает пока на бумаге ступени; через короткий срок по этим ступеням — уже настоящим, реальным — начнут взбираться и те, кто получит Власть, и те, кто мечтает о ней, и те, кто получит «почетное безвластие», но тянет жадные руки за «очень дорогим», ему не принадлежащим «предметом»...

Рассудительно — она расписывает систему восхождения от 0-й до 33-й ступени (не пункт, не раздел, не степень, а именно *ступень*! — так и писала Н. Крупская в своем плане).

И даже словосочетание «Политбюро и Секретариат ЦК ВКП(б)», как бы говорящее, что эти два органа — и Политбюро, и Секретариат — являются небольшой зависимой частью ЦК партии или что они подчинены, подотчетны им и зависят от членов ЦК, — не более чем фикция! Именно потому, что Надежда Константиновна **не** дала кандидатам в члены ЦК и членам ЦК *реальной власти*, они останутся только «организующей, направляющей, цементирующей и руководящей силой нашей партии», — пустые словеса, и только...

То же почетное безвластие касается Центральных Комитетов республиканских компартий, крайкомов, обкомов и райкомов партии (членов этих структур).

Тогда как руководители, входящие в состав Политбюро (бюро) и освобожденные руководители партии, а также

заведующие (заместители) отделов, заведующие (заместители) секторов всей вертикали партии имеют твердые иерархические ступени, а потому имеют реальную власть на участке своей деятельности.

...После короткого раздумья Надежда Константиновна допишет в скобках:

«(высшим формальным органом партии является съезд, который не наделяется никакой властью, за исключением плюсов или минусов голосов)».

А далее распишет **схему** построения новой, партийной иерархии, — основу советской власти.

«33-я ступень. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Член Политбюро».

Она на какое-то мгновение остановилась, а затем уверенно вывела ниже: «*и члены Политбюро ЦК ВКП(б)*».

«32-я ступень. Кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретари ЦК ВКП(б).

31-я ступень. В своем составе имеет председателя Госконтроля страны, первых секретарей ЦК Компартий республик, крайкомов и основных обкомов партии (МГК — Московский горком партии, МК — Московский областной комитет партии, Ленинградский обком партии, Киевский обком партии, Свердловский обком партии, Челябинский обком партии, Горьковский обком партии, Новосибирский крайком (впоследствии обком) партии, Харьковский обком партии и некоторые другие крайкомы и обкомы партии по мере их вклада в экономику страны), партийные организаторы (парторги) ЦК ВКП(б) на флагманских объектах строительства и на крупнейших предприятиях страны .

30-я ступень. Имеет в своем составе секретарей ЦК Компартии республик, заведующих отделами ЦК ВКП(б), вторых секретарей крайкомов, обкомов партии и первых секретарей второстепенных обкомов партии. К числу этой партноменклатуры следует, в зависимости от заслуг, вводить председателей СНК республик, первых лиц советских органов власти в краях и областях (председателей облисполкомов), а также наркомов внутренних дел и Госбезопасности страны и входящих в нее республик.

29-я ступень. Председатель и заместители Центральной ревизионной комиссии ЦК ВКП(б), заведующие секторами ЦК ВКП(б), заведующие отделами и секторами Компартии республик, руководители советских органов власти: председатели гор- и райисполкомов, руководители городских и районных органов внутренних дел и Госбезопасности.

28-я ступень. Председатель и заместители Центральной ревизионных комиссий ЦК Компартий республик.

27-я ступень. Инструкторы и инспекторы ЦК ВКП(б).

26-я ступень. Инструкторы и инспекторы ЦК Компартий республик.

25-я ступень. Секретари крайкомов, обкомов партии, заведующие отделами ЦК Компартий республик.

24-я ступень. Заведующие отделами крайкомов и обкомов партии.

23-я ступень. Заведующие секторами крайкомов и обкомов партии.

22-я ступень. Инструкторы и инспекторы крайкомов и обкомов партии.

21-я ступень. Пропагандисты крайкомов и обкомов партии.

20-я ступень. Заведующие парткабинетами крайкомов и обкомов партии.

19-я ступень. Первые секретари райкомов партии.

18-я ступень. Вторые секретари райкомов партии.

17-я ступень. Секретари по идеологической работе.

16-я ступень. Секретари райкома партии, заведующие отделами райкома.

15-я ступень. Заведующие секторами РК партии, заведующие парткабинетами райкомов.

14-я ступень. Инструкторы и инспекторы РК партии.

13-я ступень. Председатели сельских райкомов партии.

12-я ступень. Начальники райотделов НКВД и Госбезопасности.

11-я ступень. Административно-технический аппарат РК партии.

10-я ступень. Выдвиженцы на освобожденные должности в РК партии.

9-я ступень. Секретари парткомов крупных предприятий.

8-я ступень. Заместители секретарей парткомов.

7-я ступень. Инструкторы парткомов.

6-я ступень. Заведующие парткабинетами.

5-я ступень. Освобожденные секретари парткомов колхозов и совхозов.

4-я ступень. Освобожденные секретари партийных организаций (руководители партбюро).

3-я ступень. Не освобожденные секретари парторганизаций, партгрупорги, парторганизаторы, агитаторы, пропагандисты, редакторы редколлегий.

2-я ступень. Члены партбюро, добровольный актив.

1-я ступень. Рядовые члены партии.

0-я ступень. Кандидаты в члены партии. И все остальные согласные и несогласные с партией советские граждане. Кто же ими займется? Ну конечно же, партия!»

Дальше шел текст, гласивший, что желающий стать кандидатом в члены партии должен, прежде всего, быть активистом; лишь заслуживший это «звание» сможет подняться на нулевую ступень. Затем, в зависимости от происхождения (интеллигенты —– до 3-х лет, рабочие — до 1 года, крестьяне — до 2-х лет испытательного кандидатского срока), он может быть принят в ряды ВКП(б) и перейти на 1-ю ступень (именно там и будет находиться большинство коммунистов). Если товарищ захочет подняться дальше в иерархии коммунистов, ему придется пройти своеобразный ритуал. (В эту минуту Крупская вспомнила секретные ритуалы, на которых присутствовала, через которые прошла сама, когда училась в Йельском университете. Об этом же свидетельствовали нарисованные ее рукой масонские эмблемы (всевидящее око) и символы (квадрат (угломер) с циркулем на нем, и прочие) в записях, относящихся к строительству партии. Словно раздумывая над текстом, относящимся к той или иной ступени, она пыталась непроизвольным рисунком обозначить некий смысл, заложить свой секрет.

Весь путь на вершину коммунистической пирамиды состоит из 33-х ступеней (в масонстве, как известно, самая высокая степень иерархия — масон 33-й степени). Возглавляет партию Генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Под Политбюро и Секретариатом Центрального Комитета партии находятся все органы государственной власти, народного хозяйства, армия, карательные органы; они всецело принадлежат воле Генерального секретаря ЦК ВКП(б), а координаторами исполнения его воли являются члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Надежда Константиновна Крупская заложит в эту схему своего рода код, или ключ, если хотите, чтобы схема заработала, — она будет причастна к расстановке сил. Она — **красная царица**, чей образ скрывается за спинами *недомужчин без чести и совести*; но чье слово весомо, ибо Наденька властна, как никогда... И кодом, ключом к пирамиде советской Власти станет расстановка на ключевых постах не просто «новых русских», но скрытых гомосексуалов, которых проще всего скомпрометировать, и от которых в случае надобности проще всего избавиться и которые были самыми гнусными в этой расстановке сил. К слову сказать, в секретаршах у таких начальников, как правило, оказывались лесбиянки или женщины с комплексом «мужественности».

Впоследствии (в 1934–1935 гг.) с целью разгрома так называемой «ленинской гвардии» и «Совета политкаторжан» Н. Крупская рекомендует Сталину ввести в состав вторых лиц — после руководителей партийных ступеней — руководителей ГУГБ (Главного управления Госбезопасности) и НКВД, что означало подчинение начальника ГУГБ и наркома внутренних дел Генсеку партии. Соответственно, все нижестоящие по вертикали наркомы внутренних дел республик, начальники краевых (областных) управлений ГУГБ, НКВД, начальники городских и районных отделов ГУГБ и НКВД отныне подчинялись строго по вертикали не партии, а своему ведомственному начальству, и действовали только по директивам начальника ГУГБ, наркома внутренних дел, действия которых визировал Генеральный секретарь

ЦК ВКП(б). *Таким образом, этот легион карателей был выведен из подчинения партийных и советских органов на местах и стал* ***карающим мечом*** *Генерального секретаря партии. При этом все партийные советские и хозяйственные руководители становились заложниками созданной системы! Да, и вновь она закладывала масонский принцип извивающейся в кольцо змеи, разинувшей ядовитую пасть, чтобы проглотить себя самое...*

Важнейшим документом в партии должен быть Устав ВКП(б) и программа, построенные на основе «научного коммунизма»; «*только свет этого учения способен образумить каждого, даже если этот каждый не пожелает принять это учение...*», — улыбаясь чему-то внутри себя, приписала Надежда Константиновна... В том, 1922 году, далеко не все еще желали принять столь категоричное «знание»... Народ, принявший ТАКУЮ власть, народ, обреченный на отречение от истоков, должен быть обречен и на самоуничтожение, рассуждала Н. Крупская, если, конечно, не одумается, не возвратит себе свое, исконное. Больше она ничего не могла сделать для ЭТОГО народа, кроме как заложить бомбу психологического самоуничтожения; против накатывающего вала *дегенерирования* на Россию она ничего не могла предпринять, она была практически бессильна... Оставалось только играть, но так, чтобы конец игры наступил через много десятилетий, если не столетий... и чтобы ее ходы не сразу смог просчитать противник...

Закончив писать, Надежда Константиновна позвонила в РКИ. Как известно, с марта 1918 г. Советское правительство из Петрограда (Санкт-Петербурга) переехало в Москву. Ленин и Крупская, а также некоторые другие товарищи проживали в Кремле. «Быт в Кремле налаживался. Квартира была удобной и уютной: четыре небольшие комнаты» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 242; кто хочет проверить, что такое в понимании советских идеологов *четыре небольших комнатки в Кремле*, может посетить их с экскурсией или посмотреть в проспектах по так.наз. «Ленинским

местам»: 6 метров до потолка и просторные площади); это вам не коммуналки в большевистском Петрограде-Питере, и не комнаты в многочисленных общагах, и не малосемейки, — привычные места обитания осчастливленных «диктатурой пролетариата» советских граждан (о подобном ужасе житья-бытья не могли помыслить народы в Российской Империи при царе-батюшке!).

Надежде Константиновне было известно, что Сталин уже второй день находится в Москве. Тот оказался в своем кабинете. Поздоровавшись, Крупская сказала:

— Товарищ Сталин, если вы в течение дня найдете такую возможность, то давайте встретимся.

Собеседник, почти не задумываясь, ответил, что готов встретиться уже в ближайшие полчаса. Появившись в кабинете Крупской, Иосиф Виссарионович сел за стол, и некоторое время молча листал пододвинутую ему папку; на первом листе было выведено: «*Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)...*» Ознакомившись с текстом, после некоторого раздумья он как-то полуутвердительно-полувопросительно сказал:

— Ведь вы, Надежда Константиновна, давно все это решили... потому уже почти двадцать лет фактически возглавляете нашу партию.

Очевидно, он хотел что-то добавить, но не смог сформулировать, не нашел подходящих слов, и замолчал. И даже когда Иосиф Сталин наберется опыта властвования, и когда проявит скрытые черты волевого характера, он также будет уважать эту уникальную женщину. Но их отношения приобретут иной оттенок: иронично-зловещий, как и подобает *заполучившим роли исчадий темных сил*.

— Вы недалеки от истины. Такие тяжелые периоды на сломе эпох не способствуют появлению здравых мыслей, зато сейчас можно позволить себе поразмыслить о пройденном, чтобы наметить планы на будущее. И чтобы грамотно решать текущие задачи. А задачи таковы, Иосиф Виссарионович, — то, с чем вы познакомились, прежде всего касается вас... да, вас... На данный момент Центральный Коми-

тет партии не представляет собой реальную силу, ту, которая нам нужна... разве что член Политбюро ЦК Зиновьев является сильной фигурой в Совнаркоме и ВЦИКе. Поэтому, — хочу, чтобы вы были в курсе, — я переговорю с ним о дальнейшем строительстве Политбюро и Секретариата ЦК и укреплении его роли в жизни нашего государства, выслушаю его мнение о кандидатурах, которые могли бы сцементировать наши ряды. Но это будет простая формальность, так как его ставки в этой игре постепенно падают... Так что будьте наготове, под рукой... И еще: у меня есть достоверные сведения, что Троцкий собирается подбросить нам всем сюрприз. Я полагаю, его надо лишить этого удовольствия и все то, что кроется за этим сюрпризом, должно оказаться у вас, в вашей власти, как только вы будете официально утверждены Генеральным секретарем. А чтобы было понятней, с вами лично по этому вопросу встретится Ремезов, бывший полковник разведки императора Николая II. То, о чем он с вами переговорит, чрезвычайно важно и во многом решит, какое государство нам удастся построить, и какова в этом будет роль нашей партии.

Она грузно поднялась из-за стола, давая понять, что разговор закончен. Прощаясь, Сталин разумно предположил:

— Думаю, мне больше нет необходимости уезжать из Москвы. До свидания.

После встречи с Ремезовым он получит многие сведения, касающиеся как царской семьи, так и многих тайн и секретов, относящихся к Российской Империи, к внутренней и внешней политике, — тайн, которые впоследствии пригодятся ему, как правителю, вершащему судьбы народов и своей страны, и мировых держав планеты.

Джугашвили, волею судеб севший на трон, знал, что многим обязан Н.К. Крупской — женщине, в чьих венах имелась доля царской крови... К этому времени Надежда Константиновна изрядно потрудилась, заполучив многие бумаги из архива Имперской разведки, которую возглавлял граф Александр Георгиевич Канкрин, сотрудником которого и был Ремезов. Несомненно, Крупская имела и личные

встречи с сотрудниками этой секретной структуры. Она уже знала, что ее отец НИКАКОГО отношения к революционерам не имел; знала, КАК и КТО завербовал ее саму и ПОЧЕМУ, и что ее настоящая родословная имела при этом решающее значение...

Глава 24

Еще ранее в стране произошли некоторые знаменательные события, которые явственно показали, кто отныне здесь хозяева, а кто рабы.

30 августа 1818 г. из Петрограда в Москву пришла телеграмма, что убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий (наст. *Радомысльский*). Надежда Константиновна знала, что главный террорист Петрограда, без разбору убивавший людей, плохо кончит. Вскоре ей позвонил выехавший на место Дзержинский и сообщил, как было дело. Моисей Соломонович Урицкий в очередной раз встретился со своим сожителем, студентом Канегисером, выходцем из богатой еврейской семьи; они сели играть в шахматы. В тот раз между ними произошла стычка; и эти, пользовавшие не только друг друга, из-за ревности в запале поссорились; в результате Канегисер застрелил начальника Петроградской чрезвычайки.

При «страшной», как ее расписали большевистские историки, средневековой инквизиции, очищавшей общество от дегенератов и вырожденцев, эти два педераста были бы схвачены; а вот при Советах за одного из них пострадали тысячи русских... Вот ведь что было одним из важнейших завоеваний красной революции: отмена наказаний за гомосексуальные связи (!); то же самое произошло и в начале XIX века, когда Кодекс Наполеона (1810 г.) провозгласил *вседозволенность мужских сношений*, поощрив дегенерацию человечества, — вот для чего нужна была Французская революция, также развязанная внешними силами, подтолкнувшими французов к резне.

Дзержинским в Петрограде был начат чудовищный красный террор. Всего расстреляли более 10 000 заложников, якобы выявляя виновных. Все расстрелянные были русскими.

Надежда Константиновна, выслушав информацию Феликса Эдмундовича, сделает в своей памяти очередной вывод: *отныне за одного погибшего большевика убивают 10 000 русских.*

Подобный расклад повторится и после покушения на Ленина. И тогда Крупская припомнит, как еще будучи в Петрограде, она, среди многочисленных посетителей и просителей, принимала в своем кабинете полусумасшедшую Фани Каплан. Которая все повторяла, что Ленин ведет страну к разрухе и что ему не место во власти. Надежда Константиновна, то ли думая о провокаторах, то ли просто чтобы поскорее избавиться, устало спросила, что же она предлагает. Фани убежденно ответила: «Я хочу освободить Россию от него, а вас освободить от недостойного мужчины». Крупская вежливо выпроводила Каплан из кабинета, примирительно сказав: «Ну что ж, если вам удастся...»

И вот уже в Москве, 30 августа 1918 года, на заводе Михельсона маниакальный Ленин был тяжело ранен Каплан. Тут же был объявлен красный террор; и вновь расстреляно более 10 000 русских! Таким было начало истории большевистской власти, «диктатуры пролетариата». *Вот так всем и каждому непонятливому показали: кто же в России хозяева, а кто рабы.*

Зарождающийся советский Агитпроп среагировал не сразу, но через некоторое время зародилась версия, а спустя десятилетия укрепилась, как тяжело жена Ленина перенесла ранение и болезнь Владимира Ильича, и как мировой пролетариат негодовал на злодейское покушение, проводя многочисленные митинги и протесты... Но это никоим образом не соответствует действительности.

Надежду Константиновну в то время заботило не здоровье Ульянова-Ленина. Она вынашивала грандиозные планы в отношении дальнейшего формирования будущего совет-

ских людей... С ее подачи уже был сформирован и подобран аппарат *Народного комиссариата просвещения* (существовал с 1918 по 1946 гг.), в ноябре 1917-го состоялось назначение руководителей 15 отделов Наркомпроса во главе со старым дружком Ленина — Анатолием Васильевичем Луначарским (руководил по 1929 г.; а затем наркомом просвещения был назначен бывший начальник Политуправления РККА и член РВСР, член ЦК ВКП(б) А.С. Бубнов). Сама же Крупская возглавила Внешкольный отдел; считалась заместителем наркома А.В. Луначарского, однако реальная власть и в этой организации принадлежала ей и только ей! **Эта тишайшая, кажущаяся незлобивой Рыба в какой-то момент стала Пираньей антирусской революции.**

Заместителем Н.К. Крупской по внешкольному отделу была З.П. Невзорова-Кржижановская.

Отдел дошкольного воспитания был закреплен за профессиональной большевичкой и террористкой Дорой Абрамовной Лазуркиной (партийный псевдоним Соня); работала в отделе с 1918 по 1922 г. Затем этот пост заняла «выдающийся организатор» М.М. Виленская *(1882–1948)*, уже имевшая большой опыт организации детских садов в Якутии.

Отдел по подготовке преподавательского персонала достался Вере Рудольфовне Менжинской.

Отдел профессионального образования — Софье Ленгник.

Отдел строительства единой трудовой школы — старому большевику Лепешинскому.

Отделом охраны детства в Наркомпросе (и Наркомсобесе) заведовала по 1921 год Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.

Секретарем Наркомпроса, а после (с 1918 по 1921 г.) заведующим Всероссийским кинокомитетом был Дмитрий Ильич Лещенко (наст. *Шатов*); известно, что в 1906 г. с ним в его квартире жил Ульянов-Ленин.

Комиссаром комиссии воспитательного института при Наркомпросе был назначен Золотницкий; начальником муниципальной секции — Лурье; начальником главка Пласти-

ческого искусства — Штернберг; главным секретарем комиссариата — Эйхенгольц; начальником главка театров — О.З. Розенфельд (жена наркома Каменева), а ее помощницей по рекомендации Крупской — Зац; начальником второго главка — Гройним. Среди сотрудников — М.О. Гершензон (впоследствии преподавал в Высшем литературно-художественном институте). Всех «достойных» наделяли ведущими должностями...

Орден, — и это прекрасно знала Н.К. Крупская, — ставил серьезную и важную в своем преступном деле задачу уничтожения уникального просвещения в России. В том числе, конечно, и профессионального университетского образования, основу которого заложил Петр Великий, а на деле реально осуществили гениальный русский ученый Михайло Ломоносов и президент Российской академии наук княгиня Екатерина Дашкова. Университетское образование Российской Империи в своем развитии и совершенствовании достигло такой степени развития, за которым не способно было угнаться европейское образование, не говоря уже об американском.

Орден ставил целью не только извести русское национальное образование, но и искусственным путем заставить деградировать весь учебный процесс, все учебные заведения Империи. Для этого замещение должностей профессорско-преподавательского состава университетов, а также средних специальных заведений, реальных училищ и гимназий должно было произойти за счет... деградированных элементов, подвергнутых психологической и иной обработке со стороны большевиков-революционеров, т. е., агентов Ордена.

И этот чудовищный план было не так уж сложно привести в действие, поскольку за годы революции, Гражданской войны и разрухи **было выращено** целое поколение беспризорников, детей *времени смуты и насилия*, продолжавшихся с 1917 по 1927 г. — которые не учились. Тогда как русские учителя и профессура (немногим удалось уехать,

бежать) были расстреляны, уничтожены вместе с семьями. Новые советские кадры выращивались в большой спешке.

Воплощая преступную программу *дегенеративного образования*, Народный комиссариат просвещения «сконцентрировал в своем аппарате руководство работой реорганизованных учреждений, находящихся ранее в ведении дореволюционного Министерства народного просвещения, а также тех просветительных, научных и художественных учреждений, которые до революции работали под руководством Министерства двора, Синода, Ведомства учреждений императрицы Марии, Министерства торговли и промышленности, и др.» (Педагогическая энциклопедия, т. 3, раздел 48). ***Один из первых большевистских декретов упразднял все учебные структуры царизма.***

15 (2) января 1918 г. Совет народных комиссаров назначил Крупскую, Лебедева-Полянского, Познера, Менжинскую и Рогальского правительственными комиссарами при Комиссариате народного просвещения. Что впоследствии стало называться коллегией Наркомпроса. В рядах первых наркомпросовцев — Л.Р. и В.Р. Менжинские, П.Н. Лепешинский, П.И. Лебедев-Полянский, В.М. Величкина-Бонч-Бруевич и др.

Все годы Надежда Константиновна последовательно работала на будущее, закладывая основы коммунистического *завтра* советской Родины; ***она — идеолог***; ей чужды материнские чувства, под ее нянюшкиным — благостным этаким! — взглядом взрастает палаческая пожива: детские души; многие миллионы детей познают беспримерную «мудрость» советской педагогики, советской науки, — искусственной дегенерации на 1/6 суши.

И в этой борьбе за неокрепшие разумы Надежда Константиновна была безжалостна, работая больше всех окружавших ее. Кремлевские куранты отбивают 5 утра, вместе с курантами встает и Крупская; просматривает документы и корреспонденцию. К 9 утра появляется бессменная секретарша Вера Соломоновна Дридзо. «Сослуживцев и близких Н. К. Крупской поражала ее исключительная работоспособность,

дисциплинированность, организованность, — рассказывает бывшая сотрудница Наркомпроса Э. М. Цимхэс. — В конце рабочего дня я передавала ей рукописи, и уже назавтра с утра она отдавала мне отзывы на них...» (и вновь Кунецкая и Маштакова, правда, с новой книжкой под названием «Страницы прекрасной жизни», М., 1969, с. 48). «В нашей работе, — рассказывает З.И. Гинзбург (она работала в Наркомпросе под руководством Надежды Константиновны), — было много трудностей. Рождались новое содержание и новые формы обучения и воспитания, к которым мы внутренне не всегда были подготовлены...» (там же, с. 100).

Однако прежде чем понять, *что* же было построено, *какая* система внедрена, нужно понять: что же было уничтожено, разрушено. Как известно, в 1910 году III Государственная дума одобрила законопроект о введении в течение 10 лет всеобщего (!) начального образования. До 1917 г. в Российской Империи существовали (просмотрим разные источники, в том числе, конечно же, и Педагогическую энциклопедию в 4-х томах):

— ***приготовительные классы*** (здесь готовили детей для поступления в 1-й класс средних и неполных средних учебных заведений. Имелись при всех (!) гимназиях и уездных училищах. Принимались дети от 8 до 10 лет, «умеющие читать и писать по-русски и считать до 1000, а также производить сложение и вычитание над этими числами»),

— ***педагогические классы***,

— ***Минный офицерский класс*** (г. Кронштадт; на рубеже XIX–XX вв. готовились электрики для морского флота. К слову сказать, радиоэлектронное образование возникло в связи с широким развитием электрической связи; телеграф был открыт в 50–60-е годы XIX века, телефон — в 80-е годы, так что неудивительно, что на титульных листах многих книг первых лет начала XX века указаны номера контактных телефонов издателей(!); радио изобретено в 1895 г. А. Поповым, именно этот выдающийся ученый и преподавал в Минном офицерском классе, а с 1889-го он ввел в курс

физики раздел электромагнитных волн, а позже и радиотехники. Уникальные открытия скоро-скоро возьмут «на вооружение» большевики (в первую очередь, Спецотдел Бокия), чтобы с помощью радиоволн воздействовать на организмы людей, разрушая здоровую физиологию и генетику, создавая уродливое советское чудо — *хомо-советикус*...),

— ***специальные классы и вспомогательные школы*** для умственно отсталых детей,

— ***учительские школы*** (готовили учителей для начальных училищ. В зависимости от принадлежности к содержавшему их ведомству и целевого назначения они существенно различались. Напр., Санкт-Петербургская смешанная учительская школа; Тверская женская учительская школа; Казанская, Самарская и др. учительские школы. Учительские школы Ведомства православного исповедания (возникли в 1884 г.) делились на *церковно-учительские школы* и *второклассные учительские школы*. Имелись также *национальные учительские школы*! — напр., киргизская в Оренбурге; башкирская в Бирске (Уфимская губ.,) чувашская в Симбирске, татарские в Казани, Симферополе и т.д.),

— ***второклассные учительские школы*** (мужские и женские учебные заведения, где в течение 3 лет готовили учителей в основном для *школ грамоты*),

— ***земские школы*** (начальные школы, открывавшиеся земствами в сельской местности и находившиеся в их ведении; к 1911 г. (если верить ПЭ, в России было 27 486 земских школ); сыграли большую роль в распространении грамотности среди крестьян. Любопытно, что для повышения общеобразовательного уровня педагогов земства в конце XIX — начале XX в. организуются передвижные педагогические музеи наглядных пособий, создаются земские публичные библиотеки и учительские библиотеки при школах, проводятся учительские съезды. К тому же, уездные и губернские земства ежегодно открывают и содержат стационарные школы, ремесленные школы, реальные училища, сельскохозяйственные училища, женские гимназии, прогимназии, а также мужские гимназии. В малонаселенных рай-

онах, где земские школы обслуживали редкое население с разбросанными поселками, земства организовывали при школах «ночлежные приюты», устраивали школьные завтраки. А еще земства, заботясь о просвещении земских жителей, подданных Российской Империи, открывали и содержали народные библиотеки-читальни, организовывали народные чтения, создавали воскресные школы, проводили повторительные занятия со взрослыми, издавали недорогие книги для народа. Согласно ПЭ, в 1911 г. в России было более 40 000 земских школ.),

— ***технические школы***,

— ***средние коммерческие школы***,

— ***воскресные школы*** (общеобразовательные школы для взрослых (крестьян, рабочих, ремесленников, служащих), занятия в которых проводились по воскресным дням. Одно из учреждений системы внешкольного образования. Также в конце XIX века появились *воскресно-вечерние* и *вечерние* школы.),

— ***передвижные школы*** (еще назывались *подвижные школы*; использовались в некоторых областях с поселением казачьих войск, при организации казахских аульных школ и т.п. В районе деятельности такой школы было обычно 2–4 поселка.),

— ***повторительные школы*** (учебные заведения для бывших учеников начальных школ, желающих (!) возобновить или расширить полученные в прошлом знания. Занятия вели учители земских школ в воскресные дни и вечернее время),

— ***гарнизонные школы*** (низший разряд военных заведений для детей солдат, основаны еще Петром I; находились при воинских частях. Учились дети с 7 лет грамоте, арифметике, в зависимости от профиля — артиллерийской и инженерной науке, музыке, писарскому делу, слесарным, плотничьим работам, другим ремеслам, «кои потребны в армии». С 15 лет воспитанники зачислялись в армию),

— ***горнозаводские школы*** (учебные заведения при горных заводах, готовившие квалифицированных рабочих и

техников горной промышленности. Принимались дети «нижних чинов и рабочих людей» от 7 лет; система заводских школ включала 4 основных типа: 1) начальную (словесную) школу, где преподавались грамота, чтение, письмо, 2) арифметическую, — математика, геометрия, тригонометрия, черчение и теоретические основы горного дела 3) немецкую (в Екатеринбурге) — изучали немецкий язык, физику, механику, технику 4) латинскую (в Екатеринбурге). Как вам *такое* образование для «забитых, темных, неграмотных» рабочих Российской Империи, — какими нам их представляли большевики?! По типу уральских школ создавались и горнозаводские школы на Алтае, в Барнауле, Томске и др. городах.),

— ***киселевские школы*** (сельские приходские школы, создаваемые Министерством государственных имуществ в селениях государственных крестьян, позднее перешли в ведомство Министерства народного просвещения),

— ***конфессиональные школы,***

— ***монастырские школы,***

— ***старообрядческие школы*** (начальные школы при общинах и монастырях старообрядцев; обучались и мальчики, и девочки; в иных — взрослые. В некоторых школах ученики помимо основных предметов обучались иконописи и церковному пению.),

— ***Церковно-приходские школы*** (школы при церковных приходах; в России стали открываться с XI века. Один из типов начального народного училища. Закончившие их получали образование много выше советского техникума; за признание, что закончил церковно-приходскую школу, советская власть могла человека запросто и расстрелять... «До революции в ведении духовного ведомства находилось свыше 40 тысяч церковно-приходских школ, именно в них обучались в основном дети рабочих и крестьян» — «Биография», с. 170.),

— ***миссионерские школы*** (представляли собой интернаты; принимались только мальчики. Большое распространение получили в Восточной Сибири, Забайкалье и на Камчатке. Обучение продолжалось 5–9 лет),

— ***иезуитские школы*** (делились на низшие — коллегии (с 7-летним сроком обучения) и высшие — семинарии (с 6-летним сроком обучения). Первые приближались к гуманистическим гимназиям, вторые — к университетам. Наверняка ни в каких источниках вы не найдете информацию, что *иезуитские школы в основном готовили тайных сотрудников Святейшего Синода, которые после работали в разных структурах и выявляли врагов Отечества и веры*),

— ***средние специальные учебные заведения*** (согласно ПЭ, к концу XIX века в России было 143 средних спец. уч. заведений, в том числе 14 средних технических, 12 сельскохозяйственных, 11 мореходных, судостроительных и судовых механиков училищ, 64 учительские семинарии, 34 фельдшерских школы. Но уже к 1914 г. их количество резко возрастает: 50 промышленных, строительных и транспортных средних технических училищ, свыше 20 сельскохозяйственных и землемерных, 65 фельдшерских и акушерских школ; всего же функционировало свыше 450 средних специальных учебных заведений),

— ***волостные училища*** (начальные школы, готовившие писарей для палат государственных имуществ и для сельских управлений. Числились в ведомстве приказов общественного призрения, в них обучались дети крестьян),

— ***реальные училища***,

— ***главные народные училища***,

— ***высшие начальные училища***,

— ***высшие технические училища***,

— ***женские училища*** (делились на: 1) Мариинские, т.е. находящиеся в ведении Ведомства учреждений Императрицы Марии; 2) училища Министерства народного просвещения; 3) училища в ведении Святейшего Синода).

— ***уездные училища*** (преобразованы в городские),

— ***министерские училища***, одноклассные (учились 3 года) и двухклассные (5 лет) казенные учебные заведения; открывались в крупных деревнях и селах. Кроме Закона Божьего, чистописания, арифметики, пения, географии, истории, естествознания и черчения во многих училищах изу-

чали садоводство, огородничество, пчеловодство. Окончившие курс двухклассных училищ получали право поступать в технические училища или держать экзамены в учительские семинарии.

— ***Училище живописи, ваяния и зодчества*** (в Москве); Училище технического рисования; Строгановское училище; имелись также художественные *школы* в Киеве, Казани, многие др.,

— ***коммерческие училища*** (среднее учебное заведение. Имели 7- и 8-летний курс обучения и считались общедоступными, наряду с мальчиками принимались и девочки. Оканчивающие могли поступать в коммерческие институты или в высшие технические учебные заведения. Напр., Коммерческое училище при Путиловском заводе; Лесное коммерческое училище.),

— ***епархиальные училища*** (средние женские учебные заведения, находились в ведении Святейшего Синода. Принадлежали к типу полузакрытых учебных заведений. Предназначались главным образом для воспитания дочерей православного духовенства, но принимались дети и других сословий. Учебный курс — 6 классов — был близок к курсу женских гимназий. Окончившие курс, получали право на звание домашних учительниц.),

— ***одноклассные начальные училища*** (еще назывались «образцовые» училища; открывались в крупных селениях Министерством народного просвещения; имели 3-годичный срок обучения. В конце XIX в. начали открываться также и ведомством церковного православия),

— ***двухклассные начальные училища*** (школы повышенного типа с 5- и 6-летним сроком обучения. Существовали в крупных селах, на больших железнодорожных станциях, в уездных городах. В основном обучались дети крестьян и торговцев),

— ***кадетские училища*** (напр., Оренбургское Неплюевское кадетское училище, Суворовское училище, др.)

— Московское училище слепых,

— Санкт-Петербургское училище глухонемых,

— также училища различного профиля: *горные училища* (к примеру, в некоторых училищах Урала кроме горного производства изучалась механика, архитектура, фортификация и др. предметы); *строительные училища*; *сельскохозяйственные училища* (выпускники получали звания агронома, садовода, винодела, землемера, гидротехника, культуртехника; работали участковыми и уездными агрономами, лесничими, управляющими имениями, учителями с/х учебных заведений и др.); *технические училища* (напр., МВТУ — Московское высшее техническое училище); *театральные училища* (напр., в Санкт-Петербурге; театральные *школы*, где имелись отделения: балетные, драматические, режиссерские, оперные и др.; также драматические курсы в Москве при Малом театре;); и т.д. и т.п.

— ***семинарии*** (один из типов средних специальных учебных заведений. Наиболее распространены были духовные семинарии и учительские семинарии. Напр., Иркутская учительская семинария.),

— ***прогимназии*** (неполное среднее учебное заведение; распространение получили в царской России и в Германии. Были мужские и женские),

— ***гимназии*** (среднее общеобразовательное учебное заведение; обычно с ярко выраженным гуманитарно-филологическим уклоном.),

— мужские гимназии (напр., Александровская гимназия в Риге),

— женские гимназии Ведомства учреждений Императрицы Марии,

— ***Высшие женские курсы*** (высшие женские учебные заведения. Напр., Высшие женские медицинские курсы при Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге; Бестужевские высшие женские курсы в Санкт-Петербурге; еще в северной столице — Аларчинские; Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы; Историко-литературные и юридические, Естественно-научные курсы и т.д.; в Москве — Лубянские и др., а также в Одессе, Харькове, Киеве, Казани, Тифлисе, Новочеркасске, Томске и т.д.),

— высшие педагогические курсы,

— ***Пречистенские курсы*** (вечерние общеобразовательные курсы для рабочих. Состояли из двух отделений: общие классы и специальные классы. Строились по типу народных университетов; учебные занятия дополнялись экскурсиями, занятиями в изостудии и литгруппе, а также в драмкружке.)

— ***Пажеский корпус*** (привилегированное военно-учебное заведение. Допускались только зачисленные в пажи к царскому Двору; в старших классах лучшие по поведению и успеваемости производились в камер-пажи),

— ***кадетские корпуса*** (средние привилегированные военно-учебные заведения закрытого типа. Принимались дети дворян, офицеров, а также и недворянского происхождения. Подчинялись Главному управлению военно-учебных заведений Военного министерства. В начале XX века насчитывалось 27 кадетских корпусов. Напр., 1-й Санкт-Петербургский Кадетский корпус и др.),

— ***лицеи*** (сословное привилегированное учебное заведение, готовившее высших государственных чиновников всех ведомств. Напр., Царскосельский Александровский лицей; Ришельевский лицей (в Одессе); Ярославский юридический лицей (открыт горнопромышленником П. Демидовым в 1803 г.; высшее юридическое учебное заведение с правами университетских юридических факультетов); Нежинский лицей и др.

— ***пансионы*** (среднее, иногда высшее мужское или женское закрытое воспитательное или образовательно-воспитательное заведение. Имелись во многих крупных городах. С конца XVIII века в ряде губернских городов приказами общественного призрения были открыты для детей дворян и чиновников т. н. *сиротские пансионы*. Позже появляются пансионы при гимназиях, которые исполняют роль общежитий. Напр., Благородный пансион при Московском университете, а также при Санкт-Петербургском университете),

— ***дворянские институты*** (закрытые (мужские) сословные общеобразовательные учебно-воспитательные учреждения для дворянских детей. Основная их цель — подготовка к дальнейшему образованию в университете),

— *институты* (различного профиля, где давали образование в разных областях: географическое, геодезическое, геологическое, горное, ветеринарное, лесотехническое, радиоэлектронное, сельскохозяйственное, художественное, театральное и т.д. и т.п. Напр., в Санкт-Петербурге — Технологический институт, Электротехнический институт, Институт гражданских инженеров, Институт инженеров путей сообщения (где с 1904 г. читался курс электрических железных дорог!); Московский институт путей сообщения; Межевой институт в Москве; Томский технологический институт, Киевский политехнический институт и многие др. К примеру, имелось 15 сельскохозяйственных вузов; 9 из них курировались Департаментом земледелия.),

— женские институты (напр., Московский Елизаветинский институт, Казанский Родионовский женский институт и др.)

— Институт благородных девиц (Смольный институт),

— сиротские институты (напр., Александровский сиротский институт; Гатчинский сиротский институт),

— *учительские институты*, в том числе Главный педагогический институт (педагогические учебные заведения, готовившие учителей для средних классов общеобразовательных школ. Принимались лица (мужчины) всех званий и состояний (имелась процентная норма в отношении евреев, — как и в других учебных заведениях Российской Империи). В начале XX века насчитывалось 58 учительских институтов.),

— *университеты* (напр., Московский (основан в 1775 г. по инициативе М. Ломоносова), Дерптский (ныне — в Тарту; основан в 1802 г.), Санкт-Петербургский (1819 г.), Киевский (1834 г.), Харьковский (1805 г.), Пермский, Томский, Львовский, Одесский и др., — всего 13 университетов),

— *медицинские университеты*,

— *народные университеты* (общедоступные культурно-просветительные учреждения, способствующие повышению культуры и профессионального мастерства трудящихся независимо от образовательного уровня и возрас-

та. Их еще называли «*крестьянские университеты*»). Под эту «марку» были открыты заведения, подобно *народному университету Шанявского* (открыт в 1908 г.), где шла подготовка революционеров; в тот же университет Шанявского принимали всех желающих (без учета процентной нормы евреев), зачастую в нарушение правил, — даже без аттестата о среднем образовании; преподавали там также в основном нерусские, которых впоследствии, при Советах, возведут в ранг «гениальных», «прогрессивных педагогов», «видных деятелей», «крупных ученых» в разных сферах образования и науки, причем, в сферах *русского* национального просвещения, *русского* образования и *русской* науки. К слову сказать, там же преподавал много раз упоминаемый автор книги «История царской тюрьмы» М. Гернет (в 1947 г. за свой «научный» труд с одноименным, как и книга (всего выйдет 5 томов), названием профессор Института юридических наук Гернет получит Сталинскую премию 2-й степени, а, значит, 75 000 рублей вознаграждения, тогда как средний заработок рабочих «счастливой советской страны» был от 75 до 250 рублей (по курсу денег 1933 г. — от разнорабочего до сталевара). С ним также работали супруги Шацкий и Шацкая, Шлегер, Готье, Лебедев, Реформатский, Блонский, Хавкина и др. Многие выпускники именно этого так называемого «университета» впоследствии станут сотрудниками самых первых, самых важных советских учебных заведений — Института красной профессуры, Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской и др. ...Вот взять хотя бы воспоминания революционерки К.П. Чудиновой, 1894 г. рождения, которая в 1917 году уже была продкомиссаром уезда (!) в Сибири; проживавшая в Подольске девушка связалась с преступными большевистскими элементами, которых сплотил ссыльный Самуил Цвиллинг; в рядах подпольщиков были малолетки и юноши: сестры Могилевские, Таня и Костя Наумовы, Маня Забелинская, Люба Рейман, Люба Годисова, др. Однако некоторым из них пришлось уехать в Москву, где вместе с товарищами Зиной Могилевской, Стивой Дорониной, Вениамином Тверитиным, Кешей Лончаковым, Петром Хотеенковым они поступили учить-

ся в Московский народный университет А.Л. Шанявского. «Для нашего брата-подпольщика университет Шанявского (ныне в этом здании на Миусской площади размещается Академия общественных наук при ЦК КПСС) был хорош тем, что для поступления в него не требовалось ни свидетельства о политической благонадежности, ни аттестата об окончании среднего учебного заведения. Здесь не интересовались ни вероисповеданием, ни социальным происхождением. Девушки-студентки посещали занятия вместе с молодыми людьми. Занятия в университете были только вечером. Лекции здесь читали московские знаменитости. Мы слушали историка А.А. Кизеветтера, литературоведа Ю.И. Айхенвальда, крупного специалиста по уголовному праву М.Н. Гернета, блестящего знатока античного искусства Б.Р. Виппера... На лекции ведущих профессоров стремилась вся мыслящая московская интеллигенция. (И вновь пресловутая гипертрофированная агитпроповская ложь, — «мыслящая московская интеллигенция», — это в данном случае представители местечек, приехавшие в первопрестольную, тогда как вышеперечисленные «московские знаменитости» и «ведущие профессора» ни в каких советских энциклопедиях вообще не упоминаются. В так называемом институте Шанявского можно было преподавать просто сказав, что имеешь опыт преподавательской работы, не предоставляя подтверждающих документов! — *Авт.*) Шанявцы были людьми, искренне преданными революционным идеям. Многие из них впоследствии стали активными борцами за революцию». В среде шанявцев работали партийные подпольные группы, активными членами числились: Маша Черняк, Ася Залкинд, Вениамин Тверитин, Петр и Иосиф Хотеенковы, Ян Кураш, Кеша Лончаков, Стива Доронина, Надя Штерн, Агата Гумбелевич, Зина Могилевская, Дуня Шойхет, Сарра Бродская (которая ездила получать инструкции за границу к Ленину). «Университет Шанявского был для нас школой политической работы. Много замечательных большевиков выросло в его стенах. Почти весь актив университета были участниками великого Октября и гражданской войны» (Сб. «Революционерки России». М., 1983, с. 81–94). Так что недаром с

1917 года этот «университет» и его преподаватели вольются в... МГУ и станут его основой, костяком!!!),

— академии (напр., Михайловская артиллерийская академия).

До середины XIX века просуществовали многочисленные индустриальные школы, братские школы, кантонистские школы (для сыновей солдат).

Но и это не все! Имелись народные библиотеки и читальни; Народные дома; детские приюты, — где также обучались. К примеру, ***Народные дома*** представляли собой внешкольные культурно-просветительные учреждения; в них размещались библиотека с читальней, театрально-лекционный зал со сценической площадкой, воскресная школа, вечерние классы для взрослых, хор, чайная, книготорговая лавка. При некоторых Домах устраивались музеи, размещали краеведческие экспонаты, передвижные и постоянно действующие выставки, причем не только художественные! — это ли не забота о СВОЕМ народе со стороны имперской власти?!

На Кавказе работали *горские школы*. Мусульмане учились в джадидистских школах, в кадимистских школах. Для них были открыты мектебы (начальная школа у мусульман), медресе.

А чуваши обучались на родном языке (!) *в удельных школах*, для них работала и Симбирская чувашская учительская школа. Имелись, к примеру, бурятские школы, Мордовская семинария в Казани. Образование получали в русско-туземных школах, русско-татарских училищах, в медресе и русских классах при нем.

Были и *русско-инородческие школы*. Инородцы также проходили и свое отличительное обучение: *Талмуд и Тору*, — еврейское учение; «были основаны в XVI веке в Риме (Италия), Амстердаме (Нидерланды), Кракове (Польша) и др. городах и полностью находились под контролем религиозных общин и раввинов. Средства на содержание училищ давали религиозные общины и особые братства. По достижении 14 лет наиболее способные учащиеся поступали в высшее духовное училище — ешибот» (ПЭ, т. 4, раздел 208).

А еще инородцами создавались многочисленные *тайные школы*, особенно в Литве и Белоруссии, где проходила пресловутая «черта оседлости» и где проживало огромное количество евреев, которых до начала 1920-х годов называли не иначе, как *жиды* (к слову сказать, стихотворение под названием «Жидам» имеется у классика белорусской советской литературы Янки Купалы; однако в фундаментальную «Энциклопедию Купалы», изданную в 80-е годы XX века, оно отчего-то... не вошло, хотя автор призывает этот народ наряду с братьями-белорусами «подняться с колен»). Особое гонение на тайные школы началось после восстания 1863 года в Литве и Белоруссии. «В 1864 по приказу генерал-губернатора Муравьева, лица, занимающиеся тайным обучением, подвергались штрафу (вот вам и грозный *Муравьев-вешальник*, как с ненавистью прозвали его революционеры! Не порол, не вешал, огнем не выжигал, в тюрьмы не сажал, а лишь штрафы выписывал подрывателям нравственных и духовных основ развитого общества... — *Авт.*). В 1892 правительство приняло постановление «Об утверждении временных правил о взысканиях за открытие и содержание тайных школ в Северо- и Юго-Западном крае» и распространило его действие на Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Волынскую губернии. Несмотря на преследования, тайное обучение в некоторых местах сохранилось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции» (там же, раздел 206).

Итак, ЧЕМ и КАК заменили большевики систему *русского просвещения*?

Глава 25

Прежде чем ответить на поставленный в предыдущей главе вопрос, следует хотя бы кратко рассмотреть: кто пришел учить детей, как это происходило. И главное: ***каких*** детей следовало посадить за парты.

Первая мировая война (как любая война) с 1914 по 1917 г. изуродовала психику людей, и в первую очередь детей. Затем произошла революция 1917 года и чудовищная по масштабам резня Гражданской войны, длившаяся с 1918 по 1921 г. Однако **уничтожение генофонда** России и **разрушение психики** людей особо интенсивно продолжалось с 1917 по 1929 гг.; именно в эти бесконечно длящиеся месяцы и годы большевистским режимом в стране был развернут массовый геноцид русского народа, в результате чего было уничтожено 60 миллионов человек, — краса и сила титульной нации. Помните, как выразился известный французский социальный психолог Гюстав Лебон *(1814–1931)*, сравнивая каждую нацию с пирамидой, основание которой заполнено темными массами населения, средняя часть — образованными слоями и высшая — «тем небольшим отбором ученых, изобретателей, артистов, писателей, очень ничтожной группой в сравнении с остальной частью населения, но которая одна определяет уровень страны на шкале цивилизации. Достаточно бы было им исчезнуть, чтобы видеть, как одновременно исчезло и все то, что составляет величие нации». Но в какую пропасть скатилась Россия, когда была уничтожена не только та *часть, которая одна определят уровень страны на шкале цивилизации*, но и средний слой, и даже элитная, здоровая часть из основания общественной пирамиды! «...Пропасть между психическим складом различных рас объясняет нам, почему высшим народам никогда не удавалось заставить низшие принять их цивилизацию. Столь еще распространенное мнение, что образование может осуществить подобное дело, — одна из печальнейших иллюзий, какую когда-либо создали теоретики чистого разума» (Г. Лебон. Психология масс. Мн., М., 2000, с. 33).

В течение всех военных и послевоенных лет, с 1914-го по конец 20-х годов XX века в России продолжали рождаться дети, которые появлялись на свет Божий уже с деформированной психикой, с искаженным восприятием окружающего мира. Миллионы их оставались без родителей, — сирые, брошенные, голодные...

Когда власть была захвачена и завершена Гражданская война, коммунисты обратили свой взор на подрастающее поколение. «На долю первой в мире республики труда (была огромная процветающая страна, а стала республика рабского труда. — *Авт.*) досталось тяжелое наследие царского строя (большевистская демагогия: обвинить «слабоумного царя Николая II, откормленных великих князей» (по выражению А. Луначарского) и царский строй в преступлениях, которые сами большевики и совершили. — *Авт.*), войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на героические усилия, проявленные Советской властью… на территории Союза Советских Социалистических Республик осталось еще громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи. Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах — как детская преступность, проституция, — угрожает подрастающему поколению… Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств. Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым…», — панически требовал помощи для брошенных юных членов нового общества у граждан разоренной страны и зарубежных организаций (тогда как на самом деле помощь, если и поступала, то оседала в карманах властной верхушки) председатель комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей Феликс Дзержинский (см. газету «Известия» за 31 марта 1923 г.)

Согласно советской статистике, к 1921 г. в стране насчитывалось 4,5 млн. беспризорных детей. В первые годы советская власть создавала разные советы и комиссии, чтобы взять под контроль ситуацию с бепризорностью: Государственный Совет защиты детей (1919 г.), председатель — нарком просвещения А. Луначарский; Детскую чрезвычайную комиссию РСФСР, зам. председателя — Израиль Исаакович Данюшевский (работал в Наркомпросе с 1923 по 1930 г.);

Комиссию по улучшению жизни детей (1921 г.: Деткомиссия ВЦИК), председатель Ф. Дзержинский. В Деткомиссии работали представители ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии), РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции), Наркомпроса, Наркомтруда, Наркомздрава и ВЦСПС (Всесоюзный Центральный совет профессиональных союзов).

На «борьбу с беспризорностью» были выделены проверенные большевистские кадры, в основном женского пола. С точки зрения психиатрии судьбы женщин-большевичек, возведенных советской системой в ранг мужественных борцов с жестоким самодержавием, очень любопытны и поучительны.

Взять, к примеру, *Мотю Разумову* (партийный псевдоним Канарейка; звалась затем именем Матрена). «Весь жар своего сердца она отдает спасению беспризорных детей. На станции Иваново-Вознесенск по ее почину дежурят женщины-активистки, они снимают с поездов, крыш вагонов, вытаскивают из подвагонных ящиков чумазых, немытых, голодных детей. Их отправляют в санпропускник, кормят, дают чистое белье, а затем распределяют по детдомам, организованным в особняках, отнятых у иваново-вознесенских фабрикантов. Сколько же было тогда беспризорных детей на дорогах России! ...Надо было решать сотни самых разных практических вопросов: ...кого назначить воспитателями, какой должна быть первая беседа с ребятами... Ведь кроме крова над головой и возможности каждый день есть, надо было привить ребятам утраченное чувство человеческого достоинства» (Сб. «Революционерки России». М., 1983, с. 26–27).

Но прежде чем проявить свой талант спасительницы несчастных детей, она — как и вся остальная когорта псевдоженщин-большевичек — всячески способствует появлению беспризорных, работая не покладая рук на дело антирусской революции. В 15 лет Мотя приехала к матери, стала работать на фабрике в Иваново-Вознесенске; там юную девчушку познакомили с неким А. Киселевым, который повел себя как ухажер. И после очередного свидания он сказал, что «пойдут они к его товарищу, человеку очень серь-

езному и занятому большим делом, но об этом знакомстве говорить никому не следует». «Ухажер» повел Мотю на занятия подпольного марксистского кружка, созданного местным комитетом РСДРП. «Занимались ученики кружка в лесу, неподалеку от деревни Афанасово. На полянке раскладывалась нехитрая снедь, а за пояском, под шалью, у каждой была заветная тетрадочка с записями, а то и запрещенная брошюрка. ...здесь зарождались смелые революционные мысли. Подружилась Мотя в кружке с девушками и узнала вскоре их подпольные клички. Маша Икрянистова — «Труба», Матрена Сарментова — «Марта», руководитель кружка большевичка Клавдия Ивановна Кирякина-Колотилова — «Мишка»... «Занимались девушки часто втроем... занимались истово, часто и ночи прихватывали...»; читали «Искру»; «все статьи призывали к революционной борьбе». «Осенью 1903 года кружковцы познакомились с решениями II съезда партии. На одном из занятий читали брошюру Н. К. Крупской «Женщина-работница», изданную в типографии «Искры». Плакали над нею, потому что была она про их трудную жизнь. (Дальше идет привычная большевистская лживая пропаганда. — *Авт.*) И действительно, невыносимо трудно жилось работницам текстильных фабрик. Рабочий день продолжался 12–15 часов. (С начала 80-х годов XIX века рабочий день в Российской империи официально составлял 7 часов 45 минут и 8 часов 15 минут!!! Это зависело от специфики производства и времени на обеденный перерыв. — *Авт.*). В цехах пыль, копоть, вредные испарения, спертый воздух, плохой свет, низкая оплата за непосильный труд (бывший 1-й секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев неоднократно вспоминал, что его зарплата в качестве рабочего при царизме существенно превышала должностной оклад руководителя партии и Советского правительства!!! — *Авт.*). Всегда за тобой следит ненавистный глаз мастера, готового оштрафовать, уволить за малейшую провинность, унизить, оскорбить...» И так им трудно работалось под взором «ненавистного мастера», что «после занятий, которые проходили ино-

гда по ночам... потом днем, на работе, за станком, вздремнет сначала одна, потом другая...» (!!!)

После II съезда партии, в 1904 г., 23-летнюю Разумову зачислили в ряды партии большевиков, ей поручают конспиративные задания; она ведет непримиримую борьбу... Выступает на митингах, участвует в стачках, швыряет камни в полицейских, прячется от ареста; после увольнения с фабрики вместе с мамашей поехала в родное село Середу, там поступила работать на фабрику Горбунова, и тут же — наладила связь с местной ячейкой РСДРП, подбивала к стачкам, «пламенно выступала на митингах», распространяла нелегальную литературу, листовки...

Один и тот же сценарий: внедрение психопатов и параноиков с навязчивыми идеями и расшатывание устоев благополучного общества.

После побега из села Мотя по заданию партии «перевозила оружие для большевиков Иваново-Вознесенска, Костромы и других районов». «...в конце 1907 г. по заданию комитета опять стала хозяйкой подпольной квартиры (на все ***у партии*** находились средства! — *Авт.*), в нижнем этаже которой разместили типографию Иваново-Вознесенского комитета РСДРП.»; там «под видом нахлебников жили находившиеся на нелегальном положении» Н. Коровин («Прибой») и М. Муравьев («Егор Иванович»), — и, заметьте, жили двое мужчин в одной квартире с незамужней молодой женщиной, что считалось нонсенсом в обществе! Они печатали листовки и прокламации, тексты которых передавали руководители Иваново-Вознесенской большевистской организации О.А. Варенцова, А.С. Бубнов («Химик») и И.Е. Любимов («Григорий») через члена комитета Павла Постышева («Ермак»; впоследствии станет членом Оргбюро Политбюро ЦК ВКП(б), членом Президиума ВЦИК СССР, одновременно — членом Оргбюро Политбюро и секретарем ЦК КП(б)У; в 1939 г. расстреляют как «врага народа»). Разумовой и Постышеву доверяли это конспиративное дело, как членам партии, с юных лет (!!!) принимавшим вместе участие в подпольной работе.

Идут годы, и вновь эта Мотя, подсевшая на революционного конька, — хозяйка другой, третьей конспиративной квартиры, она хранит оружие, поддерживает связи со ссыльными, пересылает нелегальную литературу, в опасные моменты переходит на нелегальное положение. Ну а далее — вознаграждение за труды неправедные: в февраль 1917 г. она избирается депутатом Иваново-Вознесенского городского Совета; в мае т.г. входит в состав Исполнительного комитета Совета, председателем которого стал большевик Н. А. Жиделев; в ноябре 1918 г. участвует во Всероссийском съезде работниц и крестьянок в Москве; в т.г. занимается на курсах при Первой совпартшколе в Москве. С 1922 г. работает в губкоме партии в Иваново-Вознесенске зав. отделом по работе среди женщин, — проводит линию партии по превращению женщин в безмозглое, бесполое тягловое стадо. Тогда же, в 20-х гг. возглавляла губернское отделение Всесоюзного общества «Нарпит» (народное питание).

Мотя, как и многие большевистские говоруны, «очень любила пропагандистскую работу в деревне: быть в гуще крестьянских масс, разъяснять политику партии, агитировать за коллективное хозяйство, за новую светлую жизнь. Поэтому она охотно ездила в деревню с агитационной «красной повозкой». Это была крестьянская телега с крытым кузовом, обитым красной материей» и обвешанные лозунгами; «возглавляли агитповозки старые коммунисты, с ними ехали агитаторы-комсомольцы. В повозке были газеты, ...политическая литература, а также граммофон с набором пластинок. Останавливались в деревне, заводили граммофон. Тут же собирался народ». Об одном сокрушалась Мотя, этот «пламенный агитатор», этот «самородок из народа», — как ее называли пропагандистские авторы, словно умышленно лишив ее принадлежности к женскому роду-племени (впрочем, на фотографиях она и выглядит крепкой мужичкой): «было бы в сутках еще 24 часа, все бы отдала делу революции!» (Сб. «Революционерки России», с. 17–29, выборочно).

Вот такие *выходцы из народа* и становились хорошими помощниками, воплощая в жизнь замыслы и программы Надежды Константиновны Крупской.

«В декабре 1921 года я была избрана делегатом на IX Всероссийский съезд Советов и одновременно откомандирована на Всероссийский съезд отделов социального воспитания (соцвосов). Этот съезд организовала и проводила Н.К. Крупская... — вспоминает еще одна пламенная большевичка, круглолицая еврейка с раскидистыми бровями и жгучим взглядом *П.Г. Замогильная.* — После моего выступления на съезде с сообщением о работе отдела социального воспитания в Тамбовской губернии Н.К. Крупская во время перерыва позвала меня. И она, и бывшая при разговоре заведующая Петроградским отделом народного образования З.И. Лилина одобрительно отозвались о работе соцвоса на Тамбовщине, особенно заинтересовались постановкой внешкольной, просветительной работы».

Но каким был до этого жизненный путь очередной деятельницы компартии, взявшейся воспитывать чужих детей?

Проживала в селе недалеко от г. Юрьев-Польского Владимирской губернии; в 1910 году с матерью уехала к отцу в Москву; там через отца познакомилась с революционерами: Паней Юдиной, Люсик Лисиновой (еврейка с толикой армянской крови; наст. Лисинян), Людмилой Чесноковой, Натальей Силуяновой, И. Цивцивадзе, др., стала большевичкой и агитатором, была прикреплена (!!!) к Юрию Сократовичу Мышкину (кличка «Князь»), который учил ее выступать перед народом так: заставлял заучивать наизусть статьи из газет «Социал-демократ», «Правда», «Искра» и др., выталкивал на митингах вперед и страховал, чтоб не сбивалась.

«В июле 1917 года при райкоме организовали отряд Красной гвардии, и я вступила в него. *Военную подготовку мы проходили под руководством Наума Козелева.* 26 октября в райкоме состоялось собрание актива, на котором решался вопрос о вооруженном восстании. К вечеру в столовку стали собираться рабочие отряды. Им *выдавали оружие из запасов, хранившихся на складе во дворе дома 28; часть оружия была подвезена с завода Михельсона»* (выделено мной. — *Авт.*). «После октябрьских боев райком направил меня на укрепление милиции, и до осени 1918 года

я работала в Первом Пятницком комиссариате»; после гибели отца в 1918-м крепкая девица записалась в Красную армию, но ее отправили в Пензенскую губернию в г. Мокшан «на укрепление партийной и советской работы»; «туда же приехала и большевичка-подпольщица Роза Яковлевна Бейлис и коммунисты из Петрограда».

«В марте 1920 года я была избрана членом Пензенского губкома партии и утверждена заведующей губженотделом, а в сентябре 1921 года ЦК перебросил меня в Тамбов, где я заведовала в губнаробразе отделом детских домов губсоцвоса и детским домом имени Октябрьской революции... Обстановка в Тамбове была напряженная. После ликвидации антоновского мятежа осталось много сирот, которых надо было забрать в детские дома (опять ИМ кто-то виноват! — *Авт.*). Кроме того, через Тамбов проходили эшелоны безнадзорных детей из Поволжья. Многие дети находились в тяжелом состоянии. Приходилось снимать их с поездов и размещать в перегруженные детские дома и больницы. Продуктов не хватало, одежды тоже...» (Сб. «Революционерки России», с. 178–186)

Да, дождалась матушка-Россия великого большевистского счастья для своих подданных... И КТО и КОГДА ответит за все это зло, причиненное русскому и другим народам нашей страны?! И есть ли вообще КОМУ предъявить счета?!

Основной формой борьбы с беспризорностью стало определение детей и подростков в учреждения интернатного типа; для этого советская власть создала для юных «строителей коммунизма» детские дома, детские городки, колонии и коммуны, готовившие своих воспитанников к главному: общественно-полезной трудовой жизни. В 1923 г. в стране насчитывалось 3971 детское учреждение, а в 1927 г. — уже только 1922. К середине 30-х проблема практически решена: часть детей была ликвидирована; часть «перекована» в «правильных»; часть выросла и стала бесправными советскими гражданами-рабочими и колхозниками.

Широкую известность в 20–30-е годы получили Полтавская и Куряжская трудовые колонии имени Горького; Харьковская трудовая коммуна имени Ф.Э. Дзержинского; Прилуцкая трудовая коммуна для мальчиков и юношей; Болшевская коммуна; Лопасневский институт трудового воспитания «Новая жизнь» для девочек и девушек и др.

Колония имени Горького была организована чекистом Антоном Семеновичем Макаренко в сентябре 1920 г. под Полтавой, затем, в 1926 г. переехала в Куряж под Харьков. А.С. Макаренко был заведующим колонией до 1928 г. В 1923-м стала опытно-показательной колонией Наркомпроса УССР. «В колонии был осуществлен принцип соединения обучения с производственным трудом» (ПЭ, т. 2, раздел 443); «папа» Горький посетил воспитанников в 1928 г.

Коммуна имени Ф.Э. Дзержинского — детское воспитательное учреждение; «создана в поселке Новый Харьков (пригород Харькова) на добровольные отчисления из заработной платы чекистов Украины (как памятник Ф. Дзержинскому) и открыта 29 декабря 1927. В качестве руководителя коммуны был приглашен А.С. Макаренко (до 1935)» (там же, раздел 458); со временем здесь возникнут мастерские, цеха, завод.

«Кроме колонии в Куряже, я видел под Харьковым еще колонию имени Ф.Э. Дзержинского. В ней только сотня или сто двадцать детей, и, очевидно, она основана для того, чтобы показать, какой, в идеале, должна быть детская трудовая колония для «правонарушителей», для «социально-опасных». ...Три мастерских — деревообделочная, обувная и слесарно-механическая, — разглагольствовал *буревестник революции* М. Горький. — ...Затем Бакинская колония в 500 человек, два корпуса за городом, среди выжженных солнцем холмов... Напряженно и весело кипит муравьиная работа маленьких, обожженных солнцем людей. ...В коммуне «Авангард», — кстати, очень хорошо описанной Федором Гладковым, — я сказал организатору коммуны Лозницкому: — Хороши у вас дети! — Оттого, что живут не в семьях, — тотчас заметил он». (М. Горький, т. 17, с. 168–170). Философствуя, как хо-

роши детки, живущие **не** в семьях, этот пролетарский писатель-пустомеля, идеальный агитпроповец, в возрасте 35 лет взял да для утехи и усыновил... не ребенка, а 19-летнего младшего брата Якова (Янкеля) Свердлова; так отчего ж ему было сочувствовать «колонистам» и «коммунарам», чьих родителей вырезала никчемная сноровистая свора; высекли под корень красноармейская шашка да беспощадный чекистский меч; смел кровавый большевистский поток...

«Воспитывать озлобленных, больных, живших долгое время в тяжелых условиях звериной борьбы за существование, в атмосфере разврата, ребят не легко...» — подмечает Надежда Константиновна в своем труде «О воспитании и обучении» (М., 1946, с. 87).

Однако что пенять: подобные колонии «испытывались» в русском обществе уже в самом начале XX века. Причем, русские педагоги-просветители термин «колония» вообще **не** использовали, — а к детским учреждениям им бы и в голову не пришло применить подобное слово! К примеру, в 1911 г. была организована летняя трудовая колония «*Бодрая жизнь*» для детей и подростков рабочей бедноты; основой жизни 60–80 детей был физический труд. Кто организаторы? — Организована в Калужской губернии уже знакомыми нам по так называемому университету Шанявского преподаватели С.Т. Шацкий и В.Н. Шацкая; колония входила в число учреждений московского общества «Детский труд и отдых». «Шацкий и сотрудники (воспитатели)... изучали интересы и наклонности детей, отношение к труду... В 1919 г. «Бодрая жизнь» была преобразована в постоянную школу-колонию, вошедшую в число учреждений Первой опытной станции по народному образованию Наркомпроса РСФСР» (ПЭ, т. 1, раздел 262). Следует добавить, что вышеназванное общество «*Детский труд и отдых*», организованное в Москве «передовыми педагогами» во главе с С.Т. Шацким в 1909 году вместо еврейского общества «Сетлемент», закрытого царским правительством «*за попытку проведения социализма среди детей*» (см. ПЭ, т. 4, раздел 688), — было своего рода **опытным** сектором в деле изу-

чения воздействия на детскую психику через физический труд. Для своих сотрудников были организованы и спецкурсы при народном университете Шанявского; опытом делились Н. Масалитинова, А. и Е. Фортунатовы, В. Шацкая, Л. Шлегер. Последняя, Луиза Карловна Шлегер с 1905 г. руководила первым народным детским садом общества «Детский труд и отдых», ставшим в 1919 г. экспериментальным; после революции «активно участвовала в развитии дошкольного дела в СССР».

Если в 1912 г. эти «выдающиеся педагоги» смогли охватить лишь 300 детей, то уже в 1919 г. все учреждения этого общества и их сотрудники вошли в состав Первой опытной станции по народному образованию при Наркомпросе РСФСР и «охватили» многие и многие тысячи детских душ.

«Первые действия молодого аппарата Народного комиссариата просвещения — подготовка проектов законодательных актов Советского государства, осуществлявших отделение школы от церкви. Эта подготовка велась при непосредственном участии Н.К. Крупской... Одновременно с борьбой за становление светской школы Н.К. Крупская глубоко продумывала вопросы о характере обучения и воспитания подрастающего поколения. Школа должна быть не только светской, но трудовой и единой — такого требование Партийной программы» («Биография», с. 170–171).

Можно сказать, советская школа началась с положения «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской республики», декретированного ВЦИК 1 октября 1918 г. К созданию и внедрению единого, усредненного образовании для всех и каждого приступают в 1923 г.; конечным сроком введения всеобщего обучения (всеобуча) называют 1933/34 гг. Для воплощения программы советского обучения создают ВЧКЛБ (Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности), преобразованную в 1930-м в центральный штаб ликбезпохода, просуществовавшего до тех пор, пока не был осуществлен всеобуч.

Еще в 1913 году грамотный психопат Ленин (а для получивших образование советской средней и даже высшей школы — сверхграмотный, потому что получил еще гимназическое образование при царизме!) **лгал**, как всегда, беззастенчиво и нагло: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России... Россия *всегда* останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, *пока* народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников-помещиков» (Соч., т. 19, с. 115, с. 117).

Большевики оккупировали самую образованную, самую культурную и самую сильную в мире страну Россию, чтобы «просветить» русский народ рабским трудом и масонской идеологией марксизма-ленинизма.

Глава 26

Прежде чем насаждать некую новую систему образования, надо выработать свою концепцию, основанную на опыте разных педагогов и педагогических школ. Много раз подчеркивалось, что, будучи за границей, Надежда Константиновна изучала педагогический процесс и методику просвещения разных стран. Но что она почерпнула, на чем остановилась, какие знания сконцентрировала и какие выводы сделала?

Н. К. Крупская скрупулезно изучала опыт иностранных педагогов и ученых. Назовем некоторых из них, на чьи знания и предложения ей пришлось опереться.

Эдуард Мари Вайан (1840–1915), руководитель народного просвещения в Парижской Коммуне; один из лидеров социалистического движения Франции; агент 1-го Интернационала. Выступал за отделение церкви от государства. В школах Коммуны изгонял представителей католических конгрегаций, прививал мысли о социальном равенстве; требовал, чтобы школа стала единой для всех.

Карл Фридрих Вильгельм Вандер (1803–1879), немецкий педагог; выступал за создание единой для всех школы. Участвовал в революции 1848 г., был обвинен в государственной измене и в 1850-м отстранен от службы. Свои педагогические взгляды строил, опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо, Лессинга (немецкий еврей, наст. Готхольд Эфраим Лессинг), др.

Вильгельм Вейтлинг (1808–1871), немецкий еврей, по профессии портной, но с педагогическими амбициями, автор претенциозного труда «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть». Где рассматривает вопросы устройства коммунистического общества будущего, проблемы воспитания и образования детей в наитеснейшей связи с трудовым обучением. Всех детей от 6 до 18 лет он предлагал воспитывать в... школьной армии, чтобы они участвовали в производстве материальных ценностей, — конечно же, для нужд управителей этими армиями малолетних рабов.

Иоганн Фридрих Гербарт (1776–1841), в справочниках назван немецким философом, психологом и педагогом. Окончил Йенский университет. Особо заботился нравственным воспитанием, частью которой считал дисциплину. Основными средствами управления учащимися называл надзор, приказание к запрещению, угрозы, различные наказания, вплоть до телесных. Учение о подавлении «злой воли» ребенка, слежка за учащимися, введение карцера, система наказаний — эти положения были исследованы его учениками и последователями, среди которых Циллер, Вильман, Стой, Рейн, а также проверены на практике в экспериментальных школах в России, открываемых обществами типа «Сетлемент». Педагогическая теория Гербарта оказала огромное влияние на советских педагогов; использовала многое из нее и Н.К. Крупская.

Теодор Дезами (1803–1850), из французских коммунистов; считал, что в новом обществе воспитание будет общим и равным для всех, что дети будут жить и воспитываться в интернатах, полностью исключал семейное воспитание. При этом новое воспитание должно формировать «энтузиастов общественного труда» и т.д.; многие идентич-

ные мысли высказаны Н. Крупской в статье «Школьное самоуправление и организация труда» (журнал «На путях к новой школе», № 3 за 1923 г.).

Фридрих Адольф Вильгельм Дистервег (1790–1866), немецкий педагог; выступал за единую школу, против влияния церкви на школьное образование. Отстранен от должности «за опасное вольнодумство», после революции 1848 г. уволен в отставку. Его статьи охотно переводили и печатали в Российской Империи в нескольких журналах почитатели, — из тех, кто причислил себя к «видным русским педагогам»: Бунаков, Корф, Паульсон и др. Во времена советской ГДР (Германской Демократической Республики) была учреждена медаль его имени. Его — по примеру Крупской — ценили и советские педагоги.

Роберт Зейдель (1850–1933), швейцарский еврей, один из теоретиков трудовой школы. Член социал-демократической партии, был президентом рабочего секретариата Цюрихского униона. С 1910 г. работал профессором Цюрихского университета по кафедре педагогики. К концу жизни, как утверждается, осознал свои педагогические ошибки.

Этьен Кабе (1788–1856), француз, провокатор и участник движения карбонариев и революции 1830 г. Был секретарем так называемой «Свободной ассоциации народного образования», которой было проведено несколько курсов для парижских работников и работниц (революционное «просвещение»). Из-за преследования властей за свою подрывную антиобщественную деятельность эмигрировал в Лондон. Основатель утопической коммуны в Америке, в которой дети начинают работать на земле с самого раннего возраста. Назван К. Марксом «самым популярным» и «самым поверхностным коммунистом».

Георг Кершенштейнер (1854–1932), немецкий теоретик трудовой школы. Н. Крупская анализирует его взгляды в статье «Народное образование и демократия».

Хорас Ман (1796–1859), американский педагог, которого Н. Крупская называла «великим деятелем на поприще народного образования»; выступал за единую школу.

Роберт Оуэн (1771–1858); социалист с английской фамилией; ненавидел социальную среду, в которой жил, ратовал за изменение общества и внедрение социалистического строя. Утверждал, что только общественное воспитание в коммунистических общинах, где превалирует труд, породит настоящего человека; Маркс определил его идеи как «зародыш воспитания эпохи будущего».

Вильгельм Прейер (1841–1897), немецкий психолог; с 1869 по 1888 — профессор Йенского университета, затем, по 1893-й, Берлинского университета. В конце XIX века в России вышла в переводе его книга «Душа ребенка».

Вильгельм Рейн (1847–1929), из немцев; в 1886–1923 гг. был профессором Йенского университета, в опытной школе при котором проводил большую экспериментальную работу в области педагогики. Первым этапом воспитания и обучения считал единую народную школу, последним этапом — «обязательную для всех службу в армии».

Поль Робин (1837–1912), французский еврей, педагог, участник I Интернационала, агент международного масонства. По заданию Ордена занимался вопросами «интегрального» образования и воспитания. Преследуемый властями, переехал в Бельгию, вел пропаганду среди рабочих, был членом Федерального совета бельгийской секции I Интернационала. На сходках товарищей и на международных конгрессах делал доклады по воспитанию, разрабатывал новую систему воспитания, при которой «одновременно будут развиваться мыслящий ум и работающая рука». Труд на пользу коллектива считал основой школы.

Отто Саломон (1849–1907), шведский еврей, педагог, создатель системы преподавания ручного труда и введения его в общеобразовательную школу.

Фридрих Фребель (1782–1852), немец, родился в семье пастора. Посещал лекции в Йенском университете. Выступал за школы, где бы обязательно обучали ремесленному труду и работам в сельском хозяйстве. Открыл учреждения для детей младшего возраста; впервые применил поэтическое название «детский сад» (1840) и обосновал методику работы в нем. Разделял идеи Фихте и Гегеля. Прус-

ское правительство в 1851 г. запретило сады, работавшие по его системе.

Туискон Циллер (1817–1882), немецкий (?) педагог; сделал попытку построить план 8-летней народной школы.

И это далеко не полный список имен, которые представляли своеобразный интерес для советско-большевистской педагогики. Главными, фундаментальными «педагогами» в деле становления системы советского воспитания и образования оставались «титаны» масонской идеологии Маркс и Энгельс.

Надежда Константиновна, перелопатив массив педагогических «революционных» измышлений педагогов разных стран, проанализировав, ЧТО хотят и КАК себе представляют школу будущего в ее большевистском окружении, построила им ИХ СИСТЕМУ для порабощенного населения. Эта ее система *всеобщего образования* была впоследствии принята в том или ином виде во многих странах (!); но эта система, — по замыслу Крупской, — изначально была разрушительной. Потому что вместе с русскими и другими народами по такому же пути «образования» и деградации должны были пройти и «новые русские», отпрыски из семей верхушки, управляющей советской страной!

«Когда в России в октябре 1917 г. трудящиеся взяли в руки власть, они получили возможность воспитывать подрастающее поколение так, как они считают это нужным. Перед органами просвещения возник целый ряд новых воспитательных задач... — писала Н. Крупская. — Октябрьская революция... положила начало... превращению всего населения в республику трудящихся. Вот почему первым актом Наркомпроса было провозглашение единой системы воспитания, «единой школы»... Не заботясь о развитии трудоспособности молодого поколения, школа понижает общую сумму производительных сил страны. Вот почему даже буржуазные страны, вроде Америки и Германии, стали обращать особое внимание на превращение школы учебы в школу труда» (Н. Крупская. «Проблема коммунистического воспитания» // Журнал «Коммунист», №№ 8–9 за 1921 г.).

Итак, великой страны больше нет, старая школа разрушена, уникальная система просвещения (с литературой, искусством, театром, наукой и т.д.) уничтожена. В стране миллионы брошенных детей, которых надо чему-то учить (в первую очередь, конечно же, *социалистическому труду*). Но старых учителей и профессоров расстреляли, вырезали, спастись удалось только малой толике, бежав за границу, оставив Отечество; единицы пришли работать в советские школы и вузы, чаще — под угрозой расстрела семьи. И новая власть приспосабливает *своих* людей под учителей, разработчиков новых направлений в советской педагогике, науке, технике, литературе и т.д.

Кто выстраивал учебный процесс, руководствуясь рекомендациями Наркомпроса и, в частности, Надежды Константиновны Крупской? Кто стал ведущими в Стране Советов педагогами?

Павел Петрович Блонский (1884–1941); читал курс лекций по педагогике в народном университете Шанявского; называл старую школу «казармой» и «монастырем»; автор работ «Школа и рабочий класс», «Трудовая школа», др., где намечал пути создания трудовой социалистической школы. В 1921 г. вошел в состав Государственного ученого совета Наркомата просвещения РСФСР (ГУС НКП), который возглавляла Н. Крупская. Участвовал в разработке новых учебных программ. Один из создателей и руководителей Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской.

Рахиль Марковна Боскис; доктор педагогических наук профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук (АПН) РСФСР.

Константин Николаевич Вентцель (1857–1947); в рядах революционеров с начала 1880-х гг.; рациональным зерном его педагогической концепции «Дома свободного ребенка» большевики называли то, что «в ней отводилось большое место производительному труду». В 20-х гг. XX века широко пропагандировал единую трудовую школу на курсах учителей и в печати.

Лев Семенович Выготский (1896–1934); закончил народный университет Шанявского; с 1924 г. работал в Москве в

Институте психологии, затем в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Ярый последователь марксизма.

Самуил Евсеевич Гайсинович (1901–1931); доктор педагогических наук, профессор, член ГУСа (*юный пострел везде успел!*). С 1921 г. активно помогал организовывать школы ФЗУ (фабрично-заводских училищ) в Москве и области. Был доцентом в Индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта (1926), затем в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, далее — профессор, зав. кафедрой политехнизма в Высшем коммунистическом институте педагогики (одни названия «новых» учебных заведений чего стоят!!!). Расстрелян в числе «ленинской гвардии»; реабилитирован посмертно.

Шолом Израилевич Ганелин; доктор педагогических наук, профессор, член-корр. АПН РСФСР. С 1924 г. работал в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена. Создавал труды по истории русской педагогики.

Евгений Яковлевич Голант; был профессором кафедры педагогики в том же институте им. Герцена. Но! — «в период ликвидации неграмотности в стране создал буквари для рабочих и крестьян, книги для первоначального чтения и методические пособия по обучению взрослых», вставляя в подобные «выдающиеся педагогические труды» сведения, как тяжело жилось при царизме, и какое светлое завтра ждет трудовой народ. Буквари, написанные при царизме, были выброшены за ненадобностью, ведь после революции в науку пришли «гениальные» ученые, несущие новый «свет знаний»!

Израиль Исаакович Данюшевский (1890–1950); с 1923 по 1930 работал в Наркомпросе как методист и заведующий отделом социально-правовой охраны несовершеннолетних и одновременно (с 1923 по 1926) — зам. заведующего опытной станцией социально-правовой охраны и зам. председателя Детской чрезвычайной комиссии РСФСР. Был директором специального Экспериментального дефектологического института, который в 1936 г. был реорганизован в Научно-практический институт специальных школ и детских домов,

где ставились многочисленные эксперименты на детях; под его руководством развернута работа специальных клиник, консультаций и лабораторий.

Арт Яковлевич Закс (1878–1938); один из организаторов школьно-экскурсионного дела в стране. Провокатор: в 1905 г., «находясь в рядах передового учительства», призывал к учительской забастовке в Санкт-Петербурге. С 1920 г. работал в Наркомпросе; в начале 30-х возглавил факультет внешкольного образования 2-го МГУ. Активно помогал Н. Крупской на курсах переподготовки учителей из глубинки: готовил встречи с уже хорошо известными нам личностями: супругами Шацкими, Блонским, Крупской и т.д.

Александр Устинович Зелйнко (1871–1953); педагог и архитектор; 1903–1904 гг. провел в Америке, набираясь опыта «нового» воспитания детей, после чего стал сотрудничать с Шацкими, Шлегер, и, воплощая полученный опыт, организовал с сотоварищами летнюю детскую трудовую колонию в Щелково (о которой уже говорилось). Принимал участие в строительстве здания (предназначался под клуб для детей организации «Сетлемент», — экспериментальная база для наблюдения за детьми); впоследствии стал районным Домом пионеров. Кстати, по его проектам при советской власти было построено много школ. После закрытия преступного общества «Сетлемент» был подвергнут аресту, бежал в Америку, где прошел курсы дальнейшего обучения «педагогического дела». Вернувшись, читал лекции в народном университете Шанявского (1911–1917) о детской психике и детской литературе. С 1921 по 1933 гг. член научно-педагогической секции ГУСа, где работал под руководством Н. Крупской.

Януш Корчак (польский еврей, наст. Генрик Гольдшмит; 1878–1942); педагог и детский писатель. В 1911 г. создал в Варшаве «Дом сирот» на средства спонсоров с условием не вмешиваться в воспитательный процесс; на основе опыта издал книги, одна из них, «Интернат» была издана в СССР в 1922 году с предисловием Н. Крупской, где та писала, что книгу должен прочесть каждый педагог, чтобы «заставить

повнимательнее присмотреться к очень многим явлениям в жизни детских домов, внимательнее отнестись к психике живущих в них ребят» (Н. Крупская. Педагогические сочинения, т. 10, с. 113–114).

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889–1963); доктор биологических наук, специалист в области сравнительной психологии: провела сравнительный анализ поведения шимпанзе и ребенка. Награждена орденом Ленина. Сокрытый смысл подобного сравнительного анализа можно представить так: «Все дети приютов, детдомов и интернатов дебильны по своему существу, и самое большее, на что они могут рассчитывать (если могут рассчитывать), поступить в ФЗУ либо работать чернорабочими». Для многих советских учителей эта «истина» определила сущность их работы с детьми данной категории, став для десятков миллионов советских детей приговором. А смысл приговора заключался (заключается до сих пор, ведь система не изменилась) в том, что этим миллионам детдомовских и интернатских детей предназначался только один путь: *в чернорабочие*, а, значит, их ожидали крайне низкая зарплата, несостоявшаяся семья, пьянство, и зачастую как закономерный итог — тюрьма. Система деградации членов общества этой категории была отработана безукоризненно!

Николай Дмитриевич Левитов; с 1918 г. занимался научно-педагогической деятельностью в Москве; впоследствии заведовал кафедрой психологии Московского областного пединститута им. Н.К. Крупской.

Вольф Соломоновчи Мерлин; доктор педагогических наук, профессор. В 20-х гг. работал в Ленинградском пединституте внешкольного образования; особо его интересовали типы нервной системы у ребенка.

Роберт Мартынович Микельсон; педагог, член-корр. АПН РСФСР; с 1921 по 1941 работал в опытно-показательной школе-коммуне Наркомпроса им. П.Н. Лепешинского (Москва), читал лекции по педагогике в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (1921–1931). С 1956 был директором Института школ Министерства просвещения Латвийской ССР. Награжден орденом Ленина.

Эле Исаевич Моносзон; педагог, действительный член (академик) АПН РСФСР; работал в Государственном институте школ Наркомпроса РСФСР.

Моисей Михайлович Пистрак (1888–1940); доктор педагогических наук, профессор. С 1918 по 1931 работал (с коротким перерывами) в Наркомпросе РСФСР и одновременно руководил школой-коммуной им. П.Н. Лепешинского (1920–1931). В начале 30-х гг. партия послала его передавать «бесценный опыт» в Северо-Кавказский пединститут. В конце 30-х вернули, дали должность директора Центрального научно-исследовательского института педагогики при Высшем коммунистическом институте просвещения. Особо изучал вопросы трудового воспитания. Репрессирован. Но после, конечно же, реабилитирован.

Владимир Петрович Потемкин (1878–1946); деятель народного образования и дипломат; в годы Гражданской войны вел политработу в РККА. В 1917–1919 заведовал отделом Наркомпроса; по указанию Н. Крупской готовил и провел более 180 съездов и совещаний учителей и др. работников образования, внедряя опыт в широкие педагогические массы.

Яков Борисович Резник (1892–1952); доктор педагогических наук, профессор. С 1919-го руководил детским домом; с 1924 г. работал в созданном Научно-исследовательском институте еврейской культуры, затем научный опыт перенес в НИИ педагогики Украины.

Гирша Залманович Рогинский (1903–1957); доктор советских педагогических наук, советский профессор.

Орест Владимирович Трахтенберг (1889–1959); доктор философских наук, действительный член АПН РСФСР. С 1921 г. работал в Москве в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, затем в Институте марксистско-ленинской педагогики. Занимался вопросами исторического материализма, т.е. методами внедрения в сознание людей идеологии масонства.

Соломон Абрамович Фрумов; историк педагогики, доктор педагогических наук. В 30-е годы преподавал в вузах Москвы.

Луиза Карловна Шлегер (1863–1942); с 1905 г. руководила первым детским садом общества «Детский труд и отдых», ставшим в 1919 г. экспериментальным при Опытной станции по народному образованию. Специалист в области дошкольной педагогики.

Давид Аркадьевич Эпштейн; доктор технических наук, профессор. В начале 20-х преподавал на рабфаках МВТУ и МГУ. Автор книг для учителей по химии.

Павел Максимович Якобсон; с 1925 г., в возрасте 23 лет стал сотрудником Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской.

Названные люди достигли высот на избранном поприще; тогда как были в педагогике и люди совершенно случайные. Хотя нет, случайных людей у коммунистической партии *не бывает*. Конечно же, невозможно привести полный список тех, кто — вольно или невольно — способствовал уничтожению исконно русской педагогической мысли и внедрению педагогики совершенно иного плана, педагогики негативной и разрушительной, взросшей на постулатах марксизма-ленинизма.

Но *какие* учебные заведения создавали все советские педагоги на месте уничтоженных, на разрушенном поприще знаний? Дадим их названия без комментариев:

— Высшая школа парторганизаторов при ЦК ВКП(б);

— Высшая школа пропагандистов при ЦК ВКП(б);

— Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы (ВКСХШ);

— Высшие партийные школы;

— Высшие политико-просветительские курсы в Москве;

— Высший коммунистический институт просвещения (ВКИП);

— Высший коммунистический сельскохозяйственный институт им. Я. Свердлова;

— университеты марксизма-ленинизма;

— первая Опытная станция по народному образованию;

— пединститут им. Шелапутина, ставший затем Академией коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской;

— партийные учебные заведения, в том числе республиканские и областные партийные школы (велась подготовка актива для партийных учреждений); республиканские и областные советско-партийные школы (велась подготовка актива для советских учреждений);

— рабочие университеты;

— единые трудовые школы;

— вечерние средние специальные заведения;

— воспитательные колонии;

— исправительно-трудовые колонии (например, колония им. Горького и др.);

— коммуны детские трудовые (например, коммуна им. Дзержинского и др.);

— производственные бригады;

— общеобразовательные школы;

— опорные школы;

— опытно-показательные учреждения;

— рабочие факультеты (рабфаки);

— специальные школы;

— СПТУ;

— средние общеобразовательные трудовые школы;

— трудовые школы (школы труда);

— трудовые колонии;

— ученические производственные бригады;

— фабрично-заводские семилетки;

— школы передового опыта;

— школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ);

— школы-интернаты;

— школы-коммуны;

— детские дома;

— ясли детские и детские сады (как начальный этап идеологического «просвещения»).

А теперь сравните с теми, что существовали ***до*** большевистского ига, до 1917 года в Российской Империи... как говорится, комментарии излишни.

Что делалось в военно-учебных, а тем более, в высших учебных заведениях, думается, стало понятно: на базе прекрасных русских институтов, академий, университетов стали развиваться новосоздаваемые советские вузы, пропитанные донельзя марксизмом-ленинизмом.

Да, что касается «школ труда». 31 декабря 1918 года в «Известиях» было опубликовано специальное распоряжение правительства ***«О концентрационных лагерях»***, в котором говорилось: «Президиум Московского совета утвердил Положение о концентрационных лагерях для выполнения необходимых общественных работ. В концлагерь направляются лица без определенных занятий и не зарегистрированные на бирже труда, а также зарегистрированные на бирже труда, но отказавшиеся от работ не по специальности, трудоспособные члены семей бежавших к белогвардейцам, советские работники, советские служащие и военные служащие, за проступки по службе, и театральные барышники». В феврале 1919 года концентрационные лагеря, созданные волей красных бесов для всех бывших подданных Российской империи, получили гордое название «школы труда».

Откуда брались учебники для преподавания во всех школах, кто их писал, если старые, дореволюционные, стали непригодными, признанными большевиками «макулатурой», — особенно учебники по истории и литературе? К примеру, в 1919-м году в университетах были ликвидированы юридические факультеты, а в 1921-м Наркомпрос отменил историко-филологические науки как «устарелые и бесполезные для диктатуры пролетариата». Тогда же последний выборный ректор Московского университета М.М. Новиков спросил у своего коллеги историка Покровского о причинах такого решения. И получил красноречивый ответ: «Вы как биолог должны знать, сколько крови и грязи бывает при рождении человека, а мы рождаем целый новый мир».

Почти все имена авторов первых советских учебников и пособий, строивших «новый мир», названы в советских энциклопедиях.

Авторами методик преподавания и советских учебников были:

— *по биологии*: Цузмер; Всесвятский; Марков; Бруновт; Яхонтов; Флеров, др.

— *по географии*: Лесгафт; Барков; Крубер; Борзов; Витвер; Эрдели, др.

— *по истории*: Грацианский; Греков; Нечкина; Тарле; Трахтенберг; Бернадский; Гуковский; Карцов; Покровский; Косминский; Ефимов; Минц; Нотович; Бахрушин; Сингал; Немировский; Фохт, др. (Многие из этих «крупных историков» создавали совершенно новую так называемую «историю», как «науку» с точки зрения советского ученого-марксиста, и преподавали «это» в вузах.)

— *по литературе*: Потебня; Овсянико-Куликовский; Фишер; Бродский; Благой; Бархин; Троицкий; Саккулин, др.

— *по математике*: Маркович; Извольский; Лебединцев; Бем; Струве; Евтушевский; Симашко; Глазенап; Каган; Граве; Синцов; Шохор-Троцкий; Березанская; Чекмарев; Бронштейн; Лебединцев; Извольский; Бескин; Брадис; Ляпин; Колмогоров; Маркушевич; Пиотровский; Фетисов; Бермант; Люстерник, др.

— *по природоведению*: Герд; Павлович; Эрдели; Ягодовский; Перротте; Скаткин; Завитаев, др.

— *по русскому языку*: Потебня; Фортунатов; Пешковский; Бархин; Миртов; Палей; Бархударов; Фирсов; Добромыслов; Истрина; Абраменко; Овсянико-Куликовский; Абакумов; Малаховский; Фридлянд; Шалыт; Шапиро; Кульман; Масальский; Розенталь; Пленкин; Жинкин; Богоявленский; Ефимова; Лебедев, др.

— *по физике*: Хвольсон; Умов; Цингер; Индриксон; Абкин; Преображенский; Горчкин; Перельман; Рымкевич; Нейман; Крауклис; Перышкин; Хлиян; Блудов; Ландсберг; Зельдович; Ландау; Китайгородский; Шамаш; Пиотровский; Розенберг; Иоффе, др.

— *по химии*: Верховский; Лебедев; Гольдфарб; Сморгонский; Фельдт; Эпштейн; Цветков; Шелинский; Парменов; Глориозов; Дризовская;

— *по черчению*: Рынин; Каргин; Гордон; Ботвинников; Дембинский, др.

Как воспитывать детей дошкольного и школьного возраста через призму «советского патриотизма и пролетарского интернационализма», учили в своих «великих и гениальных» трудах: Маркс и Энгельс, Ленин, Калинин, Макаренко, Семашко, Аркин, Архангельский, Блатин, Борин, Гельман, Гмурман, Гоноболин, Гунин, Додон, Зелинский, Зиневич, Калечиц, Кунин, Шацкая, Леви-Гориневская, Левитов, Леушина, Мануйленко, Невский, Нимен, Рута, Скаткин, Советов, Соловьева, Чуйков, Флеров, Якобсон, Яковлев, и многие другие.

Все это лишь крупинка на вершине айсберга, пропитанного кровью миллионов невинно убиенных, обрастающего впоследствии сотнями тысяч имен и фамилий людей, пришедшими насаждать *свои* представления о мире. Айсберга, ловко скрываемого в годы зарождения, становления и так называемого развитого социализма, — когда ***народ некогда великой страны был охвачен эпидемией помешательства на почве построения коммунизма***. «Действительно, хотя за последнее время и возникали эпидемические формы помешательства в цивилизованных странах, но лишь среди самых невежественных классов...» — констатировал Ломброзо, не доживший менее десяти лет до самой страшной катастрофы человечества, сотворенной большевиками. Он умер в 1909 году, но успел понять, что психопаты и гении созданы из одного теста.

Глава 27

В 20-х гг. произошла любопытная встреча, заставившая Надежду Константиновну на какое-то мгновение вернуться в юность.

В один из дней в приемную Крупской позвонили, секретарь, выслушав просительницу, соединила ее с Надеждой Константиновной. Та услышала дрожащий голос, сбивчи-

во рассказывающей, что им обязательно нужно встретиться, что еще в конце прошлого века ее муж, известный профессор физиологии и антропологии Иван Михайлович Сеченов принимал активное участие в ее лечении. И, быстро проговорила женщина, ее муж давно, еще при жизни, предупреждал, что его трудами и открытиями в медицине стремятся овладеть нечистоплотные люди в науке. И вот сейчас, — объясняла представившаяся Марией Александровной, вдовой Сеченова, — непонятным ей образом большая часть материалов исследований Ивана Михайловича оказалась у какого-то товарища по фамилии Бокий, и что его сотрудники угрожают ей выселением и даже арестом, с отправлением в ЧК.

Пытаясь успокоить говорившую, Надежда Константиновна отчетливо понимала, что происходит, и продумывала, что она сможет предпринять в данной ситуации. Она знала, что Бокий сильный противник, и лучше не становиться ему поперек дороги. Мария Александровна, с трудом сдерживая всхлипывания, просила у Крупской защиты; больше обратиться ей и в самом деле было не к кому.

Крупская вызвала машину и отправилась по названному адресу.

Между двумя женщинами состоялся откровенный разговор; Мария Александровна пожаловалась Крупской, что против их семьи запускаются грязные слухи, причем задним числом; будто бы особо выделенный новой властью и представленный как крупный писатель Н.Г. Чернышевский, автор романа «Что делать?» (опубликован в марте 1863 г. в журнале «Современник»), якобы списал своих героев: врача Лопухова — с известного врача того времени П.И. Бокова; доктора Кирсанова — с профессора Медико-хирургической академии И.Н. Сеченова, а образ главной героини Веры Павловны Боковой — с нее самой, Марии Александровны.

Роман и сюжет произведения несложен: девушку, стремящуюся к знанию, скверные родители-мещане хотят выгодно отдать замуж. Но на ее пути встречается студент-

медик Лопухов, который чтобы спасти возлюбленную от произвола родителей, сочетается с ней фиктивным браком, жертвуя при этом своей медицинской карьерой. Вот и живут они в одной квартире, но в разных комнатах, как брат и сестра. Через некоторое время его жена Вера Павловна влюбляется в товарища своего мужа доктора Кирсанова. Ее муж, видя это, самоустраняется из жизни жены. «Только тот любит, — проповедует Чернышевский, — кто помогает любимой женщине возвыситься до независимости». И Вера Павловна становится женой Кирсанова.

Конечно же, Надежда Константиновна знала содержание романа. Незамысловатый сюжетец, кажущийся нам совсем даже не интересным, на самом деле подрывал тогдашние устои русского православного общества! Он воздействовал на психику женщины, развращая ее, возводя в норму то, что воспринималось здравомыслящими людьми как негатив. Уйти из дома, бросить родителей, вступить в брак без благословения, да еще в фиктивный, жить в одной квартире с чужим мужчиной — *преступление против чести*. Развестись и вступить в брак во второй раз — *нонсенс, редчайшее исключение из правил, принятых в обществе*. Таковы были устоявшиеся нормы жизни в морально и нравственно чистом обществе.

Потому становится понятным волнение Марии Александровны, когда сотрудники Бокия пригрозили ей, что версия, будто это она является прототипом героини Чернышевского, станет широко известна, войдет в учебники; и тогда, — говорили ей, — многие поймут, что это она изменила своему первому мужу и совратила выдающегося профессора медицины Сеченова. (Кстати, в самом деле, после смерти Марии Александровны в некоторых советских источниках писали, что она, хотя и жила с Сеченовым более 30 лет, не была в браке; и другие гнусности, в том числе не забыли агитпроповцы в своих трудах о жизни и деятельности профессора Сеченова «заботливо» окружить этого ученого теми, кого он никогда и **не** подпускал к своей научной деятельности!).

История выглядела бы раздутой нелепицей, если б не одно «но», — требование одного из сотрудников Спецотдела Глеба Ивановича Бокия. Теперь, дабы оградить ее самое от нападок и сплетен и сохранить для потомков имя ее мужа-ученого, Мария Александровна обязана отдать им все, что она имеет от своего мужа: бумаги, разработки, черновики. В противном случае она будет арестована и расстреляна как пособник буржуазии.

В разговоре Мария Александровна поведала Крупской, что ее отец Александр Обручев был влиятельным в России человеком, весьма состоятельным помещиком, имел воинский чин генерала от инфантерии. И что был он обаятельнейшим и добрейшим отцом, и, конечно же, никакого отношения к любым образам Чернышевского в романе «Что делать?» не имеет. Видно было, что ее давно и сильно задевает вся эта история с литературными героями.

— Немыслимо мне придумывать ту жизнь, которую когда-то кому-то придумал Чернышевский! Но зачем запускают такие разговоры?

Надежда Константиновна, ловя на себе внимательный взгляд собеседницы, понимала, что не станет объяснять ей многие нюансы, как и не станет отвечать на вопрос: зачем, для чего нужны кажущиеся на первый взгляд простыми и глупыми фальшивки.

Однако Надежда Константиновна пообещала Сеченовой безопасность, но для этого предложила, в соответствии с уже существующими правилами, написать заявление в адрес Советского правительства, что она, как вдова выдающегося русского ученого, поддерживавшего борьбу рабочего класса России против царизма, просит определить ее в Дом для престарелых ученых, созданный Совнаркомом для быта и проживания ученых, доживающих свой век. Марии Александровне ничего не оставалось делать, как прислушаться к совету, она написала заявление; Надежда Константиновна, рекомендовавшая ее в подобное учреждение, взяла вдову великого русского профессора под опеку, и Сеченова... осталась жить в семейной усадьбе. Никто больше

открыто не беспокоил ее; правда, за два-три года до смерти, последовавшей в феврале 1929-го, Мария Александровна из-за резкого ухудшения здоровья, вследствие чего требовался постоянный медицинский уход, действительно переселилась в Дом для престарелых ученых.

Сведения о ***Глебе Ивановиче Бокии*** (*1879–1937*; некоторые источники ставят 1940-й годом смерти), которые можно найти в советских справочниках и книгах, очень скупы. Там можно прочесть разве что то, что являлся он государственным и партийным деятелем, имел партийные псевдонимы «Кузьма», «Дядя», «Максим Иванович», был причастен к движению «Союз борьбы»; участвовал в революции 1905 г.; неоднократно подвергался арестам. В 1918 г. был председателем Петроградского ЧК. С 1919 г. работал начальником особого отдела Восточного, затем Туркестанского фронтов; член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С 1921 г. член ВЧК, член коллегии ОГПУ, НКВД. Награжден орденом Красного Знамени. О самом главном его предназначении — о работе в Спецотделе, конечно же, ни слова. Какая власть станет писать о секретных проектах? Как и о том, что, создавая преступную систему уничтожения людей, он сам стал ее заложником и был уничтожен. И что к этому, окончательному приговору, приложила руку и Надежда Константиновна Крупская. Она обыграла Г.И. Бокия, когда убедила Сталина, что для того, чтобы полностью устранить «ленинскую гвардию» и исходящую от нее угрозу единоличной Власти, необходимо арестовать Бокия и захватить все материалы исследований его Спецотдела, в том числе и большой архив компромата на каждого находящегося у власти (и Сталина, и Крупскую в том числе), и тем самым **обезвредить** эту бомбу внутри высшего руководящего ареопага Кремля.

В один из дней 1937 года на загородную виллу Г.И. Бокия пришли сотрудники партийной разведки во главе с А.Е. Голованосым (а не чекисты, как написали бы в данном случае советские историки) и объявили, что в соответствии с распоряжением Генсека партии ему следует незамедлитель-

но явиться с ними в Кремль. Бокий не сомневался, что это арест и что охрана у его особняка заменена. Однако, не потеряв самообладания, Глеб Иванович в запале бросил Голованову: «Что мне Сталин! Меня на эту должность назначил Ленин!» Но его игра была проиграна; Голованов приказал подчиненным связать Бокия, и в таком виде тот был доставлен вскоре в один из монастырей сталинской *партийной разведки*. Одновременно группа сотрудников партийной разведки во главе с *X*. произвела аресты охраны зданий и лабораторий Спецотдела; вся важнейшая научная и иная документация была извлечена, часть сотрудников уничтожена, тогда как другая часть сотрудников и ученых Спецотдела стала работать на Секретариат товарища Сталина (т.е. иными словами, — на *партийную разведку*), ибо иным выходом из ситуации для них была только смерть. С этого момента Иосиф Виссарионович Сталин оказался вне досягаемости своих противников! Что дало ему возможность провести уничтожение соратников Ленина и всех неугодных ему чиновников.

Так Надежда Крупская наточила ***косу смерти***, выкосившую многих давно презираемых ею; **ядовитая Минога** поставила цель: ВОЗМЕЗДИЕ; и через это возмездие она сделала то, что не смог сделать оболваненный преступниками народ.

Да, Надежда Константиновна, в конце концов, обыграла всесильного Бокия. Как обыграла Семашко, и многих других, — даже тех, кого не удалось репрессировать в 30-е годы XX в. Даже тех, кто выбился в «выдающиеся деятели прогрессивного человечества», чьими именами в СССР назовут города и улицы, кто станет главными героями советской эпохи. Она обыграла хотя бы потому, что осталась для потомков в тени, и словно бы непричастной (причастной по минимуму) ко всем делам, совершенным этими советскими деятелями. К примеру, еще старая большевичка «А.М. Коллонтай писала, что Надежда Константиновна, в ее неизменном стремлении быть всегда в тени, в то же время «все видит, слышит, наблюдает»...» («Биография», с. 162).

Во время встречи с Марией Александровной та попросила Надежду Константиновну, чтобы нигде не упоминалось о том, что ее муж, профессор Сеченов возлагал большие надежды на научные изыскания доктора медицины Антона Павловича Чехова, с которым он не единожды встречался, выйдя в отставку в 1901 году и проводя большую часть времени в Ялте. Хотела ли она тем самым уберечь его разработки от посягательств жаждущих заполучить их, и тем самым сберечь эти бесценные бумаги? Но, так или иначе имя А.П. Чехова стало принадлежать только русской литературе; его отношение к медицине осталось косвенным, незначительным. Хотя, к сожалению, никто не смог помешать тому, что практически ВСЕ уникальные научные разработки Антона Павловича Чехова (и Сеченова, и многих-многих других русских ученых) все-таки попали в *партийную разведку*, — самую закрытую, самую таинственную и самую зловещую организацию, о существовании которой до сих пор стараются не упоминать... *чтобы затем попасть по назначению: в Орден!*

А в Спецотделе Бокия многие научные изыскания в области высшей социологии, генной инженерии, антропологии, резонансной терапии, в области других не менее важных направлений отныне применялись ПРОТИВ человека и его божественной природы. При этом русские люди (и иные бывшие подданные Российской Империи) подвергались (с помощью звуковых волн, всеобщей вакцинации и т.д. и т.п.) спецобработке для погашения самостоятельных мыслительных процессов, уничтожения здоровой физиологии, разрушения генной памяти.

Для ускорения долгого процесса *дегенерации* было задействовано все: от идеологии до медицины. Сама медицинская система, разработанная и запущенная после 1917 г., стала антирусской и античеловечной. Не хватит никакой книги, чтобы перечислить всех новых медиков, работавших «на благо и процветание здорового советского общества», и на чьи «самоотверженные» плечи легла вся тяжесть развития новой медицинской науки Страны Советов...

Однако и медицина будет бессильна, если расстановка сил в обществе останется прежней. Имею в виду роль, духовное и моральное предназначение женщины. ***Для того чтобы изменить любое общество, достаточно изменить сущность Женщины.***

Итак, в первую очередь, надо было сломать внутреннюю сущность Женщины, сделать ее самкой, животным, безгласным, безвольным, ограниченным, униженным и уничтоженным деградирующим существом. Так что не зря по заданию I Интернационала Чернышевский писал свою, ставшую в СССР хрестоматийной, книгу «Что делать?». Не зря на этом поприще подвизались другие литераторы (некоторые даже неосознанно, главное ведь что: задать тему, раскрутить, сделать ее модной, как сказали бы сейчас); целенаправленно и жестко долбили нравственные устои общества революционерки.

Как сложно поначалу было заставить русскую женщину уразуметь, поверить, что она... *несвободна*. Что она должна изменить СВОЕ место в обществе, стать наравне с мужчиной во всех делах и начинаниях. Что она должна работать наравне с ним, в том числе и физически.

Для того чтобы корректировать планы, скажем так, наступления на психику женщин, разрушения нравственных устоев, большевики не единожды (то за границей, а то даже в России) собирают провокационные съезды, конференции, пишут брошюры, переводят книги определенного направления. К примеру, не успела в Германии в 1911 г. выйти книга Греты Мейзель-Хесс «Die Sexuelle Krise», как Александра Коллонтай тут же пишет статью «Любовь и новая мораль» по мотивам этой книжки. Она информирует русского читателя, что Мейзель оказала великую заслугу современному им обществу, посмев «со спокойным бесстрашием крикнуть обществу, что... современная половая мораль — пустая фикция»; *пустая фикция*, как ее хотели видеть революционерки. Мейзель, как и Коллонтай, заботило, что «открытую смену любовных союзов современное общество... готово видеть как величайшее для себя оскорбление»; что «проб-

ные ночи» обязательно должны стать нормой в обществе будущего, «иметь право гражданства»; что «современная форма легального брака беднит душу»!!! Выход же, по словам А. Коллонтай, «возможен лишь при условии коренного перевоспитания психики», при условии изменения всех социальных основ, на которых держатся моральные представления человечества. Идеал, — «последовательная моногамия», т.е. неизбежная смена партнеров! Вот что закладывали в психику русских женщин новые нерусские «подруги». «Пусть не скоро станут эти женщины явлением обычным, ...дорога найдена, вдали заманчиво светлеет широко раскрытая заповедная дверь...» (См. А. Коллонтай. Любовь и новая мораль. / Сб. «Философия любви». М., 1990, ч. 2, сс. 323–334).

Вот Инесса Арманд собралась «просветить» русских женщин в тематике свободной любви; в 1915 г. она присылает Ленину план брошюры, которую собралась написать по этому поводу (если помните, с педагогикой у нее ничего не получилось). И вот они переписываются и доказывают друг другу, что понимать под любовью, страстью, поцелуями без любви, проституцией, под грязным и пошлым браком и т.д. Так что, видимо, не зря Инесса после революции была назначена заведующей женским отделом при ЦК РКП(б) (после того как не справилась с работой председателя совнархоза Московской губернии). Отрабатывая свой сытный кусок, она пописывала лживые статейки и брошюрки, призывая работниц поддержать советскую власть. Представляясь, конечно же, не Инессой Арманд, — о которой могли узнать, что она сходилась-расходилась с мужчинами, рожала от разных мужчин, бросала детей на попечение то бывшего мужа, то товарищей по партии, путалась с Лениным и т.д. Нет, она подписывалась как безвестная Елена Блонина. Не зря ее опус «Почему я стала защитницей Советской власти?» Н. Крупская представила как брошюру «для самой серой работницы», — для редчайшего экземпляра: деградировавшего и тупого элемента в юбке. Но таковых были единицы. Кто в 1919 году мог поверить даже

якобы работнице текстильной фабрики Е. Блониной, что «...мы, работницы, работали по 11 часов в сутки, а то еще и сверхурочные (о том, что рабочий день в Российской Империи был нормированным, уже писалось. Впрочем, что такое соврать для инородки, попавшей в семью дворянина, и ни дня не работавшей! Она же лгала тем, кого, по ее уразумению, и за людей считать нельзя... — *Авт.*). Жила я в подвальном этаже. Углы сдавала. Тесно, темно, сыро. (Подобным образом эти лжецы вбивали в сознание то, чего в русском обществе в рабочей среде НИКОГДА не было; но зато будет в достатке у советского рабочего класса, заселяемого в коммуналки, бараки и общежития,— чтобы подобное «жилье» после рассказанных ужасов про царизм казалось раем земным. — *Авт.*) ... Жалованье совсем было маленькое, прожить нечем (ложь, ложь и ложь, но... вот если про сегодняшний, постсоветский день, то сущая правда. — *Авт.*). ...Бывало, и молока ребенку не на что купить. Так мой первенький умер...». Но вот же нашелся какой-то рабочий, а у него «оказался красный флаг, и пошли на улицу с демонстрацией. В других фабриках тоже снимали рабочих. Собралось нас очень много. Идем мы прямо к губернаторской площади. Только мы туда дошли, а там полно солдатами. Офицер нам кричит: «Расходись!» Мы идем дальше. Как он крикнет еще раз, солдаты и выстрелили. Убито было тогда несколько работниц. Так, сердечные, и лежали, раскинувшись, в крови. А уж сколько было избитых!» И вот на такую наглую ложь «покупались» наивные русские люди, неискушенные в коварстве; жалели неких мифических убитых; только пожалеть-то надо было и защищать самих себя... Припомнить хотя бы, что в результате Французской революции 1793–1794 гг. и развязанного революционерами террора погибли более миллиона человек. Но что такое Франция по сравнению с Российской Империей, где может погибнуть значительно больше (и погибло ведь 60 млн.!); или припомнить хотя бы факты после ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИИ СМЕРТЕЙ, — после революции 1905 г., когда террористы из рядов революционеров-психопатов загубили 12

тысяч (по приблизительным, самым скромным подсчетам!) человек. Известно, что на одно из думских заседаний депутаты-монархисты принесли склеенные листы, испещренные именами жертв террора; полоса бумаги, развернутая по всей ширине зала, укоряла присутствующих молчаливым белым укором: что ж вы, люди русские, куда смотрите, кого жалеете и прощаете?!

А чтобы народ так и **не** узнал цену *подготовки большевистской революции*, — после 1917 года было среди многих других документов изъято и многотомное издание ***«Книги русской скорби»***, где перечислялись высшие сановные особы, могущие не допустить революции, останься они в живых, не погибни они от рук прошедших подготовку в заграничных лагерях революционеров (как местного пошиба, так и наемников); перечислялись и совершенно случайные люди, попавшие под осколки брошенных бомб, взорванные вместе с частными зданиями и госучреждениями, скончавшиеся от случайных ранений... *Вот по ком надо создать Мемориал, указав имена всех убийц. А затем и другие мемориалы: в каждом городе, в каждом местечке, где после 1917 года произошли массовые расстрелы наших соотечественников...* Чтобы неповадно было покупаться на чудовищную ложь...

...даже на ложь, высказанную давным-давно, как в случае с И. Арманд: «Да, тяжелая была наша доля... Ну а при Советской власти всего этого не может быть. Потому теперь наша, рабочая власть. Теперь мы вольные птицы. Сами порядки устанавливаем...» Не забыла-таки Инесса в своей работе указать и причины, отчего народ при «самой лучшей и справедливой в мире власти» голодает: «Советская власть делает все, что возможно, чтобы в нынешнее трудное время доставить хлеб рабочим. Если хлеба мало, то виновато в этом царское правительство, помещики и капиталисты». Только не писала Е. Блонина, — псевдоним-то какой, с подтекстом, что ли?! — что хлеба в стране всегда хватало с избытком, и что в Российской Империи на знаменитых Нижегородских ярмарках, куда со всего мира съезжались банкиры, купцы и коммерсанты, устанавливались мировые цены

на хлеб! Впрочем, какой *хлеб*?! — если голод был спровоцирован. Ведь сытый не пойдет служить новой власти за рабский паек, сытого тяжелей облапошить и одурачить...

В том же 1919 г. Арманд стряпает еще одну статейку «Маркс и Энгельс по вопросу семьи и брака», где восклицает: «Одним ударом, сразу мы не в силах были смести все тяжелые пережитки буржуазных семейных отношений... Мы должны и мы уже начали вводить общественное воспитание детей и уничтожать власть родителей над детьми».

И расписалась-то неудавшаяся мамаша не зря: кой-какой опыт в этом деле имелся у нее еще с начала века. Как известно, в декабре 1908 г. в Санкт-Петербурге проходил так называемый Первый Всероссийский женский съезд; отчеты о нем партии дает И. Арманд. Докладывает, что, по заданию партии, в некоторых выступлениях озвучены мысли о необходимости разрушения старого семейного уклада и изменения роли женщины в обществе.

Активно на поприще ***разрушения женской сущности*** работали Клара Цеткин, Роза Люксембург, Вера Засулич, Конкордия Самойлова и другие большевички, печатавшиеся еще в журнале «Работница» (орган ЦК большевистской партии), начавшем выходить в 1904-м. Пути решения *советизации* женщин отрабатывались на женских конференциях (в апреле и июне) 1918 г., на Всероссийском съезде работниц и крестьянок осенью того же года (иногда называют совещанием; длился 6 дней). Подготовкой к которому активно занималось бюро по созыву съезда при Секретариате ЦК РКП(б), куда входили все те же знакомые нам бессменные активистки И. Арманд и А. Коллонтай, а также В. Мойрова, Е. Подчуфарова, а руководил ими Яков (Янкель) Михайлович Свердлов. Тогда же газета «Правда» вышла с заголовком: «Работницы, прислуга, конторщицы, приказчицы, ремесленницы, прачки, жены рабочих — все вы нужны Советской власти»; все — на укрепление и обслуживание новой власти! И не только... большевики отводят женщине еще одну роль: стать солдатом в деле установления *нового мирового порядка*. Открыто об этом на съезде сказал В.И.

Ленин, когда выступил с речью о роли женщины в Мировой революции.

Ну а руководить ими будут «избранные»; к примеру, те, что сидели за столом президиума: Арманд, Коллонтай, Сталь, Самойлова, Елизарова-Ульянова, Мойрова, Янсон-Грау, др. Правда, «известные большевички» понимали, что православные женщины воевать за дело красных бесов не пойдут, оттого «много места съезд уделил антирелигиозной пропаганде», объяснял «значение пролетарского интернационального братства».

— Товагищи, из опыта всех освободительных движений замечено, что успех геволюции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины, — размахивая ручонкой, бросал в ряды Владимир Ильич и умилялся своей пламенности.

Н. Крупская внимательно следила за реакцией зала. В ответ женщины приняли резолюцию, напечатанную в «Правде» за 21 ноября 1918 года: на зов вождей «сомкнемся мощными рядами и уничтожим буржуазию всех стран. Да здравствует мировая социалистическая революция».

Вдохновленная речами «вождя мирового пролетариата», одна из делегаток, *Елизавета Исааковна Коган-Писманик* (представлена на съезде белоруской; родилась в 1899 г.; но сведений об этой великой деятельнице компартии ни в Большой, ни в Белорусской энциклопедиях отчего-то нет), писавшая позже, что «съезд... показал, что поднялась великая женская рать». В 1920 г. ушла комиссаром (уж очень хороший паек был у комиссаров!) в Красную армию. С 1921 г. работала заместителем заведующего женотделом Витебского губкома партии; в 1923–1925 гг. возглавляла женотдел ЦК КП(б) Белоруссии. Верная пропагандистка и агитпроповка своей партии.

Думается, женщины из больших городов и из глубинки, приехавшие на съезд, вели себя все же культурно. В отличие от мужчин, собравшихся в том же 1919 г. на съезд «деревенской бедноты», проходивший в Санкт-Петербурге (тогдашний Петроград). Сотни приехавших «крестьян» (большинст-

во их не являлись ни крестьянами, ни русскими) разместили в Зимнем дворце Романовых; когда же люди разъехались, «оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал», — вспоминал главный идеолог от литературы Максим Горький (см. т. 17, с. 28). Такова была сила ненависти к России, к ее культуре, традициям, ценностям, к тому, что не пускала чужаков и бесов во власть, что держалась до последнего!

Но ведь было с кого брать пример!

12 апреля 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров был принят декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг и выработке проектов памятников Российской социалистической республики». И уже летом того же года были уничтожены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле Храма Христа-Спасителя, герою русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М.Д. Скобелеву на Тверской площади. Чудовищная дикость! Однако примечателен факт, когда Владимир Ильич учинил самоличную расправу над весьма примечательным памятником. «Очевидец описал, как Ильич лихо расправился с крестом, установленным в Кремле в память о невинно убиенном великом князе Сергее Александровиче (кстати, крест был создан по эскизу замечательного русского художника В.М. Васнецова): «Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул ее на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон. «А ну, дружно!» — задорно скомандовал Владимир Ильич. Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК, Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули — и памятник рухнул на булыжник...»; «Сколько задора, сколько желания делать историю своими руками!» — добавляет автор статьи «У бездны мрачной на краю» Юлия Замоскворецкая. Хотя у этой ненависти есть своя **тайная** причина...

Для того чтобы женщина стала борцом (бойцом ли агитпроповского фронта, или планируемым в случае надобности пушечным мясом), ее надо оторвать от привычных обязанностей, или, как говорили большевики, «раскрепостить». А для этого обещались поскорей устроить общественные столовые, прачечные, мастерские для починки и штопки платья, артели для химчистки, и, конечно же, ясли и детские сады. «От каторжной жизни спасет женщину только социализм, коллективный труд. Рабоче-крестьянская власть успешно начала перестраивать жизнь на коллективных началах... Дело это трудное: люди веками научены жить по-звериному (а сам Горький вместе с 19-летним племянником Янкеля Свердлова и другими товарищами жил праведно, никак не *по-звериному*?! — *Авт.*)... Женщинам Союза Советов, особенно крестьянкам, следует весьма серьезно подумать о своем отношении к религии и церкви... И ей особенно хорошо надобно понять, что церковь — древний, неутомимый и жесточайший враг ее», — поучал всезнайка Горький (см. т. 25, с. 165–166). «Отрицательное и враждебное отношение к женщине деятельно и непрерывно внушалось церковью мужчине на протяжении двух десятков веков; оно весьма глубоко проникло в сознание мужчины и приобрело у него силу почти инстинкта», — продолжал стращать он (там же, с. 158). Только за своей бесконечной пропагандистской ложью пролетарский писатель прикрыл свое личностное неприятие Женщины...

Глава 28

Российская Империя — мощное объединение народов, построенное на нравственных критериях и познании общечеловеческих истин, — под влиянием захвативших власть бесов и при постоянном их воздействии на морально подавленных бывших подданных страны превращалась в чудовищную и доселе невиданную тоталитарную машину.

Рабовладельческий социализм; общество, изувеченное кровавым колесом Истории; народ, перебранный до послед-

него человечка… и этот народ, вернее, остатки некогда величественного народа, принуждены сатанинской силой познавать одну истину: *идеологию марксизма-ленинизма.*

В стране все идет по плану: развращаются женщины, принижается роль матери; женщина-созидательница не нужна, женщина-мыслитель опасна, — нужны рабыни, униженные, маетные, неудовлетворенные ни в любви, ни в работе, вечно просящие, никогда не знающие, что такое достаток и материальное благополучие, но которым обещаны химеры в виде «светлого завтра», в виде построения неизбежного коммунизма. Женщины, лишенные настоящих мужчин (основная масса генетически сильных и здоровых вырезана, уничтожена, выращены же будут в большинстве своем морально изуродованные особи). Но особая «забота» партии — о подрастающих поколениях. ***Отныне коммунистическая партия — заместительница всех матерей!***

«Подготовка молодых поколений к коммунистическому производству является одной из важнейших проблем коммунизма. Вот почему Наркомпрос поставил себе задачей создание именно такой *«единой трудовой школы»*… Та школа, которую стремится создать Советская власть, удовлетворяет требованиям самого полного демократизма: она едина для всех», — писала Н. Крупская (см. журнал «Коммунист», №8–9 за 1921 г.).

Роль Крупской в создании новой школы немыслимо велика; она была движущей и направляющей силой в деле воспитания и образования целых поколений молодых людей, «будущих строителей коммунизма». Она публикует множество статей для «политического просвещения масс»; темами ее работ являются: реформа школы, отделение церкви от государства и школы от церкви, Маркс и народное просвещение, рабочий контроль за образованием, и т.д. «В целом ряде статей Крупская показывает, что налаживание дела народного образования — это забота не только одного Наркомпроса, в это должны включаться и другие народные комиссариаты, Советы, все общественные организации» (Л. Кунецкая, К. Маштакова, с. 238). Особенно важным в соз-

дании системы народного образования Надежда Константиновна Крупская считала участие наркоматов внутренних дел и юстиции.

Н.К. Крупская — создательница структуры партии советского государства, создательница структуры органов и институтов советской власти. Она была причастна к расстановке кадров, к назначению на многие ключевые посты.

Возможно, по ее предложению Наркомюст возглавил Исаак Штейнберг (бежал в середине 20-х годов в Америку). Достославные времена правосудия канули в Лету; дух русского правосудия выветрился, над страной витал тяжелый смрад Смерти.

В состав комиссариата внутренних дел, который будет стоять не на последнем месте в деле воспитания подрастающего поколения, также вошли «славные товарищи». И один из них — Г.Е. Зиновьев (наст. *Орсей-Герш, или Гирш Аронович Радомысльский*); уж кто-кто, а Крупская хорошо знала, что в шалаше на станции Разлив он находился с Ульяновым-Лениным, и что Владимир Ильич, переодевшись в женское платье и под ручку с Зиновьевым, бежал от Керенского в Финляндию. Педерастическое комедианство спустя десятилетия превратится в большевистскую героику, — насмешку над поколениями выращенных дегенератов; в Разливе выстроят целый мемориал, но ни единым знаком не укажут, что с Лениным в шалаше скрывался его партнер Зиновьев.

До сих пор «и шалаш летом насыпают из свежего сена, и в сарай, где прятался Ленин в первые дни, продают билеты. — Вот так скромно Ильич проживал, — делает широкий жест директор Елена Гладкова. Кружевная наволочка, кружка, книжка. И продолжает так, что раньше за это бы посадили. — Хотя, конечно, никогда он не спал ни на какой кровати и прятался совсем не в этой комнате, а скрывался, причем не один, а вдвоем с Зиновьевым, на сеновале на чердаке» (АиФ, №45, 2007). Хозяин шалаша, Николай Емельянов, за указанное в воспоминаниях имя подельника Ильича поплатился жизнью; за «контрреволюцию» в ленинских

концлагерях сгинули и его близкие. «Хозяина шалаша, где прятался Ленин, сослали в Сибирь, а экскурсоводы в музее заученно врали, что он на руководящей работе» (там же). «Никому не показывает она, как тревожится за Владимира Ильича, хотя и знает, что он надежно укрыт партией, живет в Разливе, у сестрорецкого большевика Н. А. Емельянова. Однако поехать к нему ей нельзя... И она снова (в который раз!) молчаливо и терпеливо ждет, стараясь своей работой приблизить время их встречи» («Биография», с. 159).

Идеология — на благо партии и оболванивания подрастающих поколений; им, строителям коммунизма, незачем знать, что во время *великой чистки* Зиновьев будет уничтожен Сталиным (в соответствии с воплощением программы Надежды Крупской).

Помощником Зиновьева в НКВД будет начальник ЧК Моисей Урицкий. В состав московской ЧК, занимавшейся и «перевоспитанием» детей, входили: Дзержинский, Шкловский, Кнейфис, Цейстин, Размирович, Кронберг, Хайкина, Ривкин, Циткин, Блюмкин и др. Детей в случае злостного непослушания и неповиновения... расстреливали! «Враги» — даже в облике подростков и несмышленых детей — советской власти были **не** нужны! Особенно в подобных расправах отличились Хайкина и Размирович.

Стране нужны были послушные красные демиурги, отрицающие Бога, яро ненавидящие *буржуазию* — этот большевистский жупел для дегенератов. Учить *масштабной ненависти* стали все советские газеты и журналы, создание которых инициировала Надежда Константиновна. В 1920 г. внешкольный отдел Наркомпроса был преобразован в Политпросветотдел, а потом — в Главный политико-просветительный комитет республики, объединявший **всю** политико-просветительную и культурную работу среди населения, которую вели различные организации и ведомства. Н. Крупская стала «первым и бессменным» председателем Главполитпросвета.

Она не только инициирует создание советских СМИ, но и без устали пишет статьи и материалы, рассказывая *как* и *что* нужно делать: как учить детей, как сорганизовать их в одну покорную пионерскую организацию, как наладить ра-

боту сельских библиотек, какие книги читать, и т.д. и т.п. Но Крупская еще и формирует коллективы литсотрудников; многих из них она знает лично, на многих имеет компромат. Так, в Москве она учреждает штат сотрудников и корреспондентов ведущих газет «*Правда*» и «*Известия*», в которых в годы становления советской власти активно работают: Альперович, Бергман, Битнер, Брамсон, Голин, Гроссман (псевдоним: Розин), Губельман (Ярославский), Динн, Дуамант, Клойзнер, Кун, Лурье (Румянцев), Куделли, Нахамкес, Торберт, Цигер (Ильин), и, конечно же, вдохновитель пролетариев Максим Горький. В газете «*Знамя труда*»: Биллин, Губельман (Ярославский), Давидсон, Ландер, Левин, Шумахер, Штейнберг, Эфрон, Максим Горький. Сотрудники газеты «*Воля труда*»: Бернштейн, Гахман, Гольдберг, Гольдман, Закс, Кац, Коган, Мог, Полянский, Пресс, Розенберг, Славинсон, Эмансон.

Подбирая кадры, Надежда Константиновна воплощала в жизнь стратегическую задачу, поставленную перед ней Орденом. Она знала, что старшее поколение, выросшее при царизме, познавшее свое земное предназначение и свою земную силу, и все сильнее ненавидящее новую власть, ей никоим образом **не** изменить; как знала и то, что репрессии против здоровых взрослых людей бесовской троцкистско-ленинской гвардией, она остановить **не** может, — слишком неравны силы. Живя среди учиняющих массовые расстрелы, применяющих химические отравляющие вещества и иные способы массового террора против мирного населения: мужчин, женщин, детей, против беременных и даже младенцев, Надежда Константиновна нашла иную отдушину. Она видела себя в будущем, в тех поколениях, которые пока еще дети, но через 20–30 лет будут сменой тех, кто захватил в России власть; а уж она постарается, чтобы *яблочко недалеко упало от яблони*! И чтобы кадры, пришедшие на смену, не дали спокойной человеческой старости своим педагогам от политики и власти; и чтобы общество, раздираемое страстями, стяжательством, патологической жаждой денег, обуреваемое страхом, пресыщенное предательством и насилием, полностью дегенерированное, в конечном итоге разрушило само себя…

В какой-то момент Крупская понимает, что помимо создания сети советских средних и высших образовательных учреждений необходимо создать и особую школу, в которой будут готовить будущих вождей строительства новой жизни.

Еще там, за океаном, она из множественных примеров на лекциях узнала, что дегенерация — это процесс, который существует уже не одно тысячелетие; государства, расы и нации, как и отдельные личности, рождаются, вырастают, становятся зрелыми, затем старятся и, наконец, умирают. Но этот процесс можно значительно ускорить; а можно избавиться от некоторых причин, вызывающих дегенерацию, уберечься, продлить расцвет своей цивилизации, что и делали народы, когда изгоняли из своих земель пришельцев-дикарей, когда воевали против захватчиков, ведя освободительные войны...

Прежде чем создать *особую школу* будущих руководителей советского государства, Крупская работает над инструкцией, которая бы охватила все аспекты работы спецучреждения, названного ею **Институтом красной профессуры**. Аналогов подобному заведению еще не существовало! Впрочем, ей во многом приходится быть первой.

Прежде всего, — отмечает она в своем блокноте, — надо переработать учение Карла Маркса под *русского потребителя*; важно, чтобы теория научного коммунизма, содержащая в себе в скрытой форме положения масонства, насаждалась в общество как передовая идея человечества. Эту истину должны проповедовать все, кто будет учиться в стенах закрытого учреждения; теории научного коммунизма они должны служить беззаветно и безукоризненно, но они одни должны будут знать ВСЕ составляющие этого учения. Им придется разрабатывать и прививать в общество новые знания, навсегда закрыв «расовый вопрос» и «классовый вопрос», — чтобы русские люди **не** поняли, кто был главной движущей силой двух «русских революций». При этом к власти и далее должны приходить только тщательно проверенные и отобранные новой властью, но афишировать это, конечно, не рекомендуется. При этом большин-

ство находящихся у власти, независимо от высоты положения, как правило, должны писаться *русскими и выходцами из крестьян, рабочих или служащих*.

Разрабатывая пункты инструкции для Института красной профессуры, Н. Крупская использовала полученные в Ордене знания. Делая при этом свой анализ лекций, прочитанных на спецкурсе в Йельском университете и испещряя блокнот пометками и цитатами, Крупская *выстраивала стройную схему идеологии, по которой станет жить советское общество, но это будет идеология не для всех, а словно бы идеология внутреннего характера, как бывает внутренняя инструкция для сотрудников закрытого ведомства*.

Пройдут долгие-долгие годы, прежде чем часть тех знаний вернется, откроется русскому человеку, да и мировому сообществу. Долгие годы, пока заинтересованные или даже случайные люди смогут прочесть в официально изданных источниках разные, хорошо дозированные подробности о создании 12-тью членами-учредителями (тогда как 13-й — сам руководитель) в Нью-Йорке 13 октября 1943 года некоего ***Бнай-Брита*** (сейчас в Бнай-Брит насчитывается более 500 000 членов в 40 странах, и это самое крупное тайное общество масонского типа.) И что в реальности он был создан по инициативе еще Дж. Пибоди в 1866 году (позже он получит разные названия; будет прозываться: *Священный союз*; Череп и кости; Орден, клуб Д-95; и т.д.). Если верить американскому профессору Э. Саттону, то располагался тайный клуб по адресу Бродвей, 120, Нью-Йорк, «Еквитайбл Траст Билдинг»; на самом верху здания находился сверхэлитный клуб, где банкиры встречались за ланчем. В этом обитом плюшем клубе банкир Уильям Бойс Томпсон излагал небольшой компании «избранных» планы участия в антирусской революции 1917 г. в России.

Когда Н. Крупская обучалась в Ордене, то именно У.Б. Томпсон читал им курс по освоению мирового пространства и, в частности, России. И с приехавшими слушательницами из Российской Империи он имел несколько личных встреч. Думала ли она об этом, когда писала свои инструкции по созданию Института красной профессуры? Безусловно.

Если обратиться к советским источникам, мы прочтем, что *Институт красной профессуры* (ИКП), созданный согласно Постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г., и находившийся в ведении Наркомпроса, готовил высококвалифицированные кадры для преподавания в высших школах республики экономических, исторических и философских дисциплин. «Общее руководство ИКП осуществлялось Агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. В ИКП принимались члены ВКП(б), обладавшие значительным (!!! — *Авт.*) партийным и революционным стажем».

С 1922 г. ИКП имел экономическое, историческое, философское отделения. «В 1924 г. по постановлению XIII съезда РКП(б) при ИКП было организовано подготовительное отделение для подготовки рабочих к поступлению в ИКП» (цитаты из «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ), М. 1965, т. 6, с. 110).

Позже открылось правовое и естественное историко-партийное отделение. В 1931 г. было организовано 10 самостоятельных ИКП — экономический, аграрный, мирового хозяйства и мировой политики, философский, исторический, советского строительства и права, естествознания, литературы, техники и историко-партийный.

Ректором первого ИКП с 1921 по 1932 г. был М.Н. Покровский, ответивший некогда коллеге-биологу из русских, что «революция сродни процессу родов, требующего пролития крови»; и он сам исправно помогал «рождать новый мир».

Глава 29

Незадолго до открытия Института красной профессуры Надежда Константиновна встретилась с заместителем наркома просвещения, будущим ректором Покровским. Из ящика своего стола она вынула вложенную туда перед самым его приходом папку. В этом заключалась своеобразная хитрость: пусть окружающие думают, будто она беспечна и невнимательна, и хранит секретные документы в столе... То-

гда как на самом деле все секретные папки и бумаги Крупской хранились в сейфе.

Выслушав его учтивое приветствие, она отреагировала едва заметным движением глазных яблок своих больших выпуклых глаз и подала ему папку, бросив лишь краткое: «Читайте». Ее взгляд при этом замер на его лице. Покровский слегка дрожащими руками (он старался скрывать свою трусоватость, но Крупская знала и другие его нелицеприятные стороны) открыл папку и стал читать. Он еще не знал, что станет руководить учебным заведением, которое будет готовить главных КОМИССАРОВ советской власти (идеологов, руководителей партии и государства, — вот отчего туда поначалу принимались только обладавшие значительным революционным стажем, т.е. прошедшие спецкурсы в заграничных школах Ордена).

Пунктов было много, очень много. Подробно расписывалось, что предстоит делать будущим мессиям от советской власти, на что обратить особое внимание. Среди инструкций были и такие, что отдавали наивом, словно написанные для людей недалеких, но алчных и амбициозных, для безумцев, безудержно стремящихся властвовать:

— Комиссар (преподаватель Института, будущий Правитель) должен помнить, что наша власть должна означать для всех только *советско-большевистскую* власть без привязки к национальности. Комиссар должен обучать политической азбуке, партийной дисциплине и убеждать окружающих, что наш общественный строй наиболее целесообразней и справедливей.

— Комиссары должны действовать так, что насилие должно быть их принципом, а хитрость и коварство — правилом. Зло есть единственное средство добраться до нашей конечной цели и создать наше государство, заменив русских и людей других национальностей на *советских*.

— Комиссар должен поддерживать террор, обеспечивающий слепое послушание.

— Комиссар должен помнить, что не имеет права останавливаться перед ложью и предательством, когда они могут послужить достижению нашей общей цели.

— Если комиссар изменит своей присяге, он будет физически уничтожен, как и все его родственники.

— В разных концах мира лозунг «Свобода, равенство, братство» ставит в наши ряды целые легионы слепых агентов, которые с восторгом несут красные знамена. Между тем, эти слова были червяками, подтачивающими благосостояние народов. Они и впредь станут уничтожать всюду мир, спокойствие, солидарность, добродетель, разрушая все основы государства и государственности. Те из комиссаров, кто еще не понял этой истины, должен раскрыть глаза, чтобы привить у слушателей осознание этого. Комиссар не должен быть слеп и глух, иначе мы проиграем.

— Если комиссар по какой-либо причине осмелился доверить выполнение возложенного на него задания кому-то, но не другому комиссару, то он должен после выполнения им задания убить его. Все бывшие подданные Империи должны рассматриваться комиссарами как нелюди, и чем больше их будет уничтожено, тем больше гарантия того, что в этой стране будет построен наш коммунизм.

— Комиссары должны насаждать в армию на командные посты свои кадры. Для удержания и укрепления власти периодически следует создавать массовый голод.

— Комиссары должны сделать все, чтобы русские и другие не могли мыслить масштабно, не могли делать выводы. Пусть для них отныне играет главнейшую роль то, что мы внушили им, что внедряем в их сознание: все происходящее принимать как неизбежную трансформацию, как веление научной теории гениальнейших учителей человечества, Маркса и Энгельса.

— Мы дадим русским и другим народам новую науку и литературу. Со временем интеллигенты из русских будут кичиться новыми знаниями, и без логической их проверки (потому что примут на веру, голословно) приведут в действие все почерпнутые из науки сведения, скомбинированные и искаженные нашими агентами. Так интеллигенция сама пойдет ложным путем. Науки мы исказим с целью воспитания умов в нужном для нас направлении. При этом особое внимание должно обращать на учения дарвинизма, ницше-

анства, марксизма, которым мы, создавая учебники, припишем выдающееся значение. Растлевающая роль этих направлений для умов несомненна.

— Мы сделаем так, будто вся русская наука двигалась не только русскими мудрецами и первооткрывателями. При этом многих русских ученых достаточно будет объявить симпатизировавшими нашему учению или ратовавшими за улучшение жизни рабочих, и оставить их имена в учебниках. Так мы подменим их настоящие русские ценности. Мы превратим деятелей на ниве советской науки, культуры и искусства в наших верных сторонников и зависимых рабов. Для этого комиссарам следует научиться действовать на самые чувствительные струны человеческой психики: на страх и алчность. Каждая из этих человеческих слабостей, взятая в отдельности, способна убить инициативу, отдавая волю людей в распоряжение обладающего властью над ними.

— На руинах русской природной и родовой аристократии мы поставим аристократию нашей интеллигенции. С уничтожением всех привилегий, самой сущности аристократии русских, которая была единственной преградой против нас, мы получим в руки важнейший козырь: отныне потомки большевистских родов с большим партийным стажем будут иметь принадлежность к давно сложившимся на Руси аристократическим сословиям. На фоне всеобщего уничтожения классов эту операцию следует проводить как можно более скрытно. Тем самым в будущем мы избежим обвинений, что уничтожили всех русских аристократов и к тому же, если понадобится, то даже в далеком будущем мы всегда найдем своего человека с аристократической русской фамилией.

— Мы прикуем народы к тяжелому рабскому труду бедностью сильнее, чем их когда-либо приковывали правители иных империй. Любые гарантированные нашей конституцией права для порожденного нами нищего — всего лишь гарантированная фикция. Деморализованный человек, рабочий или крестьянин, находящийся в стадии хронического недоедания и физической слабости, не найдет сил и энергии для противодействия нашей власти.

— В наших руках имеется величайшая сила, создающая, контролирующая и направляющая движение любой мысли в народе, и эта сила — пресса. Газеты и журналы должны стать рупором наших идей. Через нее мы добьемся влияния, оставляя в тени наши истинные намерения. Комиссары должны понять, что благодаря прессе, если крупные газеты и журналы других стран также окажутся в наших руках, мы сможем получить многие выгоды.

— Комиссары должны поднять роль прессы на высоту, которой она еще никогда прежде не достигала. Именно средствами нашей прессы мы пробудим слепое доверие к нам.

— Народ, слепо верящий печатному слову, быстро усвоит наши идеи в заданном нами направлении. Во внушаемых ему заблуждениях, в неведении своем питает он вражду ко всем сословиям, которые считает выше себя, ибо не понимает значения каждого сословия. Но мы подогреем народную ненависть до кипения. Вражда к власть имущим других стран увеличится еще больше, если использовать экономические рычаги. Создав всеми доступными нам путями общий экономический кризис с помощью русского золота, которое мы заполучили, мы вышвырнем на улицу целые толпы рабочих одновременно во всех странах Европы. Эти толпы с наслаждением бросятся проливать кровь тех, кому они завидуют, и чье имущество им можно будет грабить. Комиссары должны готовиться к подобному развитию событий и готовить народ прийти на помощь их угнетенным капитализмом братьям по классу.

— Элита ВКП(б) должна быть деспотична в своей политике. Остальные останутся послушной и внимающей толпой. Только требования Политбюро через указания и постановления ЦК ВКП(б) имеют право на жизнь, все иные трактовки или высказывания должны караться отлучением от власти (смертью).

— Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — новый царь-деспот, подготовленный для верховенства над народами России и подменяет собой русского монарха.

Подобные инструкции выглядят наивными, но они писались как черновой вариант, который отшлифует время; 30-е годы и в самом деле сгладили, отработали формы и приемы, характерные для советской идеологии, но основы структуры общественной и политической жизни, заложенные Н. Крупской, остались незыблемым монолитом. Наивными и глупыми могут казаться нам те положения и схемы, но они таковы не потому, что якобы глупа Надежда Крупская, а потому что таково рассчитанное на дегенератов «учение марксизма-ленинизма», откуда они «иссечены», «выбраны» и «распределены» по всем сферам жизни новосоздаваемого государства. Чем умнее, скажем, выглядит выдержка из письма В.И. Ленина, скажем, к Молотову: «Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Или, когда незадолго до переезда в Горки «вождь мирового пролетариата» Владимир Ильич признался художнику Юрию Анненкову: «В искусстве я не силен. Для меня это что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его: дзык! дзык! Вырежем. За ненужностью. Впрочем, вы уж об этом поговорите с Луначарским, большой специалист. У него там даже какие-то идейки...»

Подобных «гениальных» изречений можно насобирать многие тома. Так что ж, Крупская не могла набросать тезисы своих планов — в соответствии с духом того, с кем проживала бок о бок большую часть жизни?!

Приняв для себя решение поставить на ответственную должность заместителя наркома просвещения М.Н. Покровского, Надежда Константиновна проанализировала, на что годен такой человек, посмотрела в работе, сможет ли он сло-

мать прежнее и придумывать, насаждать нечто новое, зачастую тут же и придумываемое. «Характеризуя первый период деятельности Покровского на посту заместителя наркома просвещения (1918–1920), Н. К. Крупская писала: «Помню первые годы работы Наркомпроса, когда приходилось ломать старую буржуазную просвещенческую машину. Ломал здорово. И одновременно неустанно работал он над стройкой по-новому дела народного образования, показывал, как пронизывать науку, учебу духом марксизма» (ст. «Тяжелая потеря» // «Правда», 1932, 12 апр., с. 2)» (ПЭ, т.3, раздел 431).

Но что означают эти кажущиеся сухими и почти привычными (особенно для старшего поколения) строчки? Что значит «пронизать науку, учебу духом марксизма»? *Пронизать*, — значит сфальсифицировать, подогнать под свою идеологию, под свое мышление, свой уровень развития, переделать, сломать, насадить то, чего не было, и... вернуть на место. Изъять у народа его знания, переделать их на свой лад и вернуть «новые» знания этому же народу.

Яркий пример тому — жизнь и деятельность самого ректора ИКП.

Михаил Николаевич Покровский *(17(29).8.1868 — 10.4.1932)*, советский историк, академик. Имел те же склонности, что и большинство революционной верхушки, для кого революция — родная кровавая Мать. Родился в Москве, в семье еврейского чиновника, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Бесспорно, Покровский был способным студентом, а затем и преподавателем средних учебных заведений. Он увлекался историческими трудами В. Ключевского и П. Виноградова. В самом конце XIX века им написан 4-томник «Книга для чтения по истории средних веков» и сборник «Русская история с древнейших времен до смутного времени». Но в начале века он уже примкнул к «Союзу освобождения», раскрепостились его личные пристрастия, исказилось восприятие наук под влиянием социал-демократов и их психопатической идеи уничтожения самодержавия. Покровскому запретили читать лекции.

И вот, по заданию новых товарищей, Михаил Николаевич уже критикует своего «наставника» Ключевского в журнале «Правда» (1904 г.), в апреле 1905 г. входит в лекторскую и литературную группу Московского комитета РСДРП. В 1905-м по заданию партии (меня каждый раз умиляет это безликое словосочетание «*по заданию партии*») ездил в Женеву, где встречался с Лениным. Сотрудничал с газетой «Пролетарий»; руководил редакцией «Колокола»; участвовал в вооруженном восстании 1905 г.

Однако он успевает и писать научные труды, вновь и вновь переписывая русскую историю, критикуя Ключевского и Милюкова. «Догмам буржуазно-дворянских историков государственной школы Покровский противопоставил марксистское понимание государства, как орудия господства эксплуататорских классов, беспощадно разоблачал легенды о мудрости и народолюбии... князей и царей» (СИЭ, т. 11, раздел 256). Благодаря трактовке именно таких «профессиональных историков-марксистов», среди которых М.Н. Покровский был первым (!), Россия в прежние годы проводила не собирательную политику, а завоевательную, царизм стал не покровителем, а угнетателем народов и т.д. и т.п. — ***чаша весов навязанной русскому человеку на протяжении всего нескольких десятилетий «новой» Русской истории перевесила чашу настоящей Русской Истории, писавшейся на протяжении многих и многих веков существования и становления нашего народа.*** Достаточно было только поставить иные, отрицательные акценты, очернить наших предков, внести правки и нужные авторам добавления,— и нате-с вам, получите *новейшую историю с передовой марксистской трактовкой*!

Следуя указаниям Крупской, М.Н. Покровский, окруженный коллективом единомышленников, «вел большую работу по перестройке на революционных началах высшей и средней школы. В поисках новых путей образования, направленных на разрушение буржуазной идеологии и формирование социалистического мировоззрения, были и некоторые неудачи (замена юридических и историко-фило-

логических факультетов в университетах факультетами общественных наук, введение в школах обществоведения вместо истории и т.д.), но они возмещались деятельностью рабфаков, коммунистических университетов, Института красной профессуры и др., в организации и работе которых Покровский принимал непосредственное участие. Он был бессменным руководителем Коммунистической академии, ее Института истории, Института красной профессуры (с 1921), Общества историков-марксистов (с 1925), Центрархива (с 1922), редактором исторических журналов («Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов»), член Главной редакции БСЭ, активно участвовал в деятельности Истпарта, Института Ленина и многих других научных учреждений, периодических изданий, неоднократно представлял советскую науку на международных симпозиумах и конгрессах историков. Ему принадлежит ведущая роль в становлении советской исторической науки, в воспитании первых кадров советских историков (там же, раздел 257).

В 1920 г. вышли две части научно-популярной «Русской истории в самом сжатом очерке»; здесь автор уже «резко выделил моменты, раскрывающие генезис русской революции, ее закономерности и неизбежности» (даже по сему можно легко видеть, как насиловали нашу историю, ведь никакой *природной неизбежности революции* ни в какой стране мира **не** могло быть; эту неизбежность следовало прежде очень хорошо подготовить!). Покровский легко меняет свои взгляды в нужном партии направлении: в одной из новых работ он уже «признал буржуазно-демократический характер Февральской революции 1917 г. (ранее он считал ее началом социалистической революции); отказался от оценки восстания Пугачева как буржуазного движения и т.д.» (там же, раздел 258).

Последователи его, шлифовавшие советскую историческую науку, пока она не превратилась в науку догматическую, не единожды высказали свое недовольство «ошибками» наставника в трактовке прежней русской истории. «Всемирно известный ученый-коммунист» в своей стране

подвергался нападкам и даже не раз оправдывался. «Историки следующего поколения... признают, что уж кому-кому, а нам, работавшим в сверхдъявольской обстановке (определение-то какое подобрал истинное: сверхдъявольская обстановка, какую и могут создать только дети дьявола! — *Авт.*), нельзя ставить всякое лыко в строку... что, ***благодаря нам, им есть с чего начать...***» («Под знаменем коммунизма», 1924, № 10–11, с. 212)»

В 1936 г. было признано, что учению Покровского характерно грубейшее искажение исторических фактов; даже было принято специальное постановление по этому поводу. Закономерностью стало то, что после смерти, во время так называемого культа личности Сталина, «первый историк СССР», создававший догму, по которой пришлось учиться многим поколениям советских детей, был обвинен в... антимарксизме, антиленинизме. Какая черная неблагодарность за его адский труд (стоит обратить внимание на совмещаемые им должности) «в сверхдъявольской обстановке» во имя удержания и укрепления власти *своих*!

За то, что следующему поколению советских историков (учителям, преподавателям, кандидатам и докторам наук, академикам) в самом деле ***было с чего начать лепить новую историю***, вбивая преступные постулаты классовости, классовой ненависти и прогрессивности марксизма-коммунизма, прах М.Н. Покровского захоронили на красном погосте, — в Кремлевской стене, ставшей массивным краснокаменным кладбищенским забором.

Глава 30

Историческая наука была главенствующей там, где предстояло **перевернуть** мышление человека. И сотрудники ИКП во главе с Покровским справились со своей задачей, заложив основы «новой истории», указав, по какому пути должны идти советские ученые. Взяв за основу все научные труды, все изыскания их предшественников, выхоло-

стив их знания, переделав и присвоив себе, а затем напичкав их измышлениями ненависти и классовости, новые советские так называемые «ученые» стали вершителями так называемой советской «науки» в разных областях знаний (история, пусть и значительная, но всего лишь часть конгломерата знаний, который нарабатывали ученые русской отечественной школы).

В любопытной книжке «Вестник древней истории» № 3–4, выпущенной Институтом истории академии наук СССР в 1940 г., есть статья А. Рановича, где автор, восхищаясь, что наконец-то вышел первый в Союзе общий учебник истории для средних школ, отмечает, что до этого большинство буржуазных учебников «не давали истории древнего Израиля», «в подробном учебнике Кареева восстанию Спартака уделена всего одна строчка… а первое сицилийское восстание рабов вообще не упоминается в старых учебниках». Но советские историки уже знали, на что обратить особое внимание в деле воспитания священной ненависти пролетариев! Готовившийся годами, «до сдачи в печать учебник обсуждался в Академии наук, в Институте школ Наркомпроса… В изложении конкретной истории древности всюду подчеркивается рабовладельческий характер древних обществ… Вряд ли в другой какой области старые дореволюционные учебники так искажали и фальсифицировали историю, как в изложении истории христианства. …Впервые в учебнике для средней школы приводится правильное, марксистско-ленинское понимание религии как опиума народа. …учащийся приводится к пониманию того обстоятельства, что христианство было массовым движением протеста против гнета рабовладельческой империи, получившим в условиях того времени реакционную религиозную форму… Школа проверит учебник и даст ему должную оценку. Уже сейчас можно высказать некоторые пожелания… досадно, что ни слова не сказано о религии древних евреев. А ведь эта религия и теперь имеет миллионы приверженцев» и т.д.

Красноречивы цитаты Рановича, страждущего из-за недостаточности сведений о своем народе в русском учебни-

ке, однако положение в скором времени, после тотального и окончательного «освоения» новыми «советскими учеными» академий наук и институтов СССР исправится. «Уже в первой, вступительной главе учебник старается подвести учащегося к марксистскому пониманию исторического процесса и значения теории для практики революционной борьбы... Знание истории помогает нам понять, почему социализм должен победить во всем мире». Трудом неправедным так называемых «советских ученых» история развития цивилизации была превращена в историю борьбы; сидевшие за партами ученики подвергались психологическим атакам: *социализм должен победить во всем мире, и вы обязаны воевать за победу до конца...* «В борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза — будь готов!» — будут маниакально вопрошать пионервожатые советских школьников. И в ответ им пронесется звонкоголосое: «Всегда готов!»; и радостно взметнутся к головам сотни, тысячи, миллионы детских рук. ***Идеология тоталитарного общества начинается с изучения сфальсифицированной истории и насаждения в сознание и подсознание детей и подростков лицемерия и лжепатриотизма.***

Интерес к истории во времена юности Надежды Крупской был невероятно велик. Эта наука приобрела популярность благодаря осуществлению неожиданных проектов, путешествий по странам и континентам и множеству замечательных открытий, представленных широкой аудитории через газеты и журналы.

...Незадолго до рождения Наденьки проявился особый интерес к цивилизации Египта; в 1843 году немецкая группа начала раскопки, в результате которых был найден древний город Амарна. Сохранившиеся фундаменты помогли установить, что здесь некогда были построены самые великолепные здания из когда-либо возводившихся в Египте. В 1887 году обнаружилась переписка фараона. Бесконечный поток уникальных находок стекался в Каирский музей. Ко времени написания амарнских писем письменность в

Древнем Египте существовала уже несколько тысячелетий. Один из ученых назвал письмо «величайшим из всех египетских изобретений»; однако письмо было изобретено задолго до возникновения египетской цивилизации. Издавна было известно о голубоглазых, светловолосых и светлокожих правителях Египта. Считалось, что светлая мать Нефертити (чье имя означает «прекрасная») царица Тиу и светловолосые правители происходили из считавшегося вымершим племени голубоглазых людей, — валдайцев (валдаев; древних русичей), переселившихся в Египет из Европы, которые принесли с собой не только знания о письменности, но и знания об уникальной архитектуре и скульптуре.

О подобных гипотезах прекрасно знала Надежда Крупская, интересовавшаяся этой темой, прямо-таки заполонившей, захватившей умы многих просвещенных людей конца XIX — начала XX века. Ученые чуть не всего мира вступали в научные споры на страницах газет и журналов, писали статьи и книги.

Как иллюстрация: уже ближе к концу XX века — в 1984 году в Риме (!) вышла из печати книга советского журналиста Петра Орешкина «Вавилонский феномен», в которой автор впервые дал расшифровку «Фестских дисков». Почему книга не была напечатана в Советском Союзе, а вышла в Италии? — причина все та же: «советским ученым» подобные труды не нужны; ибо они указуют на примитивность этих самых «ученых», делающих имена на чужой им по сути истории; впрочем, труд П. Орешкина — по заложенной при Советах традиции — напрочь отвергается и нынешней официальной наукой. Ведь из книги следует, что все древнейшие цивилизации белых людей Египта, острова Крит, Этруссии, Римской империи, Греции и других известных цивилизаций древности, чья культура оставила заметный след в мировой истории, были **славянскими цивилизациями**. Ключом к разгадке тайны тысячелетий стал древнеславянский язык и письменность наших дохристианских предков.

Но дело в том, что подобные гипотезы, причем с привлечением доказательств, печатались и до образования

СССР, во времена процветания Российской Империи! И об этом хорошо знала Н. Крупская. Только вот при большевиках такие научные исследования исконно русских ученых будут или засекречены, или уничтожены пришедшими на их место *советскими* собратьями.

Серьезные раскопки в Тель-Амарне проводились в 1891–1892 гг. известным английским египтологом У.М. Питри Флиндерсом (позже исследовал гробницы древнейших фараонов в Абидосе, вел раскопки в Мемфисе и др.); и вновь возобновились в начале XX века, в 1910 г., на сей раз в них участвовали специалисты из Германии. Ученые и археологи, уже давно знавшие о существовании правителей города Солнца (Амарны) Эхнатона и Нефертити по многочисленным изображениям и расшифрованным письмам, 6 декабря 1912 года откопали чудо из чудес — бюст Нефертити, ставший затем самым известным, самым копируемым бюстом самой знаменитой из всех известных нам египетских цариц. Ее изображение в 20-е гг. XX в. появится на дамских украшениях: клипсах, кольцах, брошах, и т.д., на сервизах и полотнах.

Профессор Борхардт опустился на колени перед своей находкой; голова под короной с уреусом, — со священной змеей, свидетельствующей о ее принадлежности к царскому роду, заставила ученого застыть в немом восхищении. Потрясение от значимости этой находки было невероятным! И это вскоре оценил весь научный мир Европы. В результате переговоров и хитрых шагов, предусмотрительно предпринятых молодым амбициозным ученым, выходцем из немецких евреев, Людвигом Борхардтом, бюст прекрасной Нефертити оказался сначала в Германии, у профессора Джейма Симона, а через годы — в Берлинском музее. И когда в Германии наконец вышел первый номер иллюстрированного журнала с цветным изображением египетской царицы на обложке, весь мир взорвался восхищением и возмущением. Крупская с любопытством прочитывала газеты, вся мировая пресса сообщала о ходе дебатов, занимавших первые полосы ведущих изданий. Всех волновали вопросы:

почему бюст Нефертити позволили вывезти в Германию? Египет негодовал, требуя вернуть бесценное сокровище; каирские власти переживали по поводу своего неприглядного участия в этом проекте; Берлин отстаивал свое право на находку. В Европе даже развернулось народное движение за возвращение Нефертити в Египет. Тогда же был предложен обмен: две статуи фараонов на один женский бюст; «*Стоят ли два царя одной царицы?*» — насмехались немецкие газеты, и эта фраза, попавшая в заголовок, хорошо запомнилась Крупской. Еще прежде, пребывая в Йеле, она начнет писать свой загадочный список (он станет видоизменяться с годами, там появятся новые имена) предполагаемого разделения власти в новой, большевистской стране, отчасти исходя из интерпретации самой модной в то время исторической темы: Древний Египет, новые находки о царствовании прекрасноликих земных божеств.

Более тридцати веков назад Нефертити была самой могущественной императрицей мира, но нешуточные страсти сделали Нефертити самой известной героиней Истории тогда, когда теневой правительницей самой могущественной страны мира, захваченной в 1917 году бесами, была Надежда Константиновна Крупская.

Крупская проводила параллели, которые отныне, с объявлением на публике лика Нефертити, становились все очевидней. Эта **бдительная и жестокосердная тихоня** почувствовала искус; полнеющая **дремотная Наденька-душка** поняла: вот где неоглядный простор для мести обидчикам и напутствования поколений; о, как она памятлива!

— Эхнатон и Нефертити заполучили самую могущественную и самую развитую империю мира.

— Египет был абсолютной монархией, но во многом очень и очень демократичным государственным образованием.

— император руководил страной с централизованным управлением, с высокоэффективной системой налогов; страной, обладавшей огромным влиянием на международной арене; из разных стран сюда постоянно прибывали послы и

консулы. В стране успешно работали различные службы, в том числе быстрая почта, таможня, полиция, имелись сильная армия и военно-морской флот.

— Египет был ведущей державой мира, и был вместе с тем страной сельскохозяйственной.

— Он был центром международной торговли.

— Был открыт для всех культур, все окружающие земли почитали его силу, мощь и справедливость.

— В его землях было столько золота, «сколько пыли», как писалось в амарнских письмах (и открытие в 1922 г. гробницы далеко не самого могущественного фараона XVIII династии Тутанхамона подтвердило предположение о несметных богатствах страны).

— Египтян называли наименее воинственными; Египет выступал как охранитель соседних государств.

— В стране во всем соблюдалась строгая законность; путешественник, заснувший на обочине дороги, находился в такой же безопасности, как и дома. Подобную мысль озвучивали многие путешествующие.

— Все составляющие общества: правительство, промышленность, торговля и сельское хозяйство управлялись на основе принятых справедливых законов, за исполнением которых отвечали чиновники.

— В стране стремительными темпами развивались науки, литература и искусство.

— Каждый житель страны придерживался этических норм, представленных как заповеди (до нас дошли 42), среди них: «Не солги; не лжесвидетельствуй; не убий и др.» (задолго до рождения Христа люди жили по божественным заветам).

Да, Египет был самой цивилизованной страной в мире. Но уникальная цивилизация была разрушена; видоизменена; она погибла. Слишком лакомым куском был Египет для пришлых, и слишком мирными, не искушенными в подлости и наглости, были его жители, чтобы суметь спастись...

Сирийцы и хетты вторгались в его пределы во времена правления Эхнатона и Нефертити; «вторжение кочевых

племен хабиру (евреев) в азиатские владения Египта еще более осложнили обстановку» (СИЭ, т. 1, раздел 449). Можно встретить иное название: хапиру. «Эти люди, которых письменные источники называют *хапиру* (*'апиру*), или, по-шумерски, *си-газ* (что означает «подрезатели жил», «головорезы»), появлялись иногда мирно, как наемники на сельскохозяйственные работы, иногда же воинственно, стремясь захватить землю и крепости оседлого населения. Они представляли серьезную опасность для владычества египтян...» («Всемирная история», М., 1955, т. 1, с. 393). В Амарну к царю понеслись письма с просьбой защитить от посягателей; «Эти твари — порождение царя Митанни, царя Вавилона и царя хеттов», — засвидетельствовано на одной из глиняных табличек. Урусалим (станет после называться Иерусалим), или город Мира, как его называли в амарнских письмах, был в то время очень важным оплотом Египта в Южной Палестине. В письмах египетского губернатора, принца Абдикебы к Эхнатону описана *революция*, произошедшая в городе после вторжения оккупантов; причем сначала город стал центром беспорядков. В отчаянии принц писал, что *головорезы не только завоевали Землю обетованную, но и поселились в ней, явно намереваясь остаться навечно* (Э. Уэллс. Нефертити. М., 2004; См. также исторические труды Джошуа и др.).

К пришлым семитского происхождения в Древнем Египте относились снисходительно, но и с некоторой насмешкой. Считалось, что из них могут быть хорошие танцоры, но никудышные работники. Одетые в яркие шерстяные одежды, носить которые в жарком климате было не принято, с большими крючковатыми носами, с длинными спутанными волосами и неухоженными бородами они являли собой непривычный контраст с чистыми и благоухающими людьми, одетыми в легкие светлые одежды. Но египетские женщины их приняли и даже позволили себе познать их мужскую силу.

И вот на эту благословенную землю, и на ее неискушенный в коварстве народ, возжелавший — волей своих вла-

стителей Эхнатона и Нефертити — поклоняться иным богам, обрушилась кара Господня.

Итак, сначала были разговоры и помыслы о замене богов и смене месторасположения столицы. Но со временем утопия воплотилась; боготворимые прежде имена, высеченные на стелах, колоннах и в храмах, вычеркивались, вытирались, на их месте высекались новые.

Инакомыслие посеяло в обществе раздор. Смена идеологии превратилась в террор, — слишком много было несогласных и недовольных.

Вброшенные семена раздора прорастали на благодатной почве рождающейся дегенерации, восторжествовавшей в высшем обществе: мужчины не хотели отдавать своих прекрасных женщин в чужие руки, и женились на сестрах и дочерях.

...Когда же появились очередные пришельцы, не путешествующие, а пожелавшие осесть на землях Египта, в его культурных и торговых центрах, умные и божественные красавицы Нила, пытаясь интуитивно исправить ситуацию дегенерации рода, бросились в объятия мужчин другого народа, пусть и не самой приятной наружности. Но при интимной близости оказалось, что те были столь примитивны и неискусны в любви, что даже неизбалованные египтянки были поражены. Но их божественное Женское начало было ущемлено, уязвлено, потрясено от другого: оказалось, что самые желанные забавы и утехи пришлых мужчин сводились к мужеложству, тогда как обнаженные прелести дочерей Нила должны были лишь услаждать их взоры, возбуждая похоть. И вместо того, чтобы принять умных и невероятно красивых женщин, перед чарами которых никто до этого не мог устоять, дикие пришельцы из кочевых племен стали умащивать египетскими благовониями своих сестер, жен и дочерей, и предлагать и продавать их в благополучные дома богатых египтян.

Могло ли это служить поводом для изгнания подобного народа?

...Уподобившись коварной нубийской змее, Надежда Константиновна Крупская нашла путь решения этой проблемы для своей страны, погибшей под натиском коварных революционизирующих бесов, в дни кровавого переворота 1917 года стекавшихся в страну со всех концов света. Одних привез с собой из Америки Лейба Троцкий, другие тайными путями проникли с территории Финляндии; третьи в срочном порядке плыли из Австралии и т.д. Их — тьма, они сильны, и они, без сомнений, погубят страну и народ, но в конечном итоге они погибнут вместе со страной и народом...

Не оттого ли, зная нюансы поведения Нефертити и ее, как и других знатных египтянок, неприязненное отношение к представителям пришлого племени, зная расшифрованные письма из амарнской переписки царя Эхнатона, где звучали многочисленные крики о помощи и спасении земель и процветающих городов от детей сатаны, которые причастны к *революции* в Урусалиме, зная об их негативной роли в упадке и развале самой могущественной империи мира, — в советские учебники и энциклопедии не включают сведений об этих нюансах; авторы старались избегать и имени Нефертити... И это при том, что в первой трети XX в. ее имя — без преувеличения — было на устах всего мира! В 1955 году в СССР вышел первый столь значительный академический труд, как «Всемирная история», т. 1, где главы по истории Древнего Египта готовил «новый советский египтолог», впоследствии доктор исторических наук (1969) Юрий Яковлевич Перепелкин, чьи «основные труды посвящены социально-экономической истории Древнего Египта времени Древнего царства и перевороту Аменхотепа IV (Эхнатона)» (БСЭ, т. 19, с. 395). То, что тема если не «восстания рабов», то «переворота» и «обострения классовой борьбы» доминирует в трудах советских ученых, — это понятно. Однако отчего в т. 1 «Всемирной истории» имя и деяния Нефертити в трудах сего значимого египтолога **не** упоминаются?! (Имеется только в таком варианте: «...созданные позднее некоторые скульптурные изваяния времени Аменхетепа IV, например, скульптурные портреты царицы Нефертити...»; да

еще раз издатели использовали ее имя под иллюстрацией, — и это в колоссальном многостраничном труде! Сотрудниками главной редакции по подготовке этого 10-томного издания, упустившие сей немаловажный факт, были советские ученые: Варга, Волгин, Гефтер, Губер, Ким, Конрад, Косминский, Миллер, Минц, Поршнев, Сказкин, Струве и др. Другой источник, — СИЭ гласит: «Главы по истории Древнего Египта в 1-м томе «Всемирной истории» (М., 1955) обобщают результаты его специальных исследований. Перепелкин — крупнейший знаток египетского языка и эпиграфики, подготовил значительное число специалистов-египтологов» (т. 11, раздел 19). И, как самое важное в его трудах энциклопедия отмечает, что вместо *Древнее царство* в отношении Древнего Египта советский ученый предложил пользоваться иным термином: *Старое царство*. Почувствуйте разницу: новые советские ученые не принимают термина «древность» в отношении к иным народам…

Глава 31

Итак, после революции Крупской понадобилось немногим более трех лет, чтобы оформить ***главную идеологическую структуру, фундамент формирования морального облика советского человека, — Институт красной профессуры***, созданный в феврале 1921 года. Несмотря на то, что общее руководство ИКП, находившегося в ведении Наркомпроса, формально осуществлялось Агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии, на самом деле *Н. Крупская имела абсолютное, исключительное право распоряжаться своим детищем*. Ректором ИКП стал М.Н. Покровский. Выше говорилось, какие отделения были образованы в этом учебном заведении, которое стало основой основ всех советских институтов, университетов и академий. Но, прежде чем вести рассказ о некоторых из направлений, которые курировались ИКП, внесем необходимые примечания.

Вначале ИКП давал общую подготовку для всех немногочисленных слушателей. А через год было образовано не три отделения, как утверждают советские историки и БСЭ, а пять отделений: 1. Антропологическое; 2. Национальное (для избранных); 3. Экономическое; 4. Историческое; 5. Научного коммунизма и философии. С 1924 г. в ИКП начала функционировать особая комиссия по отбору слушателей. В 1928 г. сформировались отделения: истории партии, юридическое, естественное, литературное, журналистское и драматургическое. В 1930-м ИКП был разделен на самостоятельные институты, но все они подчинялись напрямую руководству ИКП.

В 1931 г. были созданы аспирантуры и докторантуры, созданы институты аграрный, мирового хозяйства и мировой политики, советского строительства и права, литературный, техники и естествознания, подготовки коммунистических и идеологических кадров. Также велась подготовка специалистов высшей квалификации для партийного контроля и Главного управления госбезопасности (ГУГБ). Тогда же для специалистов этих квалификаций внутри было сформировано подразделение по подготовке специалистов по химии, бактериологии и вирусологии (не для борьбы ли с инакомыслием среди советского народа?).

Спустя еще несколько месяцев в этом институте был открыт факультет по педагогике и формированию личности детей, начиная с ясельного возраста и детей, попадающих в приюты; курс обучения составлял 3 года.

В ИКП преподавали советские ученые, некоторые из которых прошли подготовку в зарубежных центрах: *В.В. Адоратский*; *А.С. Бубнов* (член Реввоенсовета ряда фронтов в годы гражданской войны, сотрудничал с начальником Спецотдела Г.И. Бокием, претворяя в жизнь его эксперименты); *Н.Н. Баранский*; *Е.С. Варга*; *В.П. Волгин*; *А.М. Деборин*; *С.М. Дубровский*; *Н.М. Лукин* (Антонов); *А.В. Луначарский* (нарком просвещения); *Ю.Ю. Мархлевский* (один из руководителей польской Коммунистической партии и Коммунистической партии Западной Украины); *В.И. Невский* (наст. Криво-

боков); *М.И. Покровский*; *В.М. Фриче*; *Ем. Ярославский* (наст. Миней Израилевич Губельман, заведующий отделом пропаганды ЦК ВКП(б)).

Также там преподавали: один из авторов аграрной программы большевиков, большевистский лектор, советский профессор, историк, автор ряда школьных учебников *Н.А. Рожков*. Советский экономист, член-корреспондент АН СССР с 1939 г. *Давид Иохелевич Розенберг*, в 1931–1937 гг. был профессором политической экономии Экономического института красной профессуры. Теоретик марксизма, родившаяся в семье потомственных раввинов *Любовь Исааковна Аксельрод*, в 1921–1923 гг. руководила семинарами по философии в ИКП; после — действительный член Института философии РАНИОН, а с основания Академии художественных наук состояла руководителем ее социологического отделения.

Из слушателей ИКП вышли известные деятели партии и советского государства, деятели армии, науки, культуры, НКВД, ГУГБ. К примеру, — Н.А. Вознесенский, член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана СССР, зампред Совмина СССР; Б.Н. Пономарев (в предвоенные годы и в военные до 1943 г. — член Оргбюро Политбюро ЦК ВКП(б)), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС; М.А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС (главный идеолог); М.А. Каммари; академик И.И. Минц; профессор М.В. Нечкина (обозреватель «Правды»); А.М. Панкратова; академик П.Н. Поспелов; Н.Л. Рубинштейн; писатели А.А. Сурков, В.Л. Василевская, С.П. Щипачев, К.М. Симонов, М. Кольцов (Михаил Ефимович Фриндлянд), драматург А.Е. Корнейчук, актриса В.А. Давыдова; генерал армии И.А. Серов; генерал-полковник Л.З. Мехлис, член Оргбюро Политбюро ЦК ВКП(б) и многие другие известные и неизвестные деятели СССР.

Среди тех, кто получал образование в этой сверхзакрытой структуре, и «братья по классу», например, *Савва Цолович Гановский*, философ-марксист из болгарских евреев; после 4-годичного курса в Институте красной профес-

суры (учился с 1928 по 1931 г.) он насаждает систему советской педагогики по методике Н. Крупской в Болгарии; в конце 50-х становится директором Педагогического института Болгарской АН. Еще один обладатель засекреченных знаний — латышский еврей *Ян Эдуардович Калнберзин*, впоследствии председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР и заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР (с 1960). Деятель советского и международного профсоюзного движения, уроженец Варшавы *Иосиф Сигизмундович Юзефович*, в 1920-м году был представителем Польского ревкома в 3-й армии, впоследствии, в 1942–1946 гг. — заведующий отделом профсоюзной и рабочей печати и член главной редакции Совинформбюро; работал в Институте истории АН СССР. Один из первых редакторов газеты «Фергана», затем заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КП Казахстана *Султан Сегизбаев*, с 1925 по 1930-й учился в ИКП; одновременно с 1928-го по 1930-й был деканом вечернего коммунистического университета ИКП. Слушателем отделения философии ИКП в 1922–1924 гг. был и академик АН БССР (1931), директор научно-исследовательского института истории партии при ЦК КП(б) Белоруссии *В.А. Сербента*; переводил на белорусский язык «великие» творения Маркса и Ленина.

Вот еще некоторые личности советской красной эпохи, обучавшиеся в ИКП: *А.М. Еголин*, профессор, действительный член АПН РСФСР (1954), директор Института мировой литературы им. А.М. Горького (где «перерабатывали» произведения классиков русской и зарубежной литературы, вставляя иногда целые абзацы, меняя смысл произведений...). Сотрудник этого же института, автор и научный редактор некоторых учебников по литературе для средних школ *Л.И. Тимофеев*. Сотрудник Института истории АН СССР, один из авторов учебника «Истории КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева, — *А.П. Кучкин*. Помощник в деле сотворения выдуманной фундаментальной истории компартии — *Аркадий Лаврович Сидоров*; подготовил большую группу специалистов-последователей по написанию фальш-

истории революции. *А.В. Шестаков*, ставший после окончания ИКП в 1924 г. заведующим кафедрой истории СССР в Коммунистическом университете трудящихся Востока; специалист в области аграрной нищеты царской России, — яркого образа, родившегося в воспаленных умах большевиков после 1917 г. для сокрытия своих чудовищных преступлений в области сельского хозяйства и бездарного управления на захваченных земельных угодьях. Руководил работой авторского коллектива, создавшего в 1937 г. «Краткий курс истории СССР», как... учебник для 3–4 классов средней школы. Первый секретарь Краснодарского горкома ВКП(б) *Оскар Львович Рывкин*.

Список «избранных учеников» долог, но не бесконечен; их имена названы в советских энциклопедиях. В 1921 г. в ИКП было 105 слушателей, в 1928 г. — 483, в 1931 г. — свыше 1000. За 5 выпусков (1924–1928) ИКП окончили 194 человека; среди них 88 экономистов, 50 историков, 42 философа, 9 естественников и 5 правоведов, но все наперечет — «ценнейшие кадры», **сливки** новой советской власти. К 1931 г. ИКП выпустил 336 человек, ответственных за дальнейшее развитие Страны Советов и будущее всех ее несчастных жителей.

Надо отметить, что именно в стенах ИКП было теоретически обосновано создание в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-ГУГБ советской инквизиции. Когда из-за тайного и весьма произвольного хода судопроизводства обвиняемые были лишены всяких, даже мало-мальских гарантий. Широкое применение жестоких пыток, поощрение и вознаграждение доносчиков, материальная заинтересованность власть предержащих, получавших огромные средства благодаря конфискации имущества осужденных, было характерно для советской инквизиции. Куда уж там до этих «чудес» средневековой инквизиции с ее методами удушения да сожжения, которая таким образом боролась с инакомыслящими, педерастами, ведьмами и вырожденцами! Советских граждан, приговоренных к смерти, обычно передавали в подвалы Лу-

бянки, Донского и других монастырей (только бесы-богоборцы могут пытать и казнить в храмах), многочисленных республиканских и областных тюрем.

Для того чтобы достичь *совершенства советскости*, партии большевиков нужно было пройти через множество античеловечных явлений, созданных извращенными умами клики Троцкого и Ленина. Эту власть НИКТО и НИКОГДА в России **не** выбирал и, следовательно, она **не** могла быть законной. А незаконную власть можно удержать только жестоким террором. И террор, начатый шайкой бесноватых в 1917 году, в 1937 году вовсе не закончился, в чем нас до сих пор хотят уверить, а активно продолжался. И *постсоветская* личность немногим менее бесправна, чем в годы советской власти и столь же беззащитна перед чиновничьим монстром системы...

Коль рождение Советской республики — дело незаконное, то все, что свершалось позже на протяжении 80 лет, шло с нарушением элементарных прав человека, в первую очередь, титульной нации — русских. ***И потому весь период, начиная с 25 октября (7 ноября) 1917 г. следует признать в истории России как период античеловечный, антизаконный и преступный.*** Оставшиеся на территории 1/6 части суши под красным большевистским игом люди были настолько запуганы массовым террором, что им только и оставалось послушно внимать Агитпропу ЦК партии и постановлениям ВЦИК и СНК.

Ну а дело *внушения* было построено по правилам строительства Пирамиды, но пирамиды дегенеративной. И использованы здесь все сферы воздействия, начиная с семьи и детей и заканчивая прессой и политической верхушкой общества. Старшее поколение хорошо помнит приписываемую Ленину фразу: «Советская семья — это ячейка советского общества»; на самом деле, авторство принадлежит Надежде Константиновне, как и все печатные работы, выпущенные Агитпропом в многотомниках Ленина. Эти тома — писавшиеся под ее диктовку то Лениным, а то и секретарями, — плод умозаключений Н.К. Крупской, основой которых служило ее обучение в Ордене.

Упомянутая тема *советской семьи* поистине уникальна; тема чрезвычайно сложная и неоднозначная, но одновременно весьма интересна и во многом для советского читателя **не** раскрыта. Это просто Клондайк для писателей и журналистов, — советская семья; если, конечно, смотреть через призму непредвзятости, основываясь на положениях психиатрии, высшей социологии и прочих научных нюансах. Учтя также, что нехарактерные русскому обществу XIX века смешанные браки в СССР стали обыденным делом.

Надежда Константиновна воплощала тайные установки международного масонства в создании семей руководителей отдельных органов и структур компартии, разыгрывая свои брачные *партии*, подталкивая, провоцируя или шантажируя сотоварищей. Выдающийся резидент Крупская блестяще исполняла свою роль до конца своих земных дней. Исследования и разрабатываемые правила *семейной ячейки ареопага общества* и *советского общежития в целом* являлись настолько важными, что даже в стенах ИКП были засекреченной темой (!) отделения, условно обозначенного нами как «национальное». Ко времени создания Института в высшем руководстве СНК и ЦК партии практически ни о ком не могли сказать, что он не «свой». Но, как известно, на смену одним вождям должны приходить другие вожди. И их нужно вырастить, подготовить... а для этого необходимо знать многие, очень важные особенности человеческой натуры.

Общаясь с известными психиатрами, физиологами, получившими в руки уникальные разработки русских ученых, проводящими также и свои научные исследования, Надежда Константиновна многое узнала о бионегативных людях. Впрочем, она имела богатый многолетний опыт наблюдений за такими людьми... И это также учитывалось в опыте построения нового общества и создания партийной элиты, этого, по сути, многонационального общества.

Пройдут десятилетия, но эту запретную тему никто нам так и не откроет (хотя делаются такие попытки на Западе и в США). А ведь стоит и какому-нибудь непредвзятому рус-

скому писателю обратить на нее особое внимание, проанализировать с целью проведения тщательного социологического исследования, дабы уразуметь, ЧТО произошло с исторически сложившимся устойчивым понятием РУССКИЕ ЛЮДИ и КАКИЕ черты приобрели русские люди, как нация, в совокупности советского периода и трагедий личностного и общественного характера. Обратив при этом внимание и на то, что в те же годы была разработана национальная политика в пользу национальных меньшинств, но — в ущерб русскому народу, лишенному Русской Академии наук, Русских институтов, Русских национальных школ и проч. и проч.

Важно напомнить, что в Российской Империи, в ведущих университетах изучали антропологию и науку, определяемую ныне как высшая социология, которая давала понятие о здоровой части общества и больной, вырожденческой части. Все это находилось под жестким контролем Священного Синода, который возглавлял со времени императора Александра II Действительный тайный советник, кавалер ордена Андрея Первозванного, доктор права, доктор философии, профессор Константин Петрович Победоносцев. Именно Победоносцев тщательно отслеживал и строжайше запрещал какие-либо контакты русских и других подданных Империи с вырожденцами (дегенератами, бесами, проходимцами — назовите как угодно), причем не только в половой, но и в деловой сфере. Еще при Николае I в начале XIX века был создан **секретный комитет**, в котором среди других рассматривались и предложения *«об очищении дворянства от инородных элементов»* (ведущая роль в данном вопросе принадлежала графу Е.Ф. Канкрину, графу П.Д. Киселеву и графу М.М. Сперанскому). За что «благодаря» советскому Агитпропу Святейший Синод в глазах советских людей стал самой реакционной структурой Империи, а его руководитель — чудовищным реакционером (также как и перечисленные сыны Отечества Российского). А научные дисциплины, которые преподавались в русских университетах, были не только исключены из программ, но и вымараны из истории Российского государства, как таковые... Все

новые установки для учебников истории (литературы и др. дисциплин) создавались и разрабатывались в стенах Института красной профессуры. А далее, с разделением ИКП на отдельные институты, шлифовались уже на практике и намертво вбивались в умы миллионов советских людей.

Чтобы скрыть преступную политику незаконной власти и неугодные (часто засекреченные) новому обществу знания, был создан Агитпроп, отданный на откуп «победителям».

«Своим» отдали и всю прессу, рассаживая в редакторские кресла людей, бездумно и фанатично преданных идеям *партии*. Точно по таким же принципам изначально формировался Союз писателей, или как тогда называли, РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), созданный по инициативе Н.К. Крупской, работавшей на сей раз в спайке с Максимом Горьким. Так же формировались и другие структуры советской культуры.

Глава 32

Чаще всего дегенерацию понимают (представляют) как вырождение, и соотносят с конкретным индивидом (семьей, родом). Но для Надежды Константиновны важным являлось понимание, что дегенерация характерна **для любого процесса**, происходящего в обществе, будь то просвещение, наука или культура. Благодаря ее невероятному воздействию на все происходящие в новом государстве процессы, когда ее мнение имело первостепенное значение для товарищей по партии, она (своими и чужими руками) заполонила среду так называемой ***советской культуры*** — кино, театр, изобразительное искусство, драматургия, балет, литература — многочисленными деятелями бесовской породы, с нескрываемым удовольствием занявшими вдруг освобожденные для них в стране вакансии (естественно, за счет десятков миллионов расстрелянных и выброшенных за пределы

России людей). Конечно, Крупская знала что среди большевистских ставленников много получивших дипломы за границей, которым русские национальные тонкости — *кость в горле*; как взяла в расчет и то, что в советское искусство, как правило, идут люди с неустойчивой психикой.

И тут Крупская выполняла установки Ордена, создавая новую ***идеологию*** посредством насаждения в сфере культуры лиц, презирающих исконно русские традиции. Начальной стадией процесса должно было являться нравственное разрушение русского народа, девальвация и искажение русского искусства и выращивание абсолютно нового, поименованного *советским*.

Для того чтобы подобная «культура» была востребована, были выращены поколения потребителей. Отобранные у родителей, дети напичкивались советской идеологией в яслях и детских садах. После чего попадали в школу, где принимались в *октябрята*, затем в *пионеры*, после вступали в *комсомол*, — проходя подготовительные этапы на звание «сознательного члена социалистического общества, самого передового общества в мире».

Таким образом, в первую очередь надо было создавать культуру для самых маленьких членов общества.

Сначала для них провели в жизнь разработанные под руководством Надежды Константиновны Крупской декреты о введения всеобщего обязательного обучения; затем последовали декреты о введении новой, упрощенной орфографии (23 декабря 1917 г.), об отделении церкви от государства и школы от церкви (21 января 1918 г.), о совместном обучении (31 мая 1918 г.), положение о единой трудовой школе (октябрь 1918 г.). Эти декреты знаменовали «коренную перестройку всей школьной системы». Наряду с этим в октябре 1918 г. произошла национализация всех книжных складов; а в мае 1919 г. было организовано единое Государственное издательство.

Дореволюционная литература была опасна новой власти; «в этом наследстве необходимо было разобраться: убрать с полок детских библиотек монархический и либераль-

но-благотворительный хлам и вместе с тем оставить все, что могло хоть в какой-нибудь мере послужить на пользу коммунизму», — уверяла советских граждан Лидия Феликсовна Кон, дочь польского еврея, революционера Ф. Кона, бывшего в конце 20-х годов редактором газеты «Красная звезда», а в 30-е годы завсектором искусств, затем заведующим музыкальным отделом Наркомпроса (Л. Кон. Советская детская литература 1917–1929. Очерк истории русской детской литературы. М., 1960, с. 15).

«*Хламом*», попав в большевистские руки, оказалась прекрасная русская литература для младшего и среднего поколения. Однако вместо «пищи для умов», как принято называть литературу, обществу было навязано ее иное предназначение: быть средством воспитания послушных рабов, но воинственных ко всему «буржуазному»! Детская литература является серьезным ***оружием борьбы*** и никак нельзя оставлять это оружие в руках враждебных классов, — такова суть одной из первых статей советской прессы, посвященной данной теме и напечатанной на страницах «Правды» (Л. Кормчий, «Забытое оружие» // Правда от 17 февраля 1918 г.).

В 1921 г. при Наркомпросе создается первое в СССР научное учреждение для изучения вопросов детской литературы и психологии ребенка-читателя, — ***Институт детского чтения***. «Содержание детской книжки должно быть коммунистическим. Это не значит, что детские книжки должны только излагать программу партии и резолюции партийных съездов, но они должны давать детям те понятия, те живые образы, которые помогут им стать сознательными коммунистами», — безапелляционно подчеркивала Н. Крупская и также добавляла, что художественное произведение «вооружало бы желанием борьбы» (Сб. «Н. К. Крупская о детской литературе и детском чтении». М., 1954, с. 23).

И здесь тоже Крупская — зачинательница! Словно неисчислимые адские пороки вплавились в одну-единственную Женщину, — это **идолище всех советских педагогов**, — и

заставили ее превращать младенцев и подросших детей с невинными глазками в изгоев, от которых шарахается весь мир, которых мир не хочет и не может понять в их безмозглой коммунистической зашоренности. Для легкости как подготовки авторами-агитироповцами, так и восприятия новой идеологии потребителями-детьми, Крупская разделила детей на четыре возрастные группы и наметила «конкретные требования в отношении содержания, литературной формы, иллюстраций и оформления книг, предназначающихся для каждой из этих групп» (Л. Кон, с. 76). И это разделение, а также негласные установки станут выполняться творческими активистами из агитпроповского легиона.

Н.К. Крупская стала организатором **всех** детских журналов и пионерских газет.

Как известно, к 1919 г. в России не осталось ни одного журнала из дореволюционных (в 1918 г. еще выходило 5). В 1921 году новых детских журналов было 2; к 1922 г. — 18 журналов и около 20 газет. В апреле 1922 г. проводилась первая так называемая Международная детская неделя, во время которой было объявлено о создании в Москве детских отрядов пионеров. О чем сообщили в журнале «Юные товарищи». Среди, если можно так выразиться, социообразующих, ведущих, сыгравших огромную роль в насаждении советской идеологии подрастающему поколению: «Северное сияние» (1919); «Юные товарищи» (1922); «Барабан» (1923–1926); «Юные строители» (1923–1925); «Пионер» (с 1924); «Новый Робинзон» («Воробей») (1923–1925); «Знание — сила» (с 1926); «Юный натуралист» (с 1928); «Дружные ребята» (1927–1941), «Еж» (1928–1935) и др. Взять, к примеру, построение содержания журнала «Барабан», одного из органов международного детского движения: половина его создается ребятами-корреспондентами с мест, половина посвящается «беседам старого большевика», популярным статьям и др. При внимательном рассмотрении начинаешь осознавать, что он сделан по матрице — газете «Искра», когда там работала Надежда Крупская!

Что характерно детской советской литературе, *какие* основы закладывались в сознание нашим матерям, отцам и дедам, да и нам, поколению 60-х и отчасти еще 70-х гг. XX века?

Советские педологи в 20-х гг. XX в. — в угоду партии — доказали, что даже трехлетний ребенок (!) «располагает сложными классовыми представлениями» (!). Как только возникла потребность воспевать тему ***дружбы народов***, одна из агитпроповцев, молодая поэтесса с упрямым взглядом, Агния Львовна Барто, пишет стихотворение «Братишки», там мать «беленького братца» напевает колыбельную (!):

Подрастай сынок,
У тебя есть братья,
Ты не одинок.
Будешь вместе с ними
Ты в огне и дыме,
С ними победишь...
Баю-баю... спишь?

Ну не сумасшедшая ли мамаша может напевать подобную колыбельную в предвкушении часа, когда ее младенец вырастет для бойни?! Однако советские воспитатели так не думали, — одно время они проводили беседы о классовости в младших группах детских садов!!!

Э.В. Яновская, бывшая «одним из руководящих работников дошкольного воспитания», в 20-е годы вела активную полемику на тему... «*Нужна ли сказка пролетарскому ребенку?*»; она писала: «Мы конкретно подходим к полному разрушению сказок и всей буржуазной детской литературы». Ответом на ее вопрос стала резолюция, принятая в 1924 г. на III Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию, решительно *изгонявшая сказку из круга детского чтения*, считая ее «тормозом в развитии материалистического мышления» (!). Правда, позже сказку в советское детство вернули, но слегка изменив и русские народные сказки, и написав свои, советские. Но чтобы никакой *хлам* и никакие *тормо-*

за не мешали советскому ребенку воспринимать материалистическо-догматическое толкование, в системе Наркомпроса создали комиссии по детской книге, где составляли списки «лучших детских книг».

Но кто же мог быть занесенным в эти списки?

Конечно же, восхваляли только *своих*; по Л. Кон: «Первым из советских писателей, который сумел создать для детей подлинно реалистические произведения, рассказывающие о жизни прошлого и вместе с тем глубоко современные по идейному содержанию и по всему своему звучанию, был *Борис Степанович Житков*... Так предметно, с таким знанием дела и в то же время с таким упоением до Житкова о труде не писал никто... Резолюция XIII съезда партии призывала усилить в детской литературе моменты трудового воспитания. Трудно найти другого писателя, чьи произведения так глубоко и полно отвечали бы этому требованию, как произведения Бориса Житкова»; «производственные» книги Житкова «обогащали не только разум, но и чувства ребенка, не только учили его, но и *воспитывали будущего борца для сражений на трудовом фронте* (выделено мной; откровенная агитка о воспитании рабов. — *Авт.*) и благодаря этому наиболее точно отвечали широко понятным задачам политехнического воспитания» (там же, с 187–198). Тема ***труда*** — основная тема первых пятилеток; детей к труду приучают книжки И. Ликстанова, Ф. Вигдоровой, М. Миршакара, В. Немцова, С. Маршака, А. Барто, Е. Шварц, И. Фрез, Ю. Яковлева, С. Баруздина, др.

По М. Горькому, детские писатели Б. Житков и М. Ильин (наст. Илья Яковлевич Маршак) положили начало **советской** «научно-художественной литературе», потому что **русской** научно-художественной литературе пришел печальный конец после 1917 года.

Ряды авторов споро ширятся; однако некоторая заминка возникает с темами: круг дозволенных интересов слишком узок. По понятной причине, одной из излюбленных в 20–30-е годы XX в. была тема ***пионеров***.

«...Мы совершенно не знаем, как живут пионеры... это уже совершенно взрослые люди, которые работают, например, плотину выстроили в каком-то колхозе и государству сэкономили несколько тысяч рублей», — благодушно рассуждает, млея под итальянским солнцем, великий лжец Максим Горький. — «...для октябрят, например, нет достойной их литературы... Счастливых исключений в массе детской литературы можно насчитать немного, например, книжки ленинградцев — Маршака и др. и прекрасную книгу Ильина о пятилетке» (М. Горький. О детской литературе. М., 1952, с. 87). Эх, очень бы хотелось воочию увидеть маленького Алешу Пешкова (А.М. Горького), читающего взахлеб книгу о пятилетке после нескольких часов, проведенных на пионерской стройке плотины в мифическом колхозе, где его родители работают за пустопорожние трудодни... Горький любил разглагольствовать о пионерии из своего шикарного дворца в Сорренто (куда раньше частенько заезжал погостить В.И. Ленин); в 1927 г. у него в гостях побывал некий литературовед из *советских* П.С. Коган, который после восхищался, сколько писем от «детей, растущих коллективистами», получает «скучающий в Италии автор».

В условиях нехватки разнообразия тем взрослые дяди и тети стали писать для детей Страны Советов по готовым трафаретам. Вот кто-то первым разработал шаблон избранной и одобренной партией темы, и по готовому образцу тут же все остальные кинулись создавать свои «шедевры», пополняя пустые полки библиотек, освобожденных от «дореволюционного хлама».

Некий Ю. Гралиц измышляет стих «Детский интернационал»; ему вторят Н. Павлович «Большевик Том» и М. Шкапская «Алешины калоши». И уже совсем не важно, кто из них рифмует: «Пионеры ехали в Азию, / А из Азии в Африку собирались, / Там у них африканцы объединялись...» Итак, обозначена важнейшая тема: ***пионеры — вожди мировой революции***. Но тут возникла проблема: литература подобного рода вызывала стремление, бросив все повседневные дела, в том числе школу и общественно-полезный труд

«на благо советской страны», немедленно заняться... организацией мировой революции! (См. «Пионеры в стране чудес», журнал «Вожатый», 1925, №19–20) Чуть изменить шаблон в показе пионеров самостоятельными «юными революционными деятелями» удалось поэту Николаю Асееву; у него пионеры — исполнители директив пионерской организации, человечки, ждущие приказов от высшего руководства, но сражающиеся за новый быт.

«...необходимо, чтобы каждому пионеру была ясна цель. Надо, чтобы он горел ненавистью ко всякой эксплуатации, угнетению, ко всякой несправедливости, чтобы он видел безобразие окружающей жизни, ее неустройства, горел желанием ее изменить», — давала установки Надежда Константиновна, и находились десятки авторов исполнять их (Н. Крупская «О журнале «Барабан»» // «На путях к новой школе», 1924, №1).

Очень часто советские критики и педагоги любили приводить, как эталон, слова М. Горького, что «классовая ненависть должна воспитываться именно на органическом отвращении к врагу, как существу низшего типа, а не на возбуждении страха перед силою его цинизма, его жестокости, как это бессознательно делала до революции сентиментальная «литература для детей». (М. Горький о детской литературе. М., 1952, с. 81) «Именно такой ненависти к безобразию окружающей жизни, такой повседневной мужественной борьбе учили детей лучшие стихи о пионерах, и в этом их большая воспитательная ценность» (Л. Кон, с. 154). Однако цитату Горького следовало бы не прерывать, а продолжить: «Я совершенно убежден, что враг действительно существо низшего типа, что это — дегенерат, вырожденец физически и «морально». В этом вопросе на моей стороне данные статистики роста преступлений, данные психопатологии, сексуальных извращений — бесчисленное количество фактов гнилостного разложения буржуазии «послевоенного» времени»; только вот эти правдивые слова относятся в первую очередь **не** к вымышленному капитализму, а к большевикам, среди которых одно из почетных мест занимал сам вырожденец Горький.

Столь большое количество цитат в данной главе приведено для того, чтобы читатель мог лучше осознать, *что* же происходило и *как* подменялись человеческие ценности на психопатические идеалы... Ведь тот мир, в котором мы жили, особенно старшее поколение, казался нам незыблемым, правильным, праведным. Потому что мы **не** знали, ЧТО было до этого, до эпохи большевизма-коммунизма.

КАК насаждалась идеология, — вопрос очень и очень важный. А главным идеологом советской страны была не кто иная, как Надежда Константиновна Крупская, — красный демиург многолетней власти большевистских бесов. Идеология, внедренная в массы малолетних советских граждан, явилась тем фундаментом, на котором устойчиво стояла коммунистическая элита огромной порабощенной страны.

Как отмечали некоторые критики, подлинным родоначальником политической поэзии для детей был *Владимир Маяковский*. «Борьбу за просвещение и воспитание молодого поколения Маяковский рассматривал как третий фронт» (Л. Кон, с. 154). При этом поэт-трибун был так увлечен воспитанием *красных боевиков*, что в одночасье ужаснулся сотворенному, когда мальчишки, обступив его — очень модного, в белых штиблетах, с американским галстуком на шее, поэта интеллигентно-буржуазной внешности — и выкрикивая «Смерть буржую!», стали... цитировать его же строки!

Это же надо так перестараться, чтобы детки кричали одну из любимых песен-маршей: «Возьмем винтовки новые, примкнем штыки...». Впрочем, что дивиться, если «поэты и прозаики, работавшие в детской литературе, только в 30-х годах ввели в круг воспитательных задач внутреннюю подготовку подростков к будущим суровым боям» (А. Ивич. Воспитание поколений. М., 1960, с. 56). «Когда /война-метелица /придет опять — /должны уметь мы целиться, /уметь стрелять. /Бесшумною разведкою — /тиха нога — / за камнем /и за веткою /найдем врага». Красноречив рубленый стих Владимира Владимировича Маяковского, покоренного приставленной соглядатайкой Лилией Брик. Да и

с чего бы это талантливому поэту вдруг писать «О Симе и Пете» («Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий», 1925): «Петя /взял /варенье в вазе, /прямо в вазу мордой лазит. /Грязен он, по-моему, /как ведро с помоями. /...ясно даже и ежу — /этот Петя /был буржуй» (эти уникальные строки — о 5-летнем, надо полагать, русском мальчике Пете. А далее — о 7-летнем явно нерусском мальчике Симочке) «Сима чистый, /чище мыла. /Мылся сам, /и мама мыла. /...Птицы с песней пролетали, /пели: /«Сима — пролетарий!»

Комментарии, как говорится, излишни. Установка поэта ясна: кто имеет право считаться *чистым* в Стране Советов...

Для того чтобы печатать книги вышеперечисленных упомянутых и других авторов, в 1933 г. по воле трудяги-Крупской был создан Детиздат (после станет называться Детгиз). Предварительно этот вопрос был решен Надеждой Константиновной все с тем же Горьким (как и другие, касающиеся литературы). Особое внимание при этом было уделено *исторической тематике*, — основе основ идеологии любого государства. 16 мая 1934 г. Совет народных комиссаров и ЦК ВКП(б), отметив, что «преподавание в школах СССР поставлено неудовлетворительно», приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школе». Это постановление «вооружило писателей в их творческой работе по созданию исторических книг для детей, внесло коренные изменения в практику работы издательств», — сообщали критики. Однако, как выяснилось 17 лет спустя, для дошкольного младшего возраста была издана всего лишь 21 книга исторической тематики; зато авторы в большинстве своем все те же: Гершензон, Ульянова (Бланк), Куйбышева, Фарафонтова, Савельев, Шторм, Успенский, Ровинский, Герман, Глязер, Злобин, Ян и др. Да и тематика для детского восприятия скучновата; выходят в основном книги «на историко-революционные темы». Какие же писались произведения по русской истории, хорошо показывает пример

«Ледового побоища» С. Глязера, где можно найти следующие строки, относящиеся к XIII в.: «В то время почти вся Русь была покрыта дремучими лесами»; тогда как в XIII в. на Руси стояло множество городов, о которых предки *глязеров* не могли знать по причине своей причастности к совершенно иной культуре, развивающейся еще далеко за пределами Русского государства... Ляп Глязера был ему «поставлен на вид» на общем собрании литераторов-однопартийцев.

«Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все освещается учением Маркса — Ленина — Сталина», — утверждал Максим Горький. Но именно эту мысль и воплощали в жизнь писатели, посягнувшие на доверчивые детские души, обладающие, как отметил С.Я. Маршак, «повышенной внушаемостью и неспособностью критически подойти к литературному произведению».

Постепенно книжные магазины и библиотеки СССР наполняются книгами для детей. Год за годом, десятилетие за десятилетием, друг за другом в детскую литературу приходят и утверждаются в ней — по схеме, введенной в 20-е годы XX века Н.К. Крупской, — «новые русские классики»: Самуил Маршак; Корней Чуковский; Аркадий Гайдар; Лев Кассиль; Виталий Бианки; Валентин Катаев; Михаил Пришвин; Константин Паустовский; Юрий Олеша; Рувим Фраерман; Вениамин Асеев; Семен Баруздин; Иван Ефремов и др.

Среди авторов школьных учебников и хрестоматий в обязательном порядке прописаны корифеи «русской литературы»: *Михаил Аркадьевич Светлов* с его классическим стихом «Гренада», где автор призывал психопатов умирать за светлое будущее; *Ярослав Смеляков*, внушающий благоговейную любовь детей к советским атрибутам, пионерии и комсомолу; *Иосиф Уткин* с его «Комсомольской песней», в которой «Мальчишку шлепнули в Иркутске, / Ему 17 лет всего», он, улыбаясь на допросах, отрекался от матери, потому что «...комсомольцы / На допросе / Не трусят! / И не

говорят! /Недаром красный орден носят /Они 15 лет подряд (?! — *Авт.*). ...И он погиб, судьбу приемля, /Как подобает молодым: /Лицом вперед, /Обнявши землю, /Которой мы не отдадим!» (1934 г.); какой-нибудь нынешний насмешник может сказать, что читаемый здесь подтекст: мальчишка должен с улыбкой погибать за землю, которую *иосифы уткины* никому не отдадут!

В этом ряду агитпроповцев — *Степан Щипачев* с поэмой «Павлик Морозов», обучавший детей выискивать замаскировавшихся врагов-кулаков, доносить на подозрительных лиц, не брезгуя сдавать властям всех, кто прячет от партии хлеб и всех, кажущихся ему, ребенку, врагами советской власти. Тут же и *Маргарита Алигер* с патриотичной поэмой «Зоя», научающей и будущие поколения юных русских девчушек как — бесстрашно и мужественно — подобает погибать за советскую власть. И *Семен Кирсанов* с поэмой «Александр Матросов», идентичной «Зое» по идейной задаче, только в отношении юношей. И *Александр Прокофьев* с его знаменитым «Я песней, как ветром, наполню страну /О том, как товарищ пошел на войну...»; и *Яков Шведов*, приучавший 16-летних «орлят» принять смерть, коль партия прикажет: «Орленок, орленок, /Взлети выше солнца... Гремучей гранатой /От сопки врагов отмело. /Меня называли орленком в отряде, /Враги называли орлом»; и *Александр Жаров* с романтичной «Взвейтесь кострами, /Синие ночи! /Мы пионеры — /Дети рабочих... Клич пионеров: / Всегда будь готов!». И, конечно же, богоборец *Эдуард Багрицкий* с жалостливым стихом «Смерть пионерки», с восклицанием умирающей Вали-Валентины: «Я всегда готова!» — /Слышится окрест. /На плетеный коврик /Упадает крест»; смысл: даже находящаяся при смерти девочка обязана подумать о красном большевистском знамени и выкинуть крестильный православный крест, не сметь держать его в руках! Среди обязательных авторов для изучения в советской школе (в том числе и по внешкольному чтению) были Ю.П. Герман, автор «Рассказов о Дзержинском» (1938); Е.Я. Драбкина, «обогатившая советскую Лениниану худо-

жественными мемуарами» под названием «Баллада о большевистском подполье», в которых рассказывала о Ленине и Крупской; М. Шагинян с произведениями о Ленине; А. Гринберг с «Рассказами о смерти Ленина» и «В семье Ульяновых»; Демьян Бедный (наст. Ефим Придворов); М. Гершензон; И. Ликстанов; Н. Кальма; Ю. Яковлев; В. Осеева; В. Инбер; М. Исаковский; М. Ауэзов; Л. Успенский; Чарушин; Чаплина; Соколов-Митиков; Скребицкий; Перельман, многие-многие другие.

«Герои лучших книг советских писателей становятся любимыми героями и образцами подражания для молодых китайцев, корейцев, чехословаков, румын, албанцев, болгар, поляков, немцев, для рабочих и крестьян в столицах, находящихся еще под пятой капитала. ...Кто получил высокое право нести в сердца и умы миллионов будущих хозяев мира великую правду бессмертных идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, тот обязан быть неутомимым в новаторских поисках... За годы существования советского строя детская литература стала могучим фактором коммунистического воспитания советских ребят» (А. Сурков. «Хорошую литературу — детям» / «Советская детская литература». М.-Л., 1953., с. 7–8). Не об этом ли мечтала Надежда Константиновна Крупская, создававшая СИСТЕМУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ советского человека?

Глава 33

Как известно, именно Крупская «принимала деятельное участие в создании пионерской организации и с первых дней ее существования оказывала ей большую помощь, заботясь о ее укреплении и дальнейшем развитии. В многочисленных статьях и выступлениях, посвященных детскому коммунистическому движению, Надежда Константиновны раскрыла и теоретически обосновала содержание, методы и организационные формы работы с пионерами» (Сб. «История педагогики». М., 1981, с. 309). Н.К. Крупская СОЗДА-

ЛА систему советской пионерской организации, действующую под патронажем комсомола, выработала первый устав организации, утвердила пионерские (по старым масонским традициям) символы: красное знамя, красный флаг, красный галстук, значок; а также атрибуты организации: горн с красным флажком, барабан, форму со знаками различия (1 красная лычка на рукаве — звеньевой, член совета отряда; 2 лычки — председатель совета отряда, член совета дружины; 3 лычки — председатель совета дружины). ***Так выглядит полная военизация детей при подготовке к войне за мировую революцию.*** У пионеров были и свои ритуалы: клятва, салют, строй, линейки, речевки, вынос знамени, подъем флага, и проч.; привлекательные традиционные пионерские костры (причем, пламя разжигалось внутри круглой ямы, образованной внутри специально оформленной пятиконечной звезды), праздники, посвященные так называемой Великой Октябрьской социалистической революции, 1 мая и Дню рождения В.И. Ленина (чье имя с 1924 г. стала носить вся пионерская организация).

Пионеры, достигшие 14 лет, имели право вступать в ряды ВЛКСМ при обязательной рекомендации совета дружины. Впрочем, непосредственное руководство и пионерами, и их печатными органами (газетами и журналами; а еще были специальные передачи на радио) Н. Крупская поручила ЦК ВЛКСМ. К слову сказать, одним из организаторов Союза молодежи при Московском комитете РСДРП(б) был *Лазарь Абрамович Шацкий* (1902–1937); в 1919–1921 гг. он — первый секретарь КИМ (Коммунистического Интернационала молодежи). К 1935 г. уже были сформированы содержание и формы работы редакций пионерских газет, структура их отделов.

Под руководством Надежды Константиновны в создании пионерских газет принимали участие: М.И. Калинин (надо полагать, выявлял девочек-кандидаток в балетные школы), Ф.Э. Дзержинский (выявлял и расстреливал врагов революции среди детей), А.В. Луначарский (выявлял детей, которые сгодятся для педерастии), С.М. Киров (выявлял

детей-ораторов, трибунов и революционеров), Г.М. Кржижановский (опекал внуков старых профессиональных революционеров) и др.

Научно-популярные и воспитательные статьи в пионерские газеты писали специалисты по уничтожению психики, генетики и физиологии детей. В авторах также значились: Ем. Ярославский (наст. Губельман), Ф.Я. Кон, В.Д. Бонч-Бруевич, Н.А. Семашко; активно в газетах выступали М. Горький (наверное, не хватало гонораров; причем, были случаи, когда редактор отдавал свою зарплату, потому что классик-зануда для себя требовал… самые высшие ставки даже в детских газетках!); Б.С. Житков (большой специалист по проталкиванию еврейских детей на пионерские слеты и в знаменитый лагерь «Артек»); В.В. Бианки; М.М. Пришвин; А.П. Гайдар (готовил тимуровцев для уничтожения всех врагов «униженных и оскорбленных»); М.А. Светлов (призывал детей к борьбе с мировым фашизмом, забывая сказать, что идеология фашизма, как и социализма-коммунизма, порождена международным масонством); С.М. Маршак («маршал советской детской литературы»); К.И. Чуковский (баловник с детьми и вечный «чукоккола», так и оставшийся в безопасном для его психики возрасте от 2 до 5).

Однако дети и подростки, вооруженные коммунистическими идеалами, получали и свою порцию романтики в виде произведений классиков русской литературы дореволюционной эпохи. Классики были не только выбраны из целой плеяды талантливых литераторов, но и дозированы. Как известно, в 20-е годы из библиотек был изъят даже весь Пушкин, не говоря о других авторах. «Издания Комиссариата народного просвещения не могут удовлетворить насущную нужду… в книгах по русской литературе, потому что эти издания, не говоря уже о том, что ***над ними не проделано никакой редакционной работы***, слишком громоздки… Конечно, полные собрания сочинений необходимы, но работы по их изданию должны быть предоставлены особому ученому учреждению, например, II отделению Академии

наук, освеженному и подкрепленному новыми силами. ***Эти издания*** — типа академических собраний сочинений Пушкина, Державина, Ломоносова — ***должны выпускаться в свет только после серьезной академической работы над текстом автора и должны лечь в основу изучения русской литературы***... Для нужд школы должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения...». Эти слова взяты из докладной записки М. Горького, написанной в 1918 г. (выделено мной. — *Авт.*). Там же указано, что произведения следует издавать с биографией, портретом и одной-двумя критическими статьями «с краткой оценкой их исторического значения».

Тот же процесс «академической обработки» «новыми советскими академиками» происходил и над произведениями иностранной литературы. «Очевидно, что даже самые грамотные и добросовестные компиляции — переводы... на доступный детям язык — не могли удовлетворить новым требованиям: скрещению познавательной темы с широкой воспитательной идеей», — рассказывал о литературном процессе 20-х годов А. Ивич в своей книге «Воспитание поколений. О советской литературе для детей» (М., 1960, с. 305). Отныне литература превратилась в «орудие коммунистического перерождения общества».

Итак, схема действует безотказно все годы существования советской власти, как учил классик советской литературы, вдохновленный на подобный разбой серым кардиналом Наркомпроса Н. Крупской.

Список изданий русских и зарубежных авторов в первые десятилетия советской власти — сжатый насколько это возможно, чтобы процесс «денационализации» и «редакционной обработки» литературы все же был четким — выглядит таким образом:

— ***А. С. Пушкин***, как отдельные произведения, так и собрания сочинений. Редакторами и литературоведами-пушкинистами выступали: Авраамова, Ауэзов; Берков, Берлянд-Черная, Бернштейн, Бетгер, Бирман, Блок, Бляхарская, Богаевская, Богословский, Бонди, Брейтбург, Бродский, Бэлза;

Вальбе, Виридарский; Гальперин, Гиппиус, Глиэр, Гольман, Гордин, Гроссман, Гус; Давыдова, Дейч, Догель; Зенгер; Исаковский; Коган, Кремер, Крендель; Лебедев; Мейлах, Маршак, Матвеева-Исаева; Рабинович, Ритман-Фетисов, Розенфельд, Рудман, Тойбин, Хаупт, Цявловский; Цявловская-Зенгер; Шагинян, Эльсберг, Эфрос, Фрейдель, Фриденберг, Фридман, Шлифштейн, Яголин, др.

Особое доверие оказали специалисты Института красной профессуры, поручив С. Маршаку лично обрабатывать произведения великого Александра Сергеевича Пушкина, переписывая слова и строки с великорусского на послереформенный «новояз». Нечто похожее будет происходить с величественными полотнами в Третьяковской галерее, — когда «редакторы» и «обработчики» от искусства станут изменять творчество знаменитых художников, подрисовывая изможденности персонажам, убогости в одежде, добавляя свои, — важные для коммунистического воспитания масс, — детали. К примеру, фальсификатором батальных сцен в изобразительном искусстве называют воссоздателя панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» известного советского художника, академика П.П. Соколова-Скаля, утверждая, что его покарал смертью Всевышний, когда тот работал над полотном прямо в здании панорамы.

— ***Л. Н. Толстой***, как отдельные произведения, так и собрания сочинений. Редакторами и литературоведами-толстоведами выступали: Абрамов, Блок, Брейтбург, Вейкшан, Гольденвейзер, Гудзий, Евнин, Ефимов, Зайденшнур, Иофанов, Кригер, Крендель, Прийма, Рудман, Ульрих, Фридлендер, Цявловский, Шагинян, Шифман, Шохер, Штрайх, Юдин, Юнович, Эйхенбаум, др.

— ***И. С. Тургенев***. Советским людям его творчество представляли: Абрамов, Анциферов, Бердников, Бернштейн, Бродский, Василенко-Левитон, Ефимова, др.

— ***В. Г. Белинский***. Его труды «разжевывали» читателю и о нем активно писали: Боград, Бровман, Бродский, Венов, Вольпе, Гаркави, Гинзбург, Гордин, Гус, Гутман, Кремер, Крендель, Лемберг, Михельсон, Пропп, Резник, Роткович, Оксман, Цейтлин, Фридлендер, Шейман, Эльберг, др.

— ***Н. Г. Чернышевский.*** Со вступительными статьями и примечаниями, а также критикой его произведений выступали: Богословский, Брегель, Гоффеншефер, Ефремов, Ефимова, Зевин, Иоффе, Каган, Крендель, Левин, Майский, Нейштадт, Сладкевич, Тойбин, Фиш, Шифман, др.

— ***А. П. Чехов.*** Комментировали его литературные труды и личные письма: Бердников, Бориневич-Бабайцева, Гай, Гайдебуров, Гитович, Дерман, Еголина, Книппер-Чехова, Лидин, Рабинович, Роскин, Семенова, Тагер, Фридкес, Шмидт, Эйгес, Эйзес, Эссен, др. Главными иллюстраторами его произведений стали: Вольштейн, Каплан, Кукрыниксы.

— ***А. Н. Островский.*** Подготовкой текстов пьес и комментарием занимались: Гродская, Елеонский, Коган, Маторина, Ревякин, Фриденберг, Эйгес, др.

— ***Тарас Шевченко.*** Его представляли читателям: Айзеншток, Белецкий, Гебель, Дейч, Корнейчук, Ромм, Шагинян, др.

— Редактором полного собрания сочинений ***М. Ю. Лермонтова*** были Эйхенбаум и Андронников. Среди «лермонтоведов» множество из уже перечисленных.

— Вступительное слово, редактуру и примечания к полному собранию сочинений ***Козьмы Пруткова*** сделал Бухштаб.

— К «***Слову о полку Игоревом***» «причастны»: Берков (злые языки утверждают, что благодаря ему это произведение не соответствовало оригиналу), Гудзий Каплан, Прийма, Райзман, Робинсон, Шарлемань, Шторм, др.

— Книги из библиотечки «***Русские повести***», а также ***поэзию***, ***фольклор*** и ***драму XIX века*** готовили, включая редактуру текста: Айзеншток, Бердникова, Берков, Бельчикова, Бухштаб, Векслер, Габбе, Гиппиус, Гудзий, Зайденшнур, Заузолков, А и С. Златовратские, Мейлах, Розанов, Фридлендер, Фридман, Цейтлин, Цукерман, Шахматова-Каплан, Шер, Штрайх, Эксберг, др.

— ***Вильям Шекспир.*** Его читателям представили: Аникст, Берковский, Вистин, Державин, Идельсон, Фридлендер, Чуковский, Юзовский, др.

— ***Дж. Байрон***. Прошел через руки переводчиков и критиков: А. Лейтеса, Зенкевича, Зильберштейна, Смелякова, др.

— ***Оноре де Бальзак***. Общую редактуру его 20-томника вели Луначарский и Корш. Делали примечания и писали вступительные статьи: Гунст, Книпович, Песис, Раскин, Реизов, Резник, Эйхенгольц, др.

— ***Эмиль Золя***. Среди переводчиков, редакторов-обработчиков и критиков: Линдегрен, Реизов, Ромм, Тетеревникова, Фельдман, Эйхенгольц, Эткинд, др.

Впрочем, список любимых советским читателем ***переводных книг*** может быть очень длинным. Приведем лишь тех, кто вершил переводы, зачастую правя тексты по своему усмотрению, вернее, согласно установке партии:

— *с английского*: Богословская, Вальдман, Вильмонт, Вольпин, Галь, Горфинкель, Давиденкова, Дарузес, Зенкевич, Райт-Ковалева, Левик, Розенталь, Топер, Чистякова-Вэр, Чуковский, Шер, Шиффер, Энгельгард, др.

— *с французского*: Аркин, Богословская, Выгодская, Галь, Гимельфарб, Гуревич, Дабл, Коган, Коц, Кулишер, Левик, Лившиц, Нейман, Розанов, Рошаль, Шлосберг, Щепкина-Куперник, Эрбург, др.

— *с немецкого*: Ариан, Вальдман, Дымшиц, Кон, Кулишер, Ман, Маршак, Нейштадт, др.

— *с датского*: Ганзен, Займовский, Эмзина, др.

— *с итальянского*: Маршак, Френкель, др.

— *с чешского*: Аксель, Боголюбова, Габбе, Гурович, Даниэл, Шварц, Шмераль, др.

— *с болгарского*: Займовский, Эмильев, Маркова, Райт-Ковалева, Рузская, др.

— *с польского*: Арцимович, Песис, Рифтина, др.

— *с венгерского*: Гершкович, Зельдович, Левик, Шийк, др.

— *с китайского*: Ботвинник, Рудман, Эйдлин, др.

На этом краткий список переводчиков можно завершать. Все сведения взяты из советских литературных справочников 30–50-х гг. XX века. Мы перечислили основную когорту людей, причастных к созданию целого пласта литературы советского периода, — литературы, оставшейся по большей части в наследство и нашим потомкам.

В силу насаждения миллионам советских читателей видения и чувствования мира через призму классовости и марксистско-ленинской идеологии, ***РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА из-за подобного вмешательства в ее внутреннюю суть, а также из-за насильственного вмешательства в русский язык (реформа языка — одно из самых гнусных преступлений большевиков), потеряла русское звучании и русскую духовность.***

Когорта советских критиков и художников-оформителей книг также представляет свой интерес. Однако проявившие любопытство могут заглянуть в специализированные литературно-издательские справочники первой половины XX в., чтобы убедиться, что список очень длинный и имеет некоторые свои особенности.

Тот же процесс идеологизирования проходил одновременно на всех фронтах становления советского искусства и культуры: в музыке, живописи, архитектуре, в театре, кино, на радио, позже — на телевидении и т.д. и т.п. Если внимательно просмотреть черно-белые фильмы первых послереволюционных десятилетий, то отчетливо бросается в глаза гротескная уродливость представленного советскому зрителю дворянского (мещанского) русского общества, представителей которого по складывающейся традиции извращали актеры (чаще всего актерами первых советских фильмов выступали НЕ русские), изображая уродов, психопатов и дебилов, обязательно говоривших с французским, но похожим на еврейский, прононсом, — а по сути, на экране происходил гнусный большевистский шабаш. Те же приемы впоследствии были характерны фильмам, посвященным великой Отечественной войне, где роли психопатичных и дурковатых немцев (какими они никогда в реальности не были) играли также уродливые актеры. Но это все — и книги, и фильмы, — отголоски все той же «культурной революции в СССР», начавшейся еще при Н. Крупской. Право, нельзя забывать о том, что Надежда Константиновна была первым и бессменным председателем Главполитпросвета, где утверждались подобные дегенеративные ***сценарии***!

Как известно, в 1925–1926 гг. Крупская сама читала курс основ политпросветработы в Академии коммунистического воспитания в Москве. Тогда же она внедряет и направляет работу ***радио***, сама выступает в эфире и ведет большую пропагандистскую деятельность. В сфере ее интересов также — избы-читальни и ***библиотеки***, получающие только дозволенную литературу. Одно время Крупская даже редактировала созданный ею (один из многих!) журнал «Красный библиотекарь». Ее неиссякаемой энергии хватало на все и вся. Недаром бессменный директор Института красной профессуры М.Н. Покровский восхищался талантами своей вдохновительницы: «Прежде всего не все знают и ценят как следует, что Надежда Константиновна была педагогом-теоретиком задолго до революции, что в ее лице мы имеем первого педагогического «спеца» нашей партии. ...На самом деле, то, что очень многим обывателям казалось «революционным увлечением», было лишь попытками воплотить в жизнь старые, давно сложившиеся и глубоко продуманные идеи Надежды Константиновны, которые она высказывала по частям иногда в изданиях еще 1910–1911 годов»; и добавлял: «...по отношению к марксистской педагогике она является единственным основателем...».

Какой она осталась в памяти поколений? — седая голубка-воркунья с расплывшимся телом, с одышкой и слюной, стекающей изо рта. О, нет! Она — **столп, кариатида советской педагогики**; мы все, вышедшие из Страны Советов, влипли в длительность ее педагогической системы; и это удивительное, 70-летнее памятование ее научных канонов длится до сих пор!

«Задолго до революции Н. К. Крупская начала разрабатывать научно-теоретические основы, связанные с созданием новой системы народного образования и воспитания нового человека, человека-борца, строителя еще невиданного в истории человеческого общества...»; и эти сухие строки Л. Кунецкой и К. Маштаковой («Крупская». М., 1985, с. 331) на удивление правдивы. Только разгадать смысл, заложенный в эти строки, удается далеко не каждому...

* * *

— Я сделал одну ошибку, — я уничтожил некоторые из важнейших документов, относящихся к Надежде Крупской и ее деятельности. Конечно же, по заданию своего начальства.

Голос человека, повернутого ко мне спиной, прерывается; человек явно взволнован. Я не вижу его лица, не вижу каков он, но его глаза кажутся мне ярко-синими, чуть задумчивыми, омытыми влагой. Мы беседуем не в первый раз, но сейчас я знаю: человек выговорился, вот-вот он встанет, уйдет не обернувшись, и больше мы никогда не увидимся. Оттого я спешу, сбиваюсь, наполняя себя последними крупицами знаний.

— Но как я смогу закончить книгу, если не знаю еще очень и очень многого: каковы были взаимоотношения Надежды Константиновны с Бокием? ...а со Сталиным, который, как говорят, подарил ей на 70-летие торт с ядом, после чего она скончалась? ...а?

— Бред. Кто ее притравливал, так это Бокий, но организм Надежды Константиновны реагировал по-своему. Она отомстила своему врагу. Как? Так же, как и всей остальной ленинской гвардии. ...Созданная система строительства партии не представляла бы никакой силы, если бы Крупская не опиралась на опыт, проверенный не одним тысячелетием. Существующий до поры до времени ленинский состав власти делал все возможное, чтобы революции 1905 и 1917 годов сделать «русскими». А так как русские были предельно возмущены подобным ходом истории, то правительство Ленина уничтожало русских безжалостно, высекая под корень всю нацию. И это стало своего рода причиной, тем нюансом, позволившим Надежде Константиновне в середине 30-х годов убедить Иосифа Виссарионовича Сталина, что с ленинской гвардией легко и просто покончить, если ее обвинить в геноциде русского народа. Обвинить и Спецотдел Бокия, продолжавший на остальных народах страны и ос-

татках русских ставить чудовищные эксперименты, формировать дегенеративные слои общества. Сталин ухватился за эту мысль, позволявшую, в конце концов, ему самому укрепиться во власти. ...Но сложившаяся в стране ситуация уже открыла путь к дегенерации всего населения.

— Но ларец... вы же говорили о ларце от великого князя Сергея Александровича, и еще о письме, написанном им возлюбленной Надежде о невозможности встреч и тяжелом предчувствии краха Российской Империи...

— За этим ларцом и лежащими в нем документами активно охотился Бокий, но открыто забрать не решался. Ведь у Надежды Константиновны была безграничная власть. Я читал это письмо... и стихотворение, посвященное Надиньке, возможно, это был единственный поэтический опыт великого князя Сергея Александровича... очень трогательно... наверняка она сама не раз перечитывала дорогие строки, наполнявшие ее окаменевшее сердце ненавистью к окружающим. И ларец, и его содержимое, в том числе и тайный блокнот с ее записями имен египетских богов и распределением их ролей среди сотоварищей, и некоторые бумаги, подготовленные ею для функционирования структуры власти и работы Института красной профессуры, — после смерти Надежды Константиновны попали в одно из структурных подразделений Секретариата товарища Сталина, которое в то время возглавлял *X*, впоследствии — академик, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Тогда как большинство настоящих документов, относящихся и к самой Крупской, и к эпохе подготовки революции, в том числе и диплом об окончании ею Йельского университета, документ о присвоении профессорского звания в Йеле, давно находятся в Ордене. Правда, осталась одна вещь, не найденная нашей всесильной структурой — партийной разведкой, — переданный ей матерью родовой амулет, бриллиант на золотой цепочке, носимый Надеждой Константиновной до самой смерти. Остались разве что предположения... впрочем, предположения в нашей организации чаще всего оказывались правдой. В 1939 году Крупская уже ощуща-

ла, что часы ее жизни отсчитывают последние удары. Она знала и то, что у той большевистской партии, членом которой она давно состояла, сложилось правило: хоронить своих «бессмертных смертных» прямо в Кремле, где они — богоборцы — устроили свое кладбище. Большего кощунства над историей великой Руси и первопрестольной столицей нет и не было. И Надежда Константиновна, будучи одним из ведущих партийно-номенклатурных деятелей, прекрасно понимала, что ее тело сожгут, а прах вложат в Кремлевскую стену. Но она была православной, и была русской, ей казалось, что при сожжении тела ее душа будет корчиться в бушующем пламени от безумной боли. И будто затем, когда все кончится, душа, вылетевшая из обнаженного рыхлого тела и претерпевшая экзекуцию адского огня, будет замерзать в айсбергах Антарктики, останется среди холодных и страшных льдин. Так она представляла себе свою загробную жизнь, — сожжение и наказание-остывание. Она верила в это... Может, такие мысли появились еще после кремации ее матери? И не раз вспоминала слова великого князя Сергея Александровича, писавшего ей о бренности бытия. Он писал ей, что *«все мы смертны. И рано или поздно мы встретимся. Как это произойдет, я не знаю, но я хотел бы быть похороненным в нашем семейном склепе и как жаль, что по прошествии десятилетий Ты, имея на то законное право, не сможешь оказаться рядом...»* Может, оттого и не захотела быть сожженной? Единственным выходом спасения души она считала захоронение ее тела около отца, русского офицера, на чью честь и достоинство покусились большевики. Крупская умерла ранним утром 27 февраля 1939 года. Ее сожгут; ее прах вложат в стену Кремля. Но... когда тело Надежды Константиновны предавали ритуальному огню, среди тех, кто участвовал в этом процессе, была и маленькая сухонькая старушка-чухонка, которую звали то ли Хильда, то ли Хелена. Они познакомились с Крупской еще в дореволюционные времена, когда великий князь Сергей Александрович отдыхал в Териоки. Наверняка старушка присутствовала в церемониале по предсмертному распоряжению самой Надежды Константиновны...

— ...и? Да-да, говорите, только не молчите!

— Когда прах остыл, некто доверенный распорядился тихо: «Забирай». И та старушечьими руками осторожно сгребла прах в банку и так же незаметно, как и появилась, исчезла. Люди видели ее на Новодевичьем кладбище, где она посетила могилу Константина Крупского и делала над ней какие-то странные движения. Затем старушка приехала в Териоки, и такими же движениями рук осенила землю у охотничьего и гостевого домиков великого князя, где он встречался в молодые годы с миловидной Наденькой Крупской.

— ...значит, ей Надежда Константиновна передала родовой амулет... а...?

Но моего собеседника больше не было рядом, он тихо вышел, воспользовался мгновением, пока я, подойдя к окну, застыла в минутном размышлении, вглядываясь в площадного стояльца, — в монументального Ленина; в этого бронзового стражника всех бывших обкомов и горкомов партии, равно как и провинциальных привокзальных пятачков; картавого вздорщика, превращенного нравным талантом Женщины в мумифицированного фараона, уложенного в саркофаг Мавзолея; истукана, указующего ручонкой «единственно верный путь» — в дегенеративное Завтра, которое когда-нибудь обязательно станет Вчера.

Грейгъ Ольга Ивановна

КРАСНАЯ ФУРИЯ, или КАК НАДЕЖДА КРУПСКАЯ ОТОМСТИЛА ОБИДЧИКАМ

Редактор *В. Г. Манягин*
Художественный редактор *А. Р. Стариков*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
ООО «БСК»: 380-0028
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в интернет-магазине:
http://www.politkniga.ru

Подписано в печать 17.04.2008.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4831014

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Исторический триллер

Красная фурия, или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

Несмотря на множество книг, написанных о Надежде Константиновне Крупской, ни одна из них не раскрывает ее реальный образ. Искажены ее биография, ее родословная, ее внутренняя сущность, ее вклад в дело создания хомо советикус. Вовлеченная в заговор международных сил, поставивших своей целью разрушение Российской империи, она становится одной из центральных фигур дьявольской игры. Пережившая насилие в юном возрасте, а затем шантаж, Крупская со временем сама становится мстительной фурией революции.

Уникальность мозга этой гениальной женщины была воистину всесокрушающей силой, уничтожающей и карающей всех и вся. Она обыграла практически всех соратников по Компартии, но осталась для потомков в тени, словно бы непричастной ко всем чудовищным преступлениям, совершенным во имя революции.

Автор нашла для повествования парадоксальный ход: цитатами из советских источников она подтверждает многое из вышесказанного и тем самым... уличает советских авторов во лжи. Книга поможет лучше разобраться в том, что происходило в конце XIX — начале XX века, ибо эту ТАЙНУ не открывал еще никто!

ISBN 978-5-9265-0567-9
9 785926 505679 >